

Н.Г.Шаймердинова

**Древнетюркская картина
мира в текстах письменных
памятников**

учебное пособие

Астана, 2014

УДК 80/81 (075.8)

ББК 81.73

Ш 17

Рекомендовано к изданию Учёным советом
Евразийского национального университета им. Л.Гумилева

Шаймердинова Н.Г.

Рецензенты: Абишева К.М., доктор филологических наук, профессор;
Таштемханова Р.М., доктор исторических наук, профессор

Ш 17 Древнетюркская картина мира в текстах письменных памятников
Учебное пособие/ Шаймердинова Н.Г. – Астана, ЕНУ, 2014. – 261 с.

ISBN 978-601-301-106-6

В учебном пособии реконструируется модель мира и типы мышления древних тюрков. С использованием новейших подходов лингвистической тюркологии, в частности, антропоцентрического подхода, выявляются основные ценностные смыслы древних тюрков в их веровании, в понимании времени, пространства, количества, в социальных вопросах – правлении тюркских каганов, вопросах войны и мира, персонификации древнетюркских героев и этнокультурных константах. В пособии раскрывается многогранная деятельность ученых тюркологов В.В.Радлова, П.М.Мелиоранского, С.Е.Малова, А.С.Аманжолова, М.Жолдасбекова, посвятивших себя исследованиям письменных памятников.

Составной частью пособия являются транскрипция и тексты новейших переводы древнетюркских Орхонских памятников.

Пособие предназначено для студентов, магистрантов, докторантов, преподавателей, для широкого круга читателей, интересующихся проблемами древнетюркского языка, ментальности и культуры.

УДК 80/81 (075.8)

ББК 81.73

ISBN 978- 601- 301 – 106 - 6

С Шаймердинова Н., 2014

С Издательство ЕНУ им.Л.Гумилева

Содержание

Обозначения и сокращения	4
Предисловие	5
Глава 1 Знание о мире и мышлении древних тюрков	
1.1 Историческая справка.....	7
1.2 Жанровый статус рунических текстов.....	10
1.3 Древнетюркское литературное койне.....	17
1.4 Текстовые критерии Орхонских памятников.....	20
1.5 Когнитивно-дискурсивные признаки древних текстов.....	28
1.6 Методы тюркологии и когнитивный подход в изучении рунических текстов.....	40
2. Древнетюркская модель мира и типы мышлений древних тюрков.....	48
2.1 Реконструкция древнетюркской модели мира.....	48
2.2 Эмпирические знания о мире древних тюрков.....	52
2.3 Типы мышления древнетюркского сознания.....	54
2.3.1 Взаимодействие языка и мышления в онтогенезе.....	55
2.3.2 Типы мышления древних тюрков сквозь призму текстов.....	58
Глава 2 Концептуальное пространство древнетюркских текстов	64
2.1 Верование и духовные ценности древних тюрков.....	64
2.2 Репрезентация концептов универсального характера.....	70
2.2.1 Представление времени в древнетюркском сознании.....	71
2.2.2 Пространственные параметры древнетюркского мира.....	77
2.2.3 Концептуализация количественных смыслов.....	82
2.3 Древнетюркский мир в социальных концептах.....	91
2.3.1 Проблема власти. Каганы и народ. Феномен Тоньюкука.....	91
2.3.2 «Свой» или «чужой»: походы и сражения древних тюрков.....	101
2.3.3 Фреймовые сценарии подвигов Кюль-тегина.....	112
2.4 Проявление невербального мышления в этнокультуре.....	118
Глава 3 Роль прецедентной личности в изучении древнетюркских текстов	128
3.1 Прецедентная личность в контексте прецедентного феномена.....	128
3.2 В.В.Радлов в познании древнетюркского мира.....	134
3.3 Прецедентная личность П.М. Мелиоранского в раскрытии древнетюркского сознания.....	150
3.4 Языковое сознание и академизм С.Е. Малова.....	168
3.5 А.С. Аманжолов в мире памятников древностей.....	182
3.6 Прецедентная личность М. Жолдасбекова: параллельные миры.....	187
Библиография	196
Транскрипции и переводы текстов памятников	207

Обозначения и сокращения

Индексы памятников, принятые в тюркологии

1. БКб - памятник Бильге-кагану (большая надпись)

БКм - памятник Бильге-кагану (малая надпись)

КТб - памятник Кюль-тегину (большая надпись)

КТм. - памятник Кюль-тегину (малая надпись)

Тон. - памятник Тоньюкуку

КЧ. - памятник Кули-чору

2. Обозначения индексов из новейшего Атласа Орхонских памятников М. Жолдасбекова и др.

БК. I, II, III, IV, V - памятник Бильге-кагану

КТ. I, II, III, IV, V - памятник Кюль-тегину

Туй. I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII - памятник Тоньюкуку

КЧ. I, II, III - памятник Кули-чору

Оа - Онгинский памятник

Предисловие

Духовные и социальные катаклизмы современности, глобальные изменения, происходящие в общественном сознании и жизни, требуют осмысления своих истоков, истории, культуры, языка, обращения к великим творениям древних цивилизации, к числу которых принадлежат древнетюркские орхонские памятники. В рамках этих тенденций новое освещение, новые научные интерпретации, новые подходы используются и для изучения самих этих памятников. К таким новым подходам в лингвистике следует отнести когнитивно-семантический анализ, осуществляемый в пособии, для получения многообразных знаний о древнетюркском мире. Эти знания весьма важны и актуальны для обучения и воспитания тюркологов, лингвистов нового поколения в процессе вхождения Казахстана в мировое образовательное пространство.

Древнетюркские орхонские тексты в пособии рассматриваются в двух аспектах – с позиции формальной и когнитивно-дискурсивной текстологии. В аспекте формальной текстологии анализу подвергаются внешние когерентные и внутренние когезийные связи, последние из них представляются в текстах в языковых семантических, лексических, грамматических связях, а также в неязыковых - формально-структурных и логических.

В когнитивно-дискурсивном аспекте для орхонских текстов наиболее релеванты признаки интенциональности, референциональности, дискурсивности и информативности, каждый из этих признаков обосновывается посредством анализа фактологического материала памятников.

Дискурсивный анализ текстов позволяет выявить информацию, содержащуюся в картине мира древних тюрков. Картина мира – это образное представление о мире, возникающее в сознании человека на основе кодирования предметов окружающей действительности, и это представление фиксируется в так называемых моделирующих системах в языке как первичной системе, в мифах, фольклоре, поэзии, прозе, кино, живописи и архитектуре как вторичных системах.

Картина мира древних тюрков устанавливается через ресурсы древнетюркского языка, в частности, на базе регулярно повторяющихся бинарных и небинарных языковых единиц реконструируется древнетюркская модель мира, выстраиваются основные ценностные смыслы древнетюркского социума.

Картина мира тюрков раскрывается также сквозь призму различных типов мышления, характеризующихся на основании прототипического развития речемыслительной деятельности человека в онтогенезе и филогенезе, а также на основании семантического анализа различных языковых единиц текстов. В эмпирически обусловленном сознании древних

тюрков существуют формы невербального и вербального мышления, последний из которых представляется в виде реализации типов конкретно-предметного, образно-метафорического, вербально-логического мышления. Древнетюркские традиции, обычаи, обряды (обряд инициации, постановка балбалов, ритуалы захоронений) раскрываются как формы «превращенного сознания» или формы невербального мышления.

Ценностные смыслы, или составляющие древнетюркской модели, выражаются в представлениях древних тюрков о времени, пространстве, количестве, в их поклонении верховным божествам Тенгри и Умай, в их понимании социальных вопросов, к которым относятся проблема власти – правление тюркских каганов, и взаимоотношения каганов с народом, героизация отдельно взятой личности, являющейся символом патриотизма (Кюль-тегин, Кули-чор), вопросы войны и мира, выразившиеся в оппозиции «свои» и «чужие».

Для изучения орхонских текстов важным в пособии является разработка модели прецедентной личности и использования этой модели для раскрытия деятельности ученых тюркологов (В.В. Радлова, П.М. Мелиоранского, С.Е. Малова, М. Жолдасбекова, А.С. Аманжолова), их таланта и способностей, языковой интуиции, позволивших создать уникальные работы по интерпретации, исследованию древнетюркских письменностей. Таким образом, объект исследования, т.е. тексты памятников, и субъекты – ученые, изучавшие эти памятники, освещаются в едином пространстве научного анализа.

В структурном плане учебное пособие состоит из трех глав, в которых излагается основное содержание, и хрестоматийной части, в которой даются фрагменты из раритетных переводов В.В. Радлова, П.М. Мелиоранского, С.Е. Малова, в приложении приводится полный текст перевода из новейшего Атласа Орхонских памятников, осуществленного М.Жолдасбековым, Н.Шаймердиновой.

Глава 1 ЗНАНИЯ О МИРЕ И МЫШЛЕНИИ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ

1.1 Историческая справка

Древнетюркские орхонские памятники относятся к памятникам раннего средневековья (УП-УШ вв. н.э.). Они исследовались на протяжении длительного времени учёными Запада и Востока - археологами, историками, этнографами, тюркологами, лингвистами. Изучение этих памятников связано с именами таких выдающихся учёных, как В. Томсен, В. Радлов, А. Гейкель, П. Мелиоранский, В. Бартольдт, В. Банг, А. Лекок, В. Котвич, Ю. Немет Ф. Хирт, Г. Рамstedт, Дж. Клосон, Х. Оркун, С. Малов, Л. Гумилёв, Л. Кызласов, С. Кляшторный, И. Кызласов, Т. Текин, Г. Айдаров, А.М. Щербак, А. Аманжолов, М.Жолдасбеков.

В настоящее время установлено более трехсот памятников, написанных рунической графикой. Они «образуя многоярусную сферу» (А.М.Щербак), широко распространены на огромной территории Евразийского континента: Орхонские памятники в Монголии, Южно-Сибирские и Таласские памятники, Алтайские надписи и памятники Восточного Туркестана, рунообразные надписи Венгрии, Румынии, Болгарии и европейской части России. Только на территории Казахстана (центральной, восточной и южной районах) обнаружено более тридцати рунических памятников.

Вся история открытий этих памятников укладывается в небольшой отрезок времени, но зато дает мощный импульс для развития исторических, археологических, тюркологических исследований.

Странные надписи на памятниках Минусинской долины обнаружил ещё в XVIII в. Д.Г.Мессершмидт, немецкий исследователь, приглашенный в Россию Петром I и отправленный указом царя в Сибирь "для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей". Д.Г.Мессершмидт в 1721 г. на северном берегу реки Уйбат нашел два памятника "в виде венгерской сабли", позже названные "Уйбатскими памятниками с руническими письменами". Это были первые рунические памятники, написанные енисейской графикой. Загадочные знаки назвал руническими Ф.И. Страленберг (Табберт), пленный шведский офицер, который был прикреплен к экспедиции Д.Г.Мессершмидт. Однако в то время ключ к дешировке рунических надписей еще был не найден.

Спустя через более сотни лет Н.М. Ядринцев (в 1889г.) в урочище Кошо-Цайдам году, что находится примерно в 400 км западнее Улан-батора, обнаружил стелы памятников Кюль-тегина и Бильге-кагана. В 1890 г. памятники были обследованы финской экспедицией во главе с А. Гейкелем, а 1891 году – экспедицией В.В. Радлова. В этой экспедиции недалеко от Кошо-Цайдама Н.М. Ядринцев находит новый памятник Онгинскую

надпись. В 1893 В. Томсен делает первую дешифровку текста Кюль-тегин и докладывает об этом на заседании Датской королевской академии. Дешифровка В.Томсена имела огромное научное значение, так как открывала возможность вхождения в круг важнейших источников истории Центральной Азии большого количества оригинальных текстов самого раннеобразного содержания (Щербак, 2001, с.4).

В.В. Радлов в 1894 году сделал первый перевод рунического текста и в течение 1894 -1896, учитывая критические замечания В.Томсена, несколько раз перерабатывает свой перевод.

И далее: в 1897 году Е.Н. Клеменц находит на берегу реки Толы памятник Тоньюкука, Г.И. Рамстедт - памятник Моюн-чору, в 1909 году он же обнаруживает Суджинскую надпись в северной Монголии, а в 1912 году польский ученый В. Котвич в местечке Ихе-Хушоту, в 200 км от Улан – Батора находит стелу в честь Кули-чора.

По результатам многочисленных открытий публикуются предварительные отчеты и статьи, издаются атласы и фундаментальные труды, создаются тюркологические центры.

Официально признанным центром тюркологии считается Санкт-Петербург, в котором была скоцентрирована научная деятельность крупных востоковедов В.В. Радлова, П.М. Мелиоранского, Н.И. Веселовского, В.В. Бартольда, В.П. Васильева, В.Р. Розена, Ф.Е. Корша. С ними сотрудничали французские, немецкие, китайские учёные, исследовавшие иероглифические тексты памятников Кюль-тегина, Бильге-кагана.

Другим центром изучения руники был финно-угорский центр (А. Гейкель и другие), опубликовавший материалы финских археологических экспедиций в Сибирь и Среднюю Азию. «В изданиях «финно-угорского общества» опубликованы и важнейшие тюркологические труды В. Томсена» (Кляшторный, 1964,с.7).

В это же время В. Банг открывает особую систему сочетания единиц и десятков в числительных этих надписей, Г. Вамбери и П.М. Мелиоранский изучают язык и семантику «турецких рун»; большую историографическую работу проводит В.В. Бартольд, особая его заслуга которого заключалась в том, что он впервые дал историко-культурную интерпретацию древнетюркских письменностей.

Исследование Орхонских рунических памятников не отличалось строгой последовательностью. В начале XX века наблюдается определённый спад в рунических изысканиях, напротив, 30-40-ые годы характеризуются как новый этап исследования орхоно-енисейских памятников, ибо изучение истории кочевых племён, их общественно-социальных институтов (А.Н. Бернштам) сочетается с анализом древнетюркских языков, созданием исторической грамматики тюркских языков (Х.Н. Оркун). 50-60-ые годы отмечены созданием нового перевода и толкований древнетюркских текстов (С.Е. Малов), организацией совместных археологических экспедиций

(чешско-советская, монгольские), появлением трудов Л.Н. Гумилёва, С.Г. Кляшторного и других учёных.

Осмысление истории Великого тюркского каганата (Восточного и Западного) и понимание исторической роли тюрков в развитии древней цивилизации нашло отражение в исследованиях Л.Н.Гумилева. Л.Н. Гумилёв считал, что на рубеже VП –VШ вв. существовала мощная тюркская империя, с которой должны были считаться и Запад, и Восток – Византия и Китай, Арабский халифат и Согда, Персия и Индия. Отмечая значимость культурного ренессанса тюрков для мировой цивилизации, Л.Гумилев утверждал, тюрки не только играли роль посредников, но и одновременно развивали собственную культуру, которую они считали возможной противопоставить культуре Китая, и Ирана, и Византии, и Индии. Эта особенная степная культура имела древние традиции и глубокие корни, но известна нам в значительно меньшей степени, чем культура осёдлых стран (Л. Гумилев, 1993, с. 5).

На рубеже XX и XXI веков для изучения орхонских памятников используются новые методологии и новые данные исторической, археологической, филологических наук, в силу чего чтение, толкование, перевод, происхождение рунического письма приобретает новое осмысление. К числу таких работ относится «Тюркская руника» А.М. Щербака, в которой рассматриваются вопросы происхождения руники, границы ее распространения и особенности использования (Тюркская руника.– СПб., 2001). А.М. Щербак, определяя тюркскую рунику как алфавитное письмо, отмечая его самобытность и оригинальность, признаёт, что тюркская руника находится в одном ряду с алфавитами семитского типа, арабским, еврейским, и ближе всего к согдийскому алфавиту, в котором также имеют место случаи отсутствия обозначения гласных (Щербак, 2001, с. 103).

Новые методологии в анализе древнетюркской проблематики использованы в коллективном труде ученых Института языкознания Российской Академии наук под руководством Э.Р. Тенишева (серия книг сравнительно-исторической грамматики тюркских языков, издаваемая с 1984 года). Пять томов этой серии посвящены исследованию разделов языковой системы древнетюркского языка, реконструкции прасостояний отдельных тюркских групп с учетом диалектного материала. В последнем томе сравнительной грамматики на основании грамматических и лексических данных, в том числе данных Орхонских текстов, реконструирована в общих чертах языковая картина мира пратюрка. И как пишут сами авторы (И.Г. Добродомов, К.М. Мусаев, А.В. Дыбо, И.В. Кормушин и др), изучение картины мира «опыт совершенно новый в сравнительно-историческом языкознании, представляющий значительный методологический интерес» (Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков, 2006, с.3).

В новейшем Атласе Орхонских памятников под руководством М.Жолдасбекова обобщены исследования многих ученых, занимавшихся

изучением различных проблем Орхонских памятников, изложены результаты деятельности многих орхонских экспедиций (финской, российской XIX века монголо-чешской, монголо-турецкой, монголо-советской, экспедиций казахстанских ученых). Кроме того, авторы Атласа дают новую интерпретацию древнетюркской графики, свой вариант чтения камнеписных текстов, их перевод и толкование. Целостность характеристики дополняется историко-культурными и археологическими описаниями каждого памятника (Жолдасбеков и др., 2006, 8).

Несмотря на имеющиеся многоаспектные исследования Орхонских текстов, в том числе и лингвистические (П.М. Мелиоранский, Н.А. Баскаков, И.А. Батманов, И.В. Кормушин, А.М. Щербак, Г. Айдаров, А.С. Аманжолов, Э.Р. Тенишев, А. Курышжанов и др.), многие явления древнетюркской языковой системы до сих пор не получили достаточного освещения.

Наиболее сложной и малоизученной остается её семантическая сторона, как и семантическое пространство самих памятников. Явная неравномерность в исследовании текстов поддерживается сложившейся в тюркологии объективистской традицией, когда обращения к семантике носят случайный характер, тогда как тенденции развития современной науки требуют её системного изучения. В пособии дается системный семантический анализ текстов, выявляется концептуальная картина мира древних тюрков, репрезентированная в текстах памятников Кюль-тегин, Бильге-каган, Тоньюкук, Кули-чор.

1.2 Жанровый статус рунических текстов.

Ареал распространения древнетюркских рунических памятников охватывает обширную территорию в Южной Сибири, Саяно-Алтайском нагорье, в Монголии, в Казахстане и Средней Азии, в Восточной Европе и Северном Кавказе. Как правило, рунические памятники концентрируются в развитых культурно-политических центрах древнетюркских государств и народов и по размеру в основном представляют небольшие надписи, или высказывания, оставленные на камнях, валунах, на скальных плитах или предметах материальной культуры, выполненных самим человеком: стелах, сосудах, бронзовых зеркалах, половниках, подвесных печатях, палочках, браслетах и т.д.

Все рунические написания, различающиеся графикой начертания (енисейские, таласские, орхонские), по жанру следует отнести к текстам различного типа: *текстам-высказываниям, иногда минимизированным до одного слова, фразы; текстам – сообщениям; эпитафийным текстам и текстам повествованиям типа Орхонских памятников.*

1.Тексты-высказывания содержат многие рунические енисейские, восточноевропейские, среднеазиатские памятники, а также новейшие рунические открытия.

- Так, Таласская руническая надпись с изображением горного козла и снежных барсов переводится А.С. Аманжоловым словом: **asir ya**, «Корми» (А.Аманжолов, 2003, с.94). Также на двух других Таласских рунических памятниках начертаны краткие выражения: **sözüm**, «Слово мое» (на подвесной печати); **albay**, «Албау», в значении «утешение, забава, развлечение» (на половинке черного каменного диска) (А.Аманжолов, 2003, с.94).
- В надписи на плоской стеле в долине реки Ташебы в Хакасии содержится изречение: **äratïmanaratač kunelimata yïbaraltum** «Мое имя мужа-воина – Анар Атач. Прозвище моего народа «имеющее золото»» (И.Кормушин, 1997, с.128).
- На руническом памятнике, обнаруженном в 1985 году археологом А.Е. Рогожинским в Восточном Казахстане, в урочище Койтубек и прочитанном И.Л.Кызласовым, начертано выражение: O□□□□□□□□□□, us(i)kl(i)g { ä } (a)jurtim, «Я велел изъясняться письменно» (И.Кызласов, с.65).

Несмотря на краткость этих и подобных изречений, мы характеризуем их как тексты. Во-первых, в современных характеристиках текста пишется, что «текст может ограничиваться словом, словосочетанием, предложением, если они представляют целостную, самодостаточную информацию, ситуативно обеспечивающую понимание ее адресатом: *Не курить! Stop. Берегите лес!* и т.п. (Е. Селиванова, 2004, с.27). В рамках такого определения текста, краткие рунические изречения, действительно, содержат ситуативно обусловленную цельную законченную информацию. Во-вторых, эта информация дает возможность определять ценностные смыслы и картину мира и жизни древних тюрков, запечатленных в этих высказываниях.

В отмеченной выше рунической надписи **asir ya** («Корми») запечатлена сцена охоты с ручными барсами на горного козла. Как пишет А.С.Аманжолов со ссылкой на П.И. Мариковского, охота с ручными барсами на горных козлов издавна применялась на Тянь-Шане (А.Аманжолов, 2003, с.94). Тем самым вырисовывается особенность жизни людей, проживавших на Тянь-Шане, которые, помимо других животных и птиц, умели приручать хищных диких барсов для охоты, для пропитания своей общины. Кроме того, семантически анализ также показывает, что в глаголе **asir ya** содержится императивно повелительный смысл, направленный на субъектов (людей, барсов), осуществляющих охоту и призывающий к активности их действий. **Sözüm** («Слово мое») выражение, запечатлено на подвесной печати, является символом власти правителя данной местности, надпись дает информацию о формах и средствах управления древнетюркским социумом.

В вышеуказанной надписи Хакасии («Мое имя мужа-воина – Анар Атач. Прозвище моего народа «имеющее золото») ценным является не столько упоминание имени древнетюркского воина, сколько сведения о том, что он является представителем племени, который владеет золотом, металлом во все времена и эпохи являющийся и символом достатка, богатства.

Койтубекская надпись *us(i)kl(i)g { ä } (a)jurtim*, «Я велел изъясняться письменно» (И. Кызласов) также содержит важную информацию о широкой распространенности рунического письма в Евразийском ареале. Вопреки некоторым утверждениям в тюркологической науке, что руническую графику могли знать только избранные, отдельные люди, эта надпись, как и другие подобные тексты, являются свидетельством достаточной грамотности населения, так как субъект действия в данном тексте хорошо осведомлен об образованности и грамотности адресата, поэтому просит оповещать его в письменной форме. В лексическом значении глагола «велел» содержится повеление, приказ человека, наделенного властью; слово «изъясняться» предполагает - рассказать, точнее, описать какое-то происшедшее событие.

2. Тексты – сообщения. Большинство рунических текстов, небольших по объему, содержат фактологическую информацию чаще, всего связанную с войнами-походами, описанием побед или неудач, характеристикой их участников, о чем свидетельствует типичный енисейский рунический текст, в местечке Кызыл-Чарая:

(1) *bodunim- a : o yim – a : jotuzim – a*

(2) *adirlitim : säcläntim: jita buja*

(2a) *adirlitim*

(3) *är ärdämim ücün süg är bäg čor birlä*

(4) *qop malı ücün bir ärig oq birlä äsinim*

(5) *äcim qanım iki ilig jaši äsizam – ä*

(1) *О, мой народ, о, мои сыновья, о, мои жены, -*

(2) *Я разлучился, я расстался (с вами), как грустно, как печально, -*

(2a) *Я разлучился!*

(3) *Ради моей доблести мужа-воина [я сразился] с целым войском Бег-чора*

(4) *Ради всего имущества [я не поразил] стрелой ни одного мужа-воина (врага), - о ...*

(5) *Возраст моего хана – моего старшего брата [был] сорок два (пятьдесят два - ?) года, - как жаль мне (И. Кормушин, 1997, с.200).*

Небольшие рунические тексты-сообщения содержат ту или иную информацию о древнетюркской действительности. Например, на таласской надписи на валуне T10 (АЙРТАМ - ОЙ) дается характеристика молодого воина из знатного рода. Ключевыми словами этой характеристики являются имя воина, его знатные родственные связи (племянник, внук), имя отца, его

умение дружить, его доблестные подвиги, потому что его имя известно врагам:

(1) *Сю-Чур – его родовое имя.*

(2) *Высокородный племянник, внук (для) знатного, ханского рода (по материнской линии)*

(3) *Верный друг тридцати огланов.*

(4) *Вражеское (на войне) имя – Кыйаган.*

(5) *Имя его отца – Отюг*(А. Аманжолов, 2003, с.92).

В другом тексте из енисейских памятников запечатлена обыденная мирная жизнь тюрков вне сражений и походов:

(1) *Увы, мой племенной союз, увы, моя госпожа в покоях!*

(2) *Я, Огюне Тутук, ради геройской (воинской) доблести служил моему племенному союзу.*

(3) *В племенном союзе мои люди, мои одногорбые верблюды, четвероногие, мои отец.*

(4) *У меня нет печали*(А. Аманжолов, 2003, с.131).

Информационное семантическое поле текста рисует мирный семейный очаг: очаг, тюркского воина, который доблестно служил своему народу в военных походах, и теперь его окружают жена, отец, домашнее хозяйство (верблюды и другие четвероногие животные).

3. Тексты-эпитафии. В тюркологической науке принято рунические надписи называть эпитафийными текстами. *Эпитафия* от греческого «*epitafios*» означает *надгробный* – «*надгробная, надмогильная надпись, преимущественно стихотворная*» (МАС, 1984, Т. 4, с.764). Действительно, многие енисейские, орхонские, среднеазиатские, восточноевропейские надписи начертаны на могильных камнях и стелах и служат как памятник, воздаяние должного за воинскую доблесть, служение своим близким, своему народу, проиллюстрируем сказанное примерами:

1. Эпитафийный текст запечатлен настеле из Хакасии, в местечке Чарков, в правобережной части реки Уйбат (в Минусинском музее инв.№ 7):

(1) *on niäsi toquz oŷli bar üčün*

(2) *čab šatun (čabiš ton -) targan bāñüsi tikä bārtim*

(3) *ärdäm üčün to ŷa bärmiš - ä*

(4) *ärdämin üčün ilindä qara qanda baripan*

(5) *jalabač baripankälmädiñizbägimä*

(1) *Во имя его десяти жен и девяти сыновей,*

(2) *Я водрузил этот вечный (памятник) Чаб Шатун – тархану (Чабыш Тон-тархану).*

(3) *Он родился ради (утверждения своей) доблести.*

(4) *Во имя своей доблести отправившись из своего государства к Карахану,*

(5) *Отправившись послом, Вы не вернулись мой бек!*(И.Кормушин, 1997, с.94-95).

Эпитафия посвящена доблестному тархану, который верно служил своему государству и погиб во имя его интересов. Основные ключевые понятия текста эксплицируют картину мира тюрков, картину сложившихся событий в данном тексте:

- человек из знатного рода («тархан», «бек»);
- семьянин («десять жен и девять детей»), видимо, многоженство в древнетюркском обществе вполне естественное явление;
- бесстрашный воин (слово «доблести» употребляется дважды), следовательно, тархан действительно мужественный человек;
- наличие государственности у народа («отправившись из своего государства»);
- тархан не только воин, но еще является носителем государственных символов («отправившись послом»), что также свидетельствует о установлении этого государства внешних сношений с другими народами;
- гибель во имя интересов своего народа («Вы не вернулись, мой бек»);
- увековечивание памяти погибшего («водрузили памятник»);
- выражение личной симпатии автора текста к погибшему тархану («мой бек»).

2. Енисейские эпитафии, как правило, являются, не большими по размеру:

(1) *törto ʏlumbuŗıçü bāņkümin (tikti)*

(2) *külügarabān*

(1) *Так как у меня было четыре сына, (они поставили) мой памятник.*

(2) *Я – Кюлюг Ана* (А.Аманжолов, 2003, с.124).

3. Типичный эпитафийный текст выбит на могильных памятниках реки Уйбат, Е -31 (Уйбат II)

(1) *uz bigä çañşı*

(1 a) *uz t...*

(2) *...in ücün alpın ücün ärdämin ücün tikä bārtim*

(3) *... tikdi tort buluņa tü...*

(4) *... ndäüç gata tägzinti ilindä qara qanda barıpan*

(5) *... ta äsiz är iki o ʏlın birlä olti*

(1) *[Это – памятник] Уз Бильге Чангшы*

(1 a) *Уз...*

(2) *... во имя его героизма, во имя его доблести*

(3) *... водрузили [этот памятник]. На все четыре стороны света...*

(4) *... из своего [государства] он трижды уходил (в дальние походы) и возвращался*

(5) *... жаль, воин-муж погиб со своими двумя сыновьями* (Кормушин, 1997, с.99).

Древнетюркские орхонские памятники также относятся к эпитафийным текстам, поскольку тексты выбиты на поминальных стелах. Вместе с тем орхонские памятники, в отличие от других эпитафийных руинических памятников, большие по объему. Орхонские тексты имеют повествовательный характер, фабула текстов сконцентрирована на правлении тюркских каганов, на походах и войнах, но все события излагаются с целью воздействия на читателя и слушателя, т.е. по своему характеру древнетюркские тексты, наряду с эпитафийностью, являются текстами - убеждений, текстами-воззваний, текстами-обращений. Как отмечает И.В.Кормушин, памятники каганам Бумын, Истеми, Кутлук, Капаган, Бильге, а также воинам-героям Кюль-тегину, Кули-чору являются «этико-политическими прокламациями», изложением доброго слова в честь памяти тюркских выдающихся личностей.

Эти воззвания и обращения нацелены, и к правящему классу – бекам-князьям, военачальникам, чтобы убедить их в законности власти каганов, и к народу для соблюдения должного подчинения, должного порядка.

Обращение к адресату: к слушающему (беки, военачальники, народ), к читающему (потомки) является стержневой нитью текстов Кюль-тегин, Бильге-каган. Так называемая малая надпись памятника Кюль-тегин начинается с речи-призыва кагана: *«Речь мою до конца выслушайте (вы), идущие за мной мои младшие родичи огланы, (вы) мои приверженцы челядинцы (или соплеменники) и мой народ; (вы стоящие) справа шадапыт-беги, (вы стоящие) слева таркат-буюрук-беги, (вы) тридцать ...»* [Мелиоранский, КТм. 1]. В следующей строфе речевой призыв усиливается адвербальными конструкциями: *«Эту речь мою хорошенько слушайте и крепко ей внимайте!»* [Мелиоранский, КТм. 2].

В текстах памятников Кюль-тегин, Бильге-каган, Тонь-юкук речи каганов строятся как акт воздействия на слушателя. Их императивная форма содержит приказ, повеление, побуждение к вниманию и действию «слушайте», «объединяйтесь», «покайся»:

1. *«Объединяйтесь! Тюркский народ, покайся»* [Жолдасбеков и др. КТ. I. 22].

2. *Вы, тюркские, огузские беки, народ, слушайте! Если бы Тенгри сверху не давил тебя, и земля внизу не разверзлась под тобой, тюркский народ, кто погубит твое государство, твою власть? Объединились бы!* [Жолдасбеков и др. БК. I. 18-19].

3. *Разве есть неправда в этой моей речи? О, тюркские беки и народ, слушайте меня! Как, и в тюркский народ, создал государство, здесь высек. Как, заблуждаясь, вы распадаетесь, - тоже вырезал на этом камне. Всё, что я хотел сказать, вырезал на этом вечном камне.* [Жолдасбеков и др. БК. IV. 8].

Речевая деятельность персонажей древнетюркских памятников выходит за пределы лингвистических знаний и имеет когнитивный характер, поскольку направлена на фиксацию эмпирического опыта людей определенной исторической эпохи, познание и осмысления ими окружающего мира, т.е. имеет выход в ментально-психическую область человеческой деятельности, в мир его мыслей, психического состояния и намерений. Когнитивный характер «говорящих текстов» позволяет определить древнетюркские памятники с позиции **дискурса, или когнитивной-дискурсивной модели** (П.Серио, Е.С.Кубрякова, М.Л.Макаров, Л.О.Чернейко, Ю.Е.Прохоров, Н.Г.Шаймердинова). Речевая деятельность в дискурсе раскрывает ментальное пространство человека, его интенции желания. Так, Бильге-каган в своей речи утверждает, что его рождение и правление предопределено свыше, божественными силами: *«Родом от Тенгри, рожденный по милости Тенгри, я, Тюрк Бильге- каган, нынче сел на престол. Речь мою полностью выслушайте [Вы], идущие за мной мои младшие братья, потомки, и [вы], народы подвластные мне; [вы] справа - шады, апа, беки, [вы] слева- тарханы и военачальники...»*[Жолдасбеков и др.; КТ IV.1].

Мысли кагана Капаган-кагана направлены на укрепление главной идеологии древнетюркского государства верховных божеств, поэтому он призывает тюркских беков и народ к почитанию и поклонению этих божеств во имя сохранения государства и власти: *«О! Вы, тюркские, огузские беки, народ, слушайте! Если Тенгри сверху не давило тебя, и земля внизу не разверзлась под тобой, тюркский народ, кто погубит твое государство, твою власть! ...»*[Жолдасбеков и др.; КТ.I. 22].

В описании Кюль-тегина как бесстрашного и мужественного воина дискурс автора Йолык-тегина строится на понимании: *«Мощь его атак, тюркские беки, хорошо знает. То войско мы там разбили. После этого Улу-Иркин из Иер-Байырку стал нам врагом...»*[Жолдасбеков и др.; КТ.I. 34].

Памятник Тоньюкук, насыщенный внутренней речью Тоньюкука, его разговорами с самим собой, дискурсивный потенциал текста выражается в полной мере (см. 2 главу, раздел «Тоньюкук»): *«Тюркешский каган так сказал: Мой народ пойдет. Тюркский народ в смутах, огузы же находятся в рассеянии. Услышав эти слова, ночью я не спал, днем не находил покоя. Тогда я думал: было бы правильно выступить против кыргызов»*[Жолдасбеков и др.; Туй.Ш. 21-23].

Таким образом, по своему жанру древнетюркские орхонские тексты относятся к эпитафийным повествовательным текстам, характеризуются как тесты обращения, как тексты воззвания с целью воздействовать на слушателя и читателя. Речевая деятельность текстов наряду с лингвистическими

факторами имеет когнитивно-дискурсивный характер, несущий информацию о мире и мышлении древних тюрков.

1.3 Древнетюркское литературный койне

Важной особенностью рунических текстов является их эмоциональная насыщенность, художественность, образность, что ярко проявляется в системе древнетюркского языка. Некоторые тюркологи характеризуют древнетюркский язык как некую диалект либо огузский, либо уйгурский, либо турфанский. В.В.Радлов отмечал, что древнетюркский язык состоит из трех диалектов: наречия северных тюрков-сиров, говор южных тюрков-уйгуров и смешанный севрею-южный диалект (цитируется по Жолдасбекову, 2006, с. 15). Принимая во внимание подобные высказывания, следует отметить, что язык рунических памятников довольно сложно отнести к говору или к какому-либо диалекту, либо к народному языку, ибо все факты говорят о том, что рунические тексты написаны грамотным письменным слогом. В древнетюркском государстве было немало грамотных, образованных людей, к числу которых следует отнести летописцев, авторов письменных памятников. На одной из найденных впервые Д.Г. Мессершмидтом рунических енисейских памятников, на спине каменного изваяния указан автор текста, его имя, его племя, а главное информация о том, что он летописец:

Я – ичрек Кара-хана...

Я – от (племени) ябаку...

Я – тюркгеиш. Я – летописец. Год обезьяны (Кормушин, 1997, с.127). В одной из последних публикаций С.Г.Кляшторный отмечает, что древнетюркские орхонские тексты принадлежат к перу древнетюркского писателя Йоллык-тегина (Кляшторный, 2011, с. 20), что подтверждается и концовкой текста памятника Кюль-тегин:

«Весь письменный текст написал я, Йоллык-тегин, наставник Кюль-тегина. Двадцать дней на этом камне, на этом сооружении осмысленно вырезал я, Йоллык-тегин» [Жолдасбеков и др.; КТ.І.41].

Отсюда напрашивается вывод рунические тексты писались грамотными людьми и язык этих памятников относится к литературному стилю. Поэтому в современной тюркологии древнетюркский язык определяется как «общий письменный литературный язык древнетюркского общества», «рунический литературный язык», «стандартный язык официального повествования», «тюркское руническое койне», «эпитафийные надписи на камнях» (А.Н. Бернштам, Л. Р. Кызласов, С.Е. Малов, И.В. Кормушин, Э.Р. Тенишев, Л.И. Кызласов). О признаках литературности языка рунических памятников пишет Эдхям Рахимович Тенишев: *«... есть основания полагать, что тюркоязычными племенами задолго до употребления рунического письма был выработан свой вариант обобщенной речи, стоящий над диалектами, которым могли*

пользоваться в устно-поэтической практике, во время публичных выступлений и обрядовых действий» (Э.Тенишев, 2006, с.178). С появлением у тюрков рунического письма устное койне оформилось в стройную литературную норму, получившую общественное признание и распространение в древнетюркском государстве. Как пишет Э. Тенишев, в VII- VIII языком рунических надписей как единым литературным стандартом пользовались различные тюркские племена или союзы племен – огузы, уйгуры, кипчаки и др. Каждое племя имело, разумеется, свой народно-разговорный язык для повседневного общения: у огузов и кипчаков это были j-языки (aĵag, goj-), у уйгуров d-язык (adag, god), у киргизов – z-язык (azag, goz) (Э.Тенишев, 2006, с.179).

Литературную стандартность языка енисейских, орхонских, турфанских и других рунических памятников доказывают несколько факторов, к числу которых относятся стилистическое своеобразие, использование высокой лексики, высокая пафосность и тональность текстов, особенно ярко проявившихся в переводах И.В.Кормушина, С.Е.Малова, А.С.Аманжолова. В текстах памятниках часто используются, присущие литературному языку:

- **ораторские формулы:** *«...Став каганом, я поднял неимуций, бедный мой народ. Бедный народ сделал богатым, малочисленный народ сделал многочисленным. Разве есть неправда в этой моей речи?»*[Жолдасбеков и др.; БК.IV.7-8].

- **обращения:***« О, тюркские беки и народ, слушайте меня! Как, объединив тюркский народ, создал государство, здесь высек. Как заблуждаясь, вы распадаетесь, тоже вырезал на этом камне....* [Жолдасбеков и др.; БК.IV.8].

- **риторические вопросы:** *«Был народ, у которого было государство. Где государство это теперь? Был народ, у которого был собственный каган. Где мой каган? Какому кагану отдаю я (мои) труды и силы?»*[Жолдасбеков и др, КТ.I.9]. ИЛИ: *«Откуда пришли вооруженные люди и рассеяли тебя?»*«*Откуда пришли копыеносцы и увлекли тебя?»*.

Язык орхонских надписей отличается особой стилизацией, которую обобщенно можно представить как :

- повторяемость слов и выражений в особой рифмованной тональности (*«имевших колени заставил преклонить колени, имевших головы заставил склонить головы»*, *«вперед – на восток, назад – запад; справа, в стране полуденной, слева, в стране полуночной»*, *«истинно мудрые люди, истинно мужественные люди не поддавались обману»*). Частотность рифмо-поэтической тональности текстов позволяет некоторым исследователям толковать их как поэзию древних тюрков (И.В.Стеблева, М.Жолдасбеков).

- Тексты памятников насыщены эмоционально-эстетическими структурами в виде художественных троп метафор, гипербол, сравнений, эпитетов, которые, с одной стороны, раскрывают эмоционально-образный

характер мышления древних тюрков, с другой – демонстрируют богатство, красочность, высокую художественность древнетюркского языка: «*Войско тюркешского кагана в Болчу пришло, как огонь и буря*. «*Кровь твоя бежала (лилась) рекой, твои кости лежали как горы*. «*На другой день они пришли, пламеня, как пожар*», «*...Я проливал свою красную кровь, стекал (лился) мой чёрный пот*» (Орхонские тексты).

Эмоциональном построением текста, художественными тропами насыщены енисейские и другие рунические тексты: «*Золотой колчан, мой – я разлучился с тобой*. «*Печаль из печалей – вы отделились [от нас], о горе*». «*ВЫ, Тириг-бек [были] словно клыкастый вепрь*». «*Жаль, моя земля, моя священная земля, - о жаль! Жаль, мое государство, мой хан, солнце и луна, о жаль! Моя... земля*» (Енисейские тексты).

«*Моя маленькая жена осталась вдовой, мой сын полненький малыш*». «*У родственников расстройство желудка от глубоких переживаний, как у лошадей и волов*. «*Развей мою печаль*». «*Кара-Чур – меткий стрелок (по прозвищу) Кол-Кар – Ямаз (букв. «Рука - НЕ- Промахнется»)*» (Таласские тексты).

Наконец, литературная нормированность орхонских текстов наиболее ярко проявляется в переводах С.Е. Малова и А.С. Аманжолова. Переводы С.Е. Малова считаются литературно-хрестоматийными, характеризуются как образцы высокого литературного стиля, стандартного рунического койне. Так, малая надпись текста Кюль-тегина начинается с высокой литературной лексики: «*Небоподобный, неборождённый (собств. «на небе» или «из неба возникший»)* тюркский каган, я нынче сел (на царство). Речь мою полностью выслушайте (вы), идущие за мной мои младшие родичи и молодёжь (вы), союзные мои племена и народы; (вы, стоящие) справа начальники шад и апа, (вы, стоящие) слева начальники: тарханы и приказные, (вы) тридцать.... [Малов, 1951, КТм. 1].

Для обоснования вышеизложенного тезиса можно сравнить перевод этой строфы, осуществленный П.М. Мелиоранским: «(Принявь титуль:) «*Небоподобный, Неборождённый (собств. «на Небе» или «изъ Неба возникший»)* Турецкй Мудрый Каганъ», я ныне селъ (на царство). Речь мою до конца выслушайте (вы), идущие за мною мои младшие родичи и огланы, (вы), мои приверженные челядинцы (или: соплеменники?) и мой народъ; (вы, стоящие) справа шаданыть-беги, (вы, стоящие) слева таркаты-буюрукъ-беги, (вы) тридцать...» [Мелиоранский, 1897, КТм.1].

В результате этого сравнения выявляются различия:

- орфографические – предложение П.М. Мелиоранского следует орфографии XIX века, С.Е. Малов использует современную орфографию и правописание, поэтому тюркский каган не является именем собственным;

- лексические - перевод П.М. Мелиоранского насыщен архаичной лексикой *огланы, (вы), мои приверженные челядинцы, «соплеменники»*, которые затрудняют восприятие текстов; С.Е. Малов вместо этих архаизмов

употребляет общеизвестную лексику *молодёжь, союзные мои племена и народы*;

- семантические - ср.: *Речь мою до конца выслушайте* (П. Мелиоранский) и *Речь мою полностью выслушайте* (С. Малов);

- стилистические *-ныне – нынче*.

В обозначении тюркской социальной действительности, титулов тюркской знати П.М. Мелиоранский максимально следует подлиннику, сохраняя слова типа *шад-апыт баглар, таркат буіурук баглар*, которые по смыслу не понятны русскому читателю.

С.Е. Малов эти названия приближает к восприятию русского читателя, используя для них слова *начальники, приказные, «военачальники», «княжна»*, т.е. слова характерные для русской картины мира. В своих переводах С.Е. Малов стремится сохранить стиль нормированного литературного языка, передать через перевод картину мира древних тюрков как образное представление о мире, возникающее в сознании человека на основе кодирования предметов окружающей действительности.

В переводах С.Е. Малова древнетюркская руника представлена как высокохудожественное литературное произведение. Язык древнетюркской руники максимально приближён для восприятия и понимания современного читателя, что обусловлено глубиной вхождения в мир древних тюрков, в древнюю цивилизацию самого С.Е. Малова, манифестацией его языкового сознания и языковой личности.

1. 4 Текстовые критерии Орхонских памятников

Определение критериев текстуальности является важным фактором рунических памятников. В традиционно-формальном аспекте текст понимается как осмысленная последовательность любых знаков, любая форма коммуникации, в том числе обряд, танец, ритуал, и основными критериями таких знаков являются *связанность и завершённость*. К другим составляющим текста относятся *системность, цельность, структурность (членимость), объективированность (знаковость), протяжённость, целенаправленность, открытость, развертывание во времени и пространстве (пространственно-временной континуум) и другие*.

Связанность и завершённость и связанный с ними пространственно-временной континуум особенно ярко проявляются в Орхонских текстах.

Континуум характеризуется как определённая последовательность фактов и событий в тексте, развёртывающихся во времени и пространстве. Выявление континуума необходимо для того, чтобы проследить и выражение мыслей в их непрерывности и логической связанности, а, может быть, дискретности и прерывности. Экспликация континуума обусловлена также восприятием текста адресатом, поскольку при восприятии какого-либо текста возникает необходимость «домысливать некоторые факты,

искать причинно-следственные и определительные отношения между разорванными действиями и связывать их между собой, восстанавливая их непрерывность» (Гальперин, 2006, с. 93).

Дискретные / недискретные проявления континуума во времени и пространстве своеобразно в переводах каждого из орхонских текстов.

Текст Кюль-тегина в переводе В.В. Радлова 1894 года и в совместном с П.М. Мелиоранским его переводе 1897 года открывает так называемая большая надпись, в которой события описываются с эпохи раннего тюркского каганата, от правлений Бумын-кагана и Истеми-кагана, затем описываются годы неволи и рабства тюрков Китайской империи, восстание тюрков под предводительством шата Кутлука, расцвет древнетюркского государства в эпоху правления Кутлук-кагана, правление его брата Капаган-кагана, восхождение на престол самого Бильге-кагана (от имени которого ведётся повествование) и, наконец, последние 20 строф большой надписи полностью посвящены описанию жизни, подвигов и смерти Кюль-тегина.

Континуум текста не нарушен, мысль повествователя раскрывает последовательное изложение событий во времени и пространстве.

В малой надписи с 1 по 10 строфы описывается вновь правление Бильге-кагана, а в 11 строфе – неожиданный поворот к памятнику Кюль-тегина, о том, как китайский император прислал мастеров, как высекается текст на камне, а главное, в изложении описываемого вклиниваются сентенции, обращения, призывы, раскрывающие внутреннюю мыслительную деятельность, нелегкие раздумья Бильге-кагана. Видимо, такое нарушение континуума, его дискретность в конце надписи имеют обоснование, причина их осталась за текстом, во внутренней речи Бильге-кагана.

В переводе Кюль-тегина П.М. Мелиоранским (1899 года) большая и малая надписи были переставлены местами, примеру П.М. Мелиоранского последовал С.Е. Малов и другие исследователи. Очевидно, что такая перестановка частей текста пусть формально, но всё же нарушает пространственно-временное изложение событий и создаёт неудобство для восприятия и понимания текста неискушённым читателем.

По сравнению с текстом Кюль-тегина текст Бильге-кагана не отличается последовательным изложением, начиная с третьей строфы целый «кусочек» событий идентичен тексту Кюль-тегина, затем описание походов, смерть Бильге-кагана, оплакивание, похороны, установка камня с надписью с 10 по 15 строфы Ха (Малов, 1959).

В последней части памятника вновь перечисление всего того, что делалось каганом для блага тюркского народа, заканчивается часть неожиданным возвращением к памятному камню (Малов, 1959. Хб 14-15). О причинах таких коллизий приходится только догадываться. Из всех древнетюркских памятников именно в тексте Бильге-кагана самый неупорядоченный континуум, внешняя когерентность событий не линейна, ментальная деятельность человека не имеет строгих форм изложения.

Известно, что текст Кули-чора очень плохо сохранился, поэтому переводы представлены отдельными словами, фразами, выражениями. Однако даже по этому «остаточному материалу» можно установить общую сюжетную линию. Вопреки хроникальным параметрам, в начале текста Кули-чор описан в зрелом возрасте, упоминается то, что он прожил восемьдесят лет, что он мудрый и доблестный предводитель (5-9 строфы, западной стороны), затем - его походы, неожиданно упоминается детство (видимо, для того, чтобы отметить, что он ещё в детстве стал героем-мужем), завершается текст упоминанием погребения и возведением поминального храма (Малов, 1959). Континуум здесь больше событийный, чем традиционный.

Текст Тоньюкука представляет рефлексию мысли человека, внутренний монолог с изложением событий, их оценки, диалогов советника с каганами, описаниями сражений – здесь нет единой линейной пространственно-временной системы. Хотя Тоньюкук описывает свою деятельность во времена становления и правления Кутлук-кагана, походы против киргизов, тюргешей, «десяти стрел» и в конце текста восхваляет заслуги Эльтериш, т.е. Кутлук-кагана, он тем не менее не забывает вспомнить свое служение и Капаган-кагану, упоминает и Бильге-кагана (Малов, 1951, Тон. 50-51, 58, 62). Переплетение сюжетов, одновременное упоминание разных каганов, саморефлексия мысли – всё это затрудняет восприятие текста, требует максимальной работы мысли. И всё же целостная картина действительности воссоздается, и деятельность Тоньюкука как советника каганов представляется самодостаточной.

К критериям текстуальности относится проявление внутренних связей (логических, семантических, формально-структурных), **называемых когезией**, в противоположность когерентности, внешней (прагматической) связанности. Показателями когезии могут быть как языковые (грамматические, стилистические и др.), так и неязыковые средства. В орхонских текстах когезия осуществляется при помощи языковых средств: *лексических повторов, смысловых анафоро-дейктических средств, семантических повторов, логических причинно-следственных связей и неязыковых формальных средств («размытостью» границ рунической строфы).*

Иллюстрация когезийных внутренних связей раскрывается на примере текста Кюль-тегин.

Тексты памятников делятся на рунические строфы, связь между строфами формальная: предложение может начинаться в одной строфе, а заканчиваться в другой.

В качестве иллюстрации рассматривается формальная связь в первых трёх строфах малой надписи Кюль-тегина в переводе П.М. Мелиоранского

II. Транскрипція и переводъ надписей.

1) Малая надпись. (В. В. Радловъ: Ка, В. Томсенъ: IS).

1. Тәһрi_тәг тәһрiдә болмыш түрк билгә каған бу_өдкә олуртым. са-
бымыш түкәтi әһидгiл улају иңiгүнiм оғланым, бирiкi уғышыым будуным,
бәријә шадапыг_бәгләр, жырыја¹⁾ таркат бујурук_бәгләр, отуз (12 знаковъ)

2. токуз_оғуз бәгләри_будуны бу_сабымыш әдгү_тi әһид катығ_ды
тыңла²⁾! илгәрү күн тоғсык(к)а, бәргәрү күн ортусыңару, курыңару күн
батсыкыца, жырңару тун ортусыңару, анда ичрәкi будун ку[п] м[аңа көрүр]
(апч)а будун

3. куп әтдiм. ол_маты³⁾ адығ_јок түрк каған үтүкән жыш олурсар,
әлтә буң_јок. илгәрү шандуң_јазыка_тәгi сүләдiм, талујка кичiг тәгмәдiм,
бәргәрү токуз әрсәнкә тәгi сүләдiм, тунүткә кичiг тәгмәдiм, курыңару
јәнчү_үг[үз]

1) жыраја?

2) 𐰉𐰺𐰽𐰸 sic!

3) аматы?

1. (Принявъ титуль:) «Небоподобный, Неборожденный (собств. «на Небѣ» или «язъ Неба возникшій») Турецкiй Мудрый Каганъ», я нынѣ сѣлъ (на царство). Рѣчь мою до конца выслушайте (вы), идущіе за мною мои младшіе родичи и оғланы, (вы), мои приверженные челядинцы (или: соплеменники?) и мой народъ; (вы, стоящіе) справа шадапыгъ-беги, (вы, стоящіе) слѣва таркатъ-буюрукъ-беги, (вы) тридцать¹⁾. . .

2. (вы) беги и народъ токузъ-огузовъ эту рѣчь мою хорошенько слушайте и усердно (ей) внимайте!²⁾ Впереди, (въ странѣ) солнечнаго восхода, справа, (въ странѣ) полуденной, назади, (въ странѣ) солнечнаго заката, слѣва, (въ странѣ) полночной — (повсюду) тамъ (т. е. въ этихъ предѣлахъ) живущіе (букв.: находящіеся внутри) народы—всѣ³⁾ мнѣ подвластны; столькое народы я

3. окончательно устроилъ⁴⁾. (Лишь) когда въ Утукенской черни сидитъ (т. е. находится) Турецкiй каганъ, не (обладающій) тѣмъ пресловутымъ «образованіемъ», то въ племенномъ союзѣ (турокъ) нѣтъ (т. е. не ощущается) (ни въ чемъ) стѣсненія⁵⁾. Впередъ (т. е. на востокъ) я прошелъ съ войскомъ вплоть до Шандунгской равнины, немного не дошелъ до моря; направо (т. е. на югъ) я прошелъ съ войскомъ вплоть до Токузъ-Эрсена (или: Токузъ Эрсеновъ?), немного не дошелъ до Тибета, назадь (т. е. на западъ), переправясь черезъ рѣку Йенчү, я прошелъ съ войскомъ вплоть до

Второе предложение первой строфы текста искусственно разделено на две части - основная часть предложения в первой строфе, конец предложения во второй «...*(вы) беги и народъ токузь-огузовъ эту речь хорошенько слушайте и усердно (ей) внимайте!*».

Такая же формальная связь между второй и третьей строфой: «*столькіе народы я*» (конец 2 строфы) и в третьей строфы заканчивается предложение «*окончательно устроиль*».

Таким образом, руническая строфа семантически не завершена, семантических разграничений нет, границы имеют только формальный характер и выражаются только порядковой нумерацией.

Подобным образом структурированы все Орхонские тексты в переводах П.М. Мелиоранского, С.Е. Малова, И.В. Стеблевой, А.С. Аманжолова и других.

Важным средством внутритекстовой когезии являются **лексические повторы**: «*Вперёд (т.е. на восток), назад (т.е. на запад)...*» (КТб. 12); «*Вследствие «непрямоты» беговъ и народа, вследствие подстрекательства и шпионства китайского народа и вследствие его прельщений...турецкий народъ привёл в расстройство свой существовавший племенной союз*» (КТб. б); «*По милости Неба онъ отнялъ племенные союзы *умевшихъ* племенные союзы и отнялъ кагановъ у *умевшихъ* своихъ кагановъ*» (КТб. 15).

Распространённым способом внутренней связи в текстах являются анафоро-дейктические слова *он, они, то, это, тот, здесь, там, сейчас, вот и т.п.*, обладающие свойством двойной референции, т.е. способностью отсылать мысль к любому фрагменту действительности, а слово, выражающее эту мысль – к любому фрагменту текста (Кронгауз, 2001, с. 261).

Дейктическая связь в текстах может быть дистантной и контактной, связывать целые события в рамках нескольких строф или соединять какую-либо мысль внутри одной строфы.

Более того, дейктические слова в семантических исследованиях характеризуются как эгоцентрическая лексика, поскольку её семантической основой является понятие «я», или «его», «говорящий». «Фигура говорящего организует и семантическое пространство высказывания, и систему дейктических слов языка», - пишет Ю.Д. Апресян (Апресян, 1995, с. 631).

В орбиту семантических смыслов «я» включаются семантемы слов «мои», «наши», «мы», «нас», ярко проявляющиеся в текстах Орхоники. Поэтому в текстах очень часто встречаются выражения типа «я уничтожил», «мой отец-каган», «мой дядя-каган», «мы обустроили», «мы ходили», «нас», «нам» и т.д.:

1. «*В двадцать семь лет я отправился воевать против кыргызов. Пролагая путь через снег, глубиною с копьё, обойдя Кёгменскую чернь, преследовали кыргызов (народ). С их каганом сразился в черни Сонга. Кагана я убил, страну (их) там подчинил. В том же году, перевалив Алтунскую*

чернь, переправившись через реку Иртыш, я выступил с войском против тюргешей. Я преследовал тюргешей» (БК.І. 17-18).

2. «Когда я был каганом, тюркскому народу не было плохо. Я создал хорошее государство и хорошую власть. Собрались на вершине Бідук... Там я сражался (*Ben öziim qaγan olurtıqum ücün türük bodınuγ jablaq qylmadım*)» (БК.ІІ. 36).

3. «Вперёд за Кадырканской чернью мы так поселили, мы так обустроили. На запад, назад, до Кенгу-Тармана мы так поселили тюркский народ...» (БК.І. 17-18). Неоднократное повторяемое в строфе «мы так» выступает не только как связующее звено, но и как утверждение своих позиций, действий, которые не подлежат обсуждению. Дейктическое словосочетание выражает императивность мысли говорящего, его волю: так должно быть.

Для демонстрации семантической базы, проявляющейся в дейктических словах «я», «мой», «мы» рассмотрим фрагмент цельного текста из Кюльтегина, с 15 по 18 строфу.

КТ. І. 15-18:

15. ... *Мой отец*, так создав государство, власть,

16. умер. *Моему отцу-кагану* поставили балбалы во главе с балбалом Баз-кагана. Каганом стал *мой дядя*. Став каганом, *мой дядя-каган* опять поднял, возвысил тюркский народ. Неимущих сделал богатым, малочисленных сделал многочисленными.

17. Когда на престоле сидел *мой дядя-каган*, я был шадом над народом тардуш. С *моим дядей-каганом* мы ходили войной на восток до реки Йасыл Шандунской равнины, на запад *мы ходили* до Темир-Капыг. Перевалив Кёгмен, до земли кыргызов *мы ходили* войной.

18. Всего *мы ходили* в поход двадцать пять раз, дали тринадцать сражений. Тех, кто имел государство, лишили государства; тех, кто имел каганат, лишили каганства. Имевших колени заставили преклонить, имевших головы заставили склонить.

Известно, что под выражением «мой отец» подразумевается основатель второго тюркского каганата Кутлук-каган, а выражение «мой дядя» обозначает Капаган-кагана. Фрагмент текста посвящён описанию деятельности Капаган –кагана, правление которого сделало древнетюркское государство сильным, тюркский народ защищенным и обеспеченным «...возвысил тюркский народ. Неимущих сделал богатым, малочисленных сделал многочисленными». Чтобы подчеркнуть силу, власть, мудрость кагана несколько раз повторяется выражение *мой дядя-каган*, повествователь гордится таким каганом и через повторы дейктического слова пытается подчеркнуть свою родственную близость с ним.

В тексте четыре раза повторяется выражение *мы ходили*, что означает удачные походы тюрков, их победу над врагами, покорение целых государств и стран: *Тех, кто имел государство, лишили государства; тех,*

кто имел каганат, лишили каганства. Имевших колени заставили преклонить, имевших головы заставили склонить.

В этом фрагменте текста местоимения «я», «мой», «мы» семантически «нагружены»:

- являются «скрепами», внутритекстовыми связными элементами;
- представляют «своих», т.е. весь тюркский народ, всё древнетюркское государство от рядового воина до кагана;
- создают общий положительный фон, акцентируя внимание на расцвет и мощь древнетюркского государства и его сильного правителя в лице Капаган-кагана.

Эгоцентричность дейктических слов заключается также в их способности составлять смысловую бинарную оппозицию: «я – ты», «я – его» «я-он», «мы – они», «нас – их», «здесь – там», «сейчас – тогда», «наши – ваши», «свои – чужие» и т.д. В рамках отмеченного в Орхонских текстах имеется два поля оппозиции, с одной стороны, «я», «мой», «мы», «наши», «здесь», «сейчас», представляющие «своих», т.е. тюрков, тюркское государство, тюркский народ, тюркского воина, тюркского правителя; с другой стороны, «он», «они», «тот», «их», «те», «там», «тогда», т.е. «чужие», враги внешние и внутренние.

Дейктические слова семантического поля «чужие» также являются внутритекстовыми связными элементами:

1. *«В двадцать два года я отправился воевать против табгачей и сразился с восьмидесятитысячным войском Чача-сенгуна. Его войско там разбил»* (БК.І. 26).

2. *«Они были мудрые каганы, они были мужественные каганы. Их полководцы тоже были мудрыми и могучими»* (КТб. 3);

3. *«После них стали каганами их младшие братья, сыновья их стали каганами (Anda kisre inisi qaγan bolmys erinč. Оулу qaγan bolmys erinč)»* (КТб. 4-5);

4. *«Я выступил с войском, чтобы завоевать народ огузов. (Их) лагерь и храм разгромил. Народ огузов вместе с тогыз-татарами пришёл. В Агу дали два великих сражения. Войско их я разбил, (их) народ подчинил. Так их покорил»* (БК.ІІ. 34).

5. *«В один год я четыре раза сражался. В первый раз сражался в городе Тогу. Их войско пришло, переправившись через реку Тугла. Второй раз сражался в Андагуре. Их войско я победил. Взял их государство. В третий раз сразился при вершине Чуш. Тюркский народ рассеялся, сильно ослабел. Их передовой отряд я разбил»* (БК.І. 30-31).

[Иллюстрации взяты из новейшего Атласа Орхонских памятников]

В качестве внутритекстовых связей в орхонских текстах часто используются **семантические повторы**, обеспечивающие смысловую связь событий: «четыре угла» (КТб.2, 29) – наивные представления о земной сфере, а также обозначение территории, на которую распространялась власть

каганов; «стали они (турки) рабами со своими крепкими сыновьями и со своими чистыми дочерьми» (КТб. 7, 24) – образное интерпретация неволи и обозначение реалии действительности: в невольников превращали в основном молодёжь; «неимущих онъ сделалъ богатыми, немногочисленныхъ онъ сделалъ многочисленными» (КТб. 16, 29, КТм. 10) – правление каждого из каганов Кутлука (16 строфа), Капагана (29 строфа), Бильге-кагана (10 строфа) измеряется благосостоянием народа; «имевшихъ колени онъ заставилъ преклонить (колени), а имевшихъ головы заставилъ склонить (головы)» (КТб. 2, 15) – так каганы расправлялись с покоренными народами, в частности, речь идёт о Бумын-кагане, основателе раннего тюркского каганата (2 строфа) и о Кутлук-кагане, основателе позднего тюркского каганата, безусловно, преемственность в деятельности каганов отразилась в языке. [Иллюстрации взяты из перевода П.М. Мелиоранского].

Особенность древнетюркских текстов заключается в наличии **логических причинно-следственных связей**: в текстах часто излагаются причины неудачных походов и поражений, ослабления тюркского государства и многие другие события древнетюркской действительности (ср. также рассуждения мудрого Тоньюкука, нелёгкие размышления Бильге-кагана и т.п.).

Все эти логические обоснования в языке передаются причинными конструкциями, контекстом:

1. «Вследствие непрямоты (т.е. неверности кагану) правителей и народа, вследствие подстрекателей и обмана обманывающих со стороны народа табгач и вследствие того, что они (табгачи) ссорили младших братьев со старшими и вооружали друг против друга народ и правителей – тюркский народ привёл в расстройство свой существовавший племенной союз» (КТб. 6).

2. «И они начали идти к гибели. Но вверху Небо, Вода тюрков так сказали: «да не погибнет, говоря, народ тюркский, народом пусть будет», - так говорили. Небо, руководя со своих (небесных) высот отцом моим Ильтериш-каганом и матерью моей Ильбильгя-катун, возвысило их (над народом)» (КТб. 10-11).

В данном случае речь идёт о том, как благодаря восстанию под предводительством Кутлука тюркский народ освободился из-под неволи Китайской империи, и Кутлук по воле Тенгри (Неба) становится каганом.

3. «Вследствие (твоего) непонимания (своего блага) и вследствие твоей низости мой дядя-каган улетел (т.е. умер)» (КТб. 24).

4. «Вследствие того, что ты таков (т.е. нерасчётлив, недалёковиден), ты, не принимая (т.е. не слушаясь) поднявшего тебя хана, ни слова его, (стал) бродить по всем странам и там совершенно изнемог и изнурился (т.е. большая часть твоя погибла) ...» (КТм. 9-10).

5. «По милости неба и потому что у меня самого было счастье, я сел (на царство) каганом» (КТм. 10). [Иллюстрации приведены из переводов С.Е. Малова].

1.5 Когнитивно-дискурсивные признаки Орхонских текстов

В интерпретации современных текстообразующих смыслах текст определяется как сложнейший феномен, продукт определённой исторической эпохи, культуры и цивилизации, отражающий явления языковой и неязыковой действительности, которые выражаются в системно-коммуникативных функциях языка, ментально-психических интенциях личности, в хранении, передаче информации и эпистемологических возможностях человека. В этих функциях отражается когнитивный или когнитивно-дискурсивный подход к интерпретации текста (Ч.Филлмор, Э.Рош, Дж. Лакофф, Е.С. Кубрякова, П. Серио, М.Л. Макаров, Л.О. Чернейко, В.И. Карасик, Ю.Е. Прохоров, В.З. Демьянков, Е.В. Рахилина, Н.Н. Болдырев, Н.Г. Шаймердинова).

Когнитивный подход означает использование к тексту принципов «фамильного сходства» или прототипического подхода. Структура прототипической категории определяется не жестким списком общих признаков (как при формальном подходе), а разнообразием характеристик, организованных по принципу «фамильного сходства», из которых наиболее важны те, что свойственны прототипу и являются общими для всех членов данной категории (Болдырев, 2002, с. 38). Прототипическая категория структурирована по полювому принципу: предмет, в котором содержится наибольшее число «фамильных» признаков (т.е. прототип), составляет ядро или центр категории, а на периферии находятся предметы с наименьшим количеством «фамильных» признаков.

На наш взгляд, такой подход к тексту «снимает» жесткую регламентированность и обязательность признаков формального текста. При таком подходе выявляются наиболее важные, свойственные прототипу признаки, способные варьироваться в других членах этой категории и отражающие гибкость и подвижность метакогниции (Шаймердинова, 2009, с. 111).

В прототипическом тексте ядерным признаком является информационная достаточность, в рамках которой достаточно прозрачно можно выделить и нижнюю границу текста - *заголовки, запретительные знаки, тексты-примитивы* (А. Вежбица, Ван Дейк, Е.С. Кубрякова).

В прототипическом тексте выделяются также и другие признаки такие, как *референциональность* (соотнесенность текста с предметом действительности), *интенциональность* (намерение или интенции производителя создать текст и воздействовать через него на

адресата), *дискурсивность* (реализация коммуникативного и ментально-психического плана) и *восприятие*.

Эти признаки нашли отражение в текстах Орхонских памятников.

Референциональность. Референциональность означает связь языка с миром или соотнесенность языковых единиц с внеязыковой действительностью, а также результат такого соотнесения (Кронгауз, 2001, с.321).

Для референциональных функций языка важными являются истинность и достоверность передаваемых событий (Б. Рассел, Г. Фрег, Р. Карнап, У. Куайн, Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева). С этой точки зрения древнетюркские тексты передают реальные исторические события, происходившие в эпоху раннего средневековья.

История древнетюркской империи начинается с эпохи Бумын-кагана, первого тюркского каганата (545 -630 гг.). Первые четыре строфы текста Кюль-тегин посвящены правлению и восхвалению каганов первого тюркского каганата:

1. *«... Человечеством правили мои предки Бумын-каган, Истеми-каган. Сев на трон (царство) они обустроили тюркский народ, создали государство и власть.*

2. *[Народы], живущие по четырём углам [сторонам света] все были их врагами. Выступая с войском, покорили живущие по четырем углам народы. Покорив, принудили их к миру. Имеющих головы заставили склонить, имевших колени заставили преклонить. Вперёд, на восток, до Кадырканской черни; назад, на запад, до Темир-Капыг расселили [народ].*

3. *...так расселились. Они были мудрые каганы, они были мужественные каганы. [Их] военачальники тоже были мудрыми могучими. Их беки и народ были верными. Поэтому так правили государством. Управляя государством, создали власть»* [Жолдасбеков и др. КТ. I. 1-3].

Достоверность описываемого подтверждается историческими материалами. Характеризуя мощь и силу первого тюркского каганата, С.Г. Кляшторный пишет: «Тюркский каганат превратился в политического гегемона не только Центральной, но и Средней Азии. ... К концу 60-х годов VI в. Тюркский каганат включается в систему политических и экономических отношений крупнейших государств того времени – Византии, сасанидского Ирана, Китайской империи и ведёт борьбу за контроль на торговом пути из Китая в страны запада» (Кляшторный, 1964, с.21).

В исторических исследованиях описываются последующие события: социально-политический кризис в каганате – «междоусобные распри внутри правящей группировки каганата после смерти Тобо-кагана, страшный голод в степи, рост богатства и влияния тюркской аристократии, стремившейся к автономному управлению захваченными территориями, обеднение массы рядовых общинников» (Н.Я. Бичурин, Л.Н. Гумилев, С.Г. Кляшторный). И эти события также нашли отражения в текстах памятников Кюль-тегин и Бильге-каган:

4. «... После них каганами стали их младшие
5. братья, сыновья их стали каганами. Младшие братья не были подобны старшим, а сыновья не были подобны отцам, то есть неразумные каганы сели на престол. Слабые каганы сели на престол. И их военачальники также были немудрыми и слабыми.
6. Из-за неверности беков и народа кагану, из-за того, что поверили обману и поддались подстрекательству, из-за вражды между младшими и страшными братьями, из-за отсутствия единства между беками и народом тюркский народ лишился обустроенного государства» [Жолдасбеков и др. КТ. I. 4-6].

В тексте Кюль-тегина в хронологической последовательности описываются дальнейшие исторические события: распад каганата в 582 -602 гг. на восточную и западную части, пятидесятилетняя неволя под властью Китайской империи («50 лет отдавали они кагану народа табгач труды и силы»), восстание тюрков под началом Кутлука, завершившееся освобождением тюркского народа, образование Кутлук-каганом второго тюркского каганата и его мудрое правление, усиление мощи тюркского государства при Капаган-кагане, борьба за власть после гибели Капаган-кагана, правление Бильге-кагана, вступление на арену политической, социальной деятельности и военных событий Кюль-тегина, его смерть и оплакивание этой смерти всем средневековым миром.

Таким образом, текст памятника Кюль-тегина, равно как и тексты других больших памятников, исполняют роль исторического документа, их истинность и правдивость подтверждается:

- предметами материальной культуры археологических раскопок памятников – стел с высеченными на них надписями, скульптур людей и животных, предметов домашнего обихода, фрагментов храмов и зданий;
- данными исторических, археологических, этнографических исследований;
- хроникальными китайскими источниками;
- упоминанием излагаемых событий в памятниках более позднего периода, в «Дивану луга тат тюрк» Махмуда Кашгари и других.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что тексты памятников имеют внеязыковую соотнесенность с окружающей действительностью, отражают исторические реалии древнетюркского мира. Поэтому понятие референциональности является характерным признаком орхонских памятников.

Дискурсивность. В современных исследованиях текст и дискурс сопоставляются по весьма многочисленным признакам: *монолог и диалог, письменная речь и устная речь, интровертная фигура коммуникации и экстравертная фигура коммуникации, продукт и процесс, статика и динамика, режим offline и режим online* и т.п. Критерии также являются

важным фактором сравнения текста и дискурса. Дискурс при этом наделялся свойствами *динамичности и процессности*, а текст – *статичности и результативности*. Однако, утеря связи с временем, т.е. потеря живой реальной связи с происшедшими событиями, размывает границы дискурса, поэтому считается, что **древние тексты не могут изучаться как дискурсы**. Тем не менее в последнее время существует тенденция использования методологии анализа дискурса и самого этого термина к языковому материалу разной культурно-исторической отнесённости (см. Библиейские тексты, произведения литературы) (Прохоров, 2004, с. 19).

Наличие дискурсивных признаков в исторических текстах отмечает и Е.С. Кубрякова: «Изучая речи Цицерона, можно сделать и некоторые заключения о их дискурсивных особенностях, т.е. особенностях использования языка в поставленных им целях и в определённом историческом контексте» (Кубрякова, 2004, с. 527). По мнению Е.С. Кубряковой, дискурс в литературном языке может означать и речь, и беседу, и разговоры, и лекции, и последовательное изложение мыслей, и рассуждения с переходом от одной темы к другой. Такой дискурс учёный именуется как новый концепт, который соединил бы существующие в неясном и смутном виде представления в единый гештальт и помог бы отразить в едином образе порождаемую в особых условиях речь, связываемую с самими коммуникативными условиями этого порождения (Кубрякова, 2004, с. 542).

На наш взгляд, дискурс представляет собой бинарную структуру, в которой, с одной стороны, реализуются интеллектуальные возможности человека в познании мира, с другой – коммуникативные способности личности, раскрывающие процесс его мыслительной деятельности. Такое явление в познании мира, мышления, языка именуется как когнитивно-дискурсивная модель, или когнитивно-дискурсивный подход.

Важнейшими свойствами этой модели являются **коммуникативная ориентированность** (связь дискурса с речью деятельностью); **ситуативно обусловленная интенциональность** (намерение использовать речь для воздействия на адресата); **ментально-психическое осмысление (познание) окружающего мира**. В когнитивно-дискурсивной модели считает Е.С. Кубрякова «описать явление с когнитивной точки зрения – значит охарактеризовать его роль в процессах познания мира, в фиксации структур знания и опыта, в актах восприятия и осмысления окружающей человека среды. Описать явление с коммуникативной точки зрения значит иное: здесь на первый план по своей значимости выступает анализ вербального поведения людей, анализ тех задач, которые решаются человеком по мере осуществления им речевых актов, разных по своим установкам и целям, по условиям их осуществления» (Кубрякова, 2004, с.520).

В древнетюркских Орхонских текстах хорошо представлен коммуникативный план с вербальным поведением героев в тех или иных коммуникативных ситуациях. Не случайно древнетюркские письма

называются «говорящими камнями», и они, действительно являются коммуникативно насыщенными и определяются нами

- как речь одного человека в тексте Йоллык-тегина, Бильге-кагана, Тоньюкука,
- речевое взаимодействие субъектов участников коммуникации (каганов и народа, Тенгри-Умай и тюрков),
- монологи, в т.ч. внутренние монологи (Тоньюкука, Бильге-кагана),
- диалогическая речь,
- «познание говорения», когда Тоньюкук пытается речи и слова вражеских лазутчиков и вестников.

Манифестация плана коммуникации наиболее ярко проявляется в тексте Тоньюкука в виде монологов самого Тоньюкука, речей лазутчиков, врагов, тюркских беков и других персонажей тюркского мира.

Речевая деятельность героев древнетюркского мира выражается разными языковыми средствами, в значении которых раскрывается древнетюркская действительность и древнетюркская картина мира.

- Часто выражается глаголами речи и их формами (*сказал, сказав, говорили, говоря, передал*):

1. *(Но) вверху Небо тюрков и священная Земля и Вода тюрков так **сказали**: да не погибнет, народ тюркский, народом пусть будет*[Малов, КТб. 11].
2. *Тюркский народ, когда часть твоя **говорила**: я желаю селиться не только справа (т.е. на юге) в Чугайской черни, но и в Тюнской равнине...* [Малов, КТб. 6].
3. ***Говоря**: пусть не будет без хозяина страна (букв. земля и вода), принадлежавшая нашим предкам, мы устроили немногочисленный (или азский) народ...* [Малов, КТб. 19].
4. *От кагана пришло ответное слово. Он **передал**: «Продолжайте сидеть, правильно ставьте сменный караул, чтобы не застали врасплох».* [Жолдасбеков и др. Туй. IV. 34].

- Речевая деятельность в памятниках может также выражаться прямой речью и особенно насыщен прямой речью памятник Тоньюкук:

1. Тюргешский каган сказал: *«Мы поднимемся»*. Народ он-он сказал: *«Все до единого поднимемся»*. Услышав эти слова, мой каган сказал: *«Я отправляюсь в лагерь, жена умерла, хочу совершить в честь неё погребальный обряд, - сказал он. – Ты иди с войском и оставайся в Алтунской черни, - сказал он. – Во главе войска пусть будет Инэль-каган и тардушский шад,- сказад он. – А мне, мудрому Туй-укуку, сказал: «Веди войско. Трудности преодолевай сам».* [Жолдасбеков и др. Туй. IV. 30-32]. Посредством прямой речи здесь передаются важные события древнетюркского мира: заговор врагов против тюрков, этнокультурная

традиция тюрков - намерение кагана совершить погребальный обряд в честь смерти жены, распоряжения и наказания кагана военачальникам.

2... злобные люди так научали часть тюркского народа, говоря: *«Кто живет далеко, (тому табгач) дают плохие дары, кто живет близко, (тому) дают хорошие дары»* [Малов. КТм. 7].

3. Мой каган выслушал просьбу мою. Он сказал: *«Веди войско по собственному разумению»*. [Жолдасбеков и др. Туй. II. 15].

5. Находясь на горе, мудрый Ышбара Кули-чор сказал: *«Буду помогать воинам»*. Видимо, такова судьба его. Войдя в бой безоружным (букв. голым), он погиб. [Жолдасбеков и др. КЧ. II.23].

В этой строфе его контекст и содержание прямой речи Кули-чора содержат важную информацию для понимания конкретной ситуации, описывающей гибель одной из ключевых фигур древнетюркского государства. Данная информация складывается из следующих составляющих. В древнетюркском государстве в эпоху правления Капаган-кагана Кули-чор был известен:

- как мудрый правитель правого крыла тюркского государства тардуш (ему присвоен *«титул чыкан Тон-укук»*, т.е. мудрый);
- как бесстрашный и отважный воин, который ещё *«в семь лет убил джейрана, а в девять лет - свирепого кабана»*, описанию его подвигов и походов посвящено 15 рунических строф, т.е. почти все содержание текста;
- как значимая фигура древнетюркского мира: *«...меня уважали и почитали в государстве Капаган-кагана»*, - вспоминает он; слава и имя Кули-чора распространились далеко за пределы древнетюркского государства (*«...мудрый Кули-чор не только в своем лагере был известен»*); Кули-чора называли «великим» правителем, прожившим *«восемьдесят лет»*.

В данной строфе языковые единицы содержат глубинные смыслы: деепричастный оборот «находясь на горе» означает, что Кули-чор в начале не принимал личного участия в сражении, видимо, руководил и наблюдал за сценой битвы, находясь на горной возвышенности. Увидев, что ход сражения перевешивает в пользу врагов, Кули-чор, несмотря на преклонный возраст, принимает решение, выраженное прямой речью: *«Буду помогать воинам»*.

В конце рунической строфы также содержится важная информация: философская сентенция (*«Видимо, такова судьба его.»*); бесстрашие и отвага Кули-чора – ринулся в бой безоружным (*«Войдя в бой безоружным (букв. голым)»*); информация о мужественной смерти – «погиб».

- В текстах довольно часто употребляется слово **речь** и его синонимический эквивалент **«слово»**:

1. *Столько народов я объединил. В моей **речи** нет неправды.* [Жолдасбеков и др. КТ. IY.3]. Выражение «в моей речи» можно интерпретировать как сочетание «в моих словах».

2. *Вот **речь** моя, тюркского Бильге-кагана, порожденного Тенгри, сотворенного Тенгри.* [Жолдасбеков и др. БК. I.1].

3. *Пришли три лазутчика. Речи их одинаковы: «Тюргеишский каган поднял войско, войско народа он-ок целиком поднялось. Соберемся мы на равнине Ярыс».* [Жолдасбеков и др. Туй. III.33].

4. *У народа табгач, дающего столь много золота, серебра, изысканных яств, шелка, речь была сладкая, а драгоценности мягкие [привлекательные]. Сладкой речью, драгоценностями он [народ табгач] завлекал к себе далеко живущие народы.* [Жолдасбеков и др. КТ. IV. 5]. В этой строфе речь идет о коварстве китайской империи, которая не только воевала с тюрками, но и использовала все средства для подчинения их себе: подарки, подкуп, заговоры. Выражения «речь была сладкая, а драгоценности мягкие» употребляются в переносном значении, чтобы подчеркнуть хитрость и коварство табгачей. С помощью таких приёмов империи удавалось без потерь и крови покорять другие народы.

«Слово» в значении речи часто встречается в тексте памятника Тоньюкук.

1. *От тюргеишского кагана пришёл лазутчик. Слово его таково: «Отправляю войско против кагана тюркского. Если мы не отправим войско, то их каган –могуч, советник – мудрый. Они могут нас погубить».* [Жолдасбеков и др. Туй. IV. 30-32].

2. *Слова вестника таковы: «Над народом тогуз-огуз воссел каган, - сказал он».* [Жолдасбеков и др. Туй. II.9].

3. *Привели лазутчика. Слова его таковы: «в степи Ярыс собралось десять тысяч воинов».* [Жолдасбеков и др. Туй. V. 36].

Восприятие как когнитивный процесс. Другой аспект дискурсивного анализа заключается в использовании языка (языковых единиц, в том числе и текста) как средства познания и осмысления мира. Познавательные интенции человека осуществляются на базе психических процессов восприятия, памяти, воображения, мышления. Подтверждает излагаемый тезис и мысли Л.О. Чернейко, которая считает, что дискурс-анализ есть это мировоззрение (включающее и мироощущение) как обобщенное представление о мире (в научном познании оно принимает форму модели понимания мира), которое базируется на восприятии мира и обуславливает эмоциональное отношение к нему. При этом речь каждого направляется не только философией жизни, но и психотипом личности, между которыми существует сложная связь (Чернейко, 2005, с. 53).

Отсюда восприятие как психо-ментальный явление в понимании и осмысления мира является одним из ключевых звеньев познавательного процесса. Интерпретация восприятия как когнитивного процесса позволяет решать целый ряд задач:

- выявить приоритетность эмпирических (опытных) или теоретических (рациональных) знаний,
- определить способность разума выйти за пределы непосредственно воспринимаемого,
- раскрыть роль языка в познавательном процессе.

Соотношение рационального и эмпирического в познании мира, являясь важнейшей частью философской и лингвистической эпистемологии, трактовалось ещё Платоном и Аристотелем. Платон считал, что ребёнок, познавая мир, не столько постигает его предметно, сколько «пробуждает» встроенные в его мозг врождённые идеи. По мнению Аристотеля, мысли не могут возникнуть без некоторого чувственного опыта. Известно, что в некоторых философских школах Нового времени восприятие отождествлялось с мышлением, считалось, что в состав чувствований, эмоций, ощущений входят мысли, а потому содержание души пропозиционально (Аристотель, 1984, с.235).

Напротив, Дж. Беркли описывает восприятие и мышление, рациональное и эмпирическое как две разные субстанции: «Одно дело воспринимать, а другое – судить. Вещи внушаются и воспринимаются чувствами. С помощью разума мы высказываем суждения и делаем выводы» (Беркли, 1970, с.145). В тоже время и восприятие, и мышление, по Беркли, кодируются знаком (языком), «тем самым он предлагал своего рода «перцептивный код» дешифровки чувственно воспринимаемой действительности».

Соотношение *восприятия – мышления – языка* рассматривается в работах психологов, психолингвистов, когнитологов (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, У. Найссер, Дж. Лакофф, А. Пейвио, Р. Лэнекер, Дж. Миллер, Ф. Джонсон-Лери, Р. Джекендофф, М. Минский).

Главные сведения о мире, отражённые в языке, считает Дж. Лакофф, были получены прежде всего опытным путём и связаны с «естественным» образом мира. Опытный реализм или экспериенциализм базируется на допущении о существовании реального мира вне нас как налагающего свои ограничения на формирующиеся у человека концепты. Не отождествляя восприятие и мышление, он пишет, что разум не просто зеркально отражает (репрезентирует) мир и не только обрабатывает информацию знаковым образом, а есть нечто более грандиозное, ибо обеспечивает содержательное мышление и этим, безусловно, отличается от разума машин (Лакофф, 1988, с.50).

Стройную систему понимания восприятия создал У. Найссер. По мысли У. Найссера, восприятие как когнитивный процесс, имеет биологический характер, более врождён, и одновременно более экологически и культурно зависим. Найссер разрабатывает целую систему восприятий в виде прямой, межличностной и репрезентированной субстанций. Репрезентации - это сложившиеся единицы сознания, которыми человек оперирует в процессе мышления и формируются они постепенно. Прямое восприятие связано с ощущением и оценкой ситуации, непосредственно окружающей человека: определением его местоположения и положения предметов вокруг него, их движения, действиями самого человека с этими предметами и т.п. Параллельно системе прямого восприятия складывается система

межличностных связей и деятельностей, позволяющая воспринимать коммуникативные жесты, речь, дающая возможность вступать в контакты и отношения с другими (Найсер, 1992, с. 139-142). Несмотря на такую сложную структуризацию восприятия, в нём на передний план выдвигается все же перцептивная связь человека с действительностью и её репрезентация в дальнейшем ментальными структурами.

На наш взгляд, восприятие эксплицирует когнитивные способности человека, отражение мира на так называемом «внутреннем экране» человека переработка этого отражения ментальными единицами сознания, создавая тем самым конвенциональную систему работы человеческого мозга. Мир лиц, вещей, движений, событий весьма многообразен и насыщен, человек реально сталкивается с определёнными «сгущениями» материи, «пучками признаков», «кластерами сведений», «глобальными напряжениями» социума и природы, поэтому первый удар от этих напряжений получает перцептивная система человека или перцептивные каналы видения, слышания, осязания, обоняния. Соприкасаясь с миром вещей, человек через органы чувств познает свойства окружающего мира: *светлый / темный, красивый/некрасивый, холодный / теплый, вкусный / невкусный, гладкий / шершавый* и т.п.

Это первоначальное восприятие опытное и даётся оно **в ощущениях.** Сталкиваясь с предметным миром и получая те или иные **ощущения**, человек фокусирует внимание, «схватывает» нечто, буквально, *ощущает, чувствует, осязает* – соприкасается с предметами действительности, материальными рецепторами восприятия. Затем благодаря прежнему опыту происходит **узнавание** – воссоздание целостной картины из совокупности свойств и признаков, т.е. подключаются память и воображение. При этом скорость процедуры очень интенсивна, ибо всё проходит очень быстро и естественно. В силу чего из некоторого слепка, отдельных фрагментов создаётся образ (схема) или **представление**, на следующем этапе информация подвергается сознанием **обработке** или осмыслению в виде **суждения и умозаключения**. И далее восприятие связывается с **языковым обозначением**.

Таким образом, общую картину восприятие – мышление – язык мы представляем в следующей модели *перцептивно воспринимаемое ощущение – узнавание – классификация – представление – обработка информации – суждение – обозначение языком*. Так развивается когнитивный процесс получения знаний о мире, мышлении, языке (Шаймердинова, 2009, с. 77).

Средства языкового восприятия весьма разнообразны, ибо «люди воспринимают мир, под влиянием того, как они говорят о нём» (Дж. Миллер и Ф. Джосон-Лэри). Сюда прежде всего следует отнести область лексической семантики, так называемые модусы чувственного восприятия: *видеть, слышать, чувствовать, замечать, ощущать, слышно, видно* и другие. Языковое обозначение восприятия весьма активно осуществляется в

синтаксических конструкциях, пропозициональной семантике, в текстовых смыслах.

В Орхонских текстах восприятие как когнитивный процесс и составной компонент дискурсивного текста представляется в двух аспектах. С одной стороны, это проявление когнитивных способностей, т.е. восприятие мира субъектами памятников такими, как Тоньюкук, Бильге-каган, Кюль-тегин, Кули-чор, тюркский народ, вражеские лазутчики и сами враги тюрков. Так, например, связь сенсорно-чувственного восприятия с ментальным планом раскрывается в тексте Тоньюкука, в размышлениях советника. Узнав от лазутчика о заговоре тогуз-огузов, с киданами и табгачами, Тоньюкук свои мысли и чувства, внутреннее состояние от услышанной информации выражает следующим образом:

«Услышав эти слова, я ночью не спал, днём мне не сиделось. Я посоветовался с каганом. Размышлял так: «Если объединяться эти трое - табгачи, огузы, кидане, то мы останемся сами по себе внутри (одни)» [Жолдасбеков и др. Туй. II.12].

Средством выражения восприятия в данной строфе являются модусы *«ночью не спал и днём не сидел»*, содержащие фактообразующие пропозициональные смыслы: «не спал» и «не сидел», значит, сильно переживал, обдумывал трудную ситуацию. А ментальные глаголы «советовался», «размышлял» усиливают и подчеркивают процесс мыслительной деятельности мудрого советника.

Сюжетная линия текста Тоньюкук выстраивается в соответствии той информации, которой владеют тюрки и их враги, Тоньюкук, т.е. эмпирические знания становятся причиной происшедших событий, действий как со стороны тюрков, так и со стороны их врагов. Эта информация передается вербальным способом. Поэтому по всему тексту памятника повторяются конструкции «услышав эти слова», «услышав это» «услыхав» (см. строфы 12, 17, 22, 23, 29, 34, 42, 47).

Озвученная информация инициирует её восприятие и ответное действие адресата:

1. *Услышав о том, что я, мудрый Туй-укук, с тюркским каганом, с тюркским народом в Отюкенской земле поселился, пришли к нам южные, западные, северные и восточные народы* [Жолдасбеков и др. Туй. II.12].

2. *Дорога на Кёгмен одна, и она завалена снегом. Услыхав об этом я сказал: «Не годится идти этой дорогой». Я искал проводника, и нашёл его из степных азов* [Жолдасбеков и др. Туй. III 23].

3. *Услышав, что я, мудрый Туй-укук, достиг той земли, принесли мне бесчисленное множество желтого золота, белого серебра, привели дев и женщин, двугорбых верблюдов и другие сокровища* [Жолдасбеков и др. Туй. VI. 47].

С другой стороны, в Орхонских текстах эксплицируется восприятие содержания памятников с позиции адресата, т.е. того, кому завещаны тексты

«говорящих камней». С этой точки зрения восприятие тесно связано с пониманием и познанием мира древних тюрков. Обратимся к иллюстрации.

Перцептивно воспринимаемое «сгущение материи» и «глобальное напряжение» наблюдается в тексте Бильге-кагана в описании смерти Бильге-кагана и событиях, связанных с нею: *«Столько приобрета (завоевав), отец мой хан умер в год Собаки (734), в десятый месяц, двадцать шестого числа. В год Свиньи (735), пятый месяц, в двадцать седьмой (день), я устроил похороны. Букаг-тутук...*

Ли сун Тай-сенгун, (был) во главе пришедших ко мне пятисот мужей. Благовонная...безмерное количество золота и серебра они принесли.

Погребальные курительные свечи они принесли и установили их. Они принесли сандалового дерева...

Столь много народа порезало себе волосы, уши и щёки. Они доставили без числа своих хороших верховых лошадей, черных соболей, голубых белок и пожертвовали покойнику» [Малов, X. 11-12].

Пропозициональные структуры микротекста насыщены фактообразующими смыслами (смерть кагана, приезд людей для выражения соболезнования, установление курительных свеч, оплакивание, похороны), для которых характерны признаки «реальность, верифицируемость, истинность, утвердительность» происходящих событий. Зрительное восприятие осуществляется за счет субъектов и описываемых предметов событий, выраженных словами *Ли сун Тай-сенгун, делегация империи из пятисот людей, сандаловые деревья, свечи, верховые лошади, черные собои, голубые белки*. Предложение эмотивного характера *«Столь много народа порезало себе волосы, уши и щёки»* усиливает ассоциативное воображение, погружая читателя в картину ритуальных тардиций древних тюрков

В тексте Кюль-тегин на протяжении 20 рунических строф в русле фреймовых моделей описываются подвиги Кюль-тегина. Восприятие читателями этих подвигов осуществляется через описание повторяющихся стереотипных составляющих: указание возраста Кюль-тегина, его боевых коней, врагов и их действий, поведения в бою самого Кюль-тегина. Например: *«Кюль-тегин сел на белого жеребца из Байырку, бросился в атаку, одного мужа (т.е. воина) он поразил стрелой, двух мужей заколол (копьем) одного после другого. При этой атаке он погубил белого жеребца из Байырку, сломал ему бедро» [Малов, КТб. 36].*

В данной строфе внимание обращается на активную деятельность Кюль-тегина в бою, глаголы динамического действия *сел, бросился, поразил, заколол, погубил, сломал* помогают воспринимать описываемое событие. Подобные повторяющиеся описания подвигов воссоздают глубоко символический образ средневекового вооруженного воина на коне, являющийся эмблемой всей средневековой цивилизации тюрков.

Информативность. При когнитивно-дискурсивном анализе, как мы отмечали выше, ядерным признаком текста является его информативность,

или информативная достаточность. В традиционной лингвистической текстологии информация подразделяется на содержательно-фактуальную (СФИ), содержательно-подтекстовую (СПИ), содержательно-концептуальную (СКИ). Последняя особенно актуальна для характеристики текстов, ибо в ней излагается понимание отношений между явлениями, понимание их причинно-следственных связей, их значимости в социальной, экономической, политической, культурной жизни народа. Такая информация извлекается из всего произведения и представляет собой творческое переосмысление указанных отношений, фактов, событий, процессов происходящих в обществе. Этот мир отражает объективную действительность в её реальном воплощении (Гальперин, 2006, с. 28).

В когнитивных исследованиях **информация** идентифицируется с понятием **знание**. Язык (языковые единицы, в том числе и текст) является источником знания, или информации. И не только источником информации, но и средством «её обработки, хранения, извлечения из недр сознания и формирования новой, её фиксацией и обобщением (Кубрякова, 2004, с.11).

По способу познания мира различают неязыковые и языковые знания. Последние в свою очередь дифференцируются на теоретические (знания о языке) и прикладные (знания языка) знания.

Знания о языке представляет всю теоретическую информацию о языковой системе любого функционирующего языка, в том числе и древнетюркского. Как отмечает Е.С. Кубрякова «это знания об устройстве языковой системы, о языковых единицах и категориях, о закономерностях развития языка и о его современном состоянии, о его функциях» (Кубрякова, 2004, с.20). Знание языка представляют реализацию знаний о языке в речевой деятельности, это правильное использование языковых единиц всех уровней в той или иной коммуникативной ситуации, правильное построение письменной речи с учетом стилистической окраски, правильного произношения и написания.

Неязыковые знания – это знания о мире, в том числе о мышлении, отражение картины мира в языке, фиксирование знаний о действительности языковыми средствами.

Таким образом, познание с помощью языка опирается на следующие его свойства: язык отражает языковую и неязыковую действительность, влияет на его ментальное освоение, является окном в сознании человека (Кубрякова, 2004, с.12). Последняя из указанных функций, несомненно, характеризуется как когнитивная функция языка. В когнитивной функции языка важна взаимосвязь *знания и значения*. Традиционная лингвистика оперирует понятием значение и для исследователя важно, какими способами и средствами передается это языковое значение или языковое содержание знака. Напротив, в когнитивной лингвистике на первый план выдвигаются вербальные и ментальные репрезентации знаний. При этом в качестве «вербальных репрезентаций выступают языковые формы, эксплицирующие

какую-либо категорию или класс единиц. Ментальные репрезентации рассматриваются как «структуры сознания, представляющие языковые репрезентации в мозгу» (Лакофф, 2004, с. 352). Формирование нового, неословленного, знания проходит этапы, на которых оно выступает как бессознательное и сознательное. Сознательным оно становится, когда получает языковую форму. В этом случае языковая система может воздействовать на выбор наименования для закрепления полученной в ходе познания информации и на отнесение последней к подсказанному языком определённом классу знаний» (Жаналина, 2004, с.7).

При таком подходе приоритетными оказываются языковые структуры, познание мира осуществляется в направлении от значения к знаниям, от языковых единиц к когнитивным. Языковые единицы самых различных уровней (морфема, производное слово, семема, предложение, текст) имеют возможность представлять концептуальную картину мира, знания о мире, мышлении, действительности. К примеру, когнитивная функция производного слова заключается в фиксации в ней определённой структуры знания (отражение и оценка какого-либо фрагмента мира). Такое производное слово как когнитивная единица, «обретая форму однословного знака, мотивированного знака, становится весьма удобной для коммуникации. Не уступая по своей информативности и семантической насыщенности более протяжённым и развёрнутым конструкциям (словосочетаниям и целым предложениям), производное слово оказывается более маневренным и легко перемещаемым в речи знаком, а значит, и удовлетворяющим требованиям коммуникации (Кубрякова, 2004, с.521).

В Орхонских письменах раннего средневековья знания (информацию) о древнетюркском мире извлекаются через языковую форму слова, через языковые единицы более сложного порядка, которые в совокупности и в синтезе образуют тексты. Иначе говоря, знания о мире (мировидении и ментальности) древних тюрков устанавливаются благодаря анализу языка текстов.

1.6. Методы тюркологии и когнитивный подход в изучении древнетюркских текстов.

Интеллектуальная, научная и всякая иная многогранная деятельность человека невозможна без использования определенных инструментариев, или средств и приемов исследования, которые относятся к сфере методологии и обозначаются словом метод. Метод в переводе с греческого *methodos* означает «*путь исследования*». Или, как отмечают философы, метод – путь познания мира, форма практического и теоретического освоения действительности (Философский энциклопедический словарь, 1990, с. 409). В науке существуют общенаучная методология, или общая процедура анализа научного исследования, которая является базовой для

всех наук. К таким методам относятся *дедукция, индукция, наблюдение, эксперимент, описание, сравнение, отождествление, разграничение, классификация, обобщение.*

Тюркология – наука интегративная, представляет синтез нескольких наук истории, археологии, этнографии, лингвистики, литературоведения, каждый из этих наук обладает своими методами. Например, историки-тюркологи изучают работы И.Бичурина, В.В.Бартольда, В.В. Радлова, В.Томсена, Л.Гумилева, С.Г.Кляшторного и др. ученых, работают в архивах, опираются на источники, особенно китайские династийные хроники. Ценная информация по истории тюркских государств содержится в китайских династийных хрониках, начало которых заложил летописец Симацянь во 2 веке до н.э. Симацянь зафиксировал в этих хрониках историю всех предшествующих династий. Как правило при китайском императоре служили 2 человека, один готовил и записывал речи самого императора, второй записывал происходящие события. Все это потом обрабатывалось и фиксировалось в специальных книгах-хрониках до самых поздних эпох и времен.

Археологическая наука в тюркологии использует свои методы стратиграфии (изучение соотношения культурных слоев раскопок), методы раскопок большими площадями, методы расчисток (щетки, лопатки и др. инструменты), типологический метод и др. Поскольку археология связана с изучением предметов материальной культуры, то важное место в этой науке занимает типология категорий древних вещей, например, предметов вооружений (наконечники, стрелы, кинжалы), предметов конской упряжи, предметов украшений, особенно женских, предметов домашней утвари. Каждый из этих предметов позволяет выявить нужную информацию. Так, по особенностям наконечников кинжалов устанавливается культурная эпоха и даты памятников.

Методы лингвистики делятся на общие и частные. Обобщенные совокупности теоретических установок, приемов, методик исследований языка, связанные с определенной лингвистической теорией и с общей методологией относятся к общим методам. Отдельные приемы, методики, операции, опирающиеся на определенные теоретические установки, как техническое средство, инструмент для исследования того или иного аспекта языка называются частными методиками, например, метод компонентного анализа в лексике. Общие методики проявляются в базовых лингвистических теориях (направлениях) таких, как сравнительно-историческое языкознание (XIX в.), системно-структурная лингвистика, функциональная лингвистика (XX в.), когнитивная лингвистика (XXI в.). Каждый из этих направлений имеет свои методы: сравнительно-историческое языкознание – сравнительно-исторический метод, системно-структурное – выявление особенностей фонетики, лексики, деривации, морфологии, синтаксиса; в функциональной лингвистике – метод полевого анализа или

ФСР, в когнитивной лингвистике – метод концептуального анализа (фреймового, пропозиционального, метафорического). Сравнительно-исторический метод выявляет генетическое родство языков на основании праязыка, фонетического звучания и структуры слова. На основании сравнительно исторического метода определена морфологическая классификация языков (установлены признаки и деление языков на флективные, агглютинативные, изолирующие, инкопарирующие языки), установлена генеалогическая классификация языков деление по родственным признакам на языковые семьи. Развитие сравнительно-исторического языкознания и сравнительно-исторический метода связано с именами Ф.Боппа, Я.Гримма, А.Шлегеля, В. Шлегеля, А.Шлейхера, В.фон Гумбольдта, К Бругмана; А.Х.Востокова, Ф.Ф. Фортунатова, А.Мейе, Е.Куриловича, Э.Бенвениста; Т.В.Гамкрелидзе, Вяч.Вс.Иванова и др.

Развитие системно-структурной лингвистики связано с трудами Ф.де Соссюра и его учеников во Франции, И.А.Бодуэном де Куртене в России, А.Байтурсыновым, Х.Жубановым в Казахстане. Язык определяется как система, состоящая из элементов, подсистем, которые находятся друг с другом в связях и отношениях (парадигматических, синтагматических, ассоциативных, родо-видовых и др.). Формальный системно-структурный метод стал основным методом изучения языка в школе и вузах. Её методология стала базовой для изучения мертвых и живых языков.

Одним из активных методов современной лингвистики является когнитивный подход и когнитивная методология, развитию которых связано с именами западных ученых таких, как Дж.Миллер, Р.Лэнекер, Р.Джекендофф, Ч.Филлмор, Дж. Лакофф, Э.Рош, а также российские и казахстанские ученые. В когнитивной лингвистике посредством концептов, категории, фреймов, пропозиции, метафор изучаются знания и мире, мышлении, языке, когнитивная методология направлена на семантическую интерпретация текстов языка. Поэтому она связана с такими понятиями как концептуальная и языковая картина мира, и раскрытие в этих картинах этнической ментальности.

Лингвистическая тюркология использует многое из этих методов.

Так, при генеалогической классификации тюркских языков используется сравнительно-исторический метод. Поэтому на основании материального сходства тюркские языки вместе с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими образовали Алтайскую семью языков: алтайс. «күч», хакасское «күс», якутской «күүс», башкирское «көс» (Баскаков, 2008, с. 29), казахское «күш» - сила (добавлено автором –Н.Ш.). При классификации тюркских языков на языковые группы сравнительным методом устанавливается – Т языки (тунгусо-маньчжурские) и тюрко-монгольские –С языки, а также деление тюркских языков болгарскую, огузскую, кыпчакскую, карлукскую, уйгуро-огузскую, киргизо-кыпчакскую группы.

После открытия Орхонских памятников древнетюркский язык изучается именно в системно-структурном аспекте (П.М. Мелиоранский, И.А. Батманов, И.В. Кормушин, А.М. Щербак, Г. Айдаров, А.С. Аманжолов, А. Курышжанов, Е. Агманов, А. Аманжолов, А. Ахметов, К. Аширалиев, А. Есенгулов, В. Кондратьев, Ю. Мамадов, А. Раджабов и др.). Так, известное исследование Г.Айдарова проведено в системно-структурном аспекте. Г.Айдаров раскрывает языковую систему древнетюркского языка: фонетическую, лексическую, морфологическую и синтаксическую. В фонетике раскрывается соответствие рунических знаков согласным и гласным звукам (23 рунических знака обозначают 8 гласных звуков (4 знака), 26 согласных звука (16 знаков) и 3 соединительных компонентов), дает характеристики этих звуков, определяет место их употребления в слове, рассматривает основные фонетические законы: закон сингармонизма и регрессивной ассимиляции. В лексике рассматриваются лексические категории (омонимы, антонимы, синонимы), осуществляется классификация словарного состава по тематическим группам: родственные отношения и название частей тела, слова, обозначающие животный мир, природные богатства, цветообозначения, социальные отношения и военную лексику. В системно-структурном аспекте раскрывается морфология и синтаксис древнетюркского языка (Айдаров, 1986, с. 14-65).

В данной работе на примере метафоры сравниваются два метода: формально-системный и когнитивный, а также иллюстрируются возможности когнитивной метафоры в анализе древнетюркских орхонских текстов. Следует отметить, что понятие метафоры в научный оборот вошло издавна. Ещё Аристотель определял метафору как троп, как изобразительное средство риторики и языка, видел в ней способ переосмысления значения слова на основании сходства или «совмещение несовместимого». В традиционной системно-структурной лингвистике внимание обращалось на двуплановость, семантические сдвиги в метафоре, и она определялась как **определённый способ преобразования значения** (Д.Н. Шмелёв, В.Г. Гак, М.Г. Комлев, В.Н. Телия, В.И. Шаховский, Л.С. Ковтун, Г.Н. Скляровская, Б.Хасанов и др.). В чем же сущность такого семантического преобразования метафоры? Как известно в основе метафоризации лежит сравнение: *тяжелая болезнь – болезнь театра, блестящий предмет – блестящий ум, светлая ткань – светлая личность, тихий звук – тихая обида*. При метафоризации слова или выражения в лексическом и прагматическом контекстах происходит перегруппировка исходного набора сем денотативных, сигнификативных, коннотативных, одни из них устраняются, другие наоборот актуализируются. В результате этого, то, что в исходном номинативном значении относилось к сфере коннотации, в процессе метафоризации входит в денотативное содержание. Сам процесс метафоризации является актом вторичной номинации. Другим отличительным свойством лексической метафоры является её образность,

основными семантическими признаками которой являются *картинность, красочность, конкретность, соотносимые с мотивированностью и экспрессивностью*. Ш. Балли классифицировал языковую образность как представление конкретных образов или образы воображения, эмоциональные образы или образы чувств, мертвые образы (Балли, 2001, с. 128). Вся эти образы имеет место в лексической метафоре: «медведь» о неуклюжем человеке, «кляча» об изможденной лошади, (конкретный образ), «растаять от удовольствия» (эмоциональный образ), «ножка стула» или «горлышко кувшина» (мертвые образы).

Метафора активно используется в когнитивной лингвистике. Однако когнитивная метафора существенно отличается от метафоры языковой. Коннотативная насыщенность, образность, красочность отсутствуют в когнитивной метафоре. Термин «когнитивная метафора» до сих пор не имеет однозначного именованя: Марк Джонсон называет её "концептуальной" или "базисной" метафорой, Ф. Джонсон-Лэрд - "ментальной моделью", Дж. Лакофф - "образом-схемой", А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов - "метафорической моделью" Н.В. Павлович - "парадигмой образов", А.П. Чудинов - "моделью регулярной многозначности".

Когнитивная метафора является как единица мышления, связанная с языковой и концептуальной картиной мира, метафора рассматривается как **средство познания мира и мышления, ментальной сферы человека**. Понятийная система, в рамках которой человек думает и действует, метафорична и метафора пронизывает всю повседневную жизнь человека, хотя человек об этом не задумывается. А.П. Чудинов пишет: «Когнитивная метафора - это не образное средство, связывающее два значения слова, а основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможность использовать потенции структурирования сферы-источника при концептуализации новой сферы. Метафора - это проявление аналоговых возможностей человеческого мышления» (Чудинов, 2001, с. 45) [

Когнитивная метафора реализуется во фреймах и сценариях, представляющих структуру знаний. **Знания, реализующиеся во фреймах и сценариях, представляют собой обобщенный опыт взаимодействия человека с окружающим миром**. Метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний, называемых как область источника и область цели. Область источника – это конкретное знание, получаемое человеком в процессе непосредственного опыта взаимодействия с действительностью. В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника, происходит метафорическая проекция. Когнитивная метафора классифицируется в виде 3-х схем-образов: **ориентационных** ("верх - низ", "центр - периферия", "больше - меньше"); **онтологических** («вместилище»); **структурных** («путь», «баланс», «часть- целое») (Джонсон, Лакофф, 2004, с. 27).

1) Ментальные проявления ориентационной метафоры представляются в оппозиции "верх - низ", где «верх» означает *счастливую жизнь, хорошее настроение, здоровье, удачу, власть и силу, высокий социальный статус, добродетель, рациональное* – одним словом *все, что хорошо для человека*. Например, когда человек счастлив, он говорит: *Мне хорошо..Я чувствую себя на вершине блаженства. У меня хорошее настроение. Это подняло моё настроение.*). Здоровье и жизнь: *Он здоров. Он в лучшей форме.*; власть и сила: *он на вершине своей власти. Он высокопоставленный чиновник;* больше: *Ежегодно растёт число публикуемых книг;* высокий социальный статус *У него очень высокое социальное положение. Он делает карьеру;* хорошее *Дела улучшаются;* добродетель: *Он великодушен. У неё высокие требования* и т.д. Напротив, «низ» означает ментально-психические процессы нежелательные для человека.: *печаль, бессознательное состояние, болезнь и смерть, подчинение контролю и силе, меньше, низкий социальный статус, плохое, порочность, эмоциональное и т.п.* Например, *печаль (Я угнетён. Я упал духом.); болезнь и смерть (Он быстро угасает. Он чахнет. Он умер.); подчинение контролю и силе (Он сильнее меня. Его социальное положение ниже моего.); меньше (В прошлом году его доход снизился.); низкий социальный статус (Её статус понизился.); плохое (Дела на небывало низком уровне.); порочность (Это была низкая уловка. Это был низкий поступок.)* и т.д. Таким образом, схема "верх - низ", действительно, раскрывает ментально-психические процессы, происходящие с человеком в различных жизненных ситуациях.

2) Онтологическая метафора определяется эмпирически опытным, чувственным восприятием мира. Именно в чувственном восприятии зрительные рецепторы концептуализируются как *вместилище*, а то, что видится как содержимое внутри его. Дж. Лакофф и М. Джонсон весь окружающий мир представляют в рамках «вместилища» (*здания, дома, комнаты, ванна, лесная поляна, Земля и т.д.*), такой сущностью является и сам человек, его душа – вместилище чувств, голова – вместилище мыслей: «Каждый из нас – это вместилище, ограниченное поверхностью тела, с ориентацией *внутри-снаружи*» (Джонсон, Лакофф, 2004, с. 55).

3) В структурной когнитивной метафоре одна сфера жизни человека определяется через другую. Например, *спор* описывается как *боевые действия (война)*, *жизнь* человека как *путешествие*, *время* как *ресурс*, т.е. *время – это деньги*. Для обыденного сознания последняя метафора концептуальна. Действительно, во многих ситуациях нашей действительности время ценится по материальным затратам, а потому весьма актуально выражение *время – это деньги* (ср. проживание в отеле, разговоры по мобильному телефону, междугородные переговоры, посещение Интернет-кафе и т.д.).

То, что **когнитивная метафора является средством познания мира, мышления, действительности подтверждают древнетюркские орхонские тексты.** Несмотря на историческую давность орхонских

памятников, именно основные типы когнитивной метафоры нашли отражение в орхонских древнетюркских памятниках. События в текстах относятся 7-8 векам н.э. Например, у древних тюрков широко распространено понятие *верх-низ*, раскрывающее мировоззрение тюрков, а также многие явления древнетюркского мира, и всё это ложится в рамки ориентационной когнитивной метафоры. Большая надпись текста Кюльтегин начинается с сакрального:

1) *«Когда были сотворены наверху всемогущий Тенгри, внизу бурая земля, между ними были сотворены сыны человеческие»*[Жолдасбеков и др. КТ. I. 1].

2) *«Тогда вверху Тенгри тюрков, внизу тюркская священная Земля-Вода так сказали: Да не погибнет тюркский народ. Пусть будет тюркский народ. Сказав так, Тенгри отца моего Эльтерис-кагана и мать мою Эльбиге-катун, подняв над головой, возвысил»*[Жолдасбеков и др. КТ. I. 10].

3) *«Если Тенгри **сверху** не давило тебя и земля **внизу не разверзлась** под тобой, тюркский народ, кто мог бы погубить твоё госдарство, твою власть?»* [[Жолдасбеков и др. КТ. I. 22].

В понимании средневекового человека макрокосмос (мир, Вселенная) состоял из трёх миров – верхнего, среднего, нижнего. Верхний мир считался местопребыванием богов, а впоследствии и избранных людей после их смерти; средний мир представлял землю, на которой обитали все живые существа, в том числе и человек, и нижний мир ассоциировался с царством мертвых и хтонических демонов. По большому счёту в архаическом представлении многих народов макрокосмос делится на две большие половины: верх и низ, а срединный мир, мир человека и живой природы, был недолговечным и кратким, поэтому базовым является оппозиция верхнего и нижнего мира. Верхний и нижний миры составляют единство противоположности, находятся в единой связи, осуществляемой то мировым деревом, как у древних майя, то высокими горами, то башнями-небоскрёбами (типа китайской башни «та»), то байтереком (в мифологии казахов). Такое же понимание окружающего мира наблюдается и у древних тюрков.

Оппозиция *верх - низ* охватывает не только верование тюрков, но и всю сферу духовного и материального мира: природный характер явлений – смена дня и ночи, солнца и луны, лета и зимы, весны и осени; область нравственно-этического – добрый и злой, хороший и плохой, храбрый и трусливый; сферу социального – власть и народ, тюркский народ и табгачи и т.п. Понятие «верх» у тюрков осознавалось как наилучшее проявление сущностей объективного мира – *верховное божество, верховная власть каганов, высокий социальный статус военачальников и беков, жизнь тюркского народа в достатке и т.д.*, напротив, понятие «низ» ассоциировалось с низменными вещами и явлениями – *неволя, смерть, рабство, нищета, голод*. Эти значения изначально обозначены

через цветовую символику вверху «голубое небо», внизу «темная (букв. бурая) земля» (Шаймердинова, 2007, с. 87). [

Онтологическая метафора «вместилище» проявляется в пространственных, социальных понятиях. Например, Биьлге-каган говорит о себе:

1) 26 строфа «Я сел на царство над народом внутри без пищи, снаружи - без одежды, над народом жалким и слабым». Выражение «внутри без пищи, снаружи - без одежды» обозначает тяжёлое положение тюркского народа, яркий пример онтологической когнитивной метафоры, проявление ее структурных элементов: *внутренность – граница - внешность* [Жолдасбеков и др. КТ. I. 26].

2) «Народы, живущие по четырём углам(сторонам света), все были их врагами. Выступая с войском, покорили живущие по четырём углам народы. Покорив, принудили их к миру. Имевших головы заставили склонить, имевших колени заставили преклонить» [Жолдасбеков и др. КТ. I.2]. Выражение «по четырём углам» вызывает ассоциацию вместилища, иначе говоря, народы, живущие внутри четырёх углов.

3) «С моим дядей –каганом мы ходили войной на восток до реки Йасыл Шандунской равнины, на запад мы ходили войной до Темир-Капыг» [Жолдасбеков и др. КТ. I.17]. У тюрков все войны, походы пространственно ограничиваются виде онтологического «вместилища».

В орхонских текстах наблюдается проявление структурной когнитивной метафоры, когда одна сфера жизни человека определяется через другую. Например, все походы и сражения, тюрков с внешними и внутренними врагами, есть нечто иное, как проявление спора, войны за сохранение своей территории, своих земель, своего государства, своей культуры. Походы древних тюрков персонифицированы действиями конкретных лиц – каганов, героев-мужей, таких как Кюль-тегин, Кули-чор и других, целые «куски» текста или отдельный текст посвящается описанию их военных подвигов:

1) *Наш предок Ямы-каган победил, покорил, починил себе четыре угла (света)* [Жолдасбеков и др. О. I. 1].

2) *Вечером (в тот же вечер) десятитысячное войско сразилось. Кули-чор ринулся в атаку* [Жолдасбеков и др. КЧ. I. 10].

3) *Эльтериш каган, ради своего сообщества со знанием и героизмом, на табгачей ходил сражаться семнадцать раз, против киданей сражался он семь раз, против Огузов сражался пять раз* [Малов, Хс. 26].

4) *...В этом же году я ходил с войском на тюргешей, перейдя через Алтунскую чернь и переправившись через реку Иртыш. Тюргешский народ я победил, во время (их) сна* [Малов, Хс. 27].

5) *Кюль-тегин, сев на белого (коня) Азмана, бросился в атаку, шесть мужей он заколол, в свалке он порубил мечом седьмого* [Малов, КТб. 47].

Информация о походе или битве часто передаётся посредством отдельных часто повторяющихся простых предложений: «Мы ходили войной». «Я пошёл походом против огузов». «Мы сразились при Болчу». «Мы сразились и победили». «Сразились при вершине Тамык-Ыдук». «То войско мы разбили». «Войско их я разбил». «Их передовой отряд я разбил». «Я приказал двинуться войску». «В один год я четыре раза сражался». «В первый раз сражался в городе Тогусу». «Второй раз сражался в Андагаре». «В третий раз сразился на вершине Чуш». «В четвёртый раз я сражался в Езгенте-Кадаз» и т.д. В этих предложениях содержится информация:

- о месте сражения;
- о кратности боя;
- указание на врага, против которого тюрки сражаются;
- о результатах битвы.

Динамику движения войск и их боевые действия выражают акциональные глаголы: *сразились (ся), покорили, разбили, убил, подчинили, рассеяли, преследовали, напали, бросился, заколол* и т.д.

2. Древнетюркская модель мира и типы мышлений древних тюрков

2.1 Реконструкция древнетюркской модели мира

Познавательная деятельность человека раскрывается в различных типах мышления, исследованных на примере развития личности в онтогенезе (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, П.Я. Гальперин Ж. Пиаже, А.Н. Леонтьев, К. Бюлер, В. Вундт, В.Штерн, И.Н. Горелов) и рода человеческого в филогенезе (К. Леви-Стросс, К. Леви-Брюль, Ф. Кликс, Э. Тайлор, В. Тэрнер). Эти типы мышления характеризуются как *аффектно доречевое, конкретно предметное, понятийно-аналитическое* и проявляются в актах осмысления мира, в процессе категоризации и концептуализации мира человеческим сознанием. Представления о мире формируются в концептах и категориях. «Концепты возникают в результате восприятия, воображения, мышления, материализуются языком, хранятся памятью и относятся к элементарным когнитивным единицам. Категории состоят из концептов и относятся к системным единицам знания» (Жаналина, 2004, с.10). В категориях и концептах как квантах знания репрезентируется языковая картина мира.

Понятие картины мира, несмотря на её разработанность, является весьма сложным понятием, ибо находится в плоскости научной, философской, мировоззренческой, социально-эмпирической. Основная роль в формировании картины мира принадлежит мышлению (сознанию), с другой стороны, картина мира инициируется и другими психическими процессами – через ощущение, восприятие, и воображение. Человек видит и ощущает мир, созерцает и постигает его, познаёт и понимает, пребывая в нем, отражает и отображает в своем сознании все возможные миры. Поэтому образ мира возникает «в различных актах мироощущения, мирочувствия, мирозерцания, мировосприятия, мировидения, миропонимания, миропредставления, мирооценки, мироуяснения, в актах переживания мира как целостности, в актах миродействия» (Постовалова, 1988, с. 20). Метафора картина мира состоит из нескольких процессов: 1) опредмечивание и осмысление образов мира, обусловленных жизнедеятельностью человека; 2) созидание, творение и разработка новых образов- концептов в сознании человека в ходе специальной рефлексии; 3) отражение этих образов и понятии в языке. В связи концептуальной картины мира с ресурсами языковой системы того или иного этноса раскрываются этнические ментальные стереотипы и представления этого народа.

Картина мира древних цивилизаций в культурологических исследованиях определяется многими исследователями как модель мира (К. Леви-Стросс, А.Ф. Лосев, Г.Д. Гачев, А.Я. Гуревич, Б.Успенский, Вяч. Иванов, В.Н. Топоров). А.Я. Гуревич, исследуя особенности средневековой культуры, пишет, что термин «модель» он считает равнозначным для таких понятий, как «модель мира», «картина мира», «видение мира». Модель мира А.Я. Гуревич определяет как «сетку координат», при посредстве которых люди

воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании (Гуревич, 1972, с. 16-25).

Исследуя пантеон восточных славян и их культовые традиции, Вяч. Иванов, В.Н. Топоров на основании бинарных оппозиции реконструируют древнеславянскую модель мира и представляют её в следующих семантических оппозициях: *высший-первый, белый - черный, бессмертие - смерть, близкий - далёкий, вареный - сырой, вертикальный - горизонтальный, верх - низ, весна (лето) - зима, видимый - невидимый, восток - запад, главный - неглавный, день - ночь, доля - недоля, дом - лес, жизнь - смерть, земля - вода, красный (пурпуровый) - черный, четный - нечетный, мужской - женский, небо - земля, огонь - влага, освоенный - неосвоенный, посвященный - непосвященный, правый - левый, предки - потомки, прямой - кривой, сакральный - мирской, светлый - темный, свой - чужой, суша - море, сухой - мокрый, человек - нечеловек, человеческий - звериный, счастье - несчастье, чет - нечет, чистый - нечистый, юг - север, явленный - неявленный* (Иванов, Топоров, 1965, с.17-54). Эти семантические оппозиции иллюстрируют основные ключевые понятия, по которым древние славяне жили и воспринимали мир: их образ жизни (*дом - лес, доля - недоля*), питание (*вареный - сырой*), территорию (*суша - море, сухой - мокрый*), верование (*чистый - нечистый*) отношения с другими племенами (*близкий - далёкий, свой - чужой*) и другие понятия, раскрывающие процессы осмысления мира в сознании славян. Например, смыслы оппозиций *белый - черный, правый - левый, свой - не свой* в картине мира славян связаны с конем главного бога восточных славян Свентовита: *белый* (масть коня), *черный* (грязь, покрывающая коня после ночных выездов), *дневной - ночной* (ночью конь Свентовита выезжает на сражение с врагами), *свой, близкий - не свой, чуждый, враждебный, далекий* (подчеркивается долгий путь коня ночью навстречу врагам), *правый* (благоприятный, счастливая примета), - *левый* (неблагоприятный, дурное предзнаменование)» (Иванов, Топоров, 1965, с.33).

Модель мира древних цивилизаций и культур воссоздается посредством «отпечатков» и «следов» предметов материальной культуры и на основе анализа языка (текста памятников). К предметам материальной культуры, найденных в поминальных комплексах Орхона относятся храмы (мавзолеи) на стенах которых изображены походы и сражения; стелы, воздвигнутые на спинах черепах, скульптуры людей и животных, каменные оградки с растительными узором и зооморфными изображениями, фрагменты домашней утвары, каменные балбалы и многие другие предметы, содержащие большую информацию о древнетюркском мире.

Ключевое место в воссоздании древнетюркской модели мира отводится языковым средствам, к которым относятся отдельные слова-лексемы, бинарно повторяющиеся слова, клишированные сочетания и предложения. Эти языковые средства, представленные в текстах памятников Кюль-тегина,

Бильге-кагана, Тоньюкука, Кули-чора, образуют древнетюркскую концептуальную модель мира. К ним относятся следующие единицы: **ᠲᠡᠨᠭᠢ ᠤᠮᠠᠵᠢ** Tenḡri- Umaj, **ᠵᠡᠷ ᠰᠤᠪ** Jer-Sub (**Тенгри-Умай и Земля-Вода**); **ᠴᠢᠯᠤᠳᠤ** k'itört buluḡ (**четыре угла**); **ᠤᠨᠵᠡᠵᠢ ᠴᠢᠷᠵᠠᠶᠤ** öñjeki-qurjaḡ (**восток-запад**); **ᠵᠢᠷᠵᠠᠶᠤ ᠪᠡᠷᠵᠡᠵᠢ** jyrjaḡ-berjeki (**север-юг**); **ᠪᠡᠷᠳᠢᠨ ᠵᠢᠷᠳᠠᠨ** berden-jyrdan (**справа-слева**); **ᠤᠮᠤᠰᠤ ᠠᠰᠤ** üsti-asta (**верх-низ**); **ᠤᠨᠵᠡᠨ ᠴᠢᠷᠳᠠᠨ** öñden-qurdan (**вперед-назад**); **ᠵᠠᠶᠠᠩ ᠠᠵᠠᠶᠠᠨ** jaḡyn-uzaḡ (**близкий-далекий**); **ᠬᠦᠨ ᠲᠦᠨ** kün-tün (**день-ночь**); **ᠰᠠᠷᠢᠭᠤ ᠴᠠᠷᠠᠭᠤ** saryḡ-qaryḡ (**светлый-темный**); **ᠶᠡᠮᠦ ᠬᠥᠭᠠ** kök-qara (**голубой-темный**); **ᠠᠲᠠ ᠤᠷᠤᠭ** ata-uruḡ (**предок-потомок**); **ᠵᠠᠷᠶᠠᠨ ᠮᠡᠩᠭᠦ** jarḡan-menḡü (**творимое-вечное**); **ᠵᠠᠷᠶᠠᠨ ᠤᠬᠦᠰ** jalḡy-üküs (**единичность-множественность**); **ᠴᠢᠷ ᠤᠬᠦᠰ** az-üküs (**малочисленный-многочисленный**); **ᠲᠢᠷᠢᠭ ᠤᠯᠤᠲ** tirig-ölüt (**жизнь-смерть**); **ᠵᠠᠶᠠᠨ ᠪᠣᠳᠤᠨ** qaḡan-bodun (**каган-народ**); **ᠮᠣᠶ ᠵᠠᠲ** kentü-jat (**свой-чужой**); **ᠲᠠᠯᠠ ᠶᠠᠷᠠᠵᠢᠭᠤ ᠬᠢᠰᠢᠭ** aḡlaḡḡy-kišig (**старший-младший**); **ᠳᠠᠴᠢᠭᠠᠢ ᠪᠠᠵ** daḡyḡai-baj (**неимуций-богатый**); **ᠵᠠᠯᠢ ᠶᠡᠷ** alp-er (**герой-муж**); **ᠲᠡᠭᠦᠲ ᠰᠦᠨᠵᠢᠰ** tegüt-sünüş (**походы и сражения**); **ᠡᠷᠣᠭᠤ ᠶᠤᠭᠤᠰ** eroḡy-qyḡ oḡy (**мужской-женский**); **ᠲᠦᠷᠦᠬ ᠪᠡᠭᠢ** türük bekleri-sübaḡy (**тюркские беки и военачальники**); **ᠲᠦᠷᠦᠬ ᠲᠠᠪᠭᠠᠴ** türük-tabḡaḡ (**тюрки-табгачи**); **ᠲᠦᠷᠦᠬ ᠲᠦᠷᠭᠡᠴ** türük-türgeč (**тюрки-тюргеши**); **ᠲᠦᠷᠦᠬ ᠴᠢᠷᠶᠢᠵᠢ** türük-qyrqyz (**тюрки-кыргызы**); **ᠲᠦᠷᠦᠬ ᠲᠣᠭᠤᠰ** türük-toḡuz-oḡuz (**тюрки-тогыз-огузы**); **ᠲᠦᠷᠦᠬ ᠪᠢᠯᠡ ᠵᠠᠵ ᠪᠣᠳᠤᠨ** türük bile jat bodun (**тюрки и другие народы**); **ᠲᠢᠵᠢᠯᠢᠭ ᠪᠠᠰᠢᠯᠠᠭᠤ** tizilig-bašlyḡ (**имевших колени-имевших головы**); **ᠵᠠᠪᠪᠠᠯ ᠮᠡᠩᠭᠦ ᠲᠠᠰ** balbal-menḡü taš (**балбалы**); **ᠶᠠᠳᠢᠷᠶᠠᠨ ᠵᠢᠰ** Qadyrḡan jyš (**Кадырканская чернь**); **ᠶᠡᠮᠢ ᠶᠡᠷᠶᠠᠭᠤ** Temi rḡaryḡ (**Железные ворота**); **ᠤᠲᠦᠬᠡᠨ ᠵᠡᠷ** Ötüken jer (**Отюкенская земля**) [Шаймердинова, 2007, с.47]. В этих словах и выражениях представлены ключевые понятия древнетюркской картины мира: их верования, образ жизни, традиции и обычаи, тюркские правители и их действия, тюркский народ и его герои, враги - «чужие», «свои» - родственные племена, названия значимых топонимов, ойконимов, гидронимов и многое другое, что составляет смысл жизни древних тюрков, определяет их поведение, раскрывает их представление о себе и окружающим мире.

Эти понятия классифицируются по тематическим группам:

- **верх – низ (üste-asta), Тенгри-Умай, Земля-Вода (Jer-Sub)** - раскрывают мировоззренческие духовные начала, верование древних тюрков, их верховных божеств;

- «четыре угла» (*tört buluŋ*), восток - запад, север - юг, вперёд – назад, близкий – далёкий, солнце - ночь, справа - слева, Кадырканская чернь – Темир-капыг, Отюкенская чернь и другие показывают пространственные смыслы;

- предок - потомок (*ata-uruq*), творимое – вечное (*jaratqan-teŋgü*), вечный камень и вечный «эль» выражают значение времени;

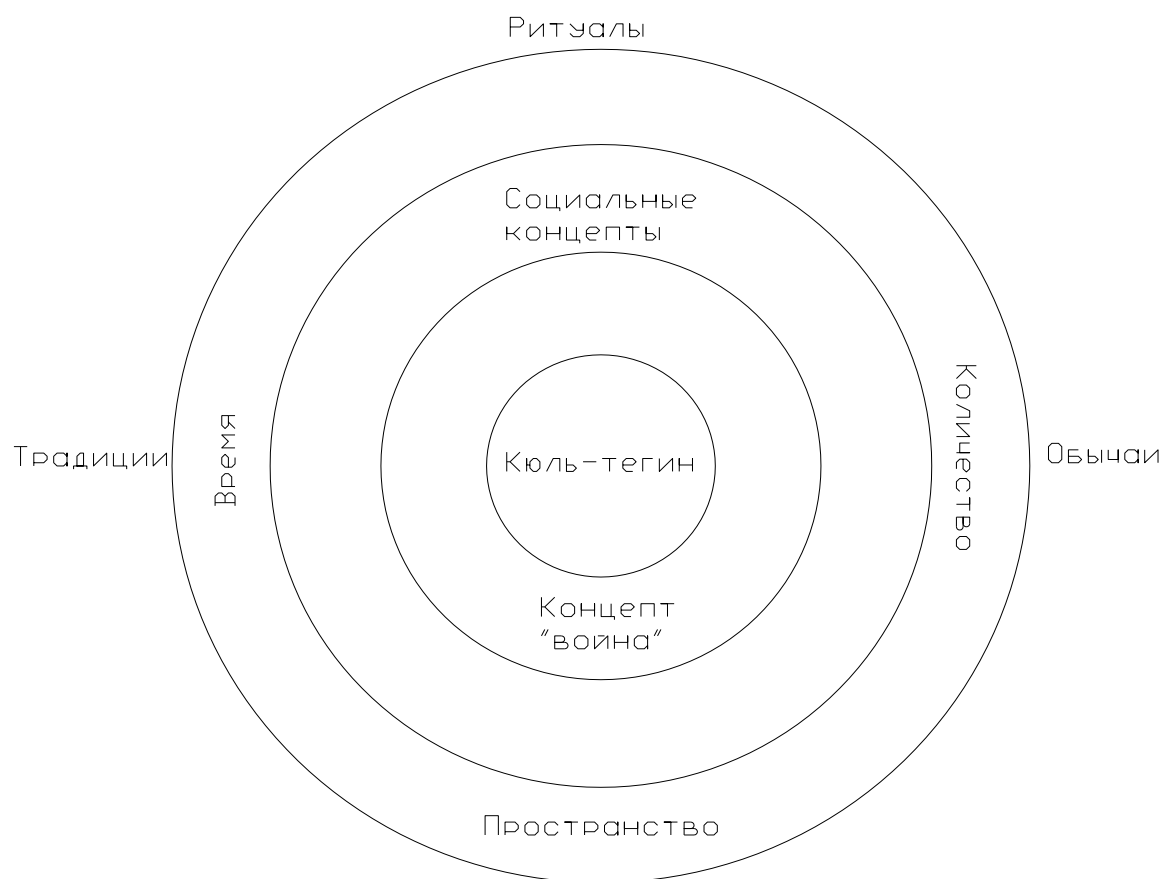
- единичность-множественность, малочисленный – многочисленный, передают количественные представления;

- каган – народ, свой - чужой, старший – младший, неимуций – богатый, герой-муж – народ (личность и общество); мужской – женский; тюркские беки и военачальники – народ раскрывают социальные отношения в древнетюркском обществе;

- тюрки - табгачи, тюрки - тюргеши, тюрки -кыргызы, тюрки - тогуз-огузы, тюрки и другие этносы, «имевших колени» - «имевших головы», выражают взаимоотношения с внешним миром, с другими государствами и отношение к родственным племенам;

- жизнь-смерть, плачущие – скорбящие, балбалы - вечный камень, характеризуют этнокультурные представления(традиции, обычаи, ритуалы).

Таким образом, в концептуальном поле древних тюрков ключевыми оказались универсальные понятия времени, пространства, количества, мировоззренческие представления о верховных богах, социальные отношения, раскрывающие правление каганов, жизнь и подвиги древнетюркских героев, походы и сражения, взаимоотношения с врагами и родственными племенами и этнокультурные константы (традиции, ритуалы, обычаи) как формы превращенного сознания.

2.2 Эмпирические знания о мире древних тюрков

Категоризация и концептуализация мира или осмысление древнетюркской действительности происходит на основе жизненного опыта, перцептивно-чувственного восприятия мира, следованию традиции предшествующих поколений, т.е. на базе обыденного познания, которое в современных исследованиях характеризуется как наивное понимание («наивная картина мира», «наивная модель мира»). По мнению Ю.Д. Апресяна, складывающаяся веками наивная картина мира, в которую входит наивная геометрия, наивная физика, наивная психология и т.д., отражает материальный и духовный опыт народа – носителя данного языка (Апресян, 1995, т.1 с. 57). В наивной картине мира воплощаются отнюдь не примитивные знания, а знания, имеющие донаучный характер, знания, накопленные коллективом (этносом) в результате многовековой познавательной деятельности окружающего мира (природы и социума), и приобретается этот опыт на основе чувственно воспринимаемых эмпирических знаний. Поэтому в теории познания понятие *наивный* чаще всего сопоставляется с понятием научный, (энциклопедический, рационально-понятийный). По сравнению с научной картиной наивная картина обозначает *обыденное, донаучное сознание*, которое по своей сущности, по мнению Ю.Д. Апресяна, ничуть не «беднее» логического мышления, поскольку в нём аккумулируется весь исторический опыт познания мира. Наивные представления отнюдь не примитивны. Во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. Наивные представления хаотичны, но образуют определённые системы и, тем самым, должны единообразно описываться в словаре (Апресян, 1995, т.2, с. 351).

Таким образом, в понятии «**наивный**» можно выделить следующие признаки:

- представления категориального многообразия мира,
- материальный и духовный опыт народа,
- опыт, приобретаемый на протяжении длительного времени,
- коллективный опыт народа, этноса,
- представления обыденного, донаучного сознания,
- представления, имеющие системный характер, выражающие многообразие связей, поэтому являющиеся сложными,
- представления вербализованные.

К числу ядерных признаков относятся признаки: *донаучный (опытный), коллективный, многообразный, вербализованный*. Признаки наивной картины проявляются и в древнетюркском сознании, в древнетюркской картине мира, что подтверждается материалами памятников. Например, в текстах Кюль-

тегини и Бильге-кагана стороны света (восток – запад, север – юг) передаются через выражение «четыре угла» (*tört buluŋ*):

1. ...*Севъ (на царство), онъ поддерживалъ и устроялъ племенной союзъ и установленія турецаго народа. Четыре угла (т.е. народы, жившіе вокругъ по всемъ четырёмъ странамъ света) все были (ему) врагами; выступая съ войскомъ, онъ покорилъ все народы, жившіе по четырёмъ угламъ, и принудилъ ихъ всехъ къ миру* [Мелиоранский, КТб, 1-2].

Выражение «четыре угла» обозначает не только стороны света, но и содержит более глубинные представления древних тюрков. Во-первых, обозначает субъектный смысл человека и связанное с ним значение тотальности, всеохватности – всех людей, все народы, что само по себе является наивным представлением о количественном составе окружающего социума. Во-вторых, в этом выражении проявилось донаучное понимание географической сферы Земли как четырехугольного пространства. В-третьих, такое понимание присуще не только древнетюркской культуре, но и многим древним цивилизациям и культурам. Как пишут Вяч. Иванов и В.Н.Топоров, в древнеславянском представлении Земля также имела четырехугольную форму. С.Г. Кляшторный отмечает: «Земля представлялась создателям текстов четырёхугольным (квадратным) пространством, населённым по краям народами, враждебными тюркам» (Кляшторный, 1964, с. 122).

Сакрально - эпическими словами начинается текст Кюль-тегина: «*Когда были сотворены наверху всемогущий Тенгри (Небо), внизу бурая земля, между ними были сотворены сыны человеческие*» [Жолдасбеков и др. КТ.І.1].

Основной смысл этого предложения заключается в выражении идеи **творимости**: творимо небо, земля, люди (*сотворены сыны человеческие*) – творимы все явления, всё сущее во Вселенной. Выражение *сотворены сыны человеческие* означает творимость людей какими-то высшими силами Тенгри, верховными богами. Идея творимости мира, природы, людей в сознании древних тюрков, безусловно, имеет наивный характер.

Наконец, верховные божества древних Тенгри и Умай, по наивному полаганию тюрков, одушевлены, они живут, чувствуют, действуют, как люди, и принимают активное участие в жизни древних тюрков:

1. «*[Тогда] вверху Тенгри тюрков, тюркская священная Земля и Вода так сказали: «Да не погибнет тюркский народ, пусть будет народ!» Сказав так, Тенгри отца моего Эль-терис-кагана и мать мою Эль-бильге-катун, подняв над головой (благословив их), возвысил*» [Жолдасбеков и др. КТ.І.10-11].

2. *Чтобы не исчезли имя и слава тюркского народа, Тенгри, который возвысил моего отца-кагана и мою мать-катун, Тенгри, дарующий каганам государство, посадил меня самого каганом* [Жолдасбеков и др. КТ.І.25-26].

Таким образом, древнетюркская картина мира определяется как донаучное, эмпирически опытное, коллективно воссоздаваемое

представление об окружающем мире, природе, социуме. Представление, обусловленное практической жизнедеятельностью человека, исторически формируется в формах обыденного познания и репрезентируется средствами языка.

2.3 Типы мышления древнетюркского сознания

2.3.1 Язык и мышления в онтогенезе

Интерпретация интеллектуальной деятельности в формировании и становлении антропогенеза один из сложных вопросов и краеугольный камень всей научной деятельности, поскольку интеллект составляет статусный феномен человека как такового и, несмотря на его философские (эпистемологические), логические, психологические, лингвистические осмысления, многое в определении природы, функционирования мозга, связи его с кодами действительности (каким, к примеру, является язык) до сих пор остаётся не ясным. Как неоднозначно в истории развития мысли толкование самого процесса мышления. Например, в концепции Л.С. Выготского: «Всякая мысль стремится соединить что-то с чем-то, установить отношение между чем-то и чем-то. Всякая мысль имеет движение, течение, развёртывание, одним словом, мысль выполняет какую-то функцию, какую-то работу, решает какую-то задачу» (Выготский, 1962, с. 305).

Взаимодействие языка и мышления в исследованиях по антропогенезу прослеживается на становлении и развитии мыслительной деятельности ребенка или личности (сфера онтогенеза) и на примере исторического развития органического мира, истории развития человечества (сфера филогенеза).

Считается, что генетическая основа мысли и генетическая основа языка являются двумя самостоятельными явлениями, имеют свои собственные истоки: мышление – «довербальную», язык – «доинтеллектуальную». Каждая из названных сфер до определенного периода развивается самостоятельно, независимо друг от друга.

Первые месяцы жизни ребенка определяются как аффектно-эмоциональная, или довербальная фаза (Ж. Пиаже, Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, А.Н. Леонтьев, А. Рубенштейн). Аффектно-эмоциональной фазы - важная и необходимая основа для речемыслительного развития ребёнка, её составляющими являются плач, крик, лепет, смех, представляющие сферу протомышления. Важность довербальной фазы в жизни ребёнка отмечает П.Я. Гальперин, считая, что тот, кто оторвал мышление с самого начала от аффекта, тот навсегда закрыл себе дорогу к объяснению причин самого мышления (Гальперин, 2005, с. 117).

Последующий этап развития мыслительной деятельности ребенка связан с развитием речи, проникновением структур сознания в структуры языка, в

результате которого появляется вербальное мышление. Последнее есть сложный психофизический процесс, зависящий от многих факторов: генетического кода ребенка, заложенных в нем способностей и развития этих способностей социумом, физических данных.

В зависимости от степени взаимодействия речи с мышлением вербальное мышление в психологии и психолингвистике делится на:

- сенсомоторное,
- конкретно-предметное,
- эгоцентрическую речь,
- внутреннюю речь,
- понятийное, вербально-логическое мышление (К. Бюлер, Д. Уотсон,

Ж. Пиаже, В. Вундт, В. Штерн, Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, А.А. Леонтьев).

«В известный момент, приходящийся на ранний возраст (около двух лет), - пишет Л.С. Выготский, - линия развития мышления и речи, которые шли до сих пор отдельно, перекрещиваются, совпадают и дают начало совершенно новой форме поведения, столь характерной для человека» (Выготский, 1962, с. 103). В возрасте до двух лет происходит формирование **сенсомоторного мышления**, закладывающего у ребёнка основы понимания и осмысления мира. Общение ребёнка с матерью, отцом, с ближайшими родственниками, формирует речь - слоги, первые неформленные слова, телеграфный язык, представляя начало процесса вербализации мышления, или, по выражению Ж. Пиаже, поле сенсомоторной деятельности ребёнка (Пиаже, 1969, с. 109-163).

Считается, что к концу сенсомоторного периода в определённых пределах сформированы механизмы дифференциации и генерализации, обеспечивающие в ходе предметных действий возможность, во-первых, отличать предметы друг от друга, а во-вторых, группировать их (Горелов, 2003, с. 20). Речь идет о становлении и развитии **конкретно-предметного мышления**, который характеризуется В. Штерном как период осознания языка, или пониманием отношения между знаком и значением, пробуждением «темного сознания значения языка и воля к его завоеванию». Ребёнок в эту пору делает величайшее открытие в своей жизни: он открывает, что «каждая вещь имеет своё имя» (цитируется по Выготскому, 1962, с. 103).

Ребёнок, почти ежедневно пополняя и расширяя свой словарный запас, стремится понять, почему предмет так называется, и каждому предмету присваивает конкретное имя (слово). В таком конкретно-предметном мышлении **имя не отрывается от вещи, общие понятие ещё не сформулированы**.

Иначе говоря, эта область «наивной физики» - наивный опыт ребёнка в области физических свойств собственного тела и окружающих его предметов, объектов, орудий, наивный опыт, в котором проявляются первые

операции его практического ума. В сфере языка овладение грамматическими структурами и формами происходит раньше, чем овладение логическими структурами и операциями, соответствующими данным формам. Ребёнок овладевает синтаксисом речи раньше, чем он овладевает синтаксисом мысли, грамматическое развитие ребёнка идёт впереди его логического развития (Выготский, 1962, с. 109).

В процессе развития интеллектуальной деятельности конкретно-практическое мышление ребёнка эксплицируется с *эгоцентрической речью*, которая проявляется в возрасте от 3 до 5 лет 54 - 60%, а от 5 до 7 лет 44 - 47% (Д. Уотсон, А.Р. Лурия, Ж. Пиаже, Л.С. Выготский). В характеристике эгоцентрической речи важными являются три момента:

- эгоцентрическая речь представляет собой коллективный монолог, проявляется только в детском коллективе при наличии других детей, занятых той же деятельностью, а не тогда, когда ребёнок остаётся сам собой;

- коллективный монолог сопровождается иллюзией понимания, ребёнок верит и полагает, будто его ни к кому не обращенные эгоцентрические высказывания понимаются окружающими;

- речь для себя имеет характер внешней речи, совершенно напоминая социализованную речь, а не произносится шепотом, невнятно, про себя (Выготский, 1962, с. 325).

Социализацию эгоцентрической речи в детском коллективе и её функциональные свойства отметил и Ж. Пиаже. Он писал, что речь эгоцентрична прежде всего потому, что ребёнок говорит лишь о себе, и главным образом потому, что он не пытается стать на точку зрения собеседника. Он не интересуется тем, слушают ли его, не ожидает ответа, он не испытывает желания воздействовать на собеседника или действительно сообщить ему что-нибудь. Это монолог, напоминающий монолог в драме, сущность которого может быть выражена в одной формуле: «Ребёнок говорит сам с собой так, как если бы он громко думал. Он ни к кому не обращается» (Пиаже, 1969, с. 189).

Эгоцентрическая речь развивается во *внутреннюю речь*, в представление области «чистой мысли». А.Р. Лурия отмечает, что громкая речь ребёнка постепенно может сокращаться (обрывки фраз, отдельные слова), превращаясь в шепотную речь. На дальнейшем этапе внешняя речь вообще исчезает, остаются только сокращённые движения губ, по которым можно догадаться, что эта речь «вросла» внутрь, «интериозировалась» и превратилась в так называемую «внутреннюю речь» (Лурия, 1998, с.136).

В специальной литературе внутренняя речь имеет множество названий – «беззвучная речь», «речь минус звук», «теория чистой мысли», «свёрнутая речь», в которых получили отражение характеристики внутренней речи, осуществленные бихевиористами, а также русской и Вюрцбургской психологическими школами. В этих исследованиях в качестве главных отличительных признаков *внутренней речи* называются:

- предикативный характер внутренней речи,
- особая синтаксичность,
- редуцированность фонетической системы.

Во внутренней речи мысль представляется не предметно-номинативно, а как процесс, изменение, движение. Поэтому А.Р. Лурия пишет: «Внутренняя речь по своей семантике никогда не обозначает предмет, никогда не носит строго номинативный характер, т.е. не содержит «подлежащего»; внутренняя речь указывает, что именно нужно выполнить, в какую сторону нужно направить действие. Иначе говоря, оставаясь свёрнутой и аморфной по своему строению, она всегда носит *предикативную* функцию» (Лурия, 1998, с.141).

На предикативный характер внутренней речи указывает и Л.С. Выготский: «Мы всегда знаем, о чём идёт речь в нашей внутренней речи. Мы всегда в курсе нашей внутренней ситуации. Тема нашего внутреннего диалога всегда известна нам. Мы знаем, о чём мы думаем. Подлежащее нашего внутреннего суждения всегда наличествует в наших мыслях. Оно всегда подразумевается, что приводит к господству чистой предикативности во внутренней речи» (Выготский, 1962, с. 244).

В качестве релеватного признака внутренней речи называется признак «синтаксической упрощенности» или «абсолютное сгущение мысли». Сравнивая внутреннюю речь с письменной и устной речью, Выготский определяет так называемый особый синтаксис внутренней речи, для которого характерны признаки устной речи такие, как *отсутствие субъекта действия, отрывочность, фрагментарность, сокращённость* (выделено – Ш.Н.).

Сокращённость звуков, слов, фрагментов имеет самые крайние формы, редуцируя фонетическую систему мысли, превращая эти формы в «беззвучную речь» или в царство «чистой мысли».

Вербализация мысли (внутренней речи) происходит в процессе экстеризации, также функционально структурированного фазами, стадиями, изменениями. Оречвление мысли Л.С. Выготский выразил метафорически: «Мысль можно бы сравнить с нависшим облаком, которое проливается дождём слов» (Выготский, 1962, с. 256).

Экстеризация внутренней речи показывает, что ребёнок не просто понимает значение слова и соотносит это слово не с конкретным предметом, а с целым классом предметов, т.е. овладел процессом категоризации, обобщением слов, созданием понятий, проявляя вербально-логическое, или абстрактно-отвлечённое мышление в процессе познания и осмысления мира.

Развитие интеллектуальной деятельности в филогенезе длительный исторический процесс, охватывающий большие временные параметры, его истоки восходят к первым антропоидам, жившим миллионы лет назад. Антропологические, культурологические, этнографические исследования (Э.Тайлор, К. Леви-Стросс, Б. Спенсер, В.

Тэрнер, Ф. Кликс) показали, что развитие интеллекта в истории человечества связано с развитием когнитивных способностей человека в познавательном процессе. Это развитие проходит примерно те же фазы, какие свойственны речемыслительному развитию ребенка, и определяется как развитие типов невербального и вербального мышления (конкретно-предметного, понятийно-логического). Однако в отличие от аффектно-эмоциональной фазы развития ребенка в филогенезе невербальное мышление связано с древними магическими ритуалами. Последние трактуются как способы осознания мира, как формы «превращения пассивного переживания в активное оживание» (Тайлор, 1989, с. 107).

Освещение речемыслительной деятельности личности в онтогенезе дает возможность раскрыть характер и типы мышления древних тюрков, проявляющихся в содержании языковых единиц текстов памятников.

2.3.2 Типы мышления древних тюрков сквозь призму текстов

Анализ развития речемыслительной деятельности в онтогенезе и филогенезе позволяет использовать фазы этого развития для изучения особенностей древнетюркского сознания и, исходя из фактического материала текстов памятников, установить невербальные и вербальные типы этого мышления.

Как и в филогенезе, типы невербального мышления проявляются в ритуалах, обычаях, традициях, поскольку этнокультурные константы древнетюркского мира являются формами протомышления, осознания и понимания окружающего мира. К таким этнокультурным константам относятся обычаи инициации, возведение балбалов, в т.ч. и головного балбала, ритуалы, связанные с захоронениями (см. подробно во 2 главе, пп. 2.5).

Языковой материал текстов показывает, что для древнетюркской ментальности характерными формами мышления являются *конкретно-предметное (чувственно-опытное), образно-метафорическое и вербально-логическое мышление*, синтез которых демонстрирует развитие речемыслительной деятельности средневекового человека.

Конкретно-предметное мышление как одна из форм древнетюркского сознания, с одной стороны, представляет процесс развития сознания на пути к высшей интеллектуальной деятельности человека, с другой – раскрывает самобытную древнетюркскую ментальность. Так, в совместном переводе В.В. Радлова и П.М. Мелиоранского, а также в самостоятельном переводе П.М. Мелиоранского восхождение на престол Кутлук-кагана выражается следующим образом:

1. *Небо, взявъ за чубъ (букв.: темя) отца моего Ильтерисъ-кагана, и мать мою Ильбиге-катунъ, подняло их кверху (т.е. возвысило их над народомъ)* [Мелиоранский, КТб. 10-11].

В других источниках выделенное выражение переводится:

а) *Тенгри отца моего Эль-терис кагана и мать мою Эль –бильге –катун, подняв над головой, возвысил* [Жолдасбеков и др. КТ.І. 11].

б) *Небо, руководя со своих небесных высот отцом моим Ильтеришем-каганом и матерью моей, Ильбильгя-катун, возвысило их (над народом)* [Малов, КТб. 11].

в) ... *Моего отца Ильтериш-кагана,*

мою мать Ильбильгк-катун

небо, поддержав со своей высоты,

надо думать, подняло вверх (возвысило) [Стеблева, КТб. 11].

Выражение «*взяв за чуб (букв. темя)*» употреблено в конкретно-предметном значении, не случайно в скобках дается ремарка «букв. темя». Так, не отрывая «имя от вещи», древние тюрки обозначили восхождение на престол Кутлук-канана. Отмеченные синонимичные варианты этого выражения также подчеркивают конкретность мышления тюрков, но языковая репрезентация ситуации в других переводах передается предикативными формами глаголов «возвысить», «поднять».

2. *Я сел на царство над небогатым народом, я сел на царство над народомвнутри – без пищи, снаружи – без платья (Neŋ jylysyŋ bodunqa olurtadut içre aŋsyz, тыŋra tonsyz jabyz jablaq bodunqa üze olurtym),* [Жолдасбеков и др. КТ.І. 26].

Выражение «*внутри – без пищи, снаружи – без платья*» имеется во всех известных переводах и означает тяжёлое положение тюркского народа после смерти Капаган-кагана, голод и нищета народа передаются буквально, конкретно-предметными словами.

Подобные языковые формы встречаются довольно часто в текстах памятников, что и подтверждает конкретный характер мышления и понимания мира древними тюрками.

3. *Чтобы не исчезло имя и слава народа, добытые отцом и дядею, ради блага тюркского народа, я ночью не спал, днём не сидел без дела (tün idutadut, kündüz olurtadut)* [Жолдасбеков и др. КТ.І. 27].

4. *Потом благодаря милости Тенгри и потому, что был удачлив, везуч, я возродил к жизни погибающий народ, одел раздетый народ* [Жолдасбеков и др. КТ.І. 29].

5. *Создав государство, не сделал огнём и водой народы (ot sub qultadut) (держал их в мире и согласии)* [Жолдасбеков и др. БК.І. 22].

Тексты памятников насыщены художественными тропами – гиперболами, метафорами, сравнениями, переносными значениями слов, являющимися показателями *ассоциативно-образного мышления*, развитие

которого обусловлено богатым устным народным творчеством, умением владеть словом, способностью к иносказанию:

1. *Когда Небо вверху давило (üze tejri bařmasar) тебя и Земля внизу разверзлась (asra jer tilinmeser) (под тобой), о, тюркский народ, кто мог бы погубить твоё государство...»* [Малов. КТб. 22]. «Небо не давило бы» – переносное значение.

2. *Если тонкое станет толстым, то сломать может его (только) сильный. Если слабое делается крепким, то разорвать его может (только) сильный. ...* [Жолдасбеков и др. Туй. 13-14]. Содержание предложений передает умение сравнивать, обобщать, образно мыслить.

3. *Войско тюркского кагана в Болчу пришло, как огонь и буря (ot-sub)* [Жолдасбеков и др. КТ. II. 37]. Выражение представляет весьма яркое сравнение.

4. *То вперёд ходил войском, то назад ходил. Что там было хорошего? Кровь твоя бежала (лилась) рекой, твои кости лежали как горы (Qanuř subça jügürti, söñükün ta ũça jatdy)* [Жолдасбеков и др. БК. I. 20]. Сравнительные по значению предложения выражают образность гештального характера.

5. *С моим младшим братом Кюль-тегином, с двумя шадами, умирая-погибая, создавал государство (Inim Kültigin birle eki řad birle öljitü qazıandım)* [Жолдасбеков и др. БК. I. 22]. Глагольные формы «умирая-погибая» употребляются в переносном значении, вызывают образные ассоциации, передают значение сложности и трудности.

6. *На другой день они пришли, пламеня, как пожар (Ekinti kün örtçe quzur kelti)* [Жолдасбеков и др. Туй. V. 40].

7. «...Я проливал свою **красную кровь**, стекал (лился) мой **чёрный пот** (qyzıl qanım töküti, qara terim jügirti)» [Жолдасбеков и др. Туй. V. 52]. Слова цветовой символики усиливают значение образности и метафоричности мышления.

Древнетюркское сознание представляет формы аналитического **вербально-логического мышления**, что подтверждается феноменом мудрого Тоньюкука и особенностью мышления Бильге-кагана. Текст Тоньюкука демонстрирует высокий интеллектуальный потенциал мудрого советника, процесс его мыслительной деятельности, умение анализировать ситуацию, обобщать, предугадывать намерения врагов, выносить свои решения, фактически весь текст – это внутренняя речь, монолог-рассуждение Тоньюкука. Например: показательны рассуждения советника, когда Кутлук-каган восходит на престол. Тоньюкук рассуждает вслух, сможет ли каган укрепить власть, пошатнувшую от внутривидовых конфликтов, привлечь на свою сторону беков и удержать народ: «Я думал: если (будущий хан) вообще знает, (что у него есть) и тощие быки, и жирные быки, но он не может (не способен, не знает) назвать (в отдельности, который) жирный бык (и который) тощий бык. Говоря, (в сердце своем), я так думал. Затем:

так как небо даровало мне знание, то (несмотря на малые способности хана) сам я захотел (его в качестве) хана» [Малов, Тон. 5- 6].

Метафорически образно называет Тоньюкук социальное расслоение в тюркском государстве «жирный бык» - верховная знать в лице беков, военачальников, шадов, тарханов; «тощий бык» - простой народ. Вся строфа логически структурирована: начинается с предложения-размышления «я думал». Далее следуют:

- пропозициональная конструкция, выражающая сомнение: «знает ли каган, что есть жирные и тощие быки» (сомнение по поводу хорошо ли знает каган социальное расслоение);

- пропозициональная конструкция, выражающая отрицание «не может, не способен, не знает» (утверждается мысль, что каган слабо разбирается в социальной действительности);

- выражение, передающее эмоциональное состояние-сопереживание, размышление по поводу необходимости поддержки кагана со своей стороны: «Говоря, (в сердце своем), я так думал»;

- причинно-следственное предложение, в котором содержится высокая самооценка Тоньюкуком собственных интеллектуальных возможностей, которые позволяют ему прийти к необходимому решению в данной ситуации: «Затем: так как небо даровало мне знания ... то я сам захотел (его) в качестве хана».

Таким образом, речь и язык Тоньюкука являются показателями абстрактно-логического мышления, в котором есть все составляющие этого мышления: сомнение, отрицание, утверждение, причинно-следственные значения, синтез-обобщение.

В тексте Бильге-кагана изложение происходящих событий, походов, завоеваний, обустройств народа сопряжено с экспликацией мысли кагана, его дум и размышлений по поводу происходящего: *Так как Небо было (ко мне) благосклонно и я столько приобрел (завоевал), то и тюркский народ стал тоже приобретать. Если бы я не приобретал с большим усердием (желанием), то народ тюркский мог бы умереть и совсем уничтожиться...вы тюркские беги (и народ) подумайте об этом! Так знайте!* [Малов, Хс. 33].

Процесс мыслительной деятельности кагана раскрывается через следующие речемыслительные ситуации:

- причинная каузация «так как Небо было (ко мне) благосклонно и я столько приобрел (завоевал) (*Teŋri jarylqaz qutum bar ücün, ülügim bar ücün*)»;

- обоснование материального благополучия тюркского народа «тюркский народ стал тоже приобретать (*türük bodun anta qaz Ƴanty*)»;

- высокая самооценка своих усилий («приобретал с большим усердием»), своей деятельности «если бы я не приобретал с большим усердием (желанием), то народ тюркский мог бы умереть и совсем

уничтожиться (*türük bodun ölürejin, uruysyratajyn tir ermis, joq udu baryr ermis*)»;

- императивное изложение своей воли, для которого используются формы личного местоимения, глагол повелительного наклонения, повышенная интонация (восклицательный знак) «*вы тюркские беги (и народ) подумайте об этом! (türük bekleri qatuydu tyñla!)*»;

- призыв к анализу ситуации «*подумайте*»;

- сентенция-призыв «*Так знайте! (anta biliñ!)*», которым завершается логика рассуждений кагана.

Анализ языкового материала показывает, что интеллектуальная деятельность древних тюрков проявляется в формах невербального (магически-ритуального) и вербального конкретно-предметного, образно-метафорического, абстрактно-логического мышления. И эти типы мышления являются формами осознания и восприятия окружающего мира.

Вопросы для самоанализа и контроля

1. С именами каких ученых связано исследование Орхонских памятников?
2. Расскажите историю открытий и исследований этих памятников.
3. Каков жанровый статус Орхонских текстов? Можно ли назвать эти тексты эпитафийными?
4. Назовите основные признаки Орхонских текстов с позиции формальной текстологии.
5. Сравните пространственно-временной континуум текстов Кюль-тегин, Бильге-каган, Тоньюкук, Кули-чор, в чем их различие?
6. Назовите основные вербальные и невербальные средства когезии (внутритекстовых связей) в тексте Кюль-тегин.
7. Определите виды когезии в текстах Бильге-каган, Тоньюкук, Кули-чор.
8. Охарактеризуйте основные признаки Орхонских текстов с позиции когнитивно-дискурсивного анализа.
9. Почему восприятие определяется как когнитивный процесс? Как проявляется процесс восприятия в Орхонских текстах?
10. Как вы понимаете значение выражений «картина мира», «языковая картина мира», «модель мира»?

11. Как реконструируется модель мира в древнетюркских текстах? Какие категории являются его составляющими?
12. Что такое «наивная картина мира», и как она проявляется в Орхонских памятниках?
13. Назовите основные типы мышления древних тюрков.

Глава 2 КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ТЕКСТОВ

В древнетюркских Орхонских памятниках запечатлены этногенез, история, культура, духовность всех тюркских народов, в том числе и казахского народа. Познание этих ценностей сегодня в эпоху глобальных объединений, социальных катаклизмов, нивелирование национальных культур и языков как никогда необходимо и востребовано. Изучению мира древнетюркских текстов наиболее адекватны методы и механизмы современной когнитивной лингвистики, ориентированные на познание мира сознания, мира переживаний человека сквозь призму языка и его единиц, к числу которых относится и текст. Когнитивная методология, как никак другая научная эпистемология, позволяет выявить картину мира (модель мира) древних тюрков, реконструированную на основании языковых бинарных и небинарных единиц. Содержательной организацией этой модели являются смыслы (категории и концепты), передающие различные аспекты жизни тюрков, их понимание и осмысление мира.

Эти смыслы, образуя концептуальное пространство древних тюрков, выражают духовные представления тюрков, понимание времени, пространства, количества, демонстрируют сеть социальных отношений – проблему власти и управления тюркским каганатом, воссоздание героических личностей тюркского мира, раскрывают вопросы мира и войны в отношениях с родственными племенами и внешними врагами. Кроме того, важным для понимания картины мира древних тюрков оказывается знание традиций, обрядов, обычаев, рассматриваемые в данной работе не только как этнокультурные константы, но и как формы мышления, формы «превращенного сознания».

Целостность тюркской концептосферы определяется взаимодействием концептов мировоззренческого (духовного), универсального, социального и этнического характера, каждый из которых является самостоятельным ментальным пространством в рамках древнетюркской модели мира.

2.1 Верование и духовные ценности древних тюрков

Проблема духовности в историческом развитии любого государства и этноса является одним из вечных вопросов, поскольку в ней проявляются общечеловеческие ценности и этнические ментальные интенции. Радикальные процессы различного характера, происходящие в мировом масштабе, изменили ценностные ориентации современного человека, стали причиной духовного упадка, духовных катаклизмов и трансформаций как Запада, так и Востока. Процесс «открытых окон» обусловил вхождение массовой западной культуры в духовные истоки Востока, вот почему «основные ценностно-смысловые ориентации европейской культуры:

демократия, индустриализация (постиндустриализация), лежащие в основе техногенных обществ, всё более проникают в духовную парадигму азиатской культуры. Возникает драматичный вопрос: сможет ли азиатская культура, подключившись к Европейской социальной парадигме, сохранить свою самобытность, свои базисные ценностные ориентиры? Или же, согласно печальному рассуждению Шпенглера, её ждёт гибель по мере вхождения в стадию цивилизации» (Ергали, 2003, 108).

С другой стороны, духовный тупик, который переживает Запад, в связи с техногенными процессами и вещно-натуралистическими тенденциями, всё больше обращает его взгляд на Восток. Не случайно многие духовные течения Востока имеют большой успех у европейцев. Поэтому сегодня принято говорить о диалоге и интеграции культур, бережном отношении к общечеловеческим ценностям, достижениям мировой цивилизации и этнокультуре.

В духовности сопряжены не только эстетические, этические, теоретические формы, но и смысловое измерение жизни человека, основные вопросы которого заданы исторически, в древности такими памятниками, как древнетюркские.

Духовные основания тюркских этносов на рубеже V – VIII веков представляют весьма сложное явление. В них наблюдается совмещение нескольких религий Тенгрианства, шаманизма, буддизма, манихейства, христианства, впоследствии «сросшихся» в основном ареале с буддизмом и исламом (В.В. Радлов, П.М. Мелиоранский, В.В. Бартольд, И.Л. Кызласов, А.С. Аманжолов).

В.В. Радлов, П.М. Мелиоранский, комментируя текст Кюль-тегина, определяют верование тюрков как проявление шаманизма. Они пишут: «Шаманисты (т. е. тюрки – пояснение Ш.Н.) поклоняются духамъ земли и воды своей родины и кроме того отдельныя места ея (лесные участки, скалы и пр.) освящены жертвоприношениями» (Радлов, Мелиоранский, 1897, с.19).

Описывая верования тюрков, В.В. Бартольд пишет: «Для понимания психологии народа было важно знать его религиозные верования. Надписи не говорят об этом почти ничего. Говорится о культе неба и земли, причём иногда употребляется «турецкое небо» и «турецкое земля и вода». Одно и то же слово *таңри* обозначает небо в материальном смысле и небо как божество. Из тех мест, где говорится о земле и воде (җар, суб), тоже можно сделать заключение, что имеется в виду земля и вода как единое божество, а не как собрание духов земли» (Бартольд, 1993, с.10). И далее, ученый приходит к выводу: «Несомненно, что турки были шаманистами, хотя турецкое слово для обозначения шамана, *кам*, нигде не встречается. В енисейских надписях рядом со словом *таңри* встречается слово *бал*, по-видимому, в смысле духа, почитаемого шаманистами; в орхонских надписях этого слова нет» (Бартольд, 1993, с.10).

О том, что у тюрков была монотеистическая религия и они поклонялись Тенгри, пишет И.Л. Кызласов. Он считает, что орхоно-енисейские памятники впервые раскрывают для науки существование в раннесредневековой Южной Сибири и северо-западной Монголии монотеистической религии. И.Л. Кызласов отмечает, что связанные с единобожием енисейские наскальные надписи не называют имени божества, и это, конечно же, не случайно. В ряде разных строк божество именуется *taŋri* – древним, ещё к тюркскому язычеству восходящим словом, в котором оно означало *небо*. В наших надписях оно уже называет единого бога, связанного с небесным пребыванием, но повелевающего и земными пределами (Кызласов, 2001, с. 246).

Значение Тенгри может иметь и дополнительный личностный смысл: само слово *taŋri*ужене означает в надписях Небо, а понимается как Бог. Важнейшим признаком новой религии служит личная связь верующего с божеством. Формула *tanŋum* «боже мой» доказывает, что южносибирское общество уже созрело до формирования или принятия монотеизма с его вполне осознанной ролью отдельной личности, отраженной в доктрине личной воли и личного спасения верующего. Подобное обращение к богу содержится не только в христианских, но и в манихейских текстах». Поэтому, по мнению И.Л. Кызласова, для раннего средневековья характерны две идеологические системы: христианство и манихейство (Кызласов, 2001, с. 253).

А.С. Аманжолов утверждает, что к 70-м годам седьмого века нашей эры Первый тюркский каганат распространял свою власть на значительной территории от Саяно-Алтайского нагорья на севере до Тянь-Шаня и Согда на юге, от Черного и Каспийского морей на западе до великой Китайской стены на востоке. В то же время тюркская династия официально принимает буддизм. В середине VIII на месте Восточно-тюркского каганата возникает уйгурский каганат, в котором официально утвердилось манихейство (Аманжолов, 2003, с. 15).

Известно, что в средневековье жизнь человека была неотделима от жизни природы, космоса. Макрокосмос и микрокосмос, мир человека, воспринимались в едином пространственно-временном континууме: космос управлял жизнью человека, а человек был подобием макрокосмоса. По мысли А.Я. Гуревича, микрокосмос – не просто малая часть целого, не один из элементов вселенной, но как бы её уменьшенная и воспроизводящая реплика. Микрокосмос мыслился в виде человека, который может быть понят только в рамках параллелизма «малой» и «большой» вселенной (Гуревич, 1972, с. 52).

В понимании средневекового человека макрокосмос (мир, Вселенная) состоял из трёх миров: верхнего, среднего, нижнего. Верхний мир считался местопребыванием богов, а впоследствии и избранных людей после их смерти; средний мир представлял землю, на которой обитали все живые

существа, в том числе и человек, и нижний мир ассоциировался с царством мертвых и хтонических демонов, что нашло яркое воплощение в тексте памятника Кюль-тегин: *Когда Небо сверху не давило тебя и Земля внизу не разверзлась (под тобой), о, тюркский народ, кто мог бы погубить твоё государство (твой племенной союз и законную власть над тобою*[Малов, КТб. 22].

Верхний мир - это Небо, средний мир – Земля и нижний мир то, что находится под Землёй – темнота, провал, глубина. Последний смысл раскрывается в значении глагола «разверзлась». «Разверзаться», что означает «раскрыться, раздвинуться, образуя провал, открывая глубину» (ЛЭС, 1990, с. 590). В значении глагола воссоздаётся образное восприятие тёмного нижнего мира, провала.

По большому счёту в архаическом представлении многих народов макрокосмос делится на две части: верх и низ, а срединный мир, мир человека и живой природы, был недолговечным и кратким, поэтому базовой является оппозиция верхнего и нижнего мира. Верхний и нижний миры составляют единство противоположности, находятся в единой связи, осуществляемой то мировым деревом, как у древних майя, то высокими горами, то башнями-небоскрёбами (типа китайской башни «та»), то байтереком (в мифологии казахов) (Жубанов, Ибатов, 1990, с.321).

Тексты Орхонских памятников отражают философию средневекового человека в ее бинарной структуре в виде противопоставления Тенгри-Умай и Земли-Воды, неба и земли, верхнего мира и нижнего мира: *Когда было сотворено (или возникло) вверху голубое небо внизу тёмная (букв. бурая) земля, между ними обоими были сыны человеческие* [Малов, КТб. 1].

Оппозиция *верх - низ* охватывает не только верование тюрков, но и всю сферу духовного и материального мира: природный характер явлений – смену дня и ночи, солнца и луны, лета и зимы, весны и осени; область нравственно-этического - добрый и злой, хороший и плохой, храбрый и трусливый; сферу социального - власть и народ, тюркский народ и табгачи и т.п. На наш взгляд, это бинарное противопоставление содержится в самом слове Тенгри, что подтверждается компонентным анализом слова Тенгри, осуществлённым Е. Жубановым и А. Ибатовым, и мы разделяем позицию этих учёных.

Согласно древней легенде, два божества *таң* «утренняя заря» и *іңір* «вечерняя заря» поочередно берегут покой землян целые сутки. Смена караула производится перед наступлением сумерек, обитатели земли в этот промежуток света и тьмы должны бодрствовать. Имена равных богов *таң* и *іңір* всюду произносились вместе, как *таң-іңір* с последующим слиянием в одно лексическое: *тәңір//тэңрі*. По мнению Е.Жубанова и А.Ибатова, в лексеме *та*, несомненно, содержится идея высоты (верха), напротив, в *ің* (*ін*, *ын*) заложена идея подземного мира (низа), позиция лингвистов аргументирована фактами тюркских языков (Жубанов, Ибатов, 1990, с.317).

Следовательно, исторически в значении слова Тенгри содержалась оппозиция *верх-низ* и идея объединения в трихотомии Вселенной. У тюркских народов Южной Сибири связующим звеном между верхним и нижним мирами был шаман. Во время камлания танца под ритмические звуки бубна, в состоянии экстаза душа шамана общалась с верховными божествами, несла инфомармацию, которая была целительна для окружающих сородичей. Концептуальные смыслы дихотомии *верх-низ* древние тюркиметонимические переносили и на другие явления. Понятие «верх» у тюрков осознавалось как наилучшее проявление сущностей объективного мира – *верховное божество, верховная власть каганов, высокий социальный статус военачальников и беков, жизнь тюркского народа в достатке и т.д.* Напротив, понятие «низ» ассоциировалось с низменными вещами и явлениями – *неволя, смерть, рабство*, поэтому вверху «голубое небо», внизу «*темная (букв. бурая) земля*».

Духовные начала древних тюрков были синкретичными, они олицетворяли своих верховных богов Тенгри и Умай, уподобляли их людям, а людей, в частности, каганов возводили в ранг верховных богов. Тенгри как творец и создатель мира воплощал в себе мужское начало, Умай, олицетворяя женское начало, воспринималась как богиня плодородия и новорождений. Тенгри (Небо), Умай, Земля, Вода наделяются человеческими качествами, и они, по наивному полаганию тюрков, управляют земными делами, принимают самое активное участие в жизни и судьбе древних тюрков:

- освобождают тюркский народ от пятидесятилетней китайской неволи *Тогда вверху Тенгри тюрков, тюркская Священная Земля и Вода так сказали: «Да не погибнет тюркский народ, пусть будет народ»;*
- возводят на престол Кутлук-кагана *«Сказав так, Тенгри отца моего Эль-терис-кагана и мать мою Эль-бильге-катун, подняв над головой (благословив их), возвысил»* [Жолдасбеков и др. КТ. I. 10-11];
- делают отряд (войско) Кутлука сильным и непобедимым: *«Так как Тенгри даровал им силу, то войско моего отца-кагана было подобно волку, а враги его подобно овцам»* [Жолдасбеков и др. КТ. I. 10-11];
- благославляют тюрков на удачные походы и победу над врагами: *«С благославления Тенгри лишил их государства, оставил каганат без кагана, врагов принудил к миру. Имевших колени заставил преклонить колени, а имевших головы заставил склонить головы»* [Жолдасбеков и др. КТ. I. 15];
- управляют деятельностью каганов во имя расцвета древнетюркского государства: *«После того как Тенгри было благосклонно, так как на моей стороне было счастье и удача, то я поднял (призвал) к жизни готовый погибнуть народ»* [Жолдасбеков и др. КТ. I. 25].

Синкретизм сознания тюрков заключался и в том, что живое уподобляли образам неживого, своих любимых каганов уподобляли верховным божествам Тенгри и Умай: «...на радость её величества моей матери-катун, подобной Умай, мой младший брат получил геройское имя» [Жолдасбеков и др. КТ.І.31]. Здесь, по мысли С.Г. Кляшторного, содержится явное указание на миф о божественной супружеской чете – Тенгри и Умай, земной ипостасью которой и является царская чета в мире людей (Кляшторный, Султанов, 2004, с. 176).

Таким образом, в наивном сознании тюрков мир представляется целостным явлением, в котором живое и неживое переходит из одного состояния в другое, подтверждая единство макрокосмоса и микрокосмоса, т.е. мира человека. Данный тезис нашёл подтверждение в описаниях смерти каганов:

Кутлук-кагана «*Мой отец-каган ... власть (свою) приобретаю, улетел (törüg qazıyanur uça barmıs)*» [Малов, КТб. 15-16];

Капаган-кагана «*Вследствие (твоего) непонимания (своего блага) и вследствие твоей низости мой дядя-каган улетел (т.е. умер) (bilmedükin ücün eñim qaıan uça bardı)*» [Малов, КТб. 24].

Смерть Кюль-тегина передаётся той же глагольной формой: «*Кюль-тегин улетел в год овцы, в семнадцатый день*» [Малов, КТб. 54]. В переводе И.В. Стеблевой «*Кюль-тегин в год овцы в семнадцатый день отлетел*» [И.В.Стеблева, КТб. 54].

Вовсе не случайно смерть каганов и Кюль-тегина выражается нетипичными глаголами «улетел», «отлетел», а доминантный для данной ситуации глагол «умер» употребляется в скобках. В указанных глаголах («улетел», «отлетел») содержится глубинный смысл: видимо, для древних тюрков смерть имела другую интерпретацию, смерти как таковой не было, смерть – это бессмертие или продолжение жизни в макрокосмосе. Человек из мира людей переходил (улетал) в мир космоса, в единый пространственно-временной континуум Вселенной (Шаймердинова, 2005, с. 121).

В памятнике Кюль-тегин смерть Кюль-тегина описывается детально, картина утраты и захоронения воссоздается на основе ассоциаций: весть о смерти героя-мужа Кюль-тегина опечалила всех, даже врагов. Скорбящие и плачущие приходят отовсюду и приносят дары:

В качестве плачущих и стонущих пришли кытай и татабийцы во главе с Удар-Сенгуном; от кагана табгачей пришли Исчи и Ликенг и принесли множество (букв. 10000) даров и бесчисленное количество золота и серебра; от тибетского кагана пришёл бёлён; сзади (т.е. с запада) от народов, живущих в странах солнечного заката согд, берчекер (персы) и бухарские народы – пришли Нек-Сенгун и Огул-Тархан [Малов, КТб. 52-53].

Среди тех, кто выражал соболезнование, много знатных людей таких, как хранитель печати: «*от сына моего, тюргеишского кагана, пришли Макрач, хранитель печати, и хранитель печати Огуз-бильге*» [Малов, КТб. 53].

Дважды употреблённое выражение «*хранитель печати*» как пропозициональная структура содержит, на наш взгляд, важную информацию. Во-первых, это информация о социальном статусе человека, видимо, такая должность в древнетюркском государстве существовала. Во-вторых, информация имеет аксиологически ценностный характер: хранитель печати, по всей вероятности, лицо образованное, грамотное и поэтому уважаемое в древнетюркском обществе.

В захоронении Кюль-тегина важная роль отводится соблюдению традиции – четыре тысячи лошадей, золото, серебро и остальное имущество Кюль-тегина раздаётся народу. В честь умершего устраивается ас (поминки), позже возводятся храмы и стелы с надписями. Поминальную надпись на камне П.М. Мелиоранский переводит следующим образом: «*Кюль-тегин улетел (умер) в год Овцы*». Так устанавливается связь между миром Космоса и миром человека, который не умирает, а переходит из одного состояния в другое, в другую ипостась, в другую сущность.

В веровании древних тюрков отразились их языческие представления об окружающем мире, их поклонение Тенгри-Умай, Земле-Воде. В духовных началах тюрков воплотилось характерное для многих народов средневековья трихотомическое деление мира на верхний – средний – нижний миры, организующее всю Вселенную, макрокосмос и микрокосмос или мир человека. Срединный мир, мир людей и живых существ, считался недолговечным, поэтому релеватна оппозиция верхнего и нижнего миров. Наряду с Тенгрианством на территории тюркских народов и государств, с эпохи поздних тюркских каганатов, проникают манихейство, буддизм, христианство несторианского толка, ислам. Однако Тенгрианство долгое время продолжает сосуществовать с указанными религиозными формами, «отпечатки» и «следы» этого сосуществования дошли до настоящего времени. Они наблюдаются в духовных началах многих тюркских народов, в т.ч. и казахского народа.

2.2 Репрезентация концептов универсального характера

Категоризация и концептуализация мира, структурирующие ментальную сферу древнетюркского сознания, своеобразно проявляются в универсальных категориях, показывая, с одной стороны, единство общечеловеческого в «портретировании» мира, с другой стороны, раскрывая особенности эмпирического сознания тюрков через манифестацию этих категорий. Из множества универсальных категорий, рефлексирующих соотносённость предметов объективной действительности с ментальной деятельностью человека, раскрывающих его способности в процессах познания, актуальными являются категории времени, пространства, количества, в которых по особому проявляется древнетюркское сознание.

2.2.1 Представление времени в древнетюркском сознании

Категории пространства и времени являются универсальными, антропоцентричными категориями, ибо в них и через них осуществляется человеческая жизнь. Как пишут философы, «пространство и время – способы или формы человеческого бытия в мире. Это историческое пространство и историческое время, тесно связанные с физическим или географическим пространством и временем» (Абишев, 1999, с. 145).

Для человека временные и пространственные параметры могут сливаться в единый континуум хронотопа. И тогда, по мысли М.М.Бахтина, время сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем (Бахтин, 1975, с. 235).

Понятие времени в сознании древних тюрков можно рассматривать как хронотоп, семантическое пространство которого составляет система концептов, находящихся в определённых связях и отношениях между собой, в совокупности воссоздающих бытие человека во времени.

Анализ текстов позволил выявить типичные представления о времени, включённые в концептуальное поле древнетюркского сознания, к которым относится процесс летоисчисления, концепт или понятие эпического времени, понятие родового времени или время поколения.

Летоисчисление древних тюрков. Анализ временных смыслов в памятниках показывает, что летоисчисление ведётся по двум системам - годам жизни героя и по годам 12-летнего животного цикла. Исчисление времени у древних тюрков осуществлялось по возрасту человека, в текстах Кюль-тегин по возрасту Кюль-тегина, как одного из главных героев повествования (7, 10, 16, 21, 26, 27, 31, 37 лет): «...*После смерти моего отца-кагана мой младший брат Кюль-тегин остался семь лет от роду; в десять лет для (т.е. на радость) ее величества моей матери-катун, подобной Умай, мой младший брат получил геройское имя Кюль-тегин (стал зваться мужем, т.е. богатырем). Шестнадцать лет (от роду) он (уже) вот что сделал для расширения государства и власти моего дяди-кагана...*» [Малов КТб.30-31].

Также древние тюрки для исчисления времени пользовались восточным календарём, на что указывают известные всем ссылки известные ссылки в текстах «*в год Овцы, в год Обезьяны, в год Собаки*»: «*Кюль-тегин улетел (умер) в год Овцы, в семнадцатый день. Двадцать седьмого девятого месяца мы устроили похороны. Храм, скульптуру, камень с надписью – всё мы освятили в год Обезьяны, в седьмой месяц, в двадцатый день*» [Жолдасбеков и др., КТ II.14].

Годы жизни Кюль-тегина могли вполне описываться в рамках восточного календаря, а в протяжённом исчислении времени не было

необходимости. Тюрки жили по времени естественных природных циклов, восточный календарь соответствовал их образу жизни, в китайских источниках эпохи Суй ши отмечается, что тюрки определяли время «по зелени травы». Описывая процесс времяисчисления в древнетюркском обществе, С.Г.Кляшторный пишет: «Кюль-тегин умер 27 февраля 731г., похороны состоялись 1 ноября 731 г., а освещение храма, на котором присутствовало китайское посольство, - 1 августа 732 г. *Календаря, который бы фиксировал не циклическое, а протяжённое время, в каганате не употребляли*» [Кляшторный, 1964, с.56].

Вместе с тем, смерть и захоронение – это объективные реалии, запечатлённые в знаковой форме языка, и с позиции пропозициональной семантики характеризуются как факт-утверждение ментального плана, истинность и верифицируемость которого, с одной стороны, доказаны и проверены самой историей, с другой стороны, обозначены конкретными данными восточного календаря. Все важные для государства события, в т.ч. смерть каганов, тегинов или иные политические, социо-культурные события, по утверждению исследователей, в тюркских каганатах обозначали точной датой: « ... все события истории второго каганата датированы чрезвычайно точно» (Кляшторный 1964, с. 56).

Эпическое время. Как отмечено выше, тюрки жили в мире природы и согласно природным ритмам, спокойным, длительным. Такое время, характерное для всего средневековья, называется эпическим (продолжительным, длительным). Тюрки жили в рамках эпического времени или в терминах когнитивистики в концепте эпического времени. Этот концепт, как и все абстрактные концепты, не имеет конкретной предметной соотнесённости, не обладает фиксированными образными ассоциациями, и отличительными его признаками являются творимость и вневременность (время «вечного эля»).

Согласно эпическому времени, темп жизни людей зависел от природного ритма, смены природных циклов лета и зимы, весны и осени, дня и ночи. Временные категории средневековья – год, сезон, месяц, день, но не час и тем более не минута. Природная ритмичность не нуждалась в точном знании часа (да и механических часов как таковых тогда не было), время делилось на два отрезка день и ночь, которые зафиксированы в текстах памятников Кюль-тегин, Бильге-каган: «*Я ради тюркского народа не спал ночей и не сидел без дела днём*» [Малов, КТб.27].

Эпически хронотопической время тюрков, растянутое во времени пространстве, обладает двумя существенными признаками. Первый из них отражает идею «вещественность» или творимость времени. По мнению А.Я. Гуревич такое представление присуще в целом для миропонимания средневекового человека: «Вечность – атрибут бога, время же сотворено и имеет начало и конец, ограничивающие длительность человеческой истории» (Гуревич, 1972, 99). Подобным образом в рунических текстах вечность

является уделом только Всевышнего, Тенгри (Неба), все остальное творимо. Памятник Кюль-тегина начинается с эпического повествования о начале творения мира:

Когда было сотворено (или возникло) вверху голубое небо (и) внизу темная (букв.: бурая) земля, между (ними) обоими были сотворены (или: возникли) сыны человеческие (т.е. люди) [Малов, КТб. 1].

Причастные формы *сотворено, сотворены* (в транскрипции *қылынмыш* в значении *творить*, т.е. перевод вполне адекватен) означают - испытывать то или иное воздействие, в результате которого совершается то или иное явление со стороны: сотворены небо, земля, люди «сыны человеческие», сотворено все сущее, а значит, и время, в котором живет человек. В текстах в формах глагола *«творить»* содержится ещё один смысл: всё что творимо – недолговечно. Эта мысль раскрывается в скорби по поводу смерти Кюль-тегина:

1. *Время (т.е. судьбы, сроки) распределяет небо, (но так или иначе) сыны все рождены с тем, чтобы умереть (т.е. бог) [Малов, КТб.50].*

2. *Я скорбел, ход времени определяет Тенгри (бог), сыны человеческие рождены, чтобы умереть [Жолдасбеков и др. III КТ.11].*

В двух разных переводах разные языковые единицы «*время (т.е. судьбы, сроки) распределяет небо*», «*ход времени определяет Тенгри (бог)*» передают одно и то же содержание – жизнь человека недолговечна («*сыны все рождены с тем, чтобы умереть*»), все зависит от воли Всевышнего (Тенгри, бога). Поэтому время – творимо, имеет начало и конец, и, как и весь мир в целом, определяется высшими силами.

Другим признаком эпического концепта является признак «вневременности». Сознание средневекового человека не представляло время линейно как прошедшее – настоящее – будущее, оно было антиисторичным. Новое не представляет интереса в этой системе сознания, в нём ищут лишь повторения прежде бывшего, того, что возвращает к началу времен. При подобной установке по отношению к времени приходится признать его «вневременность» (Гуревич, 1972, 88).

Средневековая культура наследовала идею вневременности архаичного мифологического сознания, античной, египетской, индийской и других древних цивилизаций. «В древних цивилизациях «господствует» время вечного настоящего, мир воспринимается не в изменении и развитии, а как пребывание в покое и вращении, в великом кругу» (Шаймердинова, 2002, с.95). Символом вечного настоящего являются: древнеиндийское колесо времени, олицетворяющее извечное движение по кругу; древнеегипетские пирамиды Хеопса как памятники «остановившегося» времени, древнегреческий Парфенон или гармоничные скульптуры Давида, Апполона, Венеры Милосской как гармоничные памятники, не требующие дальнейших изменений.

Вневременность, вечное настоящее характерно для мировоззрения древних тюрков. Древние тюрки мечтали о создании «вечного эля», вечного государства. Поэтому так часто в текстах употребляется слово «вечный» поставили «вечный камень», создали «вечный эль» (государство):

1. «...Когда ты остаешься в Отюкенской черни, ты можешь жить, создавая своё вечное государство» [Жолдасбеков и др., БК IV.6].

2. «О, тюркские беки и народ, слушайте меня! Как, объединив тюркский народ, создал государство здесь высек. Как заблуждаясь, вы распадаетесь, - вырезал на этом камне. Все, что я хотел сказать, - вырезал на этом вечном камне» » [Жолдасбеков и др., БК IV.8].

Предметы материальной культуры балбалы, скульптуры людей и животных, каменные стелы навеки высеченными на них словами символизируют идею вечного настоящего. В силу чего настоящее является ёмким, растянутым во времени, пространственным, хронотопичным; «прошедшее, настоящее, будущее оказались реально сосуществующими», все три времени расположены в одной плоскости, между ними нет сколько-нибудь резкой грани. В этом концептуальный смысл понятия «вневременности» древнетюркского сознания. Таким образом, концепт эпического времени определяется размерным ритмическим циклом природных явлений, его содержательные уровни - творимость и вневременность - демонстрируют наивное и особенное в понимании времени древними тюрками.

Родовое время или время поколения. Смысловым измерением в понимании времени древними тюрками было поколение, проявляющееся в концепте «родового» времени. Как и для многих народов Востока, для тюрков предки, род, поколение были связующей нитью жизни, естественной точкой отсчёта времени, фиксированной в памяти народа. По мысли Е.Н.Причепий, предок мог возродиться в одном из своих потомков, поэтому имена великих предков передавались из поколения в поколение в надежде, что вместе с ними передаются и личностные качества их носителей. Прошлое повторялось в настоящем, прошлое жило рядом с настоящим (Причепий, Сатыбалдина, 1984, с.35).

В тексте Кюль-тегина происходящие события и правление каганов описывается в виде смены поколений:

Бумын-каган и Истеми-каган

их младшие братья и сыновья

Кутлук-каган

Капаган-каган

Бильге-каган

Смена правления кагана означает смену поколения, дается оценка и воздается должное правлению каждого кагана. Предки или первые каганы являются наиболее почитаемыми и уважаемыми, и последующие поколения в сознании тюрков должны следовать традициям предков.

Так, большая надпись Кюль-тегина начинается с восхваления правителей первого тюркского каганата:

«...Над сынами человеческими воссели мои предки (eṣiit arat) Бумын-каган и Истеми-каган. Сев (на царство) они поддерживали и устраивали племенной союз и установления тюркского народа» [Малов, КТб. 1]. Предки древнетюркского каганата Бумын-каган и Истеми-каган, восхваляются как «мудрые каганы», как «мужественные каганы», создавшие сильное государство и власть.

Бумына и Истеми сменяют их братья и сыновья: *После них стали каганами младшие их братья, а потом и их сыновья стали каганами (Anta kisre inisi qaγan bolmys erinč, oγly qaγan bolmys erinč)*» [Малов, КТб. 4].

Однако это поколение этих каганов подвергается критике, потому что они нарушили заповеди предков *«младшие братья не были подобны в поступках старшим, а сыновья не были подобны отцам»*. Поэтому каганы, отсупившие от родоплеменной связи поколений, называются «неразумными» и «слабыми» каганами. Вследствие того, что нарушены были законы предков, происходит падение раннего тюркского каганата, распад его на восточную и западную части, установление протектората Суйской династии над Восточнотюркским каганатом, изнурительная война между Западнотюркским и Восточнотюркским каганатами, в конечном итоге, пятидесятилетняя неволя тюрков под властью Китайской империи (Кляшторный, 1964, с. 23).

В текстах прослеживается мысль, те каганы, которые следуют неписанным законам предков, достигают желаемых результатов, как, например, Кутлук-каган, который не только возглавил восстание тюрков против табгачей, но и создал вновь тюркское государство и сделал это государство могущественным:

Когда их стало семьсот мужей, то он привёл в порядок и обучил народ, утративший свой «эль» (т.е. своё независимое государство) и своего кагана, народ, сделавшийся рабнями и сделавшимися рабами у табгачей, упразднивший (свои) тюркские установления, (этот-то народ) он привёл в порядок и наставил по установлению моих предков... [Малов, КТб. 13]. Таким образом, утверждается, что Кутлук-каган создал сильное государство потому, что следовал *«установлению предков»*.

Последующая временная преемственность действий двух каганов выражается имплицитно, Капаган-каган, как и Кутлук-каган, действовал, согласно *«установлению предков»*, отсюда выражение *«опять устроил и поднял»*:

Мой дядя-каган, сев на царство, опять устроил и поднял тюркский народ (т.е. поднял его благосостояние, значение), неимущих он сделал богатыми, немногочисленных он сделал многочисленными [Малов, КТб. 17].

Бильге-каган, который завершает плеяду тюркских каганов позднего периода, даёт самоанализ собственному правлению: *«Мы переговорили (о*

делах) с моим младшим братом Кюль-тегином, и, чтобы не пропало имя и слава народа, добытого нашим отцом и дядею, я ради тюркского народа не спал ночей и не сидел (без дела) днём» [Малов, КТб. 26-27]. Ясно, что Бильге-каган продолжает дело своего отца Кутлук-кагана и дяди Капаган-кагана.

В целом древние тюрки придавали очень важное значение преемственности родоплеменных связей поколений. Чем древнее род, тем могущественнее был человек, ибо «за плечами такого человека стоят многие поколения, в котором сгустилось родовое время – оно же и время истории» (Гуревич, 1972. 98). К примеру, в тексте Онгинского памятника описывается связь шестидесяти пяти поколений:

«Сыновья Ел-етмиши ябгу Ышбара Тамган-чор ябгу, его младший брат (Бильге) Ышбара Тамган Тархан, все их 65 потомков представляли один род, одну генеалогию» (Жолдасбеков, 2006, с. 104). Удивительно, что в памяти народа не «потерялось» время, длительностью в 65 поколений. Поэтому концепт родового (поколенного) времени в древнетюркской ментальности является одним из ведущих.

К категории времени непосредственное отношение имеет описание жизни и подвигов Кюль-тегина, которое мы представляем как **концепт времени подвигов Кюль-тегина**.

Жизнеописание героя ведётся по возрастным датам, как отмечено нами выше, возможно по циклам восточного календаря. В хронологической последовательности отмечаются даты жизни, особо значимые в жизни героя:

...в 10 лет Кюль-тегину присвоено геройское имя Кюль-тегин (стал «зваться мужем, т.е. богатырём»);

«...16 лет от роду он (уже) вот что сделал для расширения государства и власти моего дяди-кагана»:

«...когдаему было21год (bir otuz jaşuŋa), мы сразились с Чача-Сенгуном»;

«...когда Кюль-тегину было 26 лет, мы предприняли поход на киргизов»;

«...когда Кюль-тегину было 27 лет (jeti otuz jaşuŋa), народ карлуков вследствие свободы и независимости стал нам врагом»;

«Мы сразились при священной вершине Тамаг.В этом сражении Кюль-тегин был 30 лет» (otuz jaşuŋa);

«...когда племенной союз моего дяди-кагана стал мятежным, и в народе стали появляться зависть и вражда, мы сразились с народом изгилей. Кюль-тегин, сев на своего белого коня Шалчи, бросился в атаку» и т.д.

Итак, вся жизнь описывается во временных параметрах, представленных в языке различными средствами – конкретной датой, «в один год», «в самый первый раз», «перезимовав в укреплении Магы», сложноподчиненными предложениями с придаточными времени «когда...».

Таким образом, понятие о времени - самобытное явление древнетюркского сознания: во-первых, оно имеет универсальный

общечеловеческий характер, поскольку исчисляется в рамках восточного календаря и возрастным параметрам человека; во-вторых, течение времени зависит от природного цикла, и жизнь тюрков соответствует эпическим природным ритмам; в-третьих, представления о времени имеют наивный характер, поэтому время творимо и растянуто в пространстве, т.е. вневременно и хронотопично; в-четвёртых, в качестве точки отсчёта используется понятие поколения. Всё это структурировано нами в соответствующие концепты, в которых раскрываются ментальные интенции средневекового человека.

2.2.2 Пространственные параметры древнетюркского мира

В картине мира древних тюрков особое место занимают пространственные представления, так как все описываемые походы и сражения совершаются для того, чтобы сохранить, с одной стороны, свои земли, с другой – захватить новые территории для укрепления своего народа, своего государства. Пространственные параметры также отражают сочетание наивных пониманий о сфере земли с опытными знаниями, приобретёнными тюрками в течение длительного времени.

Материалы текстов представляют пространственные смыслы древних тюрков в двух аспектах:

- через семантику сторон света, где проявляются эмпирические, опытные знания древних тюрков;
- через обозначения конкретных географических названий: топонимов, гидронимов, ойконимов.

В древних цивилизациях пространственные смыслы наиболее ярко представляют эмпирические, опытные знания, которые накапливались исторически и передавались из поколения в поколения. Важность таких опытных знаний для человека, и особенно для древних цивилизаций, отмечает А.Н. Кононов. Он пишет, что у человека постепенно по мере накопления сведений об окружающей среде, рельефе местности, месте восхода и захода солнца, о солнечной и теневой сторонах и т.п., сведения эти систематизировались, приобретая некоторое подобие точного знания предмета (Кононов, 1978, с. 72).

Исторически формирующиеся опытные знания становятся естественными пространственными ориентирами, при этом направления ориентиров зависели от этнических традиций народов. Как, например, пишет Р.Б. Иманалиева, в Древнем Китае и Монголии ориентировка храмов, жилищ, захоронений направлена была на юг, у древних тюрков – на восток, в Древнем Египте – лицом к Нилу, на Таймыре – на север, где находится царство мёртвых. До наших дней сохранились древнетюркская восточная ориентировка жилищ у западных тувинцев и памирских киргизов, китайско-

монгольская южная ориентировка юрт у каракалпаков и узбеков (Иманалиева, 1990, с. 85).

Подобными эмпирическими знаниями, обусловленными естественными природными ориентирами, наблюдениями над природой в течение длительного времени и этническими традициями, обладали и древние тюрки. В качестве естественных пространственных ориентиров служили направления света **восток-запад, юг-север**:

Справа, с юга, народ табгач был ему врагом, слева, севера, народ тогуз-огузов, Баз-кагана был врагом [Жолдасбеков и др. КТ. I. 14].

В оппозиции **восток-запад, юг-север** содержатся несколько смысловых значений:

- обозначение направление движения или ориентиров;
- олицетворение образа средневекового человека;
- репрезентация ценностных смыслов: *восток и юг* – положительный, *запад и север* – отрицательный.

В тексте памятников неоднократно повторяются сочетания «вперёд на восток», «назад на запад». Тем самым воссоздается образ средневекового вооруженного воина на коне, стремительно скачущего, то «вперёд на восток», то «назад на запад», то «справа на юг», то «слева на север». Этот образ глубоко символичен, ибо, как полагает З. Самашев «... всадник на коне, изредка со знаменем в руках, с луком в налучье и пикой, **становится своеобразной эмблемой средневекового периода** (выделено – Ш.Н.). Периода, когда на авансцене истории появляются могущественные вожди кочевых государственных образований, племенных союзов, племен и родов, а также полководцы, герои и др.» (Самашев, 2008, с. 45).

Пространственные ориентиры, воссоздающие символический образ всадника на коне, содержат обобщенный антропоцентрический смысл, олицетворяют образы людей от рядового тюркского воина до военачальников, беков, шадов, тарханов, каганов. Поэтому пространственные конструкции используются в предложениях, в которых есть субъекты действия «я», «мы», «они» («мы ходили», «я прошёл», «ты ходил»), вооссоздающие образы этих воинов:

Вперёд (на восток) я прошёл войском до Шандунской равнины. Немного не дошёл до моря. Направо (на юг) я воевал до Тогуз-Ерсен. Немного не дошёл до Тибета. Назад (на запад), переправясь через реку Инчу, я ходил походом до Темир-Капыг. Налево (на север) я прошёл войском до Йер-Байырку. Столько земель я покорил [Жолдасбеков и др. БК. IV. 2-3].

Каждое направление света сочетается с субъектно-предикатной конструкцией «вперёд (на восток) я прошёл», «направо (на юг) я воевал», «назад (на запад)... я ходил», «налево (на север) я прошёл» и завершается предложением, содержание которого также выражает пространственный смысл – огромную территорию, завоеванную в результате этих походов «*Столько земель я покорил*».

В направлениях света для древних тюрков особое значение имеет **восток**- именно *на восток* устремлены все походы и завоевания тюрков «*вперёд на восток*» (Ср. «*назад на запад*»):

1 *С моим дядею-каганом мы ходили войною вперед (т.е. на восток), вплоть до Шантунгской равнины, орошаемой Яшиль-угюзом, назад (т.е. на запад) мы ходили войною войною вплоть до Темир-капыга...*[5. Малов, КТб. 17].

2.**Вперёд (т.е. на восток)** за Кадырканской чернью мы так поселили народ, так обустроили. *Назад (т.е. на запад) до Кенгу Тармана мы поселили тюркский народ. Так обустроили.*[Жолдасбеков и др. КТ. I. 21].

3. *То ходил ты вперед (т.е. на восток), то ты ходил назад (т.е. на запад), и в странах, куда ты ходил, вот что было для тебя хорошего: твоя кровь бежала (там), как вода, твои кости лежали (т.е. нагромождались там), как горы...* [Малов, КТб. 24].

4. **Вперёдъ (т.е. на востокъ)** я прошёлъ съ войскомъ вплоть до Шандунгской равнины, немного не дошёлъ до моря; направо (т.е. на югъ) я прошёлъ съ войскомъ вплоть до Токузь-Эрсена, немного не дошёлъ до Тибета, назадъ (т.е. на западъ), переправясь черезъ реку Йенчу, я прошёлъ съ войскомъ вплоть до Темиръ-Капыга, налево (т.е. на север) я прошёлъ съ войскомъ до страны Йерь-Байырку...[6. Мелиоранский, КТм. 3].

Восток содержит аксиологически ценностный смысл: *восток(вперед)* – это хорошо, т.е. поход, наступление и, значит, победа; *запад (назад)* может быть менее ценным. Положительные смыслы "востока" у тюрков связаны солнцем, с его концептуализации. В сознании древних тюрков восток означает свет, светлость, восход солнца, напротив, запад ассоциируется с закатом солнца, темной, теневой стороной, и даже близостью с ночью. Поэтому вырисовываются позитивные смыслы сознания: *Вперёд, (в страну) солнечного восхода, они ходили войною вплоть до Бёкли-кагана, назад (т.е. на запад) они ходили войною вплоть до Темир-капыга*» [Малов, КТб. 8].

В такой положительной и отрицательной оппозиции находятся юг и север. Юг, как и восток, в сознании тюрков ассоциируется с солнцем, дневным светом, а север представляется как страна ночи. *Впереди, (въ стране) солнечного восхода, справа (въ стране) полуденной, назади (въ стране) солнечного заката, слева (въ стране) полуночной – (повсюду) тамъ (т.е. въ этихъ пределахъ) живущие (букв.: находящиися внутри) народы все мне подвластны столькие народы я устроил*» [Мелиоранский, КТм. 2].

У оппозиций *восток-запад, юг-север* имеются другие смысловые соотношения *справа - слева, полуденное- полуночное, вперед-назад*.

Лексемы «*вперед, справа, полуденное*» соотносятся с югом, а слова «*назад, слева, полуночное*» – севером. Эти смысловые обозначения подтверждаются и данными древнетюркского словаря, в котором имеются следующие производные слова: *kunortu* – 1) полдень, 2) юг, полуденный;

kuntin, kuntun – южный; kundam – солнечный; tunortu – полночь, tunsari – север (букв. сторона ночи) (Древнетюркский словарь, 1969, с. 326-327; 597).

В текстах памятников оппозиции *восток - запад, юг - север* сопровождаются стереотипными словами, уточняющими и закрепляющими те смыслы, которые содержатся в этих направлениях света «справа, направо» (юг), «вперёд» (восток), поэтому правая и восточная стороны содержат положительные смыслы. Напротив, «назад» (запад), «слева, налево» (север), т.е. левая и западная стороны не обладают этими смыслами.

Пространственные параметры, обусловленные значениями солнечности/несолнечности, являются по сути своей оценочными, что обусловлено, с одной стороны, естественно-природным влиянием солнца на жизнь людей, с другой – дают «пищу» для размышлений о процессах категоризации и концептуализации мира древними тюрками.

Таким образом, в текстах стороны света *восток и запад, север и юг* выражают эмпирически опытные знания тюрков и в качестве пространственных параметров являются многозначными: передают направления движения, воссоздают образ человека, воина, являющегося символом средневекового мира, содержат ценностно-оценочные смыслы, раскрывающие особенность понимания пространства древними тюрками.

Обозначение физического пространства. Одним из факторов, определявших понятие пространства в сознании тюрков, является физическое пространство, огромная территория, которую древним тюркам приходилось удерживать, отвоёвывать у разных племён, защищать от внешних врагов. Как показывают исторические документы, древние тюрки господствовали на огромном Евразийском субконтиненте, границы которого протянулись на востоке от хребтов Хэнгана до междуречья Волги и Урала на западе, от Китайской стены на юге до реки Лены на севере (Жолдасбеков и др. 2006, с. 7).

Расхожее выражение «четыре угла» раскрывает картину расселения, передвижения, завоеваний тюркского народа, обозначает то огромное пространство, на которую распространялась власть древнетюркского государства. Поэтому «четыре угла» символизирует могущество древнетюркского государства, с которым приходилось считаться Древнему Китаю, Арабскому халифату, Византии и другим средневековым государствам: *«С четырёх сторон (букв. по четырём углам) было много врагов. Пойдя войной, народы четырёх сторон - всех они покорили, всех принудили к миру»* [Стеблева, КТб. 2].

Физическое пространство в текстах представлено многочисленным названием **рек** (Иртыш, Йенчу, Ану, Жасыл, Тениз, Кем, Тогла, Анасай), **озёр** (Тюрги-Яргун), **гор** (Кёгмен, Ыбырбаш, Чуш, Ыдук), **равнин** (Шандунская, Тогоултенская), **неизвестных географических обозначений** (Болчу, Кушлагак, Магы-корган, Ябур-ытук). Очень часто встречается

название **местностей**: Отюкенская чернь, Кадырканская чернь, Алтунская чернь, Шугайская чернь, **городов** Езгенти-Кадаз, Бесбалык:

Поднявшись въ Алтунскую чернь, переправившись через реку Иртышъ и пройдя ещё дальше...я напалъ врасплохъ [Радлов, Мелиоранский КТб. 34].

Эти многочисленные географические названия свидетельствуют, во-первых, о реальности происходивших событий, если учесть ещё и то, что некоторые из тех топонимов до сих пор сохранили свои названия (ср. Иртыш, Тибет и т.д.), во-вторых, говорят о том, что тюрки хорошо знали обитаемую территорию и великолепно в ней ориентировались. Многие из этих топонимов интерпретированы в исторической науке. Так, Кадырканская чернь подразумевает «вероятно, теперешний Хинганский хребетъ, составлявший границу ту-гуйскаго государства на востоке» (Мелиоранский, 1899, с. 98).

В китайских источниках река Йенчу, часто упоминаемая в текстах памятников, называется Жемчужной рекой, так изначально именовалась Сыр- Дарья.

Среди этих названий рек, озёр, гор, равнин, местностей, городов особенно часто встречается два топонима Темир-Капыг и Отюкенская чернь (в переводах В.В.Радлова и П.М. Мелиоранского Утекенская чернь).

Относительно исторического местонахождения Темир-Капыг среди историков нет единого мнения. По мнению В.В. Бартольда, под Темир-Капыгом понимается горный проход Талки, ведущий из Монголии в долину Или (Бартольд, 2002, с.69). Напротив, по мнению И. Маркварта и Ф. Хирта, Темир-Капыг есть западная граница государства тюрков и представляет собой горный проход Бузгала, по дороге из Балха в Самарканд (Мелиоранский, 1899, с. 86).

Таким образом, Темир-Капыг означает предел, границу, возможно сильно укрепленную (не случайно в некоторых переводах даётся эквивалент Железные ворота), а потому достичь Темир-Капыга, значит, осуществить желание: дойти до конца, т.е. победить: «...они ходили войной вплоть до *Темир-Капыга...*» [Малов, КТб. 8].

В топониме Отюкенская чернь содержится ценностный смысл. Отюкенскую чернь можно характеризовать как «вместилище», куда устремляются все тюрки, во имя чего ведутся все их завоевания. По мнению П.М. Мелиоранского, под Отюкенской местностью подразумевается местность между верхним течением Орхона и озером Косогол. Он пишет: «Утукан жыш» есть несомненно собственное имя той горной богатой лесомъ страны, которая въ надписахъ выставляется центромъ турецкаго царства и резиденцією хана турокъ» (Мелиоранский, 1899, с. 86).

В ряде переводов памятника Кюль-тегина (С.Е. Малов, И.В. Стеблева) Отюкенская чернь называется священным местом: «*Народ священной Отюкенской черни, ты сам ходил. То ты впередъ ходьмя ходил, то ты назадъ ходьмя ходил*» [Малов, КТб. 15].

Тюрки ведут бесконечные войны за право обладания Отюкенской чернью, которое было благодатным местом, ассоциировалось в сознании тюркского индивида как место богатства, достатка, мира. Подтверждение тому мы находим в текстах Кюль-тегина и Бильге-кагана: *«О, тюркский народ, когда ты, находясь в Отюкенской земле, посылаешь караваны за данью, то у тебя совсем нет горя. Когда ты остаёшься в Отюкенской черни, ты можешь жить, созидавая своё вечное государство»* [Жолдасбеков и др. БК. II. 6; КТ. I. 8].

В памятнике Тоньюкука мудрый Тоньюкук, который получил воспитание и образование в Китайской империи, который был советником для многих каганов, свою заслугу видит в том, что он *«привёл тюркский народ в землю Отюкен и что я сам, мудрый Тоньюкук, избрал жительства землю Отюкен, пришли к нам южные народы, западные, северные и восточные народы»* [Малов, Тон. 17]. Тем самым ещё раз доказывается, что не только для тюркского народа, но и для многих других народов того времени Отюкенская земля была заветным местом, возможно, в нём сокрыт какой-либо сакральный смысл, понятный только для представителей раннего средневековья.

В понимании пространства у древних тюрков имеются наивные представления о форме земли «четыре угла»; в качестве естественных ориентиров служили направления света восток-запад, север – юг, многозначных по своему содержанию: обозначение направления движения, обобщенного образа средневекового воина; выражение оценочно-ценностных смыслов.

Пространственные параметры раскрывают огромные территориальные владения тюрков, их походы и завоевания, что выражается в названии конкретных топонимов, среди которых наиболее значимы Темир-Капыг и Отюкенская чернь.

2.2.3 Концептуализация количественных смыслов

В концептосфере древнетюркского мира важное место занимает понимание количества, которое, как правило, соотносится с числом и числовыми (количественными) измерениями. Число и числовые модели в архаичных культурах, как и многие другие представления, имеют признаковые отличия. К таким отличиям В.Н. Топоров относит «гораздо большую обнажённость, подчёркнутость целевой установки, связанную с более прагматическим отношением к этим моделям и к числу вообще. В частности, это объясняется тем, что в архаичных традициях числа могли использоваться в ситуациях, которым придавалось сакральное, «космизирующее» значение. Тем самым числа становились образом мира (imagomundi)» (Топоров, 2005, с. 227).

Источником сакральности количества (числа) в архаичных культурах является борьба с природой, а не человеческие установления. Универсальный характер сакральности количества определяет её место в древнетюркских текстах.

Как известно, изначально со времени Аристотеля количеством было названо то, что делимо на составные части, каждая из которых, будет ли их две или больше, есть по природе что-то одно и определённое нечто. Всякое количество есть множество, если оно счислимо, а величина – если измеримо [(Аристотель, 1984, с. 164).

В основе понятия количества лежит сравнение вещей, принимаемых за относительно однородные, причём имеется некий эталон, с которым и производится сравнение, измерение вещей, т.е. количественная характеристика явления, сущности, предмета. По мысли А.Е.Супруна, «рассматриваемые как однородные, вещи, составляющие совокупности, оцениваемые количественно, подсчитываются (т.е. устанавливается однозначное соответствие считаемых вещей с эталоном множества, например, множеством слов, обозначающих числа, ранее – камешками, пальцами и т.п.), что обозначает установление для них количественной характеристики». Далее учёный отмечает, что категория количественности отражает, во-первых, характеристику однородных частей, составляющих некоторый предмет, во-вторых, характеристику совокупности предметов с точки зрения составляющих её элементов, и, в-третьих, результат непосредственного сравнения величин двух предметов, не расчленяемых при этом на составляющие части (Супрун, 1969, с. 163).

Понятие количества в соответствии с пониманием дискретности/недискретности мира структурируются как концепты множества и единичности, каждый из которых представляет форму знаний, «сгусток жизненного опыта», зафиксированный в памяти человека, включённый в его ментальную и психическую деятельность, сопереживаемый и репрезентированный ресурсами языка.

Подобный жизненный опыт и реалии древнетюркской действительности нашли отражение и в количественных представлениях древних тюрков.

Количественные смыслы древних тюрков синкретичны: с одной стороны, связь со знаковыми событиями, деяниями, социально значимыми фактами, с другой - множественность, обусловленная пронизанностью квантитативной оценки разных сфер жизни. Представляя разные сферы древнетюркской действительности, эти смыслы многозначны, и проявляются они в:

- названиях племён и этносов;
- обозначении количества походов и сражений, которые совершили каганы и тюркский народ;
- численности покорённых и убитых врагов;
- численности погибших самих тюрков;

- количественном составе тюркского войска;
- количестве выпущенных стрел,
- количестве полученных даров;
- количестве спасённых от гибели или неволи женщин;
- количестве поставленных балбалов и мастеров-резчиков, возводивших поминальные комплексы;
- измерении труда и сил, потраченных на благоустройство государства;
- обозначении безмерности народного горя;
- раскрытии пространственных и временных значений;
- выражении множественной каузативности;
- характеристике социального положения народа (численность обустроенного народа).

В Орхонских памятниках всего было установлено более двадцати таких количественных смыслов, в некоторых из них обозначаемое понятие имеет истинный конкретно-количественный характер, в других – опосредственный имплицитный характер (Шаймердинова, 2006, с. 137).

В целом все эти значения в совокупности определяют древнетюркскую картину количества и в соответствии с дискретностью и недискретностью мира классифицируются в концепты единичности и множественности. Последний из концептов по смысловым значениям делится на определённое и неопределённое множество.

В языковом плане количественные смыслы вербализуются *именами числительными, количественно-именными сочетаниями, адъективными и адвербиальными показателями, глагольными предикатами, синтаксическими конструкциями*, а в сфере грамматики *формами единственного и множественного числа имен и глагола*.

Единичность. В количестве, раскрывающей единичность (недискретность, неделимость мира), проявляются понятийно-ценностные аспекты древнетюркского мира (единичность представляется как культурный концепт). В базовом слое концепта единичности конкретный образ одного предмета из класса предметов, т.е. УПК (универсально-предметный код) жёстко детерминирован, отсюда конкретное выделение одного воина, одного сражения, одного героя, одной стрелы, одной дороги, одного перехода коня:

1. *В его кольчугу и в его накидку более чем ста стрелами попали, но в начальника авангарда (дозора) даже одна не попала*(□□□, *jüziŋe başuŋa bir tegmedi*) [Аманжолов, КТб. 33].

2. *Кюль-тегин сел верхом на (белого жеребца) Байырку и бросился в атаку, одного мужа он поразил стрелой, двух мужей он заколол (копьем) одного после другого* [Аманжолов, КТб. 35-36].

3. Когда я услышал, что дорога на Кёгмен (только) одна (□□□□□□□□) и она завалена снегом, я сказал: не годится, если идти этим путём [Малов, Тон. 23].

В последнем примере примечательны мысли вслух Тоньюкука: интенция внутренней речи, выражающей глубокое раздумье, размышления вслух, сомнения. Всё это передаётся мыслительной картинкой, пропозиционально структурированной и завершённой ментальным глаголом думать: «Допустим, что я сам из азов. Не знаю местности Ану (реку). Поедем вдоль Ану. До неё (до Кёгмена) один переход (ход одной лошади, *bir at oruquu ertis*). Если идти этим путём, то это возможно, -сказал я и задумался» [Жолдасбеков и др. Туй. 24].

Единичность (один переход, одна дорога, ход одной лошади) как факт действительности создаёт проблемную ситуацию, разрешению которой нацелены раздумья Тоньюкука.

В памятниках (в тексте Кюль-тегина) детально описаны подвиги только одного героя Кюль-тегина. Хронологическое повествование его походов, манера ведения боя, указание точного количества убитых врагов, смена лошадей под ним - всё воссоздаёт концептуальный образ мужественного, бесстрашного воина, сильного духом и физически, образ защитника очага, Орды, тюркской земли.

Множественность. Определённое множество. В количественной картине мира тюрков в наибольшей степени рефлексирована дискретность мира, что обусловило проявление концепта множества. Материалы текстов показали, что множественность в картине мира тюрков передается точным определенным и неопределённым количеством.

В текстах памятников определённое множество встречается в названии племён: *он-ок, тогуз-огузы, шесть чубов, сегиз-огузы* и т.д. Подобные количественные названия племен не случайны и имеют свои обоснования.

Л.Н. Гумилёв описывает историю возникновения этнонима *он-ок*. Многочисленные походы тюрков были направлены на подчинение соседних племён. Племена дулу и нушиби, обитавшие на территории современного Казахстана, в борьбе с тюркскими правителями из рода Ашина, продикивали им свою волю. Л.Н. Гумилёв пишет: «... в 635г. племена дулу и нушиби добились самоуправления; пять племён дулу и пять племён нушиби получили по начальнику не из рода Ашина, а, по-видимому, из местной племенной знати. Каждый из этих начальников был по достоинству приравнен к шаду, т.е. принцу крови. Каждому из них была вручена стрела как символ власти, и отсюда возникло название «*тюрки десяти стрел*». Границей между двумя союзами, дулу и нушиби, стала река Чу» (Гумилев, 1993, с. 213). О действии племени *десяти стрел (он-ок)* неоднократно упоминается в текстах памятников, позже, по мнению историков, это племя вместе с другими племенами такими, как басмылы, кипчаки, карлуки, сегиз-огузы, аргу, тогуз-огузы и т.д. образуют могущественный тюркский каганат.

История этнонима *десяти стрел* позволяет нам высказать мысль, что за каждым подобным именовани­ем находятся реалии действительности: реальный счисли­мый предмет у древних тюрков находил конкретное цифровое обозначение. Однако с течением времени значение количества во внутренней форме таких слов трансформируется в другой смысл, а именно, в целостный смысл представления этноса. Так количественное обозначение становилось этническим обозначением. Исторически и эти этнические обозначения унифицируются в другие наименования *десять стрел* (он-ок) как *үйсін, дулат; девять огузов* (тоғыз огузы) как *керей; восемь огузов* (сегіз огузы) как *найманы* (Жолдасбеков и др. 2006, 17).

Определённое множество используется для обозначения численности тюркского войска или отряда, количества совершённых походов и сражений под предводительством каганов и тегинов, конкретного количества вражеского отряда и убитых врагов, количество использованных стрел. Например, Тоньюкук, описывая внутривидовую борьбу с огузами, вспоминает:

«По реке Тогле пришли огузы с рогатым, вьючным скотом, войска их было шесть (три?) тысяч, нас было две тысячи. Мы сразились» [Малов, Тон. 16]. В сцене нет описания сражения, лишь констатация факта: *«После этого огузы все вместе пришли (т.е. подчинились нам)»* » [Малов, Тон. 16]. . Но и этой информации достаточно, чтобы оценить мужество и бесстрашие воинов Тоньюкука, победивших огузов, явное превосходящих их своей численностью. И далее в этом же походе сокрушительная победа тюркских войск выражается точным количеством: *«Я довёл войско до город (ов) Шантунга и до морской реки. Они разрушили двадцать три города и остались на жительство в земле Усын-бундату»* (*Şandun balyqqa taluj ögüzke tegdim. Üç otuz balyq sydy. Usun buntatu jurtda jatu qalur erti.*) [Малов, Тон. 19].

В текстах памятников часто употребляются числа, связанные с цифрой семь. Например, Кутлук поднимает восстание против китайского ига с отрядом из «семнадцати мужей». Затем «семнадцать мужей» он превращает в отряд из семьдесят человек:

Все, услышав о том, что за пределами собираются, жители города поднялись в горы, те, кто жил в горах, спустились вниз. Собралось семьдесят воинов[Жолдасбеков и др., КТ. I.12].

Позже отряд Кутлука составляет «семьсот мужей»:

...Двигаясь, то вперёд, то назад, собирал войско, поднимал народ. И стало их всего семьсот воинов...[Жолдасбеков и др., КТ. I.12].

Последняя цифра выражает не конкретное количество, а обобщенное значение множества, «семьсот мужей» означает, что на восстание против табгачей поднялся весь тюркский народ. Число *семьсот* в текстах Кюльтегина, Бильге-кагана, Тоньюкука репрезентирует меререологические отношения действительности в виде соотношения части-целого, которые не

представлены эксплицитно, а воспринимаются лишь мысленно. *«Когда их стало семьсот, то он привёл в порядок и обучил народ, утративший свой «эль» (т.е. своё независимое государственное устройство) и своего кагана; народ, сделавшийся рабынями и сделавшийся рабами (у табгачей)...»* [Малов, КТб.13].

Для понимания мерееологических отношений, по мнению Е.В. Рахилиной, «чрезвычайно существенно, что они не присущи действительности как таковой, а вносятся человеческим разумом. Это человек «видит» объекты как объединённые в множества или расчленённые на части и соответствующим образом называет их» (Рахилина, 2000, с. 36).

Таким образом, семьсот – это лишь часть целого, часть множества: семьсот воинов олицетворяют весь тюркский народ, который под предводительством мужественного Кутлука поднялся на борьбу за независимость и победил. Начиналась новая эпоха истории древних тюрков – становление могущественного древнетюркского государства, создание второго тюркского каганата.

По поводу употребления древними тюрками цифры семь имеются различные предположения. «Постоянное употребление числа семь,- пишет Л.Гумилёв,- наводит на мысль, что ему сопутствовало магическое или мистическое значение, подменившее точное количество всадников Кутлука» (Гумилев, 1993, с. 267).

Причины частого употребления семёрки кроются в представлениях древних людей, связанных с изменениями космических светил Луны и Солнца и теми традициями, которые передаются из поколения в поколение.

Магическое значение цифре семь присваивалось ещё в древнейших цивилизациях, в библейских сказаниях, в различных культурах мира. По мнению Б.А. Фролова, это число выражает комплекс идей, связанных, во-первых, с изменениями Вселенной и ритма времени, а во-вторых, с сотворением мира и людей, с душой человека, её метаморфозами в жизненном цикле, во времени от рождения до смерти (Фролов, 1971, с.108). Цифра семь считается магической во многих древних цивилизациях, и в разных этнических культурах она выражает множество смыслов:

1) По представлениям шумеров, миром правят «судьбы вершащие боги числом семь» и 50 «великих богов»; у подземного царства 7 врат, и там 7 судий судят умерших; побитый южный ветер 7 дней лежит, залечивая раны; богиня-мать Гаутумдуг лепит первых людей из 14 кусков глины; 7 дней бушует небесный потоп. В языке шумеров идея Вселенной обозначалась тем же знаком, что и число 7.

2) Древнейшие индийские тексты – веды, эпическая поэма «Рамаяна» и другие источники дают представление о почитании семёрки в древней Индии. Индусы делили Вселенную на 7 сфер; верили в сотворение мира из разделённой на 7 частей мировой души (Пуруши); в 7 коней, несущих Солнце по небосводу; в происхождение людей от 7 сыновей богини-матери;

различали 7 деятельных начал в человеке, верили в обновление человеческого тела через каждые 7 лет.

3) Вера в то, что каждый человек имеет 7 душ и что особенно важны отрезки времени с числом 7 (7 дней, 7 ночей, 7 недель и т.д.), как и другие формы почитания числа 7 и кратных ему чисел, характерна для древнего Египта.

4) Согласно древнейшим мифам Китая, таким, что «уже в древности были древними», Вселенная и Земля возникли после того, как мифические персонажи Шу и Ху, олицетворявшие быстротечность времени, просверлили 7 отверстий в чудовище Хунь-Туне, олицетворяшем Хаос. Людей создала богиня-мать Нюй-ва, покровительница женщин, бракосочетаний, деторождения, которая ежедневно могла совершить 70 (т.е. 7 раз по 10) метаморфоз.

5) Число 7 считалось магическим в государствах майя и ацтеков, у индейцев Северной и Южной Америки.

6) У сибирских народов, использовавших лунный календарь, число 7 также сакрально, что и в древних цивилизациях. В их фольклоре и обрядах фигурировали 7 миров, 7 небес, 7 основателей рода, 7 душ у человека, 7 дней, 7 ночей, 7 птиц, 7014 звезд на небе и т.д. (Фролов, 1971, с.106-120).

Единство значений семёрки в древних и в более поздних цивилизациях объясняется космическими (лунными) изменениями, влиявших на ритм времени. В разных частях света человек невооружённым глазом мог наблюдать за самым крупным небесным телом, за семью фазами его изменений в течение лунного месяца (ориентировочно 28 дней, поскольку в период новолуния Луну нельзя видеть в течение одного или двух дней). Б.А. Фролов пишет: «Объяснение оказалось возможным после того, как мы предположили, что значения эти имеют один общий, очень древний и глубокий корень, уходящий в быт и представления людей палеолита и так или иначе связанный с наблюдением за Луной и учётом времени» (Фролов, 1971, с.112).

Возможно, поклонение таинственным небесным телам, изменения фаз луны через конкретное число времени, а также следование традициям предков в понимании окружающего мира и объясняют как-то причину сакральности «семёрки» в древнетюркском сознании. Эта сакральность семерки в мировидении тюрков «дошла» сквозь века и сохранилась в культуре, традиции тюркских народов, в т.ч. в этнокультуре казахского народа. Так, у казахов исчисление времени определялось 7 поколениями, поэтому нельзя было выходить замуж или жениться, если родственные связи молодых не превышали 7 поколений (жеті ата). Число 7 употребляется в традициях и ритуалах: поминание после смерти человека - через 7 дней. Число семь активно функционирует в устном народном творчестве. Так, в «Ер Төстіке», Төстік справляется с подземными препятствиями только в группе из семи человек, подземный путь от Жылан Бапы хана до Темір хана

семь месяцев: «Жетеу болып жүріп кетеді. Бұлар жеті ай жол жүріп, Темір хан елінің отырған жеріне келсе, Темір хан елінің жұрты жатыр (Асыл сөз, 1987, с. 130).

В тексте Кюль-тегина даётся точное количество походов и сражений каганов - повествуется, что Кутлук-каган *сорок семь раз ходил с войском (в поход) и дал двадцать сражений*, Капаган-каган (рассказчик называет его «мой ддя-каган») возглавлял походы *двадцать пять раз и дал тринадцать сражений*, о себе Бильге-каган пишет: «*Чтобы поднять свой народ, я предпринял с большими войсками двенадцать походов*» [Малов, КТб. 28].

Определённое множество используется и в описании жизни и подвигов Кюль-тегина. В языке для характеристики явлений действительности точная множественность может сочетаться с единицами измерения (мезуративами), к которым относятся время, возраст, вес, длина, площадь, объём, температура, скорость и другие измерения. «Системы измерителей (мезуративы) являются результатом скрещения естественных языков с метаязыками точных и естественных наук, экономики, что выражается путём присоединения числительных или счётных существительных к наименованиям мезуративов» (Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность, 1996, с. 35).

Древнетюркский язык использовал эти ресурсы языка, ибо описание жизни и подвигов Кюль-тегина, с одной стороны, даётся в рамках времени и возраста (о чём мы писали выше), с другой стороны, в рамках точной множественности, в количестве совершённых походов, иногда даже в течение одного года, в количестве убитых им врагов и использованных стрел:

В один год мы сразились пять раз. В начале мы сразились в Тогу-балыке. Кюль-тегин, сев на белого коня Азмана, бросился в атаку. Шесть воинов он заколол (копьем). В этой битве он зарубил седьмого. Во второй раз мы сразились с эдизами в Кушлагаке. Кюль-тегин, сев на бурого коня азов, бросившись в атаку, заколол одного воина. Девять воинов он убил, окружив. Народ эдизов там был уничтожен. В третий раз при Болчу мы сразились с огузами. Кюль-тегин, сев на белого коня Азмана, бросился в атаку, заколол (копьем врагов).....В четвёртый раз мы сразились у вершины гор Чуш [Жолдасбеков и др. КТ. I. 4-6].

В рамках данного контекста передаётся количественная насыщенность событий посредством перечисления и точностью чисел. Таким образом, в древнетюркской ментальности точный счёт является распространённым явлением, что свидетельствует о дискретном характере мышления тюрков.

Неопределённое множество. В текстах концепт множества часто передается неопределённым множеством. К примеру, жизнеописание Кюль-тегина завершается защитой им орды, женщин, а значит, - и очага, что глубоко символично для всего текста: «*Кюль-тегин, сев на белого своего Огсиза, заколол девять мужей и не отдал орды! Моя мать-катунь и вы*

идуція за нею (по знатности) мои сводные матери (т.е. другія жёны отца Бильге-кагана), мои тётки (или вообще: старшія родственницы?), мои невестки (или вообще: младшія родственницы?), мои княжны, сколько (вась) ни было, все вы были въ опасности, (или) оставшись въ живых, попасть въ рабство, (или), будучи убитыми, остаться лежать въ орде и на дороге! Если бы не было Кюль-тегина, все бы вы погибли» [Мелиоранский, КТб. 49]. Перечислением охвачены все женщины – матери, жёны, сёстры, невестки, тётки, в целом воссоздающий образ самого близкого, дорогого человека – матери, с чьим именем связано понятие Родины. Неопределённое множество передается не конкретными цифрами, а утвердительно-пропозицией с количественным смыслом «сколько (вась) ни было, все», синтаксическими средствами (повторяющаяся структура словосочетаний), повтором отдельных лексем (мои, вы, вообще, были), контекстом, интонацией.

Неопределённое множество часто обозначается стереотипным клишированным выражением: «...врагов принудил к миру, имевших колени он заставил преклонить колени, а имевших головы заставил склонить головы» (Ja yuy baz qylmys. Tizligig sökürmis başlyuy jüküntürmis.) [Малов, КТб. 15].

В адъективных выражениях *имевших колени, имевших головы* неопределённое множество представлено как метонимический ассоциативный перенос части на целое, т.е. в этих выражениях речь идёт о людях, живых субъектах. Подобные метонимические ассоциации, как известно, также являются показателем метафоричности мышления. Кроме того, рассматриваемые клишированные выражения воспроизводят стереотипную модель, или «представление фрагмента окружающей действительности, фиксированную ментальную картинку, являющуюся результатом отражения в сознании личности типового фрагмента реального мира, некий инвариант определённого участка картины мира» (Красных, 2003, с. 231).

Иначе говоря, повторяющиеся клише передают когнитивную модель стереотипных ситуаций: победоносные походы каганов, как правило, заканчивались потерей социальной независимости, потерей своего кагана, своей земли, потерей всех прав. Поэтому, видимо, для побеждённых врагов существовал обычай склонять головы и быть коленопреклонённым. Язык зафиксировал реалии действительности.

Проявление неопределённого множества наблюдается в количественных смыслах, обозначающих социальное положение народа, его хороший жизненный уровень или нищету (*неимущих сделать богатым, немногочисленных сделать многочисленным, столько народа обустроить*): «... народы все мне подвластны столькое народы я устроил» [Мелиоранский, КТм. 2].

В количественных смыслах неопределённое множество передаётся адвербальной лексемой *столько*, который является семантическим

эквивалентом древнетюркского слова *бунча*. В значении этого слова содержатся самые разнообразные количественные смыслы:

- *«до стольких земель я ходил»* (пространственное количество, много земель);
- *«мой отец-каган столько ...»* (возможно, речь идёт о походах Кутлук-кагана, ибо во всех переводах после слова столько многоточие, а затем численность походов);
- *«не думал отдавать столько трудов и сил»* (измерение труда и сил);
- *столько золота и серебра* (количество полученных даров);
- *столько народов, придя стонали и плакали: столь знамениты каганы были* (безмерность народного горя);
- *столь много приобрета* (количество богатства, приобретённое во время походов) и т.д.

В аспекте пропозитивной семантики в выражениях с лексемой *столько* рефлексивируется суждение, обозначающее аргументную роль как результат достигнутого, в частности, достижение чего-то многого. На наш взгляд, в частом употреблении лексемы *столько* также отражается особенность понимания количественных смыслов, показывается способность древнетюркского сознания обобщать и недискретно представлять мир.

Сакральность количественных представлений тюрков объясняется «человеческими установлениями», т.е. естественными реалиями их действительности нежели природными. Установленные в текстах памятников более 20 количественных смыслов структурируются как концепты единичности и множества и в целостности воссоздают понимание дискретности и недискретности мира. Единичность в сознании тюрков - это недискретное представление количества, множество – дискретное, проявляющееся в точных определённых и неопределённых количественных смыслах.

2.3 Древнетюркский мир в социальных концептах

2.3.1 Тюркские каганы и народ. Феномен Тоньюкука

В условиях постоянных походов и войн, внутренних межплеменных конфликтов, выдерживая паритетные консенсусы с могущественными внешними соседями такими, как Китай, Арабский халифат, Согдийское государство, голубые тюрки, по мнению историков, представляли грозную силу, занимали большие жизненные пространства, удерживали под своим влиянием огромную территорию. Как пишет А. Кадырбаев, если не считать переселения арабов в период арабских завоеваний VII – VIII веков и европейцев во время освоения новооткрытых континентов – Америки и Австралии после Великих географических открытий, ни один народ или даже группа народов не расселялись в таких грандиозных масштабах. Более того,

по мысли учёного, в древнетюркскую эпоху поднимается на новую ступень духовная культура степняков – возникла тюркская письменность, заимствованная и собственная, появилась запечатлённая этими письменами тюркская литература, древние тюрки впервые приобщились к мировым религиям – буддизму, христианству, иудаизму, исламу, широко освоили достижения иных цивилизаций – арабской, византийской, иранской, индийской, китайской (Кадырбаев, 1995, с. 50).

Однако наличие древнетюркского государства среди исследователей вызывало неоднозначное мнение. В некоторых исторических документах, в переводах В.В. Радлова, С.Е. Малова древнетюркское общество описывается как конфедерация племён, или племенной союз (Малов, 1951. с.31), хотя выражения *«государственные установления»*, *«государственное устройство»* встречаются в переводах В.В. Радлова, П.М. Мелиоранского, С.М. Малова.

Новейшая историческая и тюркологическая литература доказывает, что у древних тюрков было могущественное государство, (*вечный эль*), которое способно было противостоять Китайской империи, с которым считались многие средневековые государства такие, как Византия, Арабский халифат, Согдийское государство.

По утверждению П.М. Мелиоранского, границы тюркского государства на востоке простирались до Кадырканской черни (совр. Хинганский хребет), а на западе доходили до Темир-Капыга (Мелиоранский, 1899, с. 84-98).

В древнетюркском государстве существовала своя особая система государственного устройства и государственного управления, государство делилось на три части: центр (орду), правое крыло (тардуш), левое крыло (толес), верховная власть в древнетюркском государстве принадлежала кагану, и она передавалась по законам тюрков не отца к сыну, а от брата к брату. Как и в любом другом государстве существовала иерархия социально-политических отношений: каган (хан), ябгу, шады, апа-тарханы, военачальники (буйруки), герои-воины (ер), рабы-пленники (Жолдасбеков и др., 2006, с.13).

Проблема власти. Тюркские каганы и народ

Материалы текстов показывают, что в древнетюркском государстве наблюдалось сильное социальное расслоение: были богатые и бедные, сильные и слабые, которых Тонь-укук иносказательно называет «жирными и тощими быками». Социальное противостояние наблюдалось между теми, кто управлял и теми, кто находился в подчинении, между каганами, беками, с одной стороны, и простым народом, с другой стороны.

Верховная власть принадлежала кагану (хану), обычно, выходцу из знатного рода Ашина, его наместниками были шады, как правило, люди мужественные, достойные и прославленные типа Кули-чора. Каган был главной политической фигурой в древнетюркском государстве. С.Г

Кляшторный пишет, что хан «держал эль и возглавлял бодун». Он осуществлял функции главы «гражданского» управления внутри своего собственного племенного союза (народа) по праву старшего в генеалогической иерархии родов и племён и выступал в роли вождя, верховного судьи и верховного жреца. Вместе с тем, возглавляя политическую организацию, созданную его племенным союзом, он выполнял функции военного руководителя, подчинявшего другие племена и вынуждавшего их к уплате даней и податей (Кляшторный, 2003, с. 160). По закону тюрков верховная власть от брата передавалась брату, а от племянника – к дяде. Такое наследование власти Л.Н. Гумилёв называет «лествичным восхождением». По мнению учёного, китайцы считали этот порядок бессмысленным и, вмешиваясь в тюркские дела, попросту игнорировали его. В эпоху позднего Тюркского каганата, после смерти Кутлук-кагана тюрки восстановили старый закон, по которому Мочур и стал Капаган-каганом. «Но он сам испытал на себе влияние китайской культуры и счёл за лучшее для себя передать престол своему сыну Фугюю, а не племяннику Могилянну. Сознывая, что нарушать закон надо исподволь, он воссоздал чин «малый хан» (Кучук хан) и пожаловал его своему сыну, а племянника поставил шадом тардушей, т.е. западного крыла тюрков, и предоставил ему решение наиболее опасных военных задач» (Гумилев, 1993, с. 287).

Как известно, нарушение легитимности каганом привело к вражде и кровопролитию среди ближайших родственников Капаган-кагана. Кюльтегин, военные доблести которого были известны во всём каганате, убивает своих племянников и, не нарушая старого закона, не приняв ханского титула сам, возводит на престол своего старшего брата Бильге-каган. Историки отмечают, что расправа коснулась семьи и ближайших советников Капаган-кагана, кроме Тоньюкука, дочь которого была замужем за Бильге-каганом. Видимо, жестокая расправа ошеломила народ, так как Бильге-каган вспоминает:

Когда я стал ханом, то тюркские беги и народ, опечаленные, что они должны умереть (теперь), смотрели кверху (на престол) спокойными глазами [Малов, КТб. 25].

В языке нашло отражение народный страх, оцепенение от ужаса пролитой крови. За скупыми внешне неэмоциональными словами «опечаленные», «должны умереть», «спокойные глаза» представлена когнитивная картина, раскрывающая переживания и мысли людей – если с родными так расправляются, то, какова участь простого народа. Выражение «спокойные глаза» передают силу духа кочевого народа, который не раз погибал, и готов достойно встретить невзгоды.

Проблема власти в текстах памятников является одной из главных проблем. Содержательная сторона текстов нацелена не только на, чтобы описать события давних, но и рассказать, как правили древнетюркские

каганы, раскрыть их мудрость или неразумность, их силу или слабость, способность заботиться о народе и проявлять твёрдость и непоколебимость в борьбе с врагами. **Каган – главная политическая, социальная, человеческая фигура древнетюркского общества.** Поэтому деятельности каганов наряду с описанием тех или иных событий отводится так много внимания, и описывается эта деятельность по определённой модели, которая очень ярко иллюстрируется на примере основателей раннего тюркского каганата Бумын-кагана и Истеми-кагана: «Миром правили мои предки - Бумын-каган, Истеми-каган». Далее в тексте Кюль-тегин подробно излагаются заслуги этих каганов:

- «они обустроили тюркский народ»;
- «создали государство и власть»;
- «народы, живущие по четырём углам, покорили, принудили к миру»;
- «они были мудрые каганы, они были могучие каганы»;
- «их военачальники тоже были мудрыми и мужественными»;
- «их беки и народ были верными»;
- их смерть опечалила всех «скорбящие и плачущие пришли отовсюду...».

На смену мудрым каганам раннего тюркского каганата пришли их потомки, которые оказались недостойными своих отцов: *«После них стали каганами их младшие братья, сыновья их стали каганами. Младшие братья не были подобны старшим, сыновья не были подобны отцам, то есть неразумные каганы сели на престол. Слабые каганы сели на престол»* [Жолдасбеков и др. КТ.1.4].

Во фрагментах Бугутинской надписи, относящейся к эпохе раннего тюркского каганата, про деятельность Мухан-кагана трижды повторяется *«хорошо вскормил народ»*, «он совершил много благих дел», *«...благие дела они восхваляли»* (Жолдасбеков и др., 2006, с. 52). Значит, Мухан-каган был достойным каганом, мудрым правителем, и памятник, поставленный в честь него, увековечивает этот образ.

В текстах Кюль-тегина, Бильге-кагана Йоллык-тегин повествует о нелёгкой ноше верховного правителя своего отца Кутлук-кагана, дяди Капаган-кагана и правлении Бильге-кагана. В понимании древних тюрков, если каган сильный и мудрый, то умножается достояние народа, улучшается его благосостояние, государство достигает расцвета. Подобная ситуация в тексте Кюль-тегина описывается несколько раз в рамках сценарного фрейма, результаты деятельности каждого из каганов фиксируются одними и теми же стереотипными выражениями: *«имевших колени он заставил преклонить колени, имевших головы он заставил склонить головы»*, *«неимуций народ сделал богатым, немногочисленный народ сделал многочисленным»* (*Сүҗај bodınyǰ baj qyltym. A=bodınyǰ üküs qyltym*).

Во время правления Кутлука-кагана древнетюркский народ добился независимости, а древнетюркское государство стало могущественным.

Деятельность Кутлук-кагана оценивается в конкретных цифрах и стереотипных выражениях:

Сорок семь раз он ходил с войском в поход, дал двадцать сражений. По милости неба у имевших государство он отнял государство, у имевших кагана он отнял кагана, врагов он принудил к миру. Имевших колени он заставил преклонить колени, имевших головы он заставил склонить головы. Мой отец-каган, приобретя таким образом государство и власть, отлетел (умер) [Стеблева, КТб.15].

Кутлук-кагану был присвоен титул «ел-терис («Ильтериш», «ел-торис», «ел-төрісі»)). Такая преамбула не случайна: осуществляется метонимический перенос «ел» в значении государства для обозначения титула каган за его заслуги перед этим государством («ел-торис»).

По мнению авторов «Атласа Орхонских памятников», в древнетюркском мире титул «ел» присваивался за большие заслуги только основателям каганатов. В раннем тюркском каганате этот титул был присвоен Бумын-каган, позднем тюркском каганате - Кутлук-кагану, в объединённом тюркском каганате – Турайын-кагану. Другие каганы такие, как Истеми-каган, Мухан-каган, Таспар-каган и т.д. таким титулом не обладали (Жолдасбеков и др., 2006, с. 110).

Компонентный анализ слова «тореси» (в переводах В.В. Радлова, С.Е. Малова *терис (ел-терис)*) даёт важную информацию о правлении и власти Кутлук-кагана. Аффикс -сы/сі в казахском языке обозначает «владеть», «обладать», значение аффикса унаследовано из древнетюркского языка, т.е. в древнетюркском языке морфема –с (ее варианты -сы/сі) выражала тот же самый значение, что и аффиксы современного казахского языка – значение «обладания». Известно, что слово «төр» обозначает «правительство», «власть». Полный морфемный анализ «тореси» означает «обладать властью над правительством», а все сочетание «ел-тореси» («ильтерис») обозначает власть над народом, власть над правительством. Иначе говоря, власть над народом и правительством сосредоточена была в одних руках Кутлук-кагана, власть кагана была сильная, монархическая. Для сравнения в титулах других каганов лексема «ел» не сочетается со словом «төри», например, ел-етмиш Турайын-каган. Так, язык фиксирует систему государственного управления древнетюркского государства.

Далее в тексте Кюль-тегина в стереотипной модели описывается и правление Капаган-кагана:

- **приход к власти;**
- **организованные им походы и сражения**«С моим дядей-каганом мы ходили войной на восток....на запад мы ходили войной. Перевалив Кёгмен, до земли кыргызов мы ходили войной. Всего мы ходили двадцать пять раз, дали тринадцать сражений» [Жолдасбеков и др. КТ.І. 17-18];
- **покоренные каганом народы и племена**«имевших колени заставили преклонить, имевших головы заставили склонить»;

- **обустройство собственного тюркского народа** *«Мой дядя-каганъ, сев (царство) хорошо устроилъ и поднѣяль турецкїй народъ (т.е. поднѣяль его благосостояніе, значеніе), неимущихъ онъ сделалъ богатыми, немногочисленныхъ онъ сделалъ многочисленными»* [Мелиоранский, КТб.16]. Повышение материального благосостояния отмечается интересной ремаркой: *«Въ то время наши рабы стали рабовладельцами, наши рабыни стали рабовладелицами»* [Мелиоранский, КТб. 21]. Язык передает весьма интересные знания о древнетюркском мире, поскольку в истории человечества не часто встречается (возможно, и вовсе нет), чтобы раб имел своего раба, рабыня свою рабыню. Такие ситуации можно объяснять лишь гипотетически - возможно, речь идет о достатке, богатстве, улучшении социального положения тюркского народа.
- описание внутриплеменных раздоров и распри, повлекших за собой ослабление тюркского государства: *«Тюркский народ покайся! Перед своим мудрым каганом, возвысившим тебя, за то, что ты был верен, перед своим хорошим государством ты сам провинился, сделал низость. Откуда пришли вооруженные люди и рассеяли тебя? Откуда пришли копьеносцы и увлекли тебя?»* Глаголы *«рассеяли»*, *«увлекли»* означают падение древнетюркского государства.
- смерть кагана и постанова в честь памяти его балбалов во главе с головным балбалом кыргызского кагана: *«Вследствие твоего непонимания своего блага и вследствие твоей низости мой дядя-каган улетел (умер). В честь моего дяди-кагана я поставил во главе (вереницей камней) балбал кыргызского кагана»* [Жолдасбеков и др. КТ. I. 24-25].

Деятельность Бильге-кагана описывается также в рамках вышеописанной модели: *«...я поднѣяль (т.е. призывалъ) къ жизни готовый погибнуть народъ, снабдилъ платьемъ нагой народъ, сделалъ богатымъ неимуций народ, сделалъ многочисленнымъ малочисленный народ). Среди вассальных моихъ кагановъ...и среди вассальныхъ моихъ народов (т.е. действовалъ справедливо и милостиво)»* [Мелиоранский, КТб. 29].

В сознании читателя возникает картина трудностей, которые преодолевает каган, чтобы поднять благосостояние народа. Последующее стереотипное выражение *«сделалъ богатымъ неимуций народ, сделалъ многочисленнымъ малочисленный народъ»* выражает достаточную информацию о благосостоянии народа, оно является ключевым.

В конце своего правления Бильге-каган даёт оценку собственному правлению: *«Когда я был каганом, тюркскому народу не было плохо. Я создал хорошее государство и хорошую власть»* [Жолдасбеков и др. КТ. I. 28].

Вся деятельность каганов направлена на благодеяние народа, что выражается в языке в значении глагольной семантики: *«обустроил народ»*, *«восстановил его как во времена моих предков»*, *«поднял, возвысил тюркский народ»*, *«объединил немногочисленный народ»*, *«поднял погибающий народ»* и

т.д. Примечательно в данном аспекте слова Бильге-кагана, ставшие афоризмом: «...я ради блага тюркского народа не спал ночей, не сидел (без дела) днём» [Малов, КТб. 27].

Тексты памятников насыщены призывами каганов к народу: «О, тюркский народ, если ты будешь жить в Отюкенской черни, то жил бы ты, создавая своё вечное государство». Или другое обращение: «Речь мою полностью выслушайте, мои младшие братья, потомки, народы подвластные мне...Эту речь мою хорошенько слушайте и крепко ей внимайте!» И далее Бильге-каган утверждает: «В моей речи нет неправды!» [Жолдасбеков и др. КТ. IY. 10]. В такой речи кагана, как и в его поступках и делах, преобладает иллюкативная сила воздействия.

Речи и призывы каганов имеют прагматический характер, ибо нацелены на объединение и послушание народа во имя создания могущественного и сильного государства. Для древнетюркского мира фактор единства всех социальных структур был так же актуален, как и для нашей современности. Тем не менее, по мысли С.Г. Кляшторного, единство, которого требуют каганы, единство внутри общины, основанное не на равенстве соплеменников, а на многоступенчатой системе подчинения, означало отказ от сословных разногласий и принятия такой политической структуры и таких правовых норм, при которых власть, а, следовательно, и богатство, добываемое путём внеэкономического принуждения, войной и угрозой войны, принадлежало бы аристократам по крови, выделявшей остальной общине установленную традицией долю добычи дани (Кляшторный, Султанов, 2004, с. 163).

Поэтому, несмотря на то, что в текстах в целом правление каганов описывается положительно, в действительности для простого народа власть тюркского кагана не всегда была демократичной, что подтверждается и ситуациями описанных в текстах. О монархическом характере верховного правителя кагана В.В. Бартольд пишет: «...Ханы берут власть сами, никем не назначаются и не выбираются; народ или народы только примиряются с существующим фактом, часто только после тяжёлой борьбы, и объединение под властью хана его собственного народа часто бывает связано с более продолжительным кровополитием, чем потом походы кочевников, с ханом во главе, на культурные земли; эти походы и связанная с ними военная добыча – единственный способ примирить народ с установлением ханской власти» (Бартольд, 1996, с.6)

Феномен Тоньюкука. Одной из отличительных черт представителей высшего сословия древнетюркского общества является способность к саморефлексии, не просто излагать происходившие события, а анализировать эти события, высказывать свое отношение к этим событиям и выражать свою точку зрения. Поэтому в текстах Кюль-тегина, Бильге-кагана, Тоньюкука значима интеллектуальная (мыслительная) деятельность таких важных персоналий, как Бильге-каган и Тоньюкук.

Текст памятника Тоньюкука можно в целом представить как демонстрация мыслительной деятельности человека. Именно рассуждения, размышления, сомнения, прогнозирование и предугадывание ситуаций раскрывают Тоньюкука как прецедентную личность древнетюркского общества, показывают его как незаурядного дипломата, опытного политика и мудрого советника, пережившего не одного кагана. Концепт «мудрый» как нельзя лучше характеризует Тоньюкука и на протяжении всего текста он сам себя описывает как «я сам, мудрый Тоньюкук».

На протяжении всего повествования Тоньюкук не прерывает высокой оценки своей интеллектуальной деятельности, а он сам формирует общественное мнение вокруг себя (так, якобы, говорят враги: табгачи, огузы, киданы) *«каган – герой, если только советник у него – мудрый»*. Услышав заговор врагов, Тоньюкук вспоминает:

Услышав эти слова, ночью не приходил мой сон, а днём я не имел покоя. После этого я обратился с просьбой к кагану [Малов, Тон. 12]. Структуры с отрицательными пропозициями *«ночью не приходил мой сон, а днём я не имел покоя»* воссоздают картину глубоких раздумий, психически чувственных переживаний человека, потерявшего сон и покой. В то же время показывается рациональный характер мышления Тоньюкука, через его логические суждения и умозаключения раскрывается процесс ментальных действий:

Если тонкое станет толстым, то сложить может его (только) сильный. Если слабое делается крепким, то разорвать его может (только) сильный. Вперёд к киданам, вправо к табгачам, назад к курданам, влево к огузам сможем ли мы с двумя-тремя тысячами войнами выступить? Так просил кагана я, мудрый Туйукук» [Жолдасбеков и др. Туй. 13-14].

Если выше нам приходилось подчёркивать наивный конкретный характер мышления древних тюрков, то теперь здесь наблюдается яркий пример аналитико-логического мышления с характерными для подобных суждений причинно-следственными отношениями. Эти строфы насыщены структурами, репрезентирующими знание, утверждение (*«если тонкое станет толстым, то сложить может его (только) сильный»*), и как следствие, содержат аксиологическую оценку: при таком подходе к проблеме – всё будет хорошо. В то же время выражается сомнение, сможет ли небольшой тюркский отряд даже при такой тактике противостоять многочисленным врагам. Описанные дальнейшие события показывают, что выбранная в результате долгих раздумий военная тактика Тоньюкука оказалась жизнеспособной: тюрки с двумя тысячами воинов побеждают шеститысячное войско врагов, захватывают двадцать три города, добираются до границ так называемой «морской реки», а главное, в результате всех этих походов тюрки поселяются на заветной земле Отюкен: *«Услышав, что я привёл тюркский народ в землю Отюкен и что я сам, мудрый Тоньюкук,*

избрал местом жительства землю Отюкен, пришли (к нам) южные народы, западные, северные и восточные народы» [Малов, Тон. 17].

Абстрактно-логический характер мышления Тоньюкука раскрывается и в других ситуациях - в борьбе с киргизами и тюргешами, где также раскрывается процесс мыслительной деятельности советника:

«Услышав это его слово, ночью совсем сон мой не приходил, а днём я не находил покоя». Выбрана новая тактика действий: *«Тогда я задумал...»* [Малов, Тон. 22]. Вновь иллюстрируется гибкость его ума, интенция размышлений в выборе верного пути, приведшей к победе [Тон. 23-28].

Тоньюкук показывается не только как мудрый советник и мыслитель, но и как отважный воин и оратор, владеющий словом: *«К чему нам бояться, говоря (нас) мало. Зачем нам быть побеждёнными? (или подчиним себе)»*. В этих вопросительных предложениях призыв, агитация, динамика мысли, которая завершается императивным решением: *«Нападём! – сказал я. Мы напали и прогнали врага»* [Малов, Тон. 39].

Процесс мыслительной деятельности Тоньюкука на протяжении всего текста памятника подчеркивается языковыми средствами: «я думал», «я задумался», «рассудил», «советник - мудрый», «мудрый Тоньюкук – он хитрый и сам он понимающий», «сам я старался и возвысился».

Глубоко символичны рассуждения Тоньюкука в конце текста:

«Тогда советником я же был и предводителем был войск. Эльтериш-кагану...тюркскому Бёгю-кагану, тюркскому Бильгя-кагану...Капаган-каган...я, не спав по ночам, не имея покоя днём, проливая красную свою кровь и заставляя течь свой чёрный пот, я отдавал народу (свои) работу и силу и я же сам направлял длинные (дальные) военные набеги» [Малов, Тон. 49-50].

В этом монологе выражена самооценка Тоньюкуком своей деятельности:

- служение тюркскому народу при правлении многих каганов;
- оценка своих интеллектуальных возможностей *«не спав по ночам, не имея покоя днём»*;
- использование всех своих физических сил, что выражено образно метафорически *«проливая красную свою кровь и заставляя течь свой чёрный пот»*;
- патриотическая патетика *«я отдавал народу (свои) работу и силу»*.

Незаурядные способности и аналитическое мышление Тоньюкука, красноречие и талант делают мудрого советника каганов одним из выдающихся личности древнетюркского мира.

Тюркский народ. В системе государственного управления древнетюркского государства большое внимание в текстах уделяется взаимоотношению кагана с народом. Несмотря на то, что основное содержание текстов посвящено прославлению деяний каганов, военных подвигов героев типа Кюль-тегин, Кули-чора, описанию походов, простой народ (кара бұдун) составляет главную оппозицию верховной власти -

каганам, бекам, военачальникам. Как показывает текст Кюль-тегина, именно народ является инициатором восстания Кутлука:

«Тюркский народ так сказал: был народ, у которого было государство. Где государство это теперь? Был народ, у которого был собственный каган. Где мой каган? Какому кагану я отдаю мои труды и силу? Так говоря, стали врагами табгачскому кагану» [Жолдасбеков и др. КТ. I. 9]. Структура строфы, состоящая из вопросительных предложений раскрывает внутреннюю речь, или интенцию мыслей, чувств, побудивших народ к восстанию.

Когнитивные модели языка дают возможность воссоздать картину жизни народу, установить действительность социальных взаимоотношений древнетюркского общества.

Тюркский народ испытывает неволю и свободу, падения и подъёмы переживает социальные катаклизмы в виде голода и рабства, о чём свидетельствует стереотипное выражение: *«..они (тюрки) стали рабами своим мужским потомством и рабынями своим чистым женским потомством»* (*Tabıaǵ bodunda beglik ury oǵuı qul boldy. Silik qyz oǵuı küıı boldy.*) [Малов, КТб. 7].

В рабство, как правило, во время военных походов брали только молодых людей, которые могли выполнять физическую работу, вести хозяйство, в то время как мужи-воины были в бесконечных походах. Язык отражает реалии действительности: рабами могли быть лишь «крепкие юноши» и «чистые девушки», т.е. люди молодого возраста, но не взрослые мужчины. Более того, в этих выражениях имеет место и образность мышления, раскрывающая ценностные аспекты общества, поэтому девушки «чисты», т.е. непорочны, а юноши «крепки», т.е. сильны. Тем самым эксплицитно утверждаются нравственно-этические качества человека: сила красоты женщин, крепкое мужество мужчин, характерные для культуры древнетюркского общества.

В текстах памятников языковые единицы разных уровней передают социальную обездоленность народа:

- *«пятьдесят лет отдавал свои труды и силы» (isig küııǵı);*
- *«тюркский народ пал»; «начал идти к гибели»;*
- *«народ, ослабевший и бродивший, пеший и нагий»;*
- *«народ, жалкий и слабый; народ, потерявший кагана;*
- *народ, оставшийся без власти; народ, превратившийся в рабов и рабынь»* и т.п.

О тяжелом положении тюркского народа в начале своего правления вспоминает Бильге-каган: *«Я сел на (царство) над небогатым народом, я сел на (царство) над народом внутри – без пищи, снаружи – без одежды»* [Стеблева, КТб. 26]. Следует отметить, что выделенное выражение есть во всех переводах, т.е. перевод эквивалентен подлиннику. В рамках когнитивной категории, структурированной на теоретический, базовый и практический уровни, теоретический уровень раскрывает общее низкое

социальное положение тюркского народа. Нейтральный, базовый уровень подчёркивает бедность народа, что обозначено внутри этой же строфы как «небогатый народ». Наконец, невысокое социальное положение, бедность народа детализируются выражениями «*внутри - без пищи, снаружи – без одежды*». Так конкретно-предметно мыслили древние тюрки, так в языке отразились показал бедность и нищета простого человека.

В целом, в описании народа в текстах внимание обращается на две факта: богат он или нищ при правлении того или иного кагана. Сам тюркский народ безмолствует, и активных действий с его стороны не наблюдается.

2.3.2 «Свой» или «чужой»: походы и сражения древних тюрков

Идентификация, или осознания себя со своим языком, культурой, этносом, пожалуй, один из актуальных вопросов современной действительности. При таком подходе возникает два полюса, с одной стороны, *мы - наши - свои*, с другой стороны, *они – другие – чужие*. Эти полюсы позволяют понять, как некая группа людей осознаёт себя самих как «своих» в отличие от тех «чужих», иначе говоря, возникает вопрос - по каким критериям определяется этническая народность.

В научном мире существуют критерий идентификации человека со своим этносом. К примеру, по мысли известного французского лингвиста Э. Бенвениста, понятие «свой» первоначально является осознанием кровного родства некоторой группы людей (рода, клана), в пределах которого человек одновременно осознаёт себя «свободным от рождения, свободным по рождению» и противопоставляет себя «другим – чужим, врагам, рабам». Для Э. Бенвениста основными критериями «своих» являются кровнородственная связь и свобода человека. (Бенвенист, 1974).

Арто Мустайоки считает, что в современном мире «свои» отличаются от «чужих» по ряду признаков: биологических (родовая принадлежность, внешность: цвет кожи, цвет волос, форма лица, ведущая рука и т.д.), социальных (отношение к женщинам и мужчинам, к пожилым людям, местожительству), мировоззренческих (ценности, нормы поведения), политических (правые-центр-левые, демократы-либералы-коммунисты и т.п.), а также по таким критериям как хобби (увлечения) и специальные интересы и даже по критерию сексуальная ориентация (Мустайоки, 2006, с. 3).

Довольно распространённым критериям этнической идентификации называют общность языка, территории, экономической жизни, психического склада людей, общность культуры. Всё это, возможно, справедливо. Однако, по мнению, Ю.С. Степанова, все эти признаки по отдельности или даже в совокупности могут социально не осознаваться. Так, зачастую очень трудно определить общность экономической жизни, или общность территории, или даже общность языка (Степанов, 2001, с. 129).

Л.Н. Гумилёв полагает, что в определении этнической принадлежности происхождение человека и язык не являются решающими компонентами, ибо язык можно выучить. В этнической идентификации, - считает Л.Н. Гумилёв, - главным является стереотип поведения. Англичанин тот, кто ведёт себя по-английски, а ирокез тот, кто по-ирокезски. Специально научиться этому нельзя, всё «впитывается» с детства, и происхождение не причём – ведь, если даже ребёнок не знает отца и матери, это не мешает ему принадлежать к тому или иному этносу (Гумилев, 1992, с. 128).

Более того, как и Ю.С. Степанов, Л.Н. Гумилёв утверждает, что «нет ни одного реального признака для определения этноса, применимого ко всем известным нам случаям: язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология иногда являются определяющими моментами, а иногда нет. Вынести за скобки мы можем только одно – признание каждой особи: «Мы такие-то, а все прочие другие» (Гумилев, 1992, с. 25).

В позициях и Л.Н. Гумилёва, и Ю.С. Степанова, как видим, есть весьма убедительные аргументы. На наш взгляд, этническая принадлежность генетически предопределена, определяется духом нации или присущей ей ментально-психическими процессами, а также сферой сознания и этнического поведения. Не случайно Л.Н. Гумилёв в одной из своих последних книг повторяет вновь: «...Мы почему-то никак не хотим признать очевидное - основа этнических отношений лежит за пределами сферы сознания – она в эмоциях: симпатиях – антипатиях, любви – ненависти. И направление этих симпатий – антипатий вполне обусловлено для каждого этноса» (Гумилев, 1992, с. 47).

Возможно, эти эмоции и определяют отношение к ним, к другим, в котором есть место интересу и любопытству, боязни и неприязни, ибо «они берут нашу землю (наших жён, мужей, работу), они снижают наш уровень жизни, они заражают и загрязняют нас (наших детей) своими взглядами, ценностями, обычаями, они мешают нам жить» (Мустайоки, 2006, с. 14). Отсюда - накопление неприятного (негативного) опыта по отношению «к ним», что приводит к вражде, открытому конфликту, войне. И тогда в обществе или между этносами возникает «язык вражды», этнический, религиозный и прочий: «... Если мы встречаемся с людьми, которые не соответствуют нашим представлениям, мы формируем и используем негативные религиозные, этнические, гендерные и иные стереотипы, основываясь на конфронтационном восприятии *своих vs. чужих* и не задумываясь о последствиях таких стереотипов и установок. Мы, не особенно задумываясь, используем оценочные, в том числе отрицательные выражения, и в этом нам помогает язык, ведь аксиологическая лексика составляет в разных языках 15-40 % » (Сулейменова, 2007, с. 8).

В истории развития межэтнических отношений есть и другой пример отношений «к ним»: уважение к их языку, вере, стереотипам поведения,

обычаям, культуре, т.е. «к ним» таким, какие они есть. И тогда говорят о толератности, терпимости, мире и согласии.

Проблема «своих» и «чужих» оказалась весьма актуальной и для древнетюркского мира. Известно, что основное содержание Орхонских текстов – это история походов, завоеваний, нескончаемых войн, одним словом это история конфликтов и войн между этносами родственными и внешними врагами. Через историю походов и сражений раскрывается деятельность каганов - Кутлук-каган 47 раз ходил с войском в поход, Капаган-каган – 25 раз ходил в поход, Бильге-каган же вспоминает:

Чтобы поднять свой народ, я с большим войском предпринял 12 походов налево (на север) против народа Огузов, вперёд (на восток) против киданей и татабов, направо (на юг) против народа табгач [...] и сразился [Жолдасбеков и др. КТ. I. 28].

Талант и феномен мудрого Тоньюкука также раскрывается через описание его войн с тогуз-огузами, тюргешами, кыргызами. Мудрый советник, разгадывающий козни врагов, направляющий политику каганов, в конце повествования главную свою заслугу определяет как борьбу с «чужими»:

Ночью не спал, днём не сидел. Я проливал свою красную кровь, стекал (лился) мой чёрный пот. Я отдавал все труды и силы. В дальние набеги также я сам отправлял [Жолдасбеков и др. Туй. VII 52].

Образы героев-мужей, таких как Кюль-тегин, Кули-чор также описываются только через стереотипные битвы, походы, борьбу с врагами: *Когда сразились с карлуками, мудрый Куули-чор, оседлав белого коня племени Едиль, убивал, круша в атаке, пронзая копьём. Конь его пал. Снова сражаясь, возглавил войско. Карлуков, оказавшихся внутри войска (в окружении), заколол копьём. Собрав карлуков, немногих людей снова завёл в лагерь. Карлуки на лошадях бежали. Столько войска... [Жолдасбеков и др. КЧ. II. 19-20].*

В оппозиции «свой» и «чужой» для древних тюрков маркированным смыслом является «чужой», т.е. "враг". В текстах памятников слово "враг" передается древнетюркской лексемой "jat" в значении "чужой", "посторонний", от которого образовались близкие по значению слова "чужеземец, иностранец, враг"(Этимологический словарь тюркских языков, 1989, с. 158).

С "чужими" древние тюрки находятся больше в состоянии войны, походов, завоеваний, чем мирного сосуществования, поэтому война, походы и сражения, как и равно их атрибуты (вооружения, одежда, военная титулатура, результаты сражении, образы врагов и т.д.) являются одним из главных ключевых понятий (концептов) древнетюркской модели мира.

Единство неязыковых и языковых знаний являются составляющими концепта война, к неязыковым знаниям концепта относятся:

- гештальтный образ войны, имеющий обобщённый характер (походы, сражения, битвы) и воплощенный через конкретные действия людей (каганов, героев-мужей Кюль-тегина, Кули-чора и др.);

- результаты военных действий;

- образы врагов «чужих»: внешних врагов (табгачи, т.е. Китайская империя); родственные племена – «свои» как «чужие».

Языковые знания – это конкретная передача языковыми единицами неязыковых знаний.

А. Г е ш т а л ь т н ы й о б р а з п о х о д а. Образ войны или базовый слой концепта воссоздается походами, сражения, битвами, которыми насыщены все тексты. В результате у читателя создается впечатление, что жизнь тюрков всё время связана с походами, все остальные события разворачиваются вокруг этих походов; о мирной жизни или каких-либо других событий в текстах информация минимизирована. Как правило, о походах повествуется в обобщенном плане:

1) *С моим дядею-каганом мы ходили войною вперёд (т.е. на восток) вплоть до Шантунской равнины, (орошаемой) Яшиль-угюзом, назад (т.е. на запад) мы ходили войною вплоть до Темир-капыга, перейдя через Кёгменскую чернь, мы ходили войною вплоть до страны киргизов* [Малов, КТБ. 17].

2) *Четыре угла (т.е. народы, жившие вокруг по всем четырём странам света) все были им врагами; выступая с войском, они покорили все народы, жившие по четырём углам, и принудили их к миру* [Малов, КТБ. 2].

3) *Вперёд, (в страну) солнечного восхода, они ходили вплоть до Бёкликагана, назад (т.е. на запад) они ходили войною вплоть до Темир-капыга и отдали кагану народа свой племенной союз и власть (над собой)* [Малов, КТБ. 8].

4) *Затем, отойдя назад, переправясь через реку Инчу, сражаясь, приобрел до Темир-Капыг, до тезиков. Семь раз выступил против тогузогузов* [Жолдасбеков и др. КЧ. II. 16].

От непроизводной основы "jat" в древнетюркском языке образовались производные слова "janu" ("враждовать") "jagu" ("вражда", "война"). К.М. Мусаев пишет, первичное значение слова "jagu", по-видимому, "посторонний, чужой, неродной". В дальнейшем получили развитие и такие значения, как "чужеземец", "враг", "иноверец", и уже отсюда развилось значение "вражда, война, битва". При этом главная семантика слова связана только с врагом, которого надо уничтожить. Например, оно не может употребляться в описании спортивной, политической, идеологической борьбы. Таким образом, война или борьба представлялись древним тюркам как противостояние сторон, которые готовы уничтожить друг друга (К.М. Мусаев, 2006, с. 499).

Обобщённый характер походов чаще всего передаётся местоимениями множественного числа – *они, мы, их* или неопределёнными субъектами, неопределённо-личными предложениями. Чтобы показать размах,

территориальные пространства походов часто используется сочетание «вплоть до», «вперёд на восток», «назад на запад» и др., иницирующие пространственные смыслы.

С другой стороны, военные походы персонифицированы действиями конкретных лиц – каганов, героев-мужей, таких как Кюль-тегин, Кули-чор и других, целые «куски» текста или отдельный текст посвящается описанию их военных подвигов:

1) *Наш предок Ямы-каган победил, покорил, починил себе четыре угла (света) (Ecumizaramuzjatu qaγan tört buluñ qusmys, jygmys, jajmysbasmus)* [Жолдасбеков и др. Оа. I. 1].

2) *Вечером (в тот же вечер) десяти тысячное войско сразилось. Кули-чор ринулся в атаку (KecindetumensuresunusdiKuuli-coroplajutegipsusin)* [Жолдасбеков и др. КЧ. II. 16].

3) *Эльтерши каган, ради своего сообщества со знанием и героизмом, на табгачей ходил сражаться семнадцать раз, против киданей сражался он семь раз, против Огузов сражался пять раз* [Малов, Тон. 48].

4) *...В этом же году я ходил с войском на тюргешей, перейдя через Алтунскую чернь и переправившись через реку Иртыш. Тюргешский народ я победил, во время (их) сна* [Малов, БК. 27].

5) *Кюль-тегин, сев на белого (коня) Азмана, бросился в атаку, шесть мужей он заколол, в свалке он порубил мечом седьмого»* [Малов, КТб. 45]. Как известно, в тексте Кюль-тегин целых двадцать строф посвящено описанию подвигов, битв Кюль-тегина (см. ниже 2.2.3.).

Весьма разнообразны языковые средства выражения описываемых походов, сражений. К ним относятся: микротексты, отдельные предложения, глагольные лексемы.

Микротексты бывают внутри одной рунической строфы или между строфами, имеют одну тему и состоят из несколько простых предложений. Например:

а) разгром тангутов: *«В семнадцать лет отправился походом против тангутов. Народ тангутов разгромил. Детей, женщин, лошадей, имущество тогда я взял»* [Жолдасбеков и др. БК. 24].

б) война против согдаков: *«В восемнадцать лет отправился войной против шести племён согдаков. Народ их тогда подчинил»* [Жолдасбеков и др. БК. 24-25].

в) поход против табгачей: *«В двадцать два года я отправился воевать против табгачей и сразился с восьмидесяти тысячным войском Чача-сенгуна. Его войско там разбил»* [Жолдасбеков и др. БК. 25-26].

г) сражение с объединёнными войсками противников: *«Когда мне было двадцать шесть лет, (народ) чик, объединившись с кыргызами, стал мне врагом. Переправившись через реку Кем, я двинулся войском против чиков. Сразился при Орпене. Войско их разгромил»* [Жолдасбеков и др. БК. 26].

Мы привели фрагменты из текста Бильге-кагана, в целом такая ситуация прослеживается во всех текстах.

Информация о походе или битве часто передаётся посредством отдельных часто повторяющихся простых предложений: «Мы ходили войной». «Я пошёл походом против огузов». «Мы сразились при Болчу». «Мы сразились и победили». «Сразились при вершине Тамык-Ыдук». «То войско мы разбили». «Войско их я разбил». «Их передовой отряд я разбил». «Я приказал двинуться войску». «В один год я четыре раза сражался». «В первый раз сражался в городе Тогу». «Второй раз сражался в Андагаре». «В третий раз сразился на вершине Чуш». «В четвёртый раз я сражался в Езгенте-Кадаз» и т.д. В этих предложениях содержится информация:

- о месте сражения;
- о кратности боя;
- указание на врага, против которого тюрки сражаются;
- о результатах битвы.

Наконец, самыми распространёнными оказались акциональные глаголы, выражающие динамику движения войск и их боевые действия: *сразились (ся), покорили, разбили, убил, подчинили, рассеяли, преследовали, напали, бросился, заколол* и т.д.

В сфере грамматических категорий походы и сражения передаются в целом *формой прошедшего времени*, поскольку повествование идёт, как правило, о прошедших событиях. Напротив, формы категории числа - единственное и множественное число – функционируют повсеместно.

Б. Результаты военных действий.

Многие из походов оказываются для тюрков удачными, победоносными (по крайней мере, так повествуется). По закону того времени, по праву победителя вся военная добыча доставалась победителю, зато побеждённые народы и их предводители несут вся тяжесть наказания. Бильге-каган о своей военной добыче повествует так:

- «...тогда я забрал те табуны»;
- «...их сыновей, дочерей я взял тогда в плен»;
- «я... убил, их сыновей и девиц, их скот и имущество ... принцесс»;
- «этих ...их женщин я истребил» [Малов, X. 38; Ха 3; 4].

Только в одном месте в тексте Кюль-тегин Бильге-каган признаётся: *Столь много приобретая (т.е. завоевав), я не делал огнём и водой присоединившиеся к нам народы (т.е. старался ладить с ними мирно)* [Малов, КТб.27].

Другие каганы с побеждёнными врагами расправлялись не менее жестоко:

- «Кагана я убил, страну подчинил».
- «Их государство я там покорию».
- «Тогда все жители Орды сбежали (хозяин наказан)».
- «Карлуков (народ) покорию. Подчинили их».

- «Их лагерь и храм разгорнил».

- «На юге слава исчезла у табгачей. На этой земле они стали мне рабами» [Жолдасбеков и др. БК. I. 27 - 36].

Наконец, обобщающим для всех каганов и героев, победителей, является стереотипное повторяющееся выражение, в котором иплицитно заложены все наказания, вся тяжесть страдания побеждённых народов: «... *Имеющих головы они заставили склонить (головы), имеющих колени они заставили преклонить колени...*» [Малов, КТб.2].

От бесконечных походов страдает и собственный тюркский народ, что подчеркивается выражением:

В третий раз сразился на вершине Чуш. Тюркский народ рассеялся и сильно ослабел [Жолдасбеков и др. БК. I. 30].

Поход, битва, сражения - это горе, утрата, тяжёлое бремя для всех народов, в том числе и для победителей:

...По всем странам бродивший народ, ослабевая и погибая, пеш и наг, пришёл (к нам) обратно [Малов, КТб.27]. В этой строфе, языковые средства эксплицитно выражают тяжёлые последствия военных походов и сражений через значения: словосочетания «*бродивший народ*», деепричастий «*ослабевая и погибая*», кратких прилагательных «*пеш и наг*».

В) В р а г и (чужие); с в о и как ч у ж и е.

Среди внешних врагов для тюрков главным врагом была Китайская империя, обозначаемая в подлиннике и в переводах, начиная с С.Е. Малова, как народ табгач. Сложные взаимоотношения тюрков с народом табгач демонстрируются во всех текстах, на этих отношениях постоянно акцентируется внимание, ибо именно Китайская империя была той страной, от которой исходила постоянная угроза, которую следовало опасаться и с которой воевали все каганы и тюркские мужи:

1) *Табгачский народ стал врагом ...я победил, покорил, подавил, разгромил...Преследовали их до гибели* [Жолдасбеков и др. Оа. II. 9].

2) *Благодаря своей мудрости, мужеству Эль-терис-каган с табгачами сразился семнадцать раз* [Жолдасбеков и др. Туй. VI. 49]. Как видно, Кутлук-кагану, основателю второго тюркского каганата, чтобы освободить свой народ от имперской неволи, пришлось много раз с табгачами вести военные действия.

3) *При четырёх сражениях в Бешибалыке Кули-чор окончательно разбил врага. Так, сражаясь с табгачами, во имя славы, во имя возвышения себя, столько сделал великого* [Жолдасбеков и др. КЧ. I. 11-12]. Отсюда можно сделать вывод: борьба с табгачами – дело чести, возвышения, славы, т.е. очень почиталось в древнетюркском обществе. Кули-чор, как и многие другие тюркские предводители, в войне с империей обеспечил себе эту славу.

Противостояние тюрков с табгачами, возможно, объясняется не только территориальными притязаниями, но и как полагает Л.Н.Гумилёв, **война с**

Китаем – не просто борьба двух государств, это борьба культур, борьба двух мировоззрений и мироощущений. Великая степь манифестом заявила своё право не быть Китаем, а быть только собой (выделено – Ш.Н.). Такая борьба велась ещё со времени хуннского Модэ-шаньюя, но здесь она сформулирована и зафиксирована в документе. Чтобы не поддаться обаянию Китая, нужны были сверхусилия, и их сделали голубые тюрки: Кутлуг, Тоньюкук, Кюль-тегин и Йоллыг-тегин (Гумилев, 1993, с. 339).

Зачин текстов Кюль-тегина, Бильге-кагана, Тоньюкука начинается с описания борьбы с Китаем, причину падения раннего тюркского каганата повествующий в Кюль-тегине видит «в кознях» со стороны империи: *Вследствие «непрямoty» (т.е. неверности кагану) правителей и народа, вследствие подстрекателей и обмана обманывающих со стороны народа табгач и вследствие его прельщающих, (а также) вследствие того, что они табгач ссорили младших братьев со старшими и вооружали друг против друга народ и правителей. – тюркский народ привёл в расстройство свой (до того времени) существовавший племенной союз*[Малов, КТб. 6].

И далее повествуется о том, как отношения тюрков с Китайской империей принимают самый тяжёлый характер:

- неволя («народу табгач стали они тюрки рабами своим крепким мужским потомством и рабынями своим чистым женским потомством»),
- длительность имперской неволи («пятьдесят лет отдавали они ему свои труды и силу»),
- потеря независимости, попрание всего тюркского этнического и насаждение других обычаев, другой культуры;
- продажность тюркской знати («тюркские правители сложили с себя свои тюркские имена (т.е. звания и титулы), приняв титулы народа табгач»).

Известно, что свободу тюрки получили, лишь поднявших на восстание под руководством Кутлука. Тем не менее, империя никогда не забывает о новых попытках экспансии, объединяясь против тюрков то с киданами и огузами, то с тюргешами, то с другими племенами, о чём повествуется в памятнике Тоньюкук. Не случайно Тоньюкук размышляет вслух:

Если объединяться эти трое табгачи, огузы, киданы, то мы останемся сами по себе внутри одни[Жолдасбеков и др. Туй. 13].

В текстах отмечается, что китайцы для покорения Степи, для борьбы с тюрками использовали не только военную силу, но и подкуп, обман, предательство:

У народа табгач, дающего (нам теперь) без ограничения золото, серебро, спирт (или: зёрна), шелка; речь была сладкая, а драгоценности «мягкие» (т.е. роскошные, изнеживающие); прельщая сладкой речью и роскошными драгоценностями, они столь (т.е. весьма) сильно првлекали к себе далеко (жившие) народы. Те же поселяясь вплотную, затем усваивали себе дурное мудрование [Малов, КТм. 5]; (ср. П.М. Мелиоранский: «т.е.

приобретали неправильный взгляд на вещи, вследствие чего потом и сами гибли, и других губили»).

«Дурное мудрование» или «неправильный взгляд на вещи» - это оценка, и оценка не только неблагоприятных приёмов китайцев, но и неприятие «чужой» по духу культуры, поэтому указанные выражения содержат негативную коннотацию. Пропозитивная структура эмотивного характера раскрывает дальнейшее развитие событий:

...злые люди так научали часть тюркского народа, говоря: « Кто живёт далеко, тому табгач даёт плохие дары, кто живёт близко, тому дают хорошие дары», этими словами он так научал тебя. И (вот) вы, люди, не обладавшие (истинной) мудростью, послушавшись речи и подойдя вплотную, погибли (там) в большом количестве» [Малов, КТм. 7]. Через языковые средства, выражающие отрицательную оценку «злые люди», «не обладавшие (истинной) мудростью», «подойдя вплотную» (т.е. подкупившись), передаётся нескрываемое разочарование – эмоционально-психическое состояние от действия «чужих».

Историческая наука подтверждает достоверность описываемых событий. Л.Н.Гумилёв пишет, что для усиления своего влияния империя подкупала родственные тюркам племена. Убедившись в беспечности оборонительных и наступательных мероприятий, китайцы стали действовать при помощи подкупов. Объектом подкупа оказались тогуз-огузы, которые, несмотря на все заигрывания хана, не забывали о счастливой поре, когда они, спокойно кочуя по степи, получали щедрые подарки от императора (Гумилев, 1993, с. 296). Коалицию трёх каганов кыргызов, тюргешей, он-ок (в тексте Тоньюкук) против воинов Капагана Л.Н.Гумилёв объясняет – дипломатией и подкупом со стороны империи (Гумилев, 1993, с. 297).

С другой стороны, тюрков с великой империей связывали не только война и вражда, но и мирные отношения, что также отмечено в текстах:

Проживая на этой земле, мы мирно жили с народом табгач [Жолдасбеков и др. КТ. III.4].

Известно то, что целая делегация приехала на похороны Кюль-тегина и по обычаям тюрков участвовала в ритуале захоронения и что сам китайский император написал собственноручное письмо-соболезнование Кюль-тегину – все эти факты нашли отражение в тексте «говорящих камней».

И совсем мирно звучат слова Бильге-кагана: *«...я просил императора», «табгач прислал мне внутренних мастеров», «они не изломали (т.е. не исказили) моей речи».*

Для возведения тюркских поминальных комплексов, стел с надписью на спине черепах, храмов, скульптур животных и людей и других предметов материальной культуры тюрки приглашали китайских мастеров, которые, с одной стороны, обогащали культуру древних тюрков, с другой – оставляли «след» этнической культуры:

Табгачский каган прислал внутренних (дворцовых) резчиков. Им я поручил построить храм с рисунками. Внутри, снаружи я велел покрыть стены красивой резьбой, водрузить камень (памятник) [Жолдасбеков и др. КТ. IV.12].

«Свои» как «чужие». В оппозиции «свой» и «чужой» в древнетюркской картине мира своеобразно проявляются «свой» и «свои». Безусловно, под «своими» понимается сам тюркский народ, правящие им каганы, шады и апа-тарханы, тюркские военачальники и беки, этнический костяк «своих» образуют шесть основных племен: *кыпчаки, карлуки, басмылы, тогуз-огузы, отуз-татары, тюргеши* (Жолдасбеков и др. 2006, с.10).

Из-за походов и сражений этнический состав древнетюркского каганата все время варьируется, границы «своих» весьма аморфны, поэтому к «своим» относились многие другие близкородственные племена *канглы, сегиз-огузы, аргу, кияты, тазы, алимы, шектинцы* и др. (Жолдасбеков и др. 2006, с.10).

В силу политических, экономических, территориальных интересов между родственными тюркскими племенами возникает огонь вражды, внутриплеменная борьба и междусобные войны, поэтому «свои» карлуки, тюргеши, огузы становятся «чужими», врагами.

Во многих случаях в текстах причины внутриплеменных столкновений обосновываются:

1. *...Народ карлуков вследствие свободы и независимости стал нам врагом. Мы сразились при священной вершине Тамаг [Малов, КТб. 41].*

2. *Тюргешский каган был наш же тюрк, (из) нашего же народа. Так как он не понимал своего блага и провинился перед нами, то сам каган умер (т.е. убит), его «приказные» и правители были также убиты [Малов, КТб. 18].*

3. *Народ азов стал нам врагом. Мы сразились при Кара-кёле» [Малов, КТб. 42].*

4. *Народ тогуз-огузов был собственным моим народом. Лишившись милости Тенгри и Земли, стал нам врагом. В один год мы сразились пять раз [Жолдасбеков и др. КТ. II. 4].*

Несмотря на межплеменные распри, тюрки пытаются со своими соплеменниками найти общий язык, в качестве таких мирных отношений используется установление кровнородственных связей (женитьба, замужество):

Чтобы не была без хозяина страна, находившаяся во власти наших предков, мы устроили народ азов (и дали им правителя). Это был Барс-бек. Мы дали ему здесь (в то время) титул кагана и дали ему в жёны мою младшую сестру-принцессу [Аманжолов, КТб. 20]. Дать в жёны, значит, кровно породниться, для кочевника это самые крепкие отношения, культивируемые по традиции веками. Однако, видимо, и это оказывается

неэффективным, что *«каган провинился, в результате погиб (в других переводах «убит»), а его народ стал рабынями и рабами»* [Аманжолов, КТБ. 20].

Если мирные соглашения не приносили желаемых результатов, то внутриплеменная борьба принимала жесткий характер, и тогда «свои» воспринимались как «чужие». В качестве иллюстрации можно указать войну тюрков с объединёнными племенами тюргешей, он-ок («десять стрел») и другими племёнами в тексте памятника Тоньюкук [Малов. Тон. 30-43].

В указанных строфах – целый когнитивный сценарий, воплотивший картину древнетюркской действительности. Во-первых, заговор тюргешей, «десяти стрел», «среди них есть и войско табгачей», и они собирают свои силы для нападения («в степи Ярышской»). Во-вторых, неожиданное событие – смерть жены кагана, а потому войско возглавляет Тоньюкук: «А мне, мудрому Тоньюкуку, он сказал, веди это войско». В-третьих, тюрки не сидят, сложа руки, захватывая лазутчиков, собирая информацию, ведя переговоры с каганом, выполняя его указания, советуясь по поводу численного превосходства врагов, и, наконец, приходят к решению: *«Вернёмся! Стыд чистых хорош (стыд сильнее смерти)»*. Выражение раскрывает нравственно-этические ценности древнетюркского общества, идеалом которого является воин, герой-муж, сильный, храбрый, мужественный. И самая форма выражения мысли «стыд чистых хорош» раскрывает образную метафоричность мысли. На протяжении всех этих событий присутствует внутренняя экспликация ментально-психических интенций: раздумий, анализа, сомнений, убеждений.

Ментальные действия дополняются силой убеждения Тоньюкука, в речи которого железная логика доводов:

Мы пришли, пройдя, через Алтунскую чернь. Через реку Иртыш мы пришли, переправясь... Небо, (богиня) Умай, священная Родина (земля-вода) – вот они, надо думать, даровали нам победу. Зачем нам бежать, говоря: их много. К чему нам бояться, говоря: нас мало. Зачем нам быть побеждённым? (или подчиним себе). Нападём! – сказал я. Мы напали и прогнали врага [Малов, Тон. 37-39].

И далее: *«На второй день (они) враги пришли; они пришли пламеня, как пожар»* (*örçe quzur keldi*) (Тон. 39). Гнев врагов выражено образно и неповторимо, чувственные ощущения вызывают предметно-образные ассоциации («пожар») – таково восприятие мира. Так, в данном сценарии вербально-логическое мышление сочетается с наивным конкретно-предметным мышлением. Что касается «своих», ставших «чужими», то они, как и *«народ «десяти стрел» все пришли и подчинились»* [Малов, Тон. 42].

Завершается победа тюрков над врагами и «своими», ставшими, как «чужие» характерными для того времени реалиями: «... народ принёс желтое золото, белое серебро, женщин и девиц, драгоценные попоны и (другие) сокровища в большом количестве» (*Saryu alun, örün kümüs, quuz,*

quuduz igiri tebe aꞗu baꞗsyz kelürti) [Малов, Тон. 48]. По дани, выплачиваемой тюркам покорёнными врагами, можно судить о материально-экономических интересах древнего мира.

Таким образом, совокупность неязыковых и языковых знаний образует концепт войны, центральный среди всех выделенных нами концептов, поскольку он охватывает основное содержание всех древнетюркских текстов. Этот концепт рассматривается нами в рамках оппозиции «свой» и «чужой», весьма актуального и для древнетюркского мира. Гештальтный образ войны в концепте воссоздаётся многочисленными походами, сражениями, битвами, описанных то в обобщенном виде, то через конкретные действия людей (каганов, героев-мужей Кюль-тегина, Кули-чора и др.). Другими составляющими концепта являются образы врагов («чужих») и результаты военных действий, походов. «Чужой» была, в первую очередь, Китайская империя, с которыми у тюрков разные отношения: от прямых конфронтаций до мирного сосуществования. «Свои» - это тюркский народ и родственные племена (тюргеши, кыргызы, карлуки, он-ок, чики и т.д.), которые в разных реалиях становились «чужими» и которых тюркам тоже приходится завоёвывать и покорять. Тяжесть военных походов тяжёлым бременем ложится на народ побеждённого этноса – дети, женщины, имущество, табуны становились военной добычей, люди становились рабами или физически уничтожались. От бесконечных походов и сражений страдает и собственный тюркский народ. Ресурсы древнетюркского языка достаточно полно отразили все изложенные неязыковые знания концепта войны.

2.3.3 Фреймовые сценарии подвигов Кюль-тегина

В условиях постоянных походов и войн с Китаем, другими народами и племенами для тюрков в качестве общественного идеала выступает муж-воин, ер, защитник семьи, лагеря, каганата. Мужем-воином становился по праву рождения любой юноша, достигший определённого возраста и получивший *эр аты* «мужское (геройское, воинское) имя», будь он одним из сотен рядовых воинов или принцем крови (Кляштонный, Султанов, 2004, с.163). Образ такого мужа-воина воссоздаётся в тексте Кюль-тегин.

В текстах раннего и позднего тюркского каганатов упоминается много имён каганов, военачальников, беков, воинов-героев, старейшин, но ни одному из них не уделено столько внимания, сколько Кюль-тегину. В самом тексте Кюль-тегина, несмотря на описание событий, связанных с правлением Кутлука, Капаган-кагана, Бильге-кагана, двадцать рунических строк (КТ. 30-50) посвящено описанию повторяющихся подвигов Кюль-тегина, стереотипность поведения которого вписывается во фреймовую модель.

В этой модели есть ключевые понятия, которые и формируют образ древнетюркского "героя-мужа" Кюль-тегина. К этим понятиям относятся

- возраст героя (*шестнадцать лет*);

- враги, против которых ведет бой Кюль-тегин (*шесть чубов и согдийцы, войско табгачское*);
- действия Кюль-тегина в бою (*Кюль-тегин бросился в атаку, схватил Онг-Тутука с вождями вооружённой рукою и с оружием представил (его) кагану*);
- наличие боевого коня (*Алып-Шалчи*);
- результат сражения (*То войско мы уничтожили.*).

Возраст. В стереотипных повторяющихся ситуациях непременно указывается возраст Кюль-тегина: 7,10, 16, 21, 26, 27, 31, 37 ...47 лет. Впервые возраст Кюль-тегина упоминается после смерти отца, когда ему было всего 7 лет. В 10 лет Кюль-тегин проходит через обряд инициации. Сам обряд в тексте памятника не описан, но то, что в 10 Кюль-тегин получил звание "эр/ер", свидетельствует об обряде и изменении социального статуса героя. И далее каждый возраст героя, есть обозначение события, или измерение времени: *«Когда Кюль-тегину было двадцать шесть лет, мы предприняли поход на киргизов»* (КТб. 34).

В заключении повествования (описание ритуала захоронения), отмечается, что Кюль-тегин умер в 47 лет. В указание возраста Кюль-тегина содержатся несколько смыслов: возраст как акт летоисчисления, премственной традиции и культуры древних тюрков. С другой стороны, возраст можно интерпретировать как источник информации о древнетюркском мире. Вся жизнь Кюль-тегина прошла в походах и сражениях, следовательно, таков образ жизни Кюль-тегина и его соплеменников.

Враги. Враги, с которыми Кюль-тегин сражается, во-первых, идентифицируются этнически (*табгачи, согдийцы, киргизы, тюргеши, карлуки, азы, изгили, эдизи, тогуз-огузы*), во-вторых, персонифицируются: в конкретных лицах - Онг-Тутук, Чача-Сенгун, Иркин, Кушу-тутук, в-третьих, указывается их социальный статус – «киргизский каган», «эльтебер азов».

В рамках прототипической теории враги наделены объективной характеристикой – это не слабые люди, напротив, достойна уважения их сила, храбрость, мужество, о чем свидетельствуют пропозитивно-предикатные смыслы, говорящие сами за себя: *«...великий Иркин», «мужественные люди (воины) на нас напали», «мы убили, (окружив), на похоронах Тонга-тегина, героев из племени Тонгра, десять человек»; «сразился с Кушу-тутуком»* [Малов, КТб. 45]. Значит, Кушу-тутук достойный соперник, что эксплицитно проявляется в лексическом значении глагола «сразиться». Тем не менее, как воин Кюль-тегин - лучший из лучших, сильный из сильных, который может *«бросится в атаку, шесть мужей заколоть, в свалке порубить мечом седьмого»*.

Действия Кюль-тегина в бою. Активная позиция Кюль-тегина в бою нашла отражение в ментальных и языковых репрезентациях. Многократно используются акциональные глаголы, глаголы движения и интенсивной

направленности: *бросился в атаку, схватил эльтебера, произвёл атаку, поразил стрелой, сломал ему бедро, схватил собственноручно, сразился, убил многих, всех перебил, заколол копьём, порубил мечом, отогнал их, не отдал орды.*

Среди этих выражений наиболее часто употребляются конструкции с глаголами *броситься, сразиться, схватить, заколоть*. Выражение «броситься в атаку» («бросившись в атаку») встречается семь раз, следовательно, Кюль-тегин инициатор боя и активных действий.

Глагол *сразиться* отражает совместные действия Кюль-тегина со своим войском и характеризуется обширной синтагматической сочетаемостью: *сразился с Кушу-тутуком, сразился в черни Сунга, мы сразились, мы сразились с народом изгилей, мы сразились с эдизами при Кушлагаке, мы сразились с огузами, мы сразились при вершине Чуш, мы сразились с огузами при Эзгенти Кадазе*. Через синтагматические сочетания выявляется дифференциальные значения глагола *сразиться*, к их числу относятся выражение персональности, пространства, совместности действий, этнической принадлежности.

Семантическая функция глагола *заколоть* выражается в представлении аргументной роли инструмента *заколоть копьём* (повторяющийся не один раз) и пациенса: *заколол мужа, заколол одного мужа*. Морфема –пере в слове *переколоть (врагов)* обозначает повторяемость действий Кюль-тегина.

Отличается семантическими функциями глагол *схватить*: *схватил Онг-тутука, схватил эльтебера азов* – адресат аргументной роли, *схватил собственноручно* – характеристика.

Динамика излагаемых событий также выражается интонационной настроенностью строф, особой последовательностью конструкций, которые вместе с языковыми средствами иницируют ментально-психические интенции мужественного воина.

Образ боевого коня. Символический образ средневекового воина не будет полным без описания его оружия, одежды и боевого коня. Как считают археологи и историки, «с конца 2-го тыс. до нашей эры наступает эра великих «кентавров», мифологизированных героев, сросшихся с конём и наводивших ужасы народам оседло-земледельческой периферии ойкумены. Апофеозом героизации конного воина можно считать создание образа идеального героя в памятниках ранней тюркской поэзии середины 8 в.н.э., представленные, в первую очередь, орхоно-енисейскими надписями на стелах-битиктасах (Самашев, 2008, с.48). Если согласиться с мнением З.Самашева, то образ идеального героя Кюль-тегина воссоздается только благодаря описанию его боевых коней.

Для древних тюрков, как и в целом всей номадической культуре, образ коня глубоко символичен. Тюрки используют коня не только для боевых действий, но как и основное средство передвижения, пропитания, досуга (все состязания, связанные с конём), сервиса (шкуру и конский волос

использовался для изготовления домашней утвари), с конём связано определение времени и пространства (Ср. в Тоньюкуке расстояние описывается как «один переход коня»).

В каждом сражении Кюль-тегина упоминаются его боевые кони, их действия и масть, прежний хозяин «*белый жеребец из Байырку*», «*серый конь Баишу*», «*белый конь герой Шалчи*», «*белый конь Азман*», «*бурый азский (аз обозначает племя) конь*», «*белый Огсиз*» (□□□□□□□□, □□□□□□□□□□, □□□□□□□□□□):

Во второй раз (т.е. при второй схватке) он сел верхом на белого коня (принадлежащего) Ыибара-Ямтару; этот конь там пал; в третий раз он сел на оседланного коня Йегин-Силиг-бега и произвёл атаку; этот конь там пал [Малов, КТб. 33].

Ремарка: повторяющееся выражение «*тот конь там пал*» содержит глубинный смысл – даже натренированные боевые лошади не выдерживали ведения боя, силы Кюль-тегина и погибали. Среди коней Кюль-тегина особо место занимает «*белый конь Шалчи*», который под стать Кюль-тегину во время проведения боёв и который метафорически называется «героем», описанию его действий посвящается несколько строф (40- 44). Однако в результате – и «герой Шалчи» погибает

Таким образом, конь в ментальности тюрков занимает важное место, именно образ конного воина глубоко символичен для номадической культуры и культуры всего центрально-азиатского средневековья. Поэтому исторически в культуре многих тюркских народов, в том числе и казахского народа, сохранился концептуальный образ крылатого коня «Желмая», исторически в устном народном творчестве казахов (шежіре, жырау, дастаны) образу коня отводится одно из главных мест (ср. Тайбурыл у Кобланды батыра, Шұбар ат у Алпамыс батыра, Жолбарыс у Камбар батыра и т. д.).

Результаты боевых действий Кюль-тегина. Образ героя-мужа дополняется описанием результатов его боевых действий и походов. Как правило, в этих ситуациях языковые средства выступают в семантической функции пациенса, испытывающего на себе воздействие субъекта действия агента.

Действие Кюль-тегина и его войска по отношению к врагам имеют тотальный характер, выражается пропозициями уничтожительной коннотации: «*то войско мы там уничтожили*», «*мы их, рассеяв, разбили при озере Тюрги-Яргун*», «*киргизского кагана мы убили и племенной союз его взяли*», «*убил (многих) из народной массы тюргешей и покорил (оставшихся)*», «*народ азов тогда погиб*», «*народ изгилей погиб*», «*народ эдизов тогда погиб*», «*их войско мы перекололи, их племенной союз покорили*». Тем самым язык отразил реалии действительности, тюрки, физически уничтожая врагов, поступали по законам войны. В противном случае подобная участь ожидала бы их.

В целом все фреймовые сценарии Кюль-тегина состоят из подобных повторяющихся стереотипных ситуаций (слотов), структурированных из рассмотренных выше когнитивных элементов. В некоторых ситуациях содержится дополнительная информация о герое и древнетюркской действительности:

1. *«...в его вооружение и в его плащ более, чем ста стрелами попали»* [Малов, КТб. 33], из которых следуют инфереционные знания: среди тюркского войска Кюль-тегин для врагов – основная сила, которую необходимо победить и другой момент – это констатация физической мощи, способной противостоять столь интенсивной атаке стрел.

2. *«Кони нашего войска были тощи, провианта для них не было; плохие люди...»* [Малов, КТб. 39]. Возможно, несмотря на успешный характер тюркских сражений, связанных с Кюль-тегином, были, видимо, неудачи, поражения, трудное обеспечение войска провиантом и кормами, предательства («плохие люди»), отрицательный модус предложения свидетельствует об истинности и достоверности происходившего.

3. *«...он сразился с Кушу-тутуком, его мужей он всех перебил, его дома и имущество без остатка всё доставил себе»* [Малов, КТб. 41]. Следовательно, таковы установления – имущество побеждённых достаётся победителю.

4. *«Когда племенной союз моего дяди-кагана стал мятежным и в народе стали появляться зависть и вражда, мы сразились с народом изгилей»* [Малов, КТб. 42]. Тем самым утверждается мысль, что государство за интересы которого сражался Кюль-тегин, было социально нестабильным.

5. *«Перезимовав в укреплении Магы (или Амгы) весной, мы вышли с войском против огузов»* [Малов, КТб. 48]. Речь идёт о времени совершения походов, которые чаще всего организовывались не в зимнее время.

6. *«Кюль-тегин сел на белого жеребца из Байырку, бросился в атаку, одного мужа (т.е. воина) он поразил стрелой, двух мужей заколол (копьем) одного после другого. При этой атаке он погубил белого жеребца из Байырку, сломал ему бедро»* [Малов, КТб. 36].

Строфа иллюстрирует целый сценарий событий, ассоциативно связанный с Кюль-тегином. Отличается описание, с одной стороны, конкретно-предметным характером действий, воплотивших такое же предметное мышление, с другой стороны, внимание акцентируется на активной деятельности Кюль-тегина: *сел, бросился, поразил, заколол, погубил, сломал*.

Для ментальности тюрков глубоко символичным является защита женщины, матери, сестры, дочери, с которыми ассоциируются крепость семейных уз, орды (кара шанырака в нашем представлении). Кюль-тегин в заключительной части текста изображается как защитник орды, женщин. Будучи в лагере с небольшими силами, защищает лагерь от неожиданно напавших врагов, лично Кюль-тегин «заколол девять мужей и не отдал

орды». И далее излагаются эмоционально-патетичные слова Бильге-кагана, который воздаёт должное своему младшему брату:

Моя мать-катун и вы, идущие за ней (по знатности) мои сводные матери (т.е. другие жёны отца Бильге-кагана), мои тётки (или вообще старшие родственницы), мои невестки (или вообще младшие родственницы), мои княжны, сколько вас ни было, все вы были в опасности (или), оставшись в живых, попасть в рабство, (или), будучи убитыми, остаться лежать на земле и на дороге! Если бы не было Кюль-тегина, все вы бы погибли [Малов, КТб. 49].

Ментально-психические интенции древнетюркского сознания в особой тональности раскрывается в описании смерти:

Кюль-тегин скончался, я же заскорбел; зрячие очи мои словно ослепли, вещей разум мой словно оступел, (а) сам я заскорбел. Время (т.е. судьбы и сроки) распределяет небо (т.е. бог), (но так или иначе) сыны человеческие все рождены с тем, чтобы умереть. Так с грустью думал я, в то время как из глаз моих лились слёзы, и сильные вопли исходили из глубины сердца, я снова и снова скорбел... [Малов, КТб. 50-51].

При семантическом анализе строфы выявляются следующие составляющие:

- образные сравнения (*зрячие очи мои словно ослепли*);
- коннотативно отягощённые фразы (*вещий разум мой словно оступел*);
- сниженная лексика (*сильные вопли*);
- эмотивная пропозиция (*так с грустью думал я*);
- лексические повторы (*скорбел, снова*) передают эмоционально-психологическое состояние людей, ментально-чувственный мир средневекового человека;
- размышления героя по поводу вечных истин - жизни и смерти человека, мысли актуальные для нашей современности (*Время (т.е. судьбы и сроки) распределяет небо (т.е. бог), сыны человеческие все рождены с тем, чтобы умереть*).

Так, во фреймовой модели языка языковые и неязыковые знания раскрывают образ героя-мужа. В тексте нет эмотивных слов, но восхищение доблестью, бесстрашием, мужеством, силой Кюль-тегина наблюдается. За стереотипными повторяющимися ситуациями, структурированными смысловыми компонентами, эксплицируется мысль о значимости такого мужа воина для древнетюркского мира.

Несмотря на сложный характер социальных взаимоотношений в древнетюркском мире между правящей знатью и простым народом, Кюль-тегин всеобщий герой-любимец, «идеализированный герой» в ценностной ориентации древних тюрков. Не случайно его смерть оплакивают и «свои», и «чужие» - весь древний мир, дары, письмо-соболезнование присылает сам

китайский император, а для увековечивания образа воздвигается памятник, высекаются на камне «говорящие слова».

2.4 Проявление невербального мышления в этнокультуре тюрков

Как отмечено выше невербальное мышление тюрков проявляется в ритуализованных традициях, ритуал представляется нами как форма осознания мира или тип мышления, истоки которого находятся в архаическом мифологическом мышлении. В своих утверждениях мы опираемся на многочисленные исследования антропологов, философов, этнологов, социологов и лингвистов, среди которых особенно важна позиция французского этнолога и социолога К. Леви-Стросса (Леви-Стросс, 1958; 1962).

Создав оригинальную теорию первобытного мышления, Леви-Стросс трактует мифологическое мышление как «коллективно-бессознательное и относительно независимое от других форм племенной жизнедеятельности, анализ мифов представляется ему средством выявления первичных структур сознания. Исконной человеческой «анатомии ума» (Леви-Стросс, 1958, с. 258). Отмечая уникальность и универсальность человеческого мышления во все эпохи, К. Леви-Стросс пишет: «Может быть, в один прекрасный день мы поймём, что в мифологическом мышлении работает та же логика, что и в мышлении научном, и человек всегда мыслил одинаково «хорошо». Прогресс – если этот термин по-прежнему будет применим – произошёл не в мышлении, а в том мире, в котором жило человечество, всегда наделённое мыслительными способностями, и в котором оно сталкивалось со всеми новыми явлениями» (Леви-Стросс, 1962, с.56). Более того, К. Леви-Стросс рассматривал мифологическое мышление в едином русле с процессом категоризации мира, что подтверждается высказываниями Е. М. Мелитинского, исследовавшего творчество ученого: «Рассматривая мифологическое мышление в плане порождения им знаковых систем, Леви-Стросс выявляет роль бинарных оппозиций (напр., верх- низ, мужской – женский, сырое - варёное) и «посредничества» между ними с целью преодоления фундаментальных противоречий, зафиксированных человеческим сознанием». Одним словом, мифы, ритуалы и т.п. Леви-Стросс связывал со спецификой мышления, исходил из ментальных процессов сознания.

Напротив, английский антрополог В. Тэрнер, природу ритуала выводит из культурных и социальных явлений, и даже, конфликтов («конфликт чаще всего преодолевается с помощью ритуала»), ритуал утверждается как манера поведения и действия (культуры) в обществе. Тэрнер отмечает: «Ритуал и его символика – не просто эпифеномены или маскировка более глубоких социальных и психологических процессов, они обладают онтологической ценностью, имеющей определённое отношение к состоянию человека как развивающегося вида, чья эволюция происходит главным образом

посредством его культурных инноваций. Расшифровка культурных форм и раскрытие происхождения символических действий, может быть более полезны для нашего культурного роста, чем до сих пор предполагали» (Тэрнер, 1983, с.9).

Социо-культурная обусловленность ритуализованных традиций также подчеркивается и И.Т.Касавиным. Он пишет, что в традициях отражается историческая форма связи личности и общества, причём традиция попеременно оказывается сферой реализации то личностных смыслов и ценностей, то социальных интересов и потребностей. Тем самым проявляется двойственная природа традиций, сосуществование в ней двух типов социальности – внутренней и внешней (Касавин, 1990, с.65).

В характеристике ритуала мы исходим из ментальной её природы, (Ф. Кликс, К. Леви-Стросс, П.Я. Гальперин и др.), и используя определение, данное английским антропологом, отмечаем социо-культурную обусловленность ритуальных традиций. В. Тэрнер пишет: «Ритуал – это стереотипная последовательность действий, которые охватывают жесты, слова и объекты, исполняются на специально подготовленном месте и предназначаются для воздействия на сверхъестественные силы или существа в интересах и целях исполнителей» (Тэрнер, 1983, с.32).

Учёный определил жанры ритуала, присущие для многих народностей мира: «Ритуалы могут быть сезонными, посвященными культурно отмеченному моменту перемен климатического цикла или началу такого рода деятельности, как посев, жатва или передвижение с зимних пастбищ на летние; ритуалы могут быть также зависящими от обстоятельств, вызванных критическими периодами в жизни отдельного человека или коллектива. Ритуалы по случаю могут быть, в свою очередь, разделены на церемонии жизненных переломов, исполняемые при рождении, совершеннолети, браке, смерти и т.п.» (Тэрнер, 1983, с.32).

Многие из этих ритуалов нашли отражение в древнетюркских текстах, особенно ритуалы, описывающие смерть каганов и героев-мужей. В текстах прослеживаются традиции и обычаи, характерные лишь для древнетюркского мира. В этих случаях этнокультурные компоненты определяются как формы «превращённого сознания», являются важным источником хранения и передачи информации о древнетюркском мире, ибо «сообщением в ритуале является сам ритуал, более того, ритуал как канал трансляции культуры есть деятельность, порождающая ментально-парадигматические связи» (Маковский, 1997, с. 76).

К таким ритуалам относится ритуал, связанный с балбалом. По археологическим данным во всех поминальных комплексах, относящихся к эпохе Позднего тюркского каганата, наряду со стелами, каменными скульптурами людей и животных, храмами и другими предметами материальной культуры, были обнаружены каменные столбы, в некоторых памятниках вереница этих столбов тянется на несколько километров. Как

пишут, М. Жолдасбеков и К. Сарткожаулы, от насыпи кургана Кюль-тегина в сторону востока установлено 173 балбала, у памятника Бильге-кагана – 230 балбала, у памятника Тонь-юкука – 286 балбала (Жолдасбеков и др., 2006, с. с. 124; 245; 274).

П.М. Мелиоранский, один из первых исследователей Орхонских памятников, писал: «Из китайских источников мы знаем, что у турков было в те времена обыкновение расставлять при надгробном памятнике знатного лица вереницу каменных фигур или камней в память убитых покойным врагов. Исследование орхонских памятников показало, что камни эти назывались тогда балбалами; при памятнике Кюль-тегина их особенно много, так как этот знаменитый витязь перебил на своём веку не одну сотню врагов» (Мелиоранский, 1899, с.4).

Как видим, в древнетюркской действительности каменные столбы именовались как балбалы, хотя у исследователей не было единого мнения по поводу их археологического статуса и языковой интерпретации (П.М. Мелиоранский, Н.И. Веселовский, В.В. Бартольд, В.Л. Котвич, Л.Р. Кызласов и др.). Так, П.М. Мелиоранский отмечает, что слово «балбал» «наделало в начале столько хлопот всем бравшимся за истолкование орхонских надписей» (Мелиоранский, 1899, с.4).

По одной из версий, балбалы интерпретировались как скульптуры или изваяния людей. «Начало этой ошибке, - пишет Л.Р.Кызласов,- было положено Н.И.Веселовским, которого неосмотрительно поддержал В.В.Бартольд». И далее учёный пишет: «Мне уже пришлось специально рассматривать назначение каменных изваяний людей. Ни на одном человеческом изваянии нет древнетюркских надписей с указанием, что это *балбал*. Зато такие надписи обнаружены на простых камнях у древнетюркских памятников Бильге-кагана и Алп Элетмиша (Онгинском). Они гласят: «Это - каменный балбал шада Толесов» и «Балбал Сабра таркана». Балбалы не имеют ничего общего с каменными фигурами, изваяниями или статуями людей; балбал – это не изображение и тем более не статуя, изображающая главного врага, а лишь – камень, символизирующий убитого врага и не имеющий особой формы, достигавшейся специальной обработки» (Л. Кызласов, 1966, с. 207).

В силу этих причин балбалы в научной литературе до недавнего времени назывались по-разному: *каменные бабы, статуи, изваяния, изображения людей, «знаки позора врагов».*

На наш взгляд, в текстах памятников балбалы воплощают этнокультурную символику, эксплицируя ритуалы древних тюрков. Следует отметить, что балбалы-символы имели не обобщённый, а конкретно-личностный характер. Например, в тексте Бильге-кагана пишется:

Когда мой старший сын умер от болезни (от раны?), поставил ему балбалом Кун-сенгуна [Малов, КТб. 13].

Кутлук-кагану, основателю позднего тюркского каганата пользовавшемуся большим авторитетом и уважением, поставлен балбал врага Баз-кагана:

В честь моего отца-кагана во главе (вереницы могильных камней) поставили «балбалом» (изображение) Баз-кагана [Малов, КТб. 16].

Его брату, Капаган-кагану, за большие заслуги перед тюркским народом также после смерти были поставлены балбалы с головным балбалом, олицетворяющего киргизского кагана:

В честь моего дяди-кагана я поставил во главе (вереницы могильных камней) «балбалом» киргизского кагана [Малов, КТб. 25].

Головные балбалы символизировали Кун-сенгуна, Баз-кагана, киргизского кагана, иначе говоря, врагов, социальный статус которых в той описываемой общественной среде был высок. Тем самым ещё больше подчёркивалась социальная значимость того человека, в честь которого были поставлены балбалы. Почему балбалы символизировали не близких и дорогих людей умершего человека, а образы врагов? Какие мысли, чувства, интенции скрыты за этими символами? Трудно представить, чтобы у памятника современного национального героя была бы воздвигнута скульптура врага. Тем не менее, в данном ритуале, или, выражаясь словами П.М.Мелиоранского, это «обыкновение» древних тюрков, на наш взгляд, следует осмысливать как информацию социально-этического характера: с одной стороны, предупреждение-назидание врагам (вот, что с вами может приключиться, если будете воевать с тюрками), с другой – иллюстрация «вечного позора» врагов, наконец, возвеличивание образа своего героя (кагана, тегина).

Аксиологичными (ценностными) являются ритуалы, интерпретирующие социальный статус мужчины в древнетюркском обществе. По мнению историков (Л.Н. Гумилёв, С.Г. Кляшторный, Ю.А. Зуев), в древнетюркском обществе существовала стереотипная социальная иерархия:

- каганы-правители;
- шады, апа-тарханы;
- тегины, беки, военачальники, аристократы по крови;
- рядовые воины;
- на самой нижней ступени социальной иерархии находились рабы, как правило, люди, пленённые во время походов (воины-пленники).

В тексте памятника Бильге-каган достаточно широко освещается верховная знать, в руках которой была сосредоточена власть и которая была опорой для верховного правителя кагана:

Когда отец мой, Бильге-каган был на престоле, тепершние тюркские беки: на западе тардуш-беки, шады, апыты, беки во главе с Кули-чором; на востоке беки во главе толес-беки, апа-тарханы, все шады, апыты, военачальники, Таман-тархан, Туй-укук-бойла тархан, внутренние

военачальники во главе с Себик-Куль-еркином – все нынешние беки были равны опорой моего отца-кагана [Жолдасбеков и др. БКП. 13-14].

Несмотря на такую разветвленность верховной знати, социальная иерархическая система древнетюркского общества рассматривалась сквозь призму понятия *ер* (фонетический вариант *эр*) или почётного звания мужа-воина (□□). В условиях постоянных походов и сражений с «чужими» и «своими» в качестве общественного идеала выступает муж-воин, *ер*, защитник семьи, лагеря, каганата. Поэтому у древних тюрков был распространён обряд инициации: мальчик или юноша, чтобы получить «мужское имя» должен был совершить охотничий или воинский подвиг. Например, в тексте памятника Кули-чора описывается, что предводитель правого крыла древнетюркского государства Кули-чор очень рано совершает этот обряд инициации: *«в семь лет убивает горную козу, а в десять лет – дикого кабана»* (*Küüli-çor jeti jaşuŋa jirgen ölürti. Toquz jaşuŋa azyŋlyŋ tonuz ölürti.*) [49, с. 164].

Кюль-тегин в десять лет «получил геройское имя (стал зваться мужем, т.е. богатырём) [Малов, КТб. 31]. Так, манифестируется отмеченная выше двойственная социально-личностная природа традиции.

Среди ритуалов и обычаев, нашедших отражение в текстах, особое описание получили погребальные ритуалы, элементы которых сохранились в традиции многих современных тюркских народов, в частности, в культуре казахского народа.

Повествование о подвигах Кюль-тегина, Кули-чора, правлении Бильге-кагана заканчивается описанием их смерти и ритуалами, связанными с их захоронениями. Известно, что у Кюль-тегина и Бильге-кагана указаны точные даты смерти и захоронения. *«Мой отец хан умер в год Собаки (734), в десять месяцев, двадцать шестого числа. В год Свиньи в (735), пятый месяц, в двадцать седьмой день устроил похороны»*, - пишет сын Бильге-кагана Йолуг-тегин [Малов, КТб. 54].

Как отмечено выше, в мировоззрении средневекового человека микрокосмос и макрокосмос (Вселенная) воспринимались в едином пространство-временном континууме, а потому смерть – это бессмертие или продолжение жизни в космосе и человек, по представлению древних тюрков, из мира людей переходил («улетал») в мир космоса:

Кюль-тегин улетел (т.е. умер) в год овцы, семнадцатый день» [Малов, КТб. 54]. Несмотря на такое отношение к смерти, она описывается в текстах как большое горе и утрата. Для этого в тексте Кюль-тегина использованы слова с сильной эмоциональной экспрессии – *из глаз моих лились слёзы, сильные вопли исходили из глубины сердца, плачущие, стонущие*.

В тексте Бильге-кагана в ритуале, на наш взгляд, ситуация, в которой язык запечатлел этнокультурный обычай: *«Столь много народа порезало себе волосы, уши, щёки»* (*Üküis bodun qulqaqun, saşun byştı*) [Жолдасбеков и др. БК. II.12]. В высказывании содержится глубокий смысл, представляется

целая когнитивная картина - люди от горя находятся в состоянии аффекта, и потому плач, стенания, порезанные волосы, уши, щёки. Вместе с тем, эти действия, возможно, обусловлены обычаем – так надо провожать в последний путь.

Ритуалы захоронения даются в рамках стереотипных фреймовых моделей языка:

- оповещение о смерти,
- приезд соплеменников и даже врагов для выражения соболезнования,
- описание процесса скорби и печали,
- приношение даров,
- раздача имущества,
- проведение поминальных асов,
- возведение поминальных комплексов.

Все эти ситуации описаны в текстах, и каждая из них занимает важное место в общей целостной картине фрейма. Актуальный и для современного общества высокий социальный статус участников захоронения является важным и для древнетюркского общества. Поэтому в Кюль-тегине детально описано:

В качестве плачущих и стонущих пришли кытай и татабийцы во главе с Удар-Сенгуном; от кагана табгачей пришли Исьи и Ликенг... от тибетского кагана пришёл бёлён; сзади (т.е. с запада) от народов, живущих в странах солнечного заката согд, берчекер (персы) и бухарские народы – пришли Нек-Сенгун и Огул-Тархан. От народа «десяти стрел» и от сына моего, кагана тюргеишского, пришли Макрач, хранитель печати, и хранитель печати Огуз-Бильге; от киргизского хана пришёл Чур-Тардуш_Ынанчу [Малов, КТб. 52-53].

Смерть бесстрашного Кюль-тегина опечалило всех – и близких, и друзей, и врагов (табгачи, тюргеиши, киргизы и др.), внимание обращается на столь важных людей – как каганы, и их представителей, военачальников и беков, образованные люди того времени, к числу которых, видимо, относились и хранители печати («Макрач», «Огуз-Бильге»). Люди не просто выражали соболезнование, но и, как правило, воздавали умершему «высокую хвалу, прославляли».

Обязательным было приношение даров, видимо в знак поддержки и материальной помощи семье умершего. Эти дары содержат информацию о социально-экономических отношениях в древнетюркском государстве: «...бесчисленное количество золота и серебра» (текст Кюль-тегина), в тексте Бильге-кагана пишется: «...безмерное количество золота и серебра они принесли. Они доставили без числа своих хороших верховых лошадей, чёрных соболей, голубых белок и пожертвовали покойнику» [Малов, КТб. 52-54].

Следовательно, социально-экономические отношения общества не были регламентированы, по крайней мере, достаточно широко, денежными

знаками; напротив, использовался натуральный обмен товарами, а также древняя цивилизация хорошо знала цену драгоценных металлов – золота и серебра. В тексте Бильге-кагана относительно даров имеется ещё одна этнокультурная деталь: *«Погребальные курительные свечи они принесли и установили их. Они принесли сандаловое дерево»* [50, с. 23]. Мы можем только строить догадки по поводу курительных свечей и выдвигать гипотезы относительно символа сандалового дерева.

В свою очередь всё материальное состояние умершего раздавалось народу. По этому обычаю четыре тысячи лошадей, золото и серебро Кюльтегина были розданы народу. Материальное же благосостояние семьи и близких умершего зависело от покровительства верховного божества Тенгри. Наконец, в честь умершего человека устраивались поминальные асы.

Как видно из содержания текстов, завершается погребальный ритуал возведением поминального (по другой терминологии) ритуального комплекса для увековечивания славных дел и подвигов каганов и тегингов: *Надгробное здание, резные (фигуры?) и камень с надписью в честь его – мы всё (это) освятили в год Обезьяны, в седьмой месяц, в двадцать седьмой день* [Малов, КТб. 54].

Обязательно упоминается тех, кто возводил эти комплексы - у разных переводчиков они именуются как *чиновники* (П.М.Мелиоранский), *мастера, резчики по камню, каменотёсы*.

Комплексы, по мнению археологов и историков, включают целый ряд материальных артефактов. Сооружался храм, внутри него высекалась каменная скульптура кагана и его жены. На внутренних стенах храмов выбивались сюжеты из военных подвигов или растительный орнамент, за храмом обычно рядами располагались скульптурные изваяния людей и животных. Главным атрибутом священных комплексов была четырехгранная стела (с надписями на древних языках), установленная на спине каменной черепахи, символизирующей вечность и мудрость. За воротами утрамбованной платформы на многие километры тянулись вереницы балбалов с головным балбалом во главе (Жолдасбеков и др. 2006, с. 116, 214, 274).

Древнетюркские Орхонские тексты, на наш взгляд, этноориентированы, поскольку в них запечатлены и другие традиции и обычаи, раскрывающие миропонимание и мировосприятие древних тюрков, показывающие уровень их когнитивных способностей и единство с окружающей природой.

Многие из этих традиций имеют анималистический характер: передовая часть воинов раннего тюркского каганата называлась «бөрі» (böri), в позднем тюркском каганате – «туйғын» (tujun) (по свидетельству историков, «туйгунами» именовались птицы, обитавшие на горных хребтах Алтайских гор). В объединённом тюркском каганате передовых воинов именовали «кырги» (qarğa). Ворона (qarğa) считалась священной птицей, она обожествлялась, силуэт вороны древние тюрки изображали на коронах своих

каганов. Перед каменными изображениями каганов при их захоронении на серебряном блюде выкладывалась баранья голова вместе с *муше*, значимыми частями туши животного.

По мнению М. Жолдасбекова, казахи наследовали многие традиции и обычаи древних тюрков: церемонию «көрісу» - встречи, приветствия, благопожелания на Наурыз (в день весеннего равноденствия); эндемический обычай гостеприимства, когда в знак особого почитания уважаемого гостя преподносится баранья голова, раздаётся *муше*; принципы облавной охоты, широко использованные в казахской степи; символизацию образа вороны, что нашло отражение в языке в виде метафор, сравнений, отдельных выражений – *қарға бойлы Қазтуған, қарға тамырлы қазақ, қарға адым, қарғам, қарғашым. Қарға тамырлы қазақ* – обозначение глубинных родственных связей, генетического единства казахов; *қарға адым* - близкое расстояние (ср. с русским выражением *воробьиный скок*), символично, что расстояние не измерялось шагом какого-либо другого животного или птицы; *қарғам, қарғашым* – выражение любви, нежности, эмоционально-эстетического отношения к детям и близким людям в неформальном общении (Жолдасбеков и др., 2006, с. 11).

Концептуальный смысл слова *ер* до сих пор сохранилось в понимании казахского народа и нашло отражение в современном казахском языке в виде множества пословиц, поговорок, выражении.

Основные моменты погребального ритуала древних тюрков такие, как оплакивание (жоктау), оказание материальной помощи семье умершего, раздача личных вещей, проведение поминальных асов, возведение мазаров (пусть не столь величественных, как у древних тюрков) являются реалиями культуры казахского народа.

Несмотря на героико-эпический характер древнетюркских текстов, значимыми для понимания древнетюркского мира являются описываемые традиции, ритуалы и обычаи как формы превращенного сознания, как важные источники хранения и передачи знаний о древнетюркском мире. Информационная ценность Орхонских текстов состоит и в релевантности знаний этнокультурного характера. Безусловно, этноцентричность текстов определяются реалиями древнетюркской действительности, социума, общностью этнического сознания, психического склада, знаково-артефактной символикой (имеется в виду родовые знаки-тамга, предметы материальной культуры), культурных ценностей и традиций – всё то, что явилось основой для формирования менталитета, истории, культуры современных тюркских народов. Древнетюркские этнические традиции нашли отражение в культуре многих тюркских народов, в т.ч. в традиционной культуре казахского народа.

Вопросы для самоанализа и контроля

1. Как можно охарактеризовать духовные основания древних тюрков на рубеже V – VIII веков?
2. Расскажите о трихотомическом делении мира в сознании средневекового человека, о ценностных смыслах верхнего и нижнего миров.
3. Каким богам поклонялись тюрки и почему тюрки олицетворяли своих богов?
4. Как понимали древние тюрки время? Охарактеризуйте понятия эпического и родового времени в сознании тюрков.
5. Какую роль играют эмпирические (опытные) знания в пространственных представлениях древних тюрков?
6. Какие ценностные смыслы содержатся в направлениях света *восток – запад, юг- север*?
7. Как характеризуется в текстах физическое пространство?
8. Какие аксиологические смыслы проявляются в топонимах Отюкенская чернь, Темир-Капыг?
9. Какие знания о мире содержатся в количественных представлениях древних тюрков?
10. Как проявляются единичность, определённая и неопределённая множественность в сознании тюрков?
11. В чем сакральность цифры семь?
12. Почему проблема власти является одной из центральных проблем древнетюркского социума?
13. В каких стереотипных моделях описывается правление тюркских каганов?
14. В чём и как проявляется феномен Тоньюкука?
15. Как в рамках оппозиции «свой» и «чужой» раскрывается проблема взаимоотношений тюрков с родственными племенами и внешним миром?
16. Какие языковые и неязыковые средства воссоздают образ войны?

17. Как во фреймовых моделях языка описывается средневекового воина Кюль-тегина и Кули-чора?

18. Почему титулы, традиции, обычаи древних тюрков представляются не только как этнокультурные компоненты, но и как формы невербального мышления?

Глава 3. РОЛЬ ПРЕЦЕДЕНТНОЙ ЛИЧНОСТИ В ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕТЮКСКИХ ТЕКСТОВ

3.1 Прецедентная личность в контексте прецедентного феномена

Целостность исследования древнетюркских текстов: интерпретация, перевод, чтение, использование к ним новых научных методологии таких, как когнитивных, определяется личностями учёных, занимавшихся изучением этих текстов. К таким учёным мы относим и тех, кто непосредственно осуществлял переводы древнетюркских текстов, а именно В.В. Радлова, П.М. Мелиоранского, С.Е. Малова, Г. Айдарова, М. Жолдасбекова, А. Аманжолова и других. Безусловно, их взгляды, идеалы, ценности, жизненные цели, научный потенциал, умение писать (системно-структурная языковая компетенция) и языковая интуиция сказались на своеобразии переводов, осуществлённых этими учёными. Вышеуказанные мировоззренческие, аксиологические, социальные, языковые характеристики указанных тюркологов можно было бы интерпретировать в рамках понятия языковой личности, разработанного Ю.Н. Карауловым и многоаспектно развивающегося в современной лингвистике (Л.П. Клобукова, Г.Г. Слышкин, В.И. Карасик, Ф.А. Литвин, В.В. Красных, Л.А. Шестак и др.).

Для раскрытия всей полноты научно-энциклопедических знаний, ценностных взглядов, нравственно-этического поведения, языковых способностей и языкового сознания тюркологов в рамках когнитивной методологии используется понятие прецедентности.

Развитие понятия прецедентности, безусловно, связано с его этимологией. В словаре иностранных слов отмечается, что *прецедент* является производным от латинского слова *praecedens (praecedentis)* и означает идущий впереди, предшествующий и толкуется как: 1) случай, имевший ранее место и служащий примером или оправданием для последующего случая подобного рода; 2) *юр.* решение суда или какого-либо другого государственного органа, вынесенное по конкретному делу и обязательное при решении аналогичных дел в последующем (Современный словарь иностранных слов, 1994, с. 488 -489).

В данном определении наиболее релевантны такие неязыковые признаки прецедентности, как постфактумность, императивность, на основе которых получают развитие другие признаки и значения.

При толковании прецедентных текстов Ю.Н. Караулов указал на важные признаки прецедентности:

- значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении,
- имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников,

- обращение к таким текстам возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» (Караулов, 2005, с.216).

В когнитивных исследованиях понятие прецедентности включает как вербальные, так и невербальные знания, в качестве основных признаков прецедентности называются эталонность, повторяемость, воспроизводимость сходных фактов. Такой прецедент понимается как «стереотипный образно-ассоциативный комплекс, значимый для определённого социума и регулярно актуализирующийся в речи представителей этого социума» (Захаренко, 1997, с.30).

Ассоциативный комплекс, составляющий основное содержание прецедентности, в исследованиях последних лет называется прецедентным феноменом (Д.Б. Гудков, Г.Г. Слышкин, И.В. Захаренко, В.В. Красных и другие).

В определении прецедентного феномена (в дальнейшем ПФ) внимание привлекает толкование его В.В. Красных (Красных, 2003).

Понимание прецедентного феномена связывается с идеями философов Э.Канта, Декарта, М.К. Мамардашвили. Последний из них пишет «...феномен передать словами нельзя. Он должен быть и, тем самым, быть нам известным, но не в смысле нашей возможности пересказа содержания этого феномена» (цитируется по Красных, 2003, с. 168).

Признак «всезнаемости» в философском определении прецедентного феномена в когнитивных исследованиях развивается шире, связывается с человеком, с его психическими процессами, с его этнической культурой и языком и определяется как национально-культурный компонент, осознаваемый в ментально-лингвальном комплексе того или иного этноса. В таком прецедентном феномене В.В. Красных выделяет следующие составляющие:

- хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества («имеющие сверхличностный характер»;
- актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане;
- обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества.

Другими словами, прецедентный феномен «хорошо известен всем представителям» постольку, поскольку последние знают (как минимум) о его существовании и имеют некий общий, обязательный для всех носителей ментально-лингвального комплекса, национально-детерминированный, минимизированный инвариант его восприятия (Красных, 2003, с. 170).

Подобные прецедентные феномены охватывают как вербальные, так и невербальные явления материальной и духовной культуры этноса, а также субъектов, носителей этой культуры, их поведение и мышление. К первым относятся самые разнообразные тексты как продукты речемыслительной деятельности человека, ко вторым – произведения живописи, скульптуры,

архитектуры, музыкальные произведения и выдающиеся личности определенной социально-исторической общности. Поэтому прецедентные феномены делятся на прецедентные тексты (ПТ), прецедентную ситуацию (ПС), прецедентное высказывание (ПВ), прецедентное имя (ПИ).

Последний из них наиболее важен для анализа деятельности выдающихся тюркологов, внесших достойный вклад в исследование памятников древнетюркской письменности.

Как пишет Д.Б. Гудков, **прецедентным именем** мы называем индивидуальное имя, связанное:

- с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных (напр., *Обломов, Тарас Бульба*);
- с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (напр., *Иван Сусанин, Колумб*),
- имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определённых качеств (*Моцарт, Ломоносов*) (Гудков, 2003, с. 108).

Структурные компоненты прецедентного имени, перечисленные Д.Б. Гудковым, можно выстроить в другом порядке и для проводимого анализа наиболее важен третий признак - «*совокупность определённых качеств*».

Характеризуя прецедентное имя, В.В. Красных признаки его делит на ядерные и периферийные. К ядерным признакам прецедентного имени она относит внешность, характер, прецедентные ситуации. Периферию составляют различные атрибуты, некие «элементы», тесно связанные с означаемым прецедентного имени, являющиеся достаточными, но необходимыми для его сигнификации (кепка Ленина, бакенбарды Пушкина, маленький рост Наполеона) (Красных, 2003, с. 202).

Иначе говоря, речь идет о некоторых «вещах» (узнаваемая деталь – одежда, портрет, рисунок, манера поведения), по которым можно идентифицировать, отождествлять «денотат - реальным «хозяином» имени, к ним относятся усы Гитлера, очки Берии, френч Сталина», или в казахской культуре широкий лоб поэта, воссоздающий образ Абая мыслителя и гуманиста.

Наконец, по мнению В.В. Красных, прецедентное имя может включать «потенциально возможные индивидуальные представления и знания о прецедентном имени», которые также весьма важны для понимания **модели прецедентной личности (ПЛ)**.

На основании указанных выше релеватных признаков прецедентного имени разрабатывается модель прецедентной личности.

Понимание личности в современной гуманистической мысли весьма неоднозначно. В Современном философском словаре под личностью трактуется индивидуальный человек как субъект общественной жизни, общения и деятельности, а также – своих собственных сил, способностей, потребностей, интересов, устремлений и т.д. (Современный философский словарь, 1996, с. 269).

До недавнего времени в определении личности (философской, психологической, педагогической) исходили из форм общественного сознания и социальных аспектов. Так, например, в психологических штудиях в характеристике личности исходили из социально обусловленного деятельностного подхода (А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин и др.).

Чрезмерная социализация личности, постулируемая в идеологии советской эпохи, привела лишь к усвоению внешних стандартов, к приспособлению человека внешним социальным формам, к подавлению индивидуальных способностей и возможностей человека.

В современных гуманитарных штудиях превалируют идеи, связанные с самореализацией личности, активизацией его способностей и задатков. Истоки этой идеи находятся в теории познания Платона, утверждавшего, что все способности и все знания и человека есть с рождения, но они не проявлены. Общение с внешним миром дает человеку импульсы, заставляющие его вспомнить свои знания и возможности (Платон, 1972, 327).

С. Л. Рубенштейн, раскрывая проблему личности в психологии, писал, что внешняя предметная деятельность и социальное окружение человека развивают, реализуют некоторые «задатки», *имеющие врождённый характер*, и, следовательно, психика человека уже в момент рождения не есть *tabularasa* – чистая доска, на которую жизнь вписывает некое содержание в виде знаний, способностей, навыков, умений и т.д. (Рубенштейн, 1957. с. 307).

В «Генеративной грамматике» Н. Хомского, в которой заложены истоки когнитивной лингвистики, также утверждается положение о врождённом характере языковых способностей человека, о врождённых структурах языка, которыми постепенно овладевает ребёнок. Эти врожденные структуры представляют собой универсальную грамматику с небольшим числом исходных принципов и параметров (Хомский, 1986, с. 196).

Идея самореализации личности, его способности в философском аспекте реализуется в понятии у н и в е р с а л ь н о г о человека. Глубоко симптоматичны в русле высказанного мысли Ю.М. Фёдорова: «Человек одновременно существует в иерархии «онтологических слоев» мироздания, укореняясь в каждом из них различными уровнями своей субъективной целостности. Его экзистенцию невозможно свести к какой-либо одной определённой сущности, к какой-то одной системе отношений. Он – носитель не только социальных, но и космических, родовых, природных сущностных сил (выделено – Ш.Н.)» (Федоров, 1992, 12).

Такой универсальный человек, по мысли философа А.С. Арсеньева, эквивалентен Универсуму, то есть всей Вселенной. Отсюда можно утверждать, что в каждом индивидуе потенциально есть всё, все способности, конечный список которых не может быть составлен. И индивидуальные различия между людьми в данном случае состоят в разной степени

готовности к воплощению тех или других способностей, реализации этих способностей в течение жизни (Арсеньев, 2001, с. 154).

И тогда такая личность, по утверждению известного казахстанского философа И. Ергали, есть «свободное творение форм жизнедеятельности. Одновременно это есть и процесс выхода человека в сферу Творчества и Свободы. Философия, таким образом, выступает в качестве своеобразного средства осуществления такого Прорыва, Выхода Человека в Космос, Встречи с Космосом, где личностный смысл становится Смыслом Универсума или Универсальным Смыслом (Ергали, 2002, с.8-9).

Все вышеизложенное позволяет нам определить *модель прецедентной личности*, в которой максимально реализуются знания, интеллект, которая демонстрирует бесконечность и безграничность человеческих способностей, утверждая тем самым уникальность человеческой сущности, могущей быть сопричастной с бесконечным миром Космоса. Такую личность следует назвать у н и в е р с а л ь н о й, поскольку в ней проявляются не только талант и способности, но и её деятельность имеет надэтнический, общечеловеческий характер. Как правило, в таких людях высокие нравственно-этические нормы сочетаются с богатой внутренней культурой и силой духа.

Прецедентной личности, как и всем живым людям, также свойственны слабости, ошибки, заблуждения, но в отличие от многих других прецедентная личность умеет признавать свои ошибки и заблуждения. В то же время это не абстрактный идеал, а реальный человек, иногда вовсе не знаменитый, но человек, живущий по своему предназначению - учёный, общественный деятель, спортсмен и т.п., жизненный путь которого следует интерпретировать как символ (эталон).

Таким образом, в прецедентной личности мы выделяем следующие характерные свойства:

- максимальная реализация предназначения - способностей и задатков, заложенных (врождённых) в человеке (потенциал познавательных и интеллектуальных возможностей, физических данных и т.д.);
- самореализация способностей на глубинном уровне сопричастна с бесконечным Космосом;
- предназначения имеют надэтнический, общечеловеческий характер, иницируя универсальную сущность человека;
- прецедентной личностью могут быть исторически значимые прецедентные имена и реальные люди, выполнившие свои предназначения, обладающие высокими нравственно-этическими качествами и богатой внутренней культурой;
- прецедентная личность, как и любой другой прецедентный феномен, является воспроизводимым эталоном, символом;

- прецедентная личность в функциональном аспекте связана с другими прецедентными феноменами такими, как прецедентное имя, прецедентный текст, прецедентная ситуация, прецедентное высказывание;
- языковое сознание прецедентной личности раскрывается посредством вербальных средств.

Таким образом, в модели прецедентной личности проявляются совокупность неязыковых (врождённых, интеллектуальных, надэтнических и т.п.) и языковых возможностей человека.

Понятие прецедентной личности используется для характеристики учёных-тюркологов В.В. Радлова, П.М. Мелиоранского, С.Е. Малова, М.Жолдасбекова, А.С. Аманжолова, исследовавших древнетюркские орхонские памятники и другие памятники культуры.

3.2 В.В. Радлов в познании древнетюркского мира

В.В. Радлов - выдающийся ученый, о котором написано много книг, очерков, статей, воспоминаний; рассмотрены его научные взгляды и творческие периоды жизни (алтайский, казанский, петербургский; проведены специальные юбилейные конференции (1937 г., 1968 г.); раскрыта его многогранная деятельность как ученого-тюрколога (В.В. Бартольд, О.Э. Ливотова, А.Н. Самойлович, П.М. Мелиоранский, А.Н. Кононов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак, Л.Ю. Тугушева, Д.М. Насилов, К.Ш. Хусаинов и другие).

В.В.Радлова называли «Колумбом тюркских языков и тюркских народов», что наиболее точно определяет вклад учёного в исследование этнокультуры тюркских народов, в изучение памятников этих народов.

В рамках понятия прецедентной личности, в котором важны реализация как невербальных, так и вербальных способностей и возможностей человеканами предпринимается попытка осветить некоторые аспекты деятельности В.В.Радлова с позиции этнографической, археологической, лингвистической, а также отметить вклад тюрколога в исследовании рунических письменных памятников.

А.Н. Кононов, выступая на юбилейной конференции, посвященной великому исследователю тюркского мира, писал: «В.В. Радлов в течение своей шестидесятилетней научной деятельности постепенно включил в сферу своих научных интересов все области тюркологии: *диалектографию и диалектологию, лексикографию и лексикологию, сравнительную и историческую фонетику и грамматику тюркских языков, тюркскую текстологию и издание памятников тюркской письменности на руническом, уйгурском, арабском алфавитах, тюркский фольклор, этнографию, историю, археологию*» (выделено – Ш.Н.) (Кононов, 1971, с. 10) .

Приведенная цитата дает емкую характеристику многогранной деятельности тюрколога, раскрывает природный талант и способности учёного, развитию которых способствовали знания, полученные в Берлинском университете, обучение у известных немецких ученых-лингвистов Ф. Боппа (сравнительное языкознание), А. Потта (этимология и фонетика германских языков), психолога Г. Штейнталя (исследование «народной психологии»), историков В. Шота и Карла Риттера. Как отмечают С.И. Вайнштейн и С.Г. Кляшторный, на формирование историко-этнографических взглядов В.В. Радлова влияние оказали именно идеи К. Риттера, которые заключались в том, что разнообразие географической среды не позволяет говорить о людях вообще, есть лишь люди, живущие в данной стране, в данных естественных условиях (Вайнштейн, Кляшторный, 1970, с.

21). Возможно, поэтому, считают учёные, В.В. Радлов проявил интерес к культуре малоизученных народов, к истории тюркских народов.

Этнографические изыскания. Молодой В.В.Радлов, которому едва ли исполнилось двадцать лет, будучи по-европейски воспитан и образован, не зная местных языков, одержимый идеей, отправляется в 1858 г. в далёкую Россию, исследует этнографию, географию, археологию Алтая, Западной Сибири, Средней Азии, Монголии. В поездках по Сибири и Центральной Азии В.В.Радлов мужественно преодолевает все трудности: финансовые ограничения, отсутствие нормальных условий для жизни и путешествия, косность и бюрократизм чиновников и многое другое. Встречаясь с местным населением, он собирает огромный материал, анализирует, обобщает ценнейшие сведения по культуре и этногенезу телеутов и шорцев, киргизов и алтайцев, хакасов и казахов и других народов. Эти материалы были опубликованы позже в «AusSibirien» и «Образцах народной литературы тюркских племён». Сфера поисков и интересов В.В.Радлова была обширной. В.В. Бартольд пишет, что его в равной мере интересовало соотношение между хозяйством и общественным бытом, между особенностями социальной организации и специфическими чертами политической истории этих народов». По мнению историка, на живых этнографических наблюдениях, главным образом среди казахов, основаны блестящие страницы исследования В.В. Радлова об уйгурах, о родовом быте кочевников, происхождении власти биев и ханов, быстром образовании и столь же быстром распадении огромных кочевых империй (Бартольд, 1919, с.23). В.В. Радлов открывает Западу (Европе) и самой России богатство духовной культуры тюркских народов («алтайцев, барабинских, тюменских, тобольских татар, казахов, киргизов, уйгуров, крымских татар»).

Особо следует отметить вклад В.В.Радлова в исследование устного народного творчества казахского народа, именно им впервые даются сведения об искусстве импровизации казахских акынов, музыкальных инструментах и народной поэзии. М.С. Сильченко отмечает, что в третьем томе «Образцов» В.В. Радловым записаны и опубликованы тексты казахского фольклора: пословицы и поговорки, благопожелания (бата сөз), свадебные песни, состязательные песни (айтысы), песни-заклинания (бақсы), эпические сказания «Ер Саин», «Ер Тарғын», «Козы Көрпеш и Баян-Сұлу», «Едіге» (Сильченко, 1971, с. 17).

Археологические изыскания. Талант и способности прецедентной личности В.Радлова раскрываются в его археологических изысканиях, проведённых учёным для воссоздания исторической достоверности этногенеза, полигенеза тюркских народов. Не являясь профессиональным

археологом, В.В.Радлов создаёт все же свою методику полевых работ: «Учёный, как он писал в своих отчётах, старался полностью раскапывать курган, снимая насыпь и целиком расчищая могилу, т.е. в ряде случаев он раскапывал курганы «на снос», как сказали бы мы теперь. В целом раскопки В.В. Радлова были проведены им на уровне применявшихся в то время методов исследования и даже превосходили приемы многих профессиональных археологов тех лет...» (Бартольд, 1919, с.26).

В.В.Радлов внес свою лепту не только в археологическую методологию, но и непосредственно организовывал археологические экспедиции, делал раскопки, обнаруживая все новые памятники тюркской материальной и духовной культуры, что подтверждается следующим:

- За годы пребывания на Алтае В.В.Радлов обнаружил в результате раскопок свыше ста различных памятников, причём наибольшее количество их – около 70 – в Минусинской котловине и на Алтае, 26 – в Барабинской степи.

- В числе археологических открытий В.В. Радлова – всемирно известный Большой Катандинский курган, первый раскопанный памятник пазырского типа...

- В.В. Радловым были впервые открыты в долине Абакан погребения афанасьевского времени...

- Всемирную известность приобрели исследования орхонской экспедиции в Монголию, возглавлявшейся Радловым. Помимо изучения рунических памятников экспедицией было проведено археологическое изучение древнеуйгурской столицы Карабалагасун (Вайнштейн, Кляшторный, 1970, с. 30).

Лингвистический талант и языковая интуиция ученого. Вместе с тем уникальный талант В.В.Радлова раскрывается в языковых исследованиях, представляющих масштабность лингвистических знаний учёного по различным аспектам: во-первых, полиглот - владел немецким, русским, тюркскими языками; во-вторых, знание системной структурой этих языков, разработка фундаментальных положений тюркологии; в-третьих, проявление необычайной одарённости в переводе и интерпретации древнетюркской руники (языка). Эти факторы являются предпосылкой для формирования его как прецедентной личности (Шаймердинова, 2007, с.128).

В.В. Радлов писал: «Перед языкознанием стоит задача исследовать человеческий язык с его действующими силами и найти законы, которые управляют языковыми явлениями. Это возможно тогда, когда исходят из разговорного языка. Только исследование живых языков в их тончайших нюансах и различиях, которые мы в состоянии наблюдать в речи отдельных

индивидуумов, позволяют нам дать картину того, как общенародный язык развивается» (Радлов, 1882, с.58).

В этом высказывании прослеживается идея учёного о внешних (экстралингвистических) и внутренних (лингвистических) закономерностях, определяющих развитие любого естественного языка, апелляция В.В. Радлова к изучению народно-разговорного языка, являющегося базой для развития литературно нормированного языка и воплощающего этническую самобытность, ментальность.

Языковая интуиция учёного наиболее ярко раскрывается в изучении системной структуры тюркских языков в области фонетической, грамматической, лексической. Как известно, на фонетические исследования Радлова, кроме европейских компаративистов, сильное влияние оказал И.А. Бодуэн де Куртенэ, особенно в Казанский период творчества (1871-1884). По словам Э. Р. Тенишева, именно в этот период в Лейпциге публикуется «*Vergleichende Grammatik d. nördlichen Turksprachen, Erster Theil. Phonetik d. nördlichen Turksprachen*», в которой В.В. Радлов даёт изложение вокалической и консонантной систем более двадцати тюркских языков по доступным ему материалам, большая часть которых добыта им самим. В.В. Радлов смог определить один из главных законов фонетической системы тюркских языков – закон сингармонизма, раскрыть влияние гармонии гласных на формообразование и словообразование. Учёный аргументирует зависимость звуковых изменений от комбинаторных условий, позиционных условий, ударения. Э.Р. Тенишев отмечает, что В.В. Радлов, разделяя позицию И.А. Бодуэна де Куртенэ, в отличие от звука определяет фонему как функциональную единицу. «В результате «комбинаторных перемен» наступают чередования, которые В.В. Радлов вслед за Бодуэном де Куртенэ называет дивергенцией, а чередующиеся звуки дивергентами: *ag – auar, jar – jabul* и т. д. Те чередования, которые нельзя объяснить ни физическими причинами, ни комбинаторными условиями, В.В. Радлов, как и Н.В. Крушевский, называет корреляцией, а чередующие звуки – коррелятивами: начальные *I – j* (в татарском языке) и начальные *c - n* (в хакасском языке)» (Тенишев, 2006, 37-38).

Анализируя научную деятельность В.В.Радлова как лингвиста, К.Ш. Хусаинов отмечает, что В.В. Радлов хорошо знал и достаточно глубоко интерпретировал фонетическую систему казахского языка, а именно акустические и артикуляционные особенности системы гласных звуков. Более того, гармонию звуков в казахском языке, по мнению К.Ш. Хусаинова,

В.В. Радлов рассматривает по отношению к словообразовательным и морфологическим элементам (Хусаинов, 1981, с. 100).

Деривацию и грамматику В.В. Радлов рассматривал в контексте типологии языков, полагая, что в каждом языке можно найти следы изолированного, агглютинативного и флективного типа, но «господствующим является только один вид «языковой техники». В.В. Радлов внес свое видение в типологическую систему тюркских языков. Он рассмотрел изменения в структуре слова, агглютинативность как процесс, обусловленный историческими и морфонологическими закономерностями. Как пишет Э.Р. Тенишев, Радлова «занимает и генезис агглютинативных единиц – аффиксов и основ. В тюркском агглютинативном комплексе В.В. Радлов различает *Inhaltsstoff* (основу и словообразовательный аффикс) *Formstoff* (словоизменяемые аффиксы и частицы) (Тенишев, 2006, 40). Тем самым уже тогда учёный предсказывает функциональные различия словообразовательных и словоизменяемых аффиксов, представляющих либо сферу деривации, либо сферу морфологии. Основные идеи В.В. Радлова в области тюркской типологии языков, морфонологии, деривации и грамматики нашли отражение в «*Einleitende Gedanken zur Darstellung der Tuksprachen*», вышедшем 1906 году.

Наконец, лингвистический талант и способности тюрколога проявились в его лексикографической и лексикологической деятельности. Л.Ю. Тугушева пишет: «В течение своей жизни В.В. Радлов в процессе исследовательской работы составил большое число словарей тех языков и письменных источников, которые ему приходилось изучать. Среди них имеются словари такого объёма, как словарь «Кутадгу билиг», словарь орхонских текстов, древнеуйгурский словарь, словарь османско-турецкого языка, маньчжурский словарь и другие, каждый из которых имеет совершенно самостоятельное значение; и, наконец, четырёхтомный «Опыт словаря тюркских наречий», представляющий собой фундаментальный историко-лексикологический источник для изучения тюркских языков» (Тугушева, 1970, с.42).

Однако наибольший интерес для исследователей представляет процесс работы и история создания уникального по своей масштабности и значимости «Опыт словаря тюркских наречий». Первый список слов диалектов алтайского языка был составлен В.В. Радловым 1859- 1860 гг., позднее этот список дополнялся материалами казахского, киргизского языков, диалектными словами хакасского и уйгурского языков. Словарь начал печататься в 1888 г., и в процессе печатания он постоянно дополнялся

и перерабатывался на основе всё новых и новых материалов в общей сложности в течение 52-х лет. Для другого учёного только этой деятельности по составлению словаря было бы достаточным, чтобы имя его стало всемирно известным. «Опыт словаря...» лишь часть многогранной деятельности В.В. Радлова, его уникальных способностей. «Опыт словаря тюркских наречий» выходил с 1893 по 1911 г. в 24-х выпусках (ок. 70 000 словарных единиц). Он представляет собой *трёхязычный тюркско-русско-немецкий словарь*. В нем использован материал примерно 40 тюркских языков и наречий, а также других первоисточников и словарей (Тугушева, 1970, с.46).

Характер работы над созданием словаря сам В.В. Радлов описывал следующим образом: «Так как слова различных наречий перемешаны между собой, я старался у всякого слова в скобках обозначить наречие или наречия, в которых я его встретил. Чтобы облегчить сравнение наречий между собою, я указываю у каждого слова на родственные и соответствующие слова всех других наречий, так что читатель имеет возможность, без всякого труда, проследить и отыскать связь родственных слов. Например: *агач* (язык барабинских татар и куманский язык), *агаиш* (казахском, шорском и сагайском диалекте хакасского языка), *агас* (койбальском диалекте хакасского языка), *ыгач* (уйгурском и джагатайском языках), *аным, наиш, наиш-аваиш*» в других тюркских языках [цит. по Хусаинову: 8, с. 133]. Словарь впервые ввёл в научный оборот огромный лексический материал неизученных малоизученных языков и диалектов, а также *богатый материал письменных памятников*, который был собран В.В. Радловым лично (выделено – Ш.Н.)».

Л.Ю. Тугушева даёт обстоятельный анализ лексикографической деятельности В.В. Радлова, в котором мы сочли обратить внимание на следующие моменты.

1) Трудности внутрисистемного характера, с которыми столкнулся В.В. Радлов: орфоэпическое и фонетическое несоответствие исследуемых языков при манифестации одной словарной статьи; этимологически тождественные слова в различных языках представлялись в разных графиках и диахронических вариантах; семантическое несоответствие этимологически тождественных слов и т.п.

2) Разработка В.В. Радловым собственного метода составления словаря: выработка особой системы транскрипции, которая включает в себя 17 знаков для гласных и 34 для согласных звуков, введение специальных знаков для обозначения долготы, краткости, пропуска гласных, палатализации т. д.

Указанное число знаков в каждом тюркском языке давало возможность отразить основные произносительные варианты фонем.

3) Использование алфавитной способа для структуры словаря, что позволяло отразить семантические расхождения. Например: *улан* с пометой т е л е у т с к. «юноша, молодой человек»; *улан* т а т а р с к., к а р а и м с к. «молодой человек, ребёнок»; *улан* к а з а х с к. «взрослый»; *оқлан* ш о р с к., к о м а н с к., о с м а н с к. 1. «молодой человек, юноша, мальчик», 2. «слуга»; *оқлан* ч а г а т а й с к. «потомки и родственники царствующего дома у монголов».

4) Использование для иллюстрации словарных статей пословиц и речений, ходовых образных выражений народной речи и текстов, которые дают огромную информацию реально-бытового, этнографического, исторического характера, представляют ценность в исследований культуры тюркских народов.

5) «В словаре нашли воплощение морфологические, фонетические и прочие взгляды и идеи В.В. Радлова»(Тугушева, 1970, с.43-45).

Знание структуры тюркских языков в диахронии и синхронии, а также знание этнографии, истории, культуры тюркских народов были той базой, которая позволила ф е н о м е н у В.В. Радлова исследовать, интерпретировать древнетюркские памятники и *перевести* впервые рунические тексты *на немецкий, русский языки*.

Деятельность В.В. Радлова по изучению памятников древности. Как отмечают исследователи научной деятельности В.В. Радлова А.Н. Самойлович, В.В. Бартольд, А.Н. Кононов, А.М. Щербак и другие, изучение древнетюркских памятников происходит в зрелый Петербургский период жизни учёного. По мнению А.М. Щербака, «приступая к исследованию памятников рунической письменности, В.В. Радлов ставит перед собой задачу собрать все известные надписи, разыскать новые и сделать их доступными для широкого круга специалистов» (Щербак, 1970, с. 55).

В 1891 г. В.В. Радлов организует академическую экспедицию в Монголию и вскоре после возвращения публикует предварительный отчёт о её результатах, в этом же году издаются (Сибирские древности. 1 вып. 2. – «Материалы по археологии России», СПб, 1891, № 5). В 1892 г. начинает выходить «Атлас древностей Монголии», включившей в себя описание и репродукции большого количества орхонских и енисейских надписей и писаниц (надписи в честь Кюль-тегина, Бильге-кагана и Тоньюкука, Онгинская надпись, Асхете I, II; Элегес, Уюк-Тарлаг, Уюк-Туран, Кули-Хем,

Кара-Суг, Барык I - IV, Хая-Бажы Хая-Ужу, Чаа-Холь I - IV, VI - VIII Уйбат I - V, Туба III, Алтын-кель I, II, Оя, Ачура).

Известно, что после дешифровки руники В. Томсеном, В.В. Радлов осуществляет свое чтение и перевод памятника в честь Кюль-тегина, о чём сообщает на первом январском заседании Академии, затем появилась брошюра «Die Altturscheninschriftender Mongolei». «Ввиду важности выполненной работы, - пишет А.М. Щербак, - Академия наук разрешила размножить перевод Радлова и разослать в качестве предварительного опыта различным учёным и научным обществам. Первый экземпляр был послан В. Томсену» (Щербак, 1970, с. 56).

Однако позже: «Этот труд подвергся впоследствии значительным изменениям и исправлениям отчасти под влиянием критики В. Томсена, отчасти вследствие дальнейших изысканий самого В.В. Радлова и его учеников, В.В. Бартольда и автора этих строк. В.Томсен, расходясь во многом с В.В. Радловым, иногда даже принципиально, тем не менее, признавал, что первый перевод В.В. Радлова помог ему понять различные трудные и сомнительные места текста надписей» (Мелиоранский, 1899, с. 13).

В.В. Радлов в течение 1894-1896 гг. продолжал работать над орхонскими, а также енисейскими надписями: перевод других текстов таких, как Бильге-каган и других памятников из Кошо-Цайдама, новые несколько вариантов перевода Кюль-тегина с учётом замечаний В. Томсена, изменение своих взглядов на толкование отдельных мест в Кюль-тегине, изучение фонетики и грамматики языка надписей. Для первых исследователей в рунических текстах многое подвергалось сомнению, например, слово *балбал*, запечатлённое в тексте подлинника, вызвало дискуссию среди тюркологов и, как пишет П.М.Мелиоранский, «наделало в начале столько хлопот всем, бравшимся за истолкование орхонских надписей» (Мелиоранский, 1899, с. 4).

«В 1897 г. выходит в свет «Новое издание», а в 1899г. – «Второе издание» «Древнетюркских надписей Монголии». «Новое издание», являясь в своей основной части очерком фонетики, морфологии и синтаксиса древнетюркского языка, содержит также новую публикацию надписей в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана, исправления и дополнения надписей к другим надписям, глоссарий. «Второе издание» целиком посвящено надписи в честь Тоньюкука».

Нельзя не согласиться с мнением К.Ш. Хусаинова, который отмечает, чтению, переводам памятников орхоно-енисейской письменности и исследованию языка этих памятников В.В. Радлов посвятил целое

десятилетие. Его часто критиковали, исправляли те или иные неточности, но в то же время все в своих исследованиях исходили из его переводов. Эту чрезвычайно сложную и громадную по объёму работу в те годы мог проделать учёный с необычайно широкими знаниями живых и мёртвых тюркских языков, каким и был академик В.В. Радлов (Хусаинов, 1981, с. 100).

В 1897 г. вышел в свет совместный перевод рунических текстов на русский язык В.В. Радлова и П.М. Мелиоранского («Древнетюркские памятники Кошо-Цайдам»). Именно эта работа является основой основ для всех последующих интерпретаций и переводов. Более того, она раскрывает лингвистический и научный потенциал В.В. Радлова и П.М. Мелиоранского, их этические взгляды.

Приведем фрагменты из переводов В.В. Радлова и П.М. Мелиоранского.

ратырма битиг таш айткучи Табач казан Чапкани Чаңсаңун калти	ташин жоьун(мын) Турк баглар будун ар- jar арти. Озума бунча
конецъ пришелъ соорудившии здание [надгробіе], снабдившии (его) украшениями, поставившии камень съ надписью—Ченгъ-Капъ китайскаго хана, онъ-жес[атакже] Ченгъ Сенгунъ. (моего отца)-хана. турецкіе беги и народъ <i>чиноши</i> (этотъ) <i>моцный камень</i> дали (?) мнѣ самому столько.

Малыя надписи на обоихъ памятникахъ (Ка и Хб).

Крив-Ташы

(Табл. II и IV).

Таңритаг таңрида болмуш Түрк билга казан бу бдкә {Хб. бдкә} олуртум, сабымын төбәти ашидгил {X. ашид!} ульжу инјигунум, оуланым, бирки удушум будунум бәрија шаданыг баглар жыраја таркат бурук баглар, отуз.
(2) Токуз Огуз баглары будуні бу сабымын адгүти ашид! катынды тидлә! Игару кун (2) тозукиңа, бәригару кун ортусьцару, курыбару кун батсыкиңа жырбару тун ортусьцару анда ичраки будун укун [куп ?] маңа корур. (Мән бунча бу(дун) (3) акун [куп ?] аттим. Ол маты ајыб јок Түрк казан Утукан

(1) Какъ (т. е. съ титуломъ) Тенгригегъ-Тенгриде-Болмуш-Түрк-Бильге-Каганъ¹⁾, я возеблъ въ то время (Ка) < (Хб) на престолъ >. Внимайте до конца моей рѣчи, вы всѣ: моя семья, мои огланы, а также вы, мои угуши [вассалы] и мой народъ, направо вы, шаданытъ беги, налѣво вы, тарканы, буюрукъ беги, вы тридцать. (2) вы, беги и народъ Токузъ-Огузовъ, слушайте хорошенько эту мою рѣчь! внимайте ей усердно! Впередъ, (2) на востокъ, вправо, на югъ, назадъ, на сѣверъ, влѣво, на западъ — повсюду народъ²⁾ покорно³⁾ смотреть на меня (т. е. повинуются мнѣ). (3) Я *силою* завелъ порядокъ въ народъ⁴⁾. Отъ племеннаго союза, надъ которымъ царствуетъ въ Утукен'ской черни Турецкій Ханъ, не обладающій тѣмъ пресловутымъ лукавствомъ⁵⁾, я ходилъ весьма далеко впередъ

1) Т. е. «Подобный Небу (какъ-бы) изъ существа Неба (Бога) выдѣланныйся, Турецкій Мудрый Ханъ!»
2) Буквально: «Живущій внутри (т. е. въ этихъ границахъ) народъ».
3) Или «весь».
4) Я у всѣхъ народовъ завелъ порядокъ.
5) Слово «ајыбъ» по смыслу несомнѣнно противопоставляется въ надписяхъ слову «билік» и, если «билік» значитъ, какъ мы видѣли выше, «истинная мудрость, здравая политика», то «ајыбъ» есть «лукавал, своекорыстная политика» китайцевъ, или «ложная мудрость» соблазненныхъ ими и «впавшихъ въ заблужденіе» турокъ. Преслѣдованіе этой невыгодной политики ведетъ всегда, по мнѣнію Бильге хана, къ неудачамъ и разложенію турецкаго племеннаго союза или даже къ порабощенію турокъ китайцами.

жыш олурсар алта буң жок илгару Шандунъ языка таги сүладим, талуика кичиг тагмадим, баригару Токуз (3) -арсанка таги сүладим, Түпүткә кичиг тагмадим, курыбару Јанчу Ұғуз (4) кача Тамір-капыҕка таги сүладим, жырбару Јар-бајырку јајриңа таги сүладим. Буңча јајрка таги јорыттым. Ұтүкәи жышта јајг иди жок армиш, ал тутсык јајр Ұтүкәи жыш армиш. Бу јајрда олуруп Табҕач будун бијлә (5) тўзүлтүм. Алгун, кўмўш, әсигәти, (4) кутаи буңсыз анча барујр Табҕач будун саби сўцўк аҕыси јымшак армиш. Сўчўг сабын јымшак аҕын арыш ырак будунуҕ анча јаҕытыр армиш, јајру кондукта кәсрә, ајыҕ бијиг анда бјўр армиш, (6) адгў билгә кишиг адгў али кишиг јорытмаз армиш, бијр киши јаңылсар уҕыши будуни бишўкиңа таги кыдмаз (5) армиш. Сўцўг сабиңа јым-

[на востокъ] до равнины Шандунгской, немного не дошелъ до моря, направо [на югъ] я ходилъ до Токузъ (3) Эрсена, немного не дошелъ до Тибета, назадъ [на западъ], переправясь черезъ (4) рѣку Йенчү, я доходилъ до Темиръ Капыга, налѣво [на сѣверъ] я доходилъ до страны Йеръ Байырку. До столькихъ земель я привелъ (всѣхъ) въ движеніе (т. е. распростра- нялось мое вліяніе). Въ Ұтүкенской черни не было могущественной знати, такъ какъ тамъ царитъ племенной союзъ (самъ по себѣ). Сдѣ- лавшись ханомъ въ этой странѣ, я заключилъ (5) съ китайскимъ наро- домъ договоръ. Народъ китайскій, который намъ всегда доставляетъ золото, серебро, *крупкіе напитки* (?) (4) и шелкъ въ столь большомъ количествѣ, всегда (ведетъ) сладкія рѣчи и (приносятъ) роскошные дары¹⁾. Отличаясь сладкими рѣчами и роскошными дарами, они (китайцы) всегда привлекали къ себѣ такимъ образомъ далеко-(живущіе) народы; поселившись-же по близости (китайцевъ), (эти народы) знакомились тамъ съ ложной мудростью («ајыҕ-биликъ» см. выше) (6) (Правда) хорошихъ, истинно-разумныхъ людей, добрыхъ витязей (китайцы) не могли побудить къ движенію (на югъ), (ибо) ихъ дурное вліяніе не распространилось на опытныхъ (лицъ) изъ вассаловъ и народа, у котораго ктонибудь впадалъ въ ошибку (т. е. обнаруживалъ склонность къ китайцамъ)²⁾. (5) Такъ какъ ты (и при миѣ), о турецкій народъ, далъ соблазнить себя ихъ сладкими рѣчами и роскошными дарами, то многие (изъ твоего народа) погибли. Такъ, о турецкій народъ, и всегда ты

1) «аҕыш» — «подарокъ» и «дань». Въ отношеніяхъ кочевниковъ къ осѣдымъ наро- дамъ и обратно эти два понятія часто смѣшиваются. П. М.

2) Возможно, что здѣсь имѣется въ виду известный частный случай. На это наводятъ насъ слѣдующія соображенія: въ началѣ веренища похоронныхъ камней при могилѣ Бильге хана стоитъ камень съ надписью: «Это балбалъ Шада Төлессовъ». Значитъ Шада Төлессовъ былъ однимъ изъ враговъ, убитыхъ Бильге ханомъ, по вступленіи имъ на престолъ. Это представляется весьма вѣроятнымъ, если мы припомнимъ, что Бильге ханъ вступилъ на пре- столъ какъ разъ во время большой *междоусобной* смуты, во время которой погибъ его дядя. Быть можетъ такимъ образомъ Шада Төлессовъ и былъ именно «тотъ впаавшій въ заблужденіе» человекъ, котораго однако не поддержали «опытные» люди изъ числа его подчиненныхъ. П. М.

Как видно из фрагментов текста перевода Радлова-Мелиоранского начинается с Малой надписи сразу двух памятников Кюль-тегина и Бильге-кагана. Одновременный перевод двух пусть даже в определённом контексте совпадающих текстов, а также формальное невыделение строф в известной степени затрудняет чтение и восприятие.

В тексте перевода много скобок круглых, квадратных, фигурных и других символов, раскрывающих, с одной стороны, используемые методы, с другой стороны, нравственно-этические позиции учёных. Так, в комментариях поясняется, что круглая скобка означает «прибавления переводчиков для ясности», т.е. мысли переводчика, его вольность или желание внести ясность в сложные для перевода содержание подлинника, а квадратная скобка – возможные варианты переводов. Тем самым авторы, не претендуя на истинность своей точки зрения, дали право на возможность новых последующих переводов и интерпретации.

Интерес вызывает постстраничные комментарии, которые даются и В.В. Радловым, и П.М. Мелиоранским (см. стр. 37-40). В комментариях трудные выражения и слова сопоставляются с переводами В.Томсена и В. Банга. Например, КТб.36 В.В. Радлов выражает сомнение по поводу своего перевода, что выделяется, как и прочие трудные места курсивом «съ копьёмъ (въ рукахъ) онъ врезался (въ ряды враговъ) и (затемъ опять) пробился (къ своимъ)». В этом выражений, небольшом по объёму, четыре круглых скобок, следовательно, перевод здесь авторский, часть предложения выделена курсивом, значит, у авторов возникли трудности и сомнения в переводе этого выражения.

В.В. Радлов во имя научной достоверности текста перевода умеет встать на чужую позицию, поэтому в данном предложении он признаётся, что чтение и перевод В. Томсена может быть более адекватным подлиннику: «Если принять чтение Томсена, то следует перевести: «двух людей онъ прокололъ ударомъ копья»(Мелиоранский, 1899, с. 27).

В ряде случаев В.В. Радлов даёт возможность П.М. Мелиоранскому высказать в комментариях предподчтение переводу В. Томсена. Например, у В.В. Радлова КТб.35: «...мы двинулись противъ Киргизовъ; порицая ихъ вражескіе, как разбой». Ср. у Томсена: «Пролагая (дорогу) черезъ снегъ высоту съ копьёмъ»(Мелиоранский, 1899, с. 27).

Учитывая подобные ситуации, А.М. Щербак отмечает, что в полемике с В. Томсеном, которая порой носила острый характер, В.В. Радлов иногда ошибался. Так, он отрицал привативное значение форм *alcıra*, *alcırat*, *қақансіра*, *қақансірат*, *уруқсірат* в тексте памятника в честь Кюль-тегина, без достаточных оснований подвергал сомнению правильность интерпретации В. Томсеном рунического знака □. Однако В.В. Радлов не упорствовал в своих ошибках и заблуждениях и довольно быстро исправлял неправильности чтения и перевода (Щербак, 2001, с. 58).

В постстраничных комментариях, на наш взгляд, содержатся толкования лингвистического, мировоззренческого, исторического, культурного характера, отражающие, без сомнения, взгляды авторов, их мысли и языковое сознание. Например: «(Тогда) *сказало вверху Небо турокъ и Священная Земля и Вода турокъ следующее: Да не погибнетъ турецкій народъ! Пусть онъ сохранитъ свое существованіе*» (КТб. 10.).

Строфа раскрывает верование тюрков в своих богов: «Шаманисты поклоняются духамъ земли и воды своей родины и кромъ того отдельныя места ея (лесныя участки, скалы и пр.) освящены жертвоприношеніями. Этимъ и объясняется эпитетъ «ыдукъ» - «святой, священный». Все это место значить, что «турецкіе боги» не захотели гибели своего народа» (Мелиоранский, 1899, с. 19).

Таким образом, комментарии играют важную роль в понимании текстов, во-первых, они являются источником дополнительной информации о древнетюркском мире, во-вторых, в них представлена интерпретация авторами текста по различным аспектам, в-третьих, именно в комментариях раскрываются аксиологические и этические взгляды тюркологов, а также их образ мыслей, суждений и языковое сознание.

Отличительной чертой совместного перевода В.В.Радлова и П.М.Мелиоранского являются особенности, нехарактерные для современной системы языка, к ним относятся:

- употребление устаревшей лексики русского языка, слов типа *витязи, криводушье, княжна, лукавство, приверженцы, буюруки и т.д.*, возможно, в этом проявилась толкование тюркских текстов с позиции другой ментальности, другой культуры, другого языка;
- написание этнонимов, титулов и другой тематической лексики с большой буквы: *Бумын-Каганъ, Голубые Турки, Темир-Капыг*; «пришли съ находящегося впереди солнечнаго восхода племена степи Бокли, (затем) *Китайцы, Тибетцы, Парпурумы, Киргизы, Уч-Курыканы, Отузь-Татары, Кытаи и Табаицы...*»;
- употребление норм письма, характерной для конца 19 века: *Утюкенская чернь, Куль-Тегинъ* (Ср. Отюкенская чернь, Кюль-тегин); *белаго, бураго, хорошаго, солнечнаго* и т.п. (ср.белого. бурого, хорошего, солнечного) и других правил написания;
- использование исторически маркированных слов и выражений: *истомившись до смерти; власть, дарующую душу и силу; их вражеские набегу порицая как разбой; отступившие отступили, стали [остались] народом, умирающие умерли* (последнее выражения авторы относят к типичным «турецким оборотам») (Ралов, Мелиоранский, 1897, 37049).

Все эти отличия свидетельствуют об историко-диахроническом характере текста перевода, сохранившем языковой стиль эпохи.

В целом перевод В.В. Радлова и П.М. Мелиоранского для всей Орхоники является источниковедческим: содержание всех дальнейших русских переводов древнетюркских текстов базируется на этом переводе. Несмотря на различие толкований (в некоторых случаях концептуальных), стилистические, языковые и прочие различия между данным и другими переводами, **стереотипные клише и выражения Радлова-Мелиоранского**, характеризующие древнетюркский мир, остались по сей день неизменными.

Некоторые из этих выражений в их современной форме приводятся ниже:

«Когда вверху возникло голубое небо, а внизу темная земля, то между обоими ими появились сыны человеческие».

«(Народы) четырёх углов и были ему врагами; он выступил с войском, покорил и усмирил народы четырех углов силою».

«Младшие братья были не таковы, как их старшие, а сыновья не таковы, как их отцы, то воцарились неразумные ханы, воцарились трусливые ханы...».

«Со своими сильными сыновьями они (турки) стали рабами и со своими чистыми дочерьми (они стали) невольницами китайского народа».

«Так как небо даровало (ему) силу, то войско моего отца-кагана было подобно волку, а его враги подобно овцам».

«В то время наши рабы имели своих рабов, а наши невольницы своих невольниц».

«...что ты нашёл в тех землях, куда ты отправлялся, в том, что твоя кровь текла там, как вода, что твои кости нагромоздились там, как горы...».

«...я стал ханом над жалким, низким народом, у которого внутри не было пищи, а снаружи одежды».

«снабдил платьем нагой народ, сделал богатым бедный народ, сделал многочисленным малочисленный народ».

«Для моего отца-хана поставили во главе (ряда могильных камней) Баз-Кагана в качестве балбала».

«...я из-за турецкого народа не спал ночью и не сидел (без дела) днём».

«Подчинились табгачскому кагану 50 лет отдавали свои силы и труды».

«Семьсот воинов, собравшись, обустроили народ, народ, утративший государство; народ, потерявший кагана; народ, оставшийся без власти, народ, который превратился в рабов и рабынь, восстановили, как во времена власти моих предков».

«Если Тенгри сверху не давило бы тебя, и земля внизу не разверзлась под тобой, тюркский народ, кто погубил бы твое государство, твою власть».

«В десять лет на радость её величества моей матери-катун, подобной Умай, мой младший брат Кюль-тегин получил геройское имя».

«Вперед, к солнечному восходу, справа, в стране полуденной, назад, к солнечному закату, слева, в стране полуночной, - повсюду в этих пределах живущие народы подвластны мне».

«У народа табгач, дающего столь много золота, серебра, изысканных яств, шелка, речь была сладкая, а драгоценности изнеживающими».

«...Имевших колени он заставил преклонить колени, имевших головы, заставил склонить головы».

«С моим братом Кюль-тегином и с двумя шадами умирая-погибая, создал государство. Так завоёвывая, я не превращал в огонь и воду присоединившиеся к нам народы».

«Моя мать-катун и вы, идущие за ней (по знатности) мои сводные матери (т.е. другие жёны отца Бильге-кагана), мои тётки (или вообще старшие родственницы), мои невестки (или вообще младшие родственницы), мои княжны, сколько вас ни было, все вы были в опасности (или), оставшись в живых, попасть в рабство, (или), будучи убитыми, остаться лежать на земле и на дороге! Если бы не было Кюль-тегина, все вы бы погибли».

«Мой младший брат Кюль-тегин скончался, я же заскорбел; зрячие очи мои словно ослепли, веший разум мой словно оступел, (а) сам я заскорбел. Время (т.е. судьбы и сроки) распределяет небо (т.е. бог), (но так или иначе) сыны человеческие все рождены с тем, чтобы умереть».

«Плачущие и скорбящие пришли кидане и народ татабы во главе с Удар-Сенгуном. От кагана табгачей пришёл Исъи Ликен; принесли 10 000 драгоценностей, бесчисленное количество золота и серебра. От тибетского кагана пришёл Болен...».

«От потомков моих – народа он-ок. Тюргеишского кагана пришли Макрач-тамгач (хранитель печати) и огуз Бильге-тамгач. От кыргызского кагана пришёл Тардуш Инанчу-чор».

«Кюль-тегин улетел (умер) в год Овцы, в семнадцатый день. Двадцать седьмого числа девятого месяца мы устроили похороны».

«Чтобы не исчезло имя и слава моего народа, Тенгри, который возвысил моего отца-кагана и мою мать-катун, Тенгри, дарующий каганом государство, посадил меня самого каганом» (Жолдасбеков и др., 2006).

События, излагаемые в тексте паятника Кюль-тегин, древнетюркское восприятие мира происходят в рамках этих и подобных стереотипных клише и выражений.

Резюмируя, следует отметить, что именно В.В. Радлов сумел прочесть, протранскрибировать и создать первый уникальный перевод древнетюркской руники. Этому способствовали его многогранная деятельность по изучению тюркской этнографии, истории, фольклора, языка; его знание и владение структурой тюркских, немецкого, русского языков, т.е. проявление нестандартной языковой личности издание его многочисленных трудов, в том числе и «Опыта словаря тюркских наречий»; его энциклопедические знания и самоотверженность, его талант и врождённые способности, которые

учёный смог использовать с полной отдачей. В.В. Радлов смог изнутри понять другую ментальность, другой мир, другую культуру и посвятить этому всю свою жизнь, всё это позволяет нам характеризовать его как уникального учёного, универсального человека, прецедентную личность.

3.3 Прецедентная личность П.М. Мелиоранского в раскрытии древнетюркского сознания

Прецедентная личность Платона Михайловича Мелиоранского непосредственно связана с древнетюркскими орхонскими текстами, которые, если следовать определению Ю.Н. Караулова, можно назвать прецедентными, ибо они имеют не только сверхличностный, но и наднациональный характер, мировой, являясь достоянием мировой цивилизации, аккумулируя информацию познавательного, эстетического, культурного плана, оказывая влияние, как на предшествующее поколение, так и на последующее. Более того, благодаря этим текстам, мы можем говорить о научной деятельности таких замечательных лингвистов, как П.М. Мелиоранский. «П.М. Мелиоранский, - писал В.В. Бартольд, - и осознавал себя не историком и не филологом (в смысле исследователя литературных памятников народа), а лингвистом, для которого язык сам по себе является не средством, а целью изучения» (Бартольд, 1906, с.6).

Лингвистический талант ученого. Видимо, лингвистическая одарённость учёного была врождённой, ибо как пишет А. Самойлович «с детства П.М. Мелиоранский обнаруживал особые способности и склонность (разрядка – Ш.Н.) к изучению языков, а когда наступило время поступать в университет, то П.М.Мелиоранскому оставалось выбирать только между двумя факультетами: филологическим и восточных языков. По совету отца П.М.Мелиоранский выбрал арабско-персидско-турецко-татарское отделение восточного факультета» (Самойлович, 1907, с. 2).

Интерес П.М. Мелиоранского к познанию тюркских языков, казахского языка А. Самойлович описывает следующим образом: «Съ отменным усердием занимаясь в продолжение университетского курса всеми предметами избранного разряда, П.М. Мелиоранский съ перваго же курса, но вне стень университета, приступилъ подь руководствомъ В.В. Радлова къ специальному изучению турецкихъ наречій. Ознакомившись предварительно по указаніямъ В.В.Радлова съ трудами по общему языкознанию, П.М.Мелиоранский въ первый годъ алтайское наречіе, во второй – казакъ-киргизское, а въ теченіе двухъ следующихъ летъ читаль «Кудатку-Биликъ» и некоторые старо-джагатайские тексты» (Самойлович, 1907, с. 3).

Формирование взглядов П.М.Мелиоранского, его интерес к тюркологии Э.Р. Тенишев определяет так: «П.М. Мелиоранский занимался у В.В. Радлова ещё один год и после окончания университета, знакомясь на этот раз с новонайденными памятниками тюркской рунической письменности. Занятия с В.В. Радловым, непосредственное влияние его сформировали исследовательские вкусы молодого учёного в области тюркологии и помогли найти свой собственный путь» (Тенишев, 1972, с.19).

В 1890 году П.М. Мелиоранский командирован Санкт-Петербургским университетом в оренбургские и тургайские степи для сбора материала по языку и фольклору казахов. Молодой исследователь блестяще справился с задачей, скрупулезно изучал быт, язык, культуру казахов. На основании собранного материала ученым была написана грамматика казахского языка, состоящая из двух частей:

«Краткая грамматика казак-киргизского языка» ч. I. Фонетика и этимология (СПб., 1894); ч. II. Синтаксис (СПб., 1897) (Мелиоранский, 1894).

Во введении грамматики (ч.1) автор, ссылаясь на арабские источники и обосновываясь на собственных наблюдениях во время пребывания в казахских степях, даёт важную информацию исторического, этнокультурного, лингвистического характера, раскрывает языковое мастерство казахов и богатство их устного народного творчества:

1. Кочевники тюркского племени, известные у нас под именем «киргизов, тогда как сами себя они называют «казаками», уже с давнего времени поселились в обширных степях юго-западной Сибири и Туркестана.

2. «Казак» в прежнее время было понятием политическим, чем этнографическим. Дело в том, что ещё в IX и X вв. мы находим, как сообщают арабские географы, в местностях занимаемых теперь казаками турок гузов и кипчаков. В начале XIII в. В этих странах поселились тюрки, пришедшие с востока с Чингиз-ханом, а также и монголы. Среди этого разноплеменного населения возник в XV, XVI веках политический союз, члены которого стали называться казаками.

3. Число казак-киргизов в настоящее время доходит до 2. 400 000 человек, и они разделяются на три орды (джюзы). В восточной части степного пространства, занятого киргизами, на юге кочует Большая орда (улы джюз), на севере – Средняя орда (орда джюз), между тем как западная часть занята Малой ордой (киши джюз).

4. Казаки большие мастера и охотники говорить складно и красно. Люди, отличающиеся особым даром слова, импровизаторы, рассказчики и певцы пользуются у них немалым почётом и уважением. Народная литература казаков (киргизов) весьма богата и разнообразна (Мелиоранский, 1894, с. 2).

О языке «казак-киргизов» П.М. Мелиоранский пишет: «По единогласному свидетельству всех исследовавших киргизский (казахский) язык он принадлежит к числу самых чистых и самых богатых тюркских наречий (выделено – Ш.Н.)». Он удивительно тонко подмечает отсутствие в казахском языке резких диалектных отличий, что, бесспорно, характеризует язык в у ю и н т у и ц и ю учёного: «Особенно замечательно то обстоятельство, что, несмотря на громадное пространство, занимаемое киргизами (казаками), язык их даже в наиболее удалённых друг от друга местах почти совершенно одинаков, - до такой степени, что дальнейшее его дробление на поднаречия едва ли возможно» (Мелиоранский, 1894, с. 3).

Казахский народ благодарен ученому за эту грамматику и, разделяет точку зрения Э. Р. Тенишева, который дал высокую оценку «Краткой грамматике...» П.М. Мелиоранского:

1. Чрезвычайно интересны теоретические принципы составления описательной грамматики тюркских (в данном случае казахского) языков, применённые П.М. Мелиоранским.

2. П.М. Мелиоранский проводит строгое различие между народно-разговорным казахским языком, основным предметом его исследования, и письменным книжным языком казахов, допуская его лишь в виде поясняющей параллели к главному материалу. Оба языка неодинаковы по происхождению, поэтому смешение их в описательной грамматике едва ли уместны.

3. Очень важен и другой методический приём – выделение главных правил и необходимых грамматических объяснений и сравнений (более углубленные, детализирующие пояснения и разные попутные заметки).

4. Большая лингвистическая чуткость П.М. Мелиоранского удерживает его от частых параллелей между родным языком и изучаемым (выделение по пунктам – Ш.Н.) (Тенишев, 1972, с. 20).

А.Н. Кононов так высоко оценил грамматику и творчество П.М. Мелиоранского и отметил, что ученый глубоко овладев основами и методами современной ему теории общего языкознания, благодаря своим исследованиям в области казахского языка и ряда памятников тюркской письменности по праву считается выдающимся тюркологом-языковедом (Кононов, 1973, с.12).

Лингвистические способности, талант учёного проявились в знании множества языков. Как пишет его ученик, крупнейший тюрколог А.Н. Самойлович: «П.М. Мелиоранский изъ европейскихъ языковъ, помимо двухъ древнихъ, владеть: *немецкимъ, французскимъ, английскимъ, голландскимъ, итальянскимъ и датскимъ*. А изъ восточныхъ: *арабскимъ, персидскимъ, монгольскимъ* и, имея общее представление о всехъ исследованныхъ древнихъ и новыхъ турецкихъ языкахъ и наречіяхъ, особенно зналъ древніе языки: *орхонскій, уйгурскій и джагатайскій и современныя наречія: прежде всего казакъ-киргизское, затемъ казанско-татарское и османское»* (Самойлович, 1907, с. 3).

Знание многих западных и восточных языков и их исследование раскрывают лингвистические способности и талант учёного. А.Н. Самойлович отмечает: «изучить датскій языкъ П.М. Мелиоранского побудили его интересъ и симпатии къ новой школе туркологовъ, основанной въ Копенгагене В. Томсеном. П.М. Мелиоранскій съ должнымъ вниманіемъ следил за трудами и венгерскихъ туркологовъ, особенно Куноша. Судя по одной изъ последнихъ работ покойнаго, можно думать, что въ новейшее время ему удалось освоиться и съ венгерскимъ языкомъ (Самойлович, 1907, с. 3).

Уникальные способности П.М. Мелиоранского особым образом проявляются в исследовании памятников письменностей, написанных различными графиками: рунической, уйгурской и арабским алфавитом, среди которых для научной деятельности ученого наиболее приоритетными оказались рунические памятники. По словам, А.М. Щербака, изучению памятников тюркской письменности предшествовали командировки учёного в Лондон, Париж, Берлин и в другие города Западной Европы, знакомства в этих поездках с собраниями восточных рукописей, публикации его по восточно-тюркским языковым особенностям, а дешифровка В. Томсеном рунических текстов и публикации, связанные с руникой, усилили внимание П.М. Мелиоранского к этой проблематике (Щербак, 1972, с. 26).

Рунические исследования ученого. К руническим исследованиям П.М. Мелиоранского относятся «Древне-тюркские памятники в Кошо-Цайдам» (совместно с В.В. Радловым), «Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями», «Памятник в честь Кюль-тегина», «Небольшая орхонская надпись на серебряной кринке Румянцевского музея». «Два серебряных сосуда с енисейскими надписями».

В этих работах представлена многогранная деятельность П.М. Мелиоранский в изучении многих рунических памятников: таласских, орхонских, енисейских. Так, А.М. Щербак пишет, что, рассматривая особенности рунических знаков в семиреченской надписи. П.М. Мелиоранский отметил их большую близость «к енисейским, чем к собственно орхонским». Подобный взгляд нашёл отражение в одной из новейших гипотез о путях распространения рунического алфавита, устанавливающей следующую последовательность развития рунической письменности: 1. Талас, 2. Енисей, 3. Орхон (Щербак, 1972, с. 27).

Уникальный талант, интеллектуальный, лингвистический потенциал П.М. Мелиоранского как прецедентной личности раскрывается в «Памятнике в честь Кюль-тегина» (1899). Пожалуй, лучший перевод и толкование древнетюркских текстов, как это сделал П.М. Мелиоранский, никем до сих пор не осуществлён. Все последующие переводы Кюль-тегина, в том числе и С.Е. Малова, являются тем или иным вариантом перевода П.М. Мелиоранского.

Учёный создает свой новый перевод и толкование текста Кюль-тегина, которые отличаются от работ В.Томсена, В.В. Радлова, В. Банга. Более того, именно в этой работе выразились научные взгляды учёного, глубина его мышления и познания как тюрколога-лингвиста, его нравственно-этические качества и смысловые ценности как человека. Не случайно, как прецедентная личность, обладающей высокой внутренней культурой и высшей степени порядочности П.М. Мелиоранский в заключении работы просит извинения «за обиліе вопросительныхъ знаковъ, которыми испещренъ мой переводъ надписей», за отсутствие возможности «всесторонне разобрать и вполне понять и истолковать орхонскія надписи даже такихъ первоклассныхъ,

можно сказать гениальных лингвистов, какъ В. Томсень и такихъ знатаковъ языка и быта турковъ, какъ В.В. Радловъ, безъ трудовъ котораго по турецкой діалектологіи и лексикографіи темныхъ местъ въ надписяхъ осталось бы наверное ещё гораздо больше» (Мелиоранский, 1899, с. 148). Проиллюстрируемъ фрагменты текстовъ изъ «Памятника...».

II. Транскрипція и переводъ надписей.

1) Малая надпись. (В. В. Радловъ: Ка, В. Томсень: IS).

1. Тәһри тәһ тәһрәдә болмыш түрк бәһә каһан бу бәһә олуртым. сабымыш түһкәтә аһидгәһ узају иһјігүһәм оһаным, бәһкә уһышым бұдуһым, бәһрәһә шадаһыт бәһләр, һәмрәһә¹⁾ таркат бујурук бәһләр, отуз (12 знаковь)

2. токуз оруз бәһләрә бұдуһы бу сабымыш аһгү тәһрәдә катырды тыһла²⁾! һгәру күһ төһсык(ка, бәһрәру күһ ортуһыңару, курыңару күһ батһыһыңа, һәмрәру тәһ ортуһыңару, аһдә иһрәкә бұдуһ ку[п] м[аңа көрүр] (аһгү) бұдуһ

3. күһ аһдәм. ол магы³⁾ аһыһ јок түрк каһан утүкәһ һәм олурсар, аһдә буң јок. һгәру шаһуң јазыкка тәһ сүһәдәм, тәһујка кәһгә тәһмәдәм, бәһрәру токуз арһанка тәһ сүһәдәм, тәһујтә кәһгә тәһмәдәм, курыңару јәһтү ут[уә]

1) һәмрәһә? 2) 𐰽𐰺𐰸𐰸𐰺𐰽 söl 3) магы?

1. (Принимъ титулъ.) «Небopodobный, Неборожденный (собств. «на Небѣ» или «въ Небѣ возникшій») Турецкій Мудрый Каганъ», я нынѣ сѣлъ (на царство). Рѣчь мою до конца выслушайте (вы), идущіе за мною мои младшіе родичи и оглавы, (вы), мои приверженные челядницы (или: соплеменники?) и мой народъ; (вы, стоящіе) справа шадапытъ-бегі, (вы, стоящіе) слѣва таркаты-буурукъ-бегі, (вы) тридцать!). . .

2. (вы) бегі и народъ токузъ-оргузовъ эту рѣчь мою хорошенъко слушайте и усердно (ей) внимайте!?) Впереді, (въ странѣ) солнечнаго восхода, справа, (въ странѣ) полуденной, назаді, (въ странѣ) солнечнаго заката, слѣва, (въ странѣ) полнотной — (повсюду) тамъ (т. е. въ этихъ предѣлахъ) живущіе (букв.: находящіеся внутри) народы—всѣ³⁾ мнѣ подвластны; столько же народы я

3. окончательно устроилъ⁴⁾. (Лишь) когда въ Утүкенской черни сидитъ (т. е. находится) Турецкій каганъ, не (обладающій) тѣмъ пресловутымъ «образованіемъ», то въ племенномъ союзѣ (турокъ) нѣтъ (т. е. не ощущается) (ни въ чемъ) стѣсненія⁵⁾. Впередъ (т. е. на востокъ) я прошелъ съ войскомъ вплоть до Шаандунгской равнины, немного не дошелъ до моря; направо (т. е. на югъ) я прошелъ съ войскомъ вплоть до Токузъ-Эрсена (или: Токузъ Эрсенюв?), немного не дошелъ до Тибета, назадъ (т. е. на западъ), переправлясь черезъ рѣку Йенчү, я прошелъ съ войскомъ вплоть до

4. кая тәһрәдә каһыңка тәһ сүһәдәм, һәмрәру јәр бәһрәру јәһрәдә тәһ сүһәдәм, бундә јәркә тәһ јорытдым. утүкәһ һәмдә јәһ іәһ јок аһмиң, аһ тухтык јәр утүкәһ һәм аһмиң. бу јәһдә олурым табрач бұдуһ бәһлә

5. туһаһтәм. алтун күмүш ісігі¹⁾ кутај буңсыз аһдә бәһрү табрач бұдуһ сабы сүңгә, аһысы һымшак аһмиң; сүңгә сабына һымшак аһысы аһыһ ырак бұдуһың аһдә јәһутың²⁾ аһмиң; јәһру³⁾ кондукда кәһрә аһыһ бәһрә аһдә бәһрү аһмиң;

6. аһдә бәһрә кәһрә аһдә алп кәһрә јорытдым аһмиң; бәһрү кәһрә јәһуһсар, уһышы бұдуһы бәһрүкә тәһ кыһмаз аһмиң. сүңгә сабына һымшак аһысы аһыһ артуһың бәһрү түрк бұдуһ іһгә. түрк бұдуһ іһсіһнә! бәһрә чухај һәм тугү тун

1) ісігітә? 2) 𐰽𐰺𐰸𐰸𐰺𐰽 söl 3) јәһру? јәһру?

4. Темиръ-Капыга, нагѣво (т. е. на сѣверъ) я прошелъ съ войскомъ вплоть до страны Йеръ-Байырку¹⁾ севѣ, —вплоть до столькихъ странъ я вошелъ (свои войска)²⁾. (Во время этихъ походовъ) въ Утүкенской черни не было хорошаго (т. е. настоящаго?) владыки, (но) Утүкенская чернь была (именно) странною, въ которой (можно было) поддерживать племенной союзъ. Въ этой(-то) странѣ засѣвъ (т. е. основанннсы), а уаадыгъ (наши дѣла) съ китайскимъ народомъ³⁾.

5. У китайскаго народа, дающаго (намъ теперь) безъ стѣсненія (нашъ) столько золота, серебра, спирта (или: зерна?)⁴⁾ и шелка, (всегда) была рѣчь сладкая, а дары «мягкіе» (т. е. роскошныя, извѣжняющіе); прельщая сладкой рѣчью и роскошными дарами, они столь (т. е. весьма) сильно привлекли къ себѣ далеко (жившіе) народы; (тѣ-же) поселись вплотную (съ китайцами), усвоили себѣ тамъ «образованность»⁵⁾ (т. е. приобрѣтали неправильный взглядъ на вещи, вслѣдствіе чего потомъ и сами гибли, и другихъ губили).

6. (Однако истинно-) хорошихъ, мудрыхъ людей, добрыхъ витязей они (т. е. развращенные китайцами люди) не (могли) сдвинуть (съ мѣста) (т. е. побудить къ нежелательному переселенію); (но ужъ) если одинъ кто-нибудь (изъ турокъ) соблазнился (въ этомъ отношеніи), то они (китайцы и ихъ сторонники) не отпустили (?) его (богѣ) къ его челядницамъ, къ его народу, къ себѣ на родину (?)⁶⁾. Дать себѣ прельститъ ихъ сладкой рѣчью и роскошными дарами, ты, о турецкій народъ, (и на моей памяти) погибъ въ большомъ количествѣ. О турецкій народъ, (такова была) твоя гибель!⁷⁾ Когда ты, о турецкій народъ, желалъ селиться справа (т. е. на югѣ) не только въ Чугайской черни,

7. жазы конајын тәсар, түрк будун өсекиг анда адыз киши анча буш-зурур әрмиш: «ырак әрсәр, јаблак ары, бәрүр, јазук әрсәр, алу ары бәрүр», тап анча бушзурур әрмиш. биліг биләз киши ол сабыз алып јазру¹⁾ барып беүш киши өтиг.

8. ол јарғару барсар, түрк будун өлгәчәсә; үтүкән јәр олурып аркыш тиркиш ысар, ийн буназ²⁾ јок үтүкән јыш олурсар, бәңгү ал тута олурта-чысә. түрк будун ток арык ок сән, ачык³⁾ тосык өмәсә; бір годсар, ачык өмәсә; андарынын

9. үчүн игдмиш казанынын сабын алматын, јәр сају бардыз, куп анда алкындыз, арылтыз; анда камышы јәр сају куп туру өлү јорыјур әртіг. тәңри јарлыкдукыш үчүн, өзін кутым бар үчүн, казан олуртым. казан олурып

10. јок чырај будуныз куп кобардым, чырај будуныз бәј кылдым,
1) См. выше 5 строку. 2) бун ор? 3) Лучше, какъ въ X. асар!

7. но и въ Тунской(?) равнинѣ, (это была) твоя погибель¹²⁾, (ибо) тамъ «образованные» люди такъ подстрекали тебя, говоря: «кто живетъ далеко, даетъ плохіе дары, кто живетъ близко, даетъ хорошіе дары, этимъ словами они такъ (сильно) подстрекали тебя (поселиться рядомъ съ китайцами). И (вотъ) вы, люди, не обладавшие (истинной) мудростью, послушавшись этой рѣчи и, подойдя вплотную (къ китайскимъ предѣламъ), погибли (тамъ) въ большомъ количествѣ.

8. (Итакъ), о турецкій народъ, когда ты идешь въ ту страну, ты ставшись на краю гибели; когда-же ты, находясь въ Утукенской странѣ, (лишь) посылаешь караваны (за подарками т. е. за данью), а самъ остаешься въ Утукенской черни, гдѣ нѣтъ богатствъ, (но) нѣтъ и стѣсненія (со стороны китайцевъ), то ты можешь жить, поддерживая свой вѣчный племенной союзъ¹³⁾. О турецкій народъ, ты то сытъ, то голоденъ, (но тѣмъ не менѣе) ты не понимаешь (состоянія) голода и сытости (т. е. истинныхъ причинъ того и другого), и, разъ насытившись, ты не понимаешь (состоянія) голода. Вслѣдствіе того, что ты таковъ (т. е. неразсчитливъ, недалекъовиденъ),

9. ты, не принимая рѣчи (т. е. не слушаясь совѣта) подносящаго (тебя) твоего хана, (сталъ) бродить по всѣмъ странамъ и тамъ совершенно знае-мого и изнурился (т. е. большая часть твоя погибла);¹⁴⁾ вы-же, оставшіеся тогда (въ живыхъ?), по всѣмъ странамъ въ совершенно жалкомъ положеніи (бунд.: то стоя, то умирая) саятались. По милости Неба и потому что я, каганъ, былъ, я съѣзъ (на царство) каганомъ¹⁵⁾. Ставъ каганомъ,

10. я вполнѣ поддалъ погибшій, немущій народъ, немущій народъ

аз будуныз бүш кылдым. азу бу сабымда игдә барду түрк баглар будун буны ашиди! түрк [будун](ыз тә)рп ал тутсыкынын бунда уртым, јанылып өсекинин јамә

11. бунда уртым, ийнаң сабым әрсәр, бәңгү ташка уртым; аңар көрү билің түрк маты¹⁾ будун баглар: бодә көрүмә баглар агу јаныдачысә! мән бәңгү таш.... табрач казанда бәдичи кәлүртім, бәдизтім. ийнаң сабы-мын сымды:

12. табрач казаның ичраки бәдичиг ыты. аңар адычыз барк јартуртым²⁾, ичн ташын адычыз бәдиз уртуртым, таш токылдым, көңүтәки сабымын у (11 знаковь + унук оульц?)а татына тәги буны көрү билің; бәңгү таш

13. токылдым б... әрсәр матыка әрпг јәртә әрсәр анча әрпг јәртә бәңгү таш токылдым, бігидім. аны көрп анча билің: ол таш (8 знаковь) дым. бу бігиг бігигмә атысы јол(а)ыз т(ә)гн —

1) аматы? 2) јартуртым?

сдѣлалъ богатый, немногочисленный народъ сдѣлалъ многочисленнымъ. Чтобы научиться(?) изъ этой моей рѣчи, (правильному взгляду на дѣло) о турецкіе беги и народъ, слушайте это!¹²⁾ Я вырѣзалъ здѣсь (т. е. на этомъ камнѣ), какъ ты, (о турецкій народъ), собравъ (своей) народъ, поддерживалъ (своей) племенной союзъ, какъ ты, погрѣшая погибалъ, я все

11. здѣсь вырѣзалъ, все что я (имѣлъ) сказать, и вырѣзалъ на вѣчный камень (т. е. памятникѣ). Смотря на него, знайте (т. е. учитесь) вы, славные турецкіе беги и народъ! Теперь покорные беги, вы склоны впадать въ ошбоку! (т. е. измѣнять, не слушаться и т. п.)¹³⁾. Я вѣчный камень. . . ., отъ китайскаго императора привѣзъ мастеровъ и поручилъ имъ выполнять рѣзьбу. Они не изломали (т. е. не испортили) моей рѣчи, (ибо)

12. (иѣ) прислали «внутреннихъ» (т. е. лейбъ-)мастеровъ китайскаго императора. Имъ я поручалъ высесть (или: устроить?) здѣше съ украше-ніями(?), снизу и сверху я велѣлъ покрыть (стѣны) красвою(?) рѣзьбою и воздвигнуть камень;¹⁴⁾ сердечную рѣчь мою. . . . вы поймете, смотря на него (т. е. на памятникъ) (и не только вы), но и [ваши любезные сыны?] и внуки (?). Памятникъ

13. я поставилъ — славному; такъ какъ онъ(?) пребываетъ(?) въ величественномъ (мѣстѣ), то я воздвигъ памятникъ на столь величествен-номъ мѣстѣ и сдѣлалъ (на немъ) надпись. Смотря на него, такъ знайте: тотъ камень — Эту надпись писавшій (естъ) племяникъ(?)¹⁵⁾ его Йолмыгъ Те-гинъ —

2) Большая надпись (В. В. Радловъ: К + Кб, В. Томсенъ: I E + I N).

1. Оза көк таңри аера жадыз јәр кылындукка, акин ара кичи орды кылыныш. кичи ордында оза ачун алам бумын каган истәми каган олурмыш. олурмыш түрк будуньң алин төр[үс]ин тута бәрмиң ати бәрмиң.

2. төрт булуң куп жады армиң, су суванан төрт булуңдакы будуньң куп алмыш куп баз кылмыш, башлыбыз јукундурмиң, тизлиг сөкүрмиң, илгару кадыркан јышка таги, кару тамир капышка таги кондурмыш. акин ара

3. иди уксыз көк түрк анча олурур армиң. би <г> а каган армиң алп каган армиң, бујурукы јама билга армиң аринч, алп армиң аринч; баглары јама будуньң јама түз армиң. аны учун аилг анча тутмыш аринч, аилг тутып төрүг атиң. озиңа

4. каргак болмыш. јуучы сыгытчы бир кун тогыска бөкли чөл(илг) ал, табач, түпүт, нар пурум, кыркыз, уч курыкан, отуз татар, кыгай, татаби

КТО

1. Когда было сотворено (или: возникло) вверху голубое небо (и) внизу темная (букв.: бурная) земля, между (ними) обитали были сотворены (или: возникли) сыны человеческие (т. е. люди). Надъ сынами человеческими сыгъ (каганомъ) мой предокъ Бумын-каганъ, (онъ-же?) Истеми каганъ ²⁰⁾. Сыгъ (на царство), онъ поддерживалъ и устроилъ племенной союзъ и установления турецкаго народа.

2. Четыре угла (т. е. народы, жившие вкругу по всеъм четыремъ странамъ свѣта) все были (ему) врагами; выступила съ войскомъ, онъ покорилъ все народы, явивше по четыремъ угламъ, и принудилъ ихъ всебхъ къ миру. Имбюцихъ головы онъ заставлялъ склонять (головы), имбюцихъ колѣни онъ заставлялъ преклонить (колѣни) ²¹⁾. Впередъ (т. е. на востокъ) вплоть до Кадырканской черни, назадъ (т. е. на западъ) вплоть до Темирь-Каныга онъ расселилъ (свой народъ). Между (этими) двумя (границами)

3. обитали (и раньше?) столь (т. е. весьма) долго Голубые Турки, не знавшие (тогда?) ни господы(?), ни слугы(?). ²²⁾ Онъ былъ мудрый каганъ, онъ былъ мужественный каганъ; все его беги и народъ были прями (т. е. вѣрны кагану). Поэтому онъ столь (долго) держалъ (въ своей власти) племенной союзъ, и, держа его (въ своей власти), творилъ судъ и правду. (Затѣмъ)

4. онъ скончался (букв.: ему пришелъ конецъ, предѣлъ) ²³⁾. (Въ качествѣ) плачущихъ и стонущихъ (т. е. для выражения сожалѣнаванія) (пришли)

буша будун кәлипін сыгытчың јууламыш; анда күлиг каган армиң. анда кәсрә иници каган

5. болмыш аринч, орды ты каган болмыш аринч. анда кәсрә иници ачисин таг кылындадук аринч, орды акаңын таг кылындадук аринч, билгис каган олурмыш аринч, јабаак каган олурмыш аринч, бујурукы јама билгис аринч, јабаак армиң аринч.

6. баглары будуньң түзсиз учун, табач будун таблигин {таблария?} көрлиг {куралар?} учун, армакчысын учун, иници ачили кәшәшүртүкин {кәшәшүртүкин?} учун, багли будуньң жоңшүртүкшн учун; түрк будун алладук алин ы[чү]шну ыдымыш,

7. каганладук каганын јитүрү ыдымыш; табач будунка баглик уры ордын кул болды, силик кыз ордын күң болды. түрк баглар түрк атын ыгы, табач азы (?) баглар табач атын тутынан табач каганка

8. көрмиң. аилг јы ичиг күчир бәрмиң. илгару кун тогыска бөкли ка-

спереди, изъ (страны) солнечнаго восхода, народъ степи(?) Бкляйской(?), (а также) китаецъ, тибетцы, нар-пурумы(?), кыркызы, учь-курыканы, отузъ татары, кыгай и татабийцы, — столько народы прита стонали и плакали: столь знаменитый каганъ былъ онъ ²⁴⁾. Послѣ него стаял каганомъ

5. его младшій братъ (или: его младше братья), (а потомъ) его сынгъ (или: его сыновья). Послѣ того, такъ какъ младшій братъ (или: младше братья?) не былъ подобенъ старшему, а сынгъ (или: сыновья?) не былъ подобенъ отцу, то и сыги (на царство) неразумные каганы, сыги (на царство) трусливые каганы, все ихъ «буорукъ» были неразумны, были трусливы ²⁵⁾.

6. Вслѣдствіе «непрямоты» (т. е. невѣрности кагану) беговъ и народа, вслѣдствіе подстрекательства (??) и шпіонства (??) китайскаго народа и вслѣдствіе его прельщеній(?), (а также) вслѣдствіе того, что они (китайцы) соорили младшихъ братьевъ со старшими и вооружали другъ противъ друга народъ и беговъ, — турецкій народъ привелъ въ разстройство свой (до того времени) существовавшій племенной союзъ

7. и навлекъ гибель на царствовавшаго надъ нимъ (до того времени) кагана ²⁶⁾; китаискому народу стали они (турки) рабами со(?своими крѣпкими сыновьями и со(?своими чистыми дочерьми) ²⁷⁾. Турецкіе беги сложили (съ себя) свои турецкія имена (т. е. званія, титулы) и, принявъ, (какъ) китаискіе важныя (?) беги, китаискія имена (т. е. титулы) подчинились китаискому кагану.

8. Пятьдесятъ лѣтъ отдавали они ему свои труды и силы ²⁸⁾. Впередъ, Зависки Богг. Отд. Пис. Русск. Арх. Отд. Т. XII. 5

В начале «Памятника...» Платон Михайлович отмечает «нетъ сомненія, что многія слова и даже места прочитаны и переведены В.В. Радловым правильно» (Мелиоранский, 1899, с. 50).

Эти высказывания учёного выражают высокую оценку деятельности В.В. Радлова и В. Томсена и его собственную скромность.

В том, что П.М. Мелиоранский создал свой новый неповторимый текст Кюль-тегина, доказывает проведённый анализ послетекстовых комментариев. Сопоставляя варианты текстов В.В. Радлова, В. Томсена и используя материалы финской экспедиции А. Гейкеля, П.М. Мелиоранский создаёт свою собственную транскрипцию текста памятника: «...Такъ какъ чтеніе довольно большого числа местъ въ надписи Кюль-тегина у В.В. Радлова, работавшаго главнымъ образомъ по эстампамъ, не совпадало съ чтеніемъ В. Томсена, то я подвергъ текстъ этихъ таблицъ тщательному пересмотру при помощи атласа «InscriptionsdeIOrkhon» и подлинныхъ фотографій съ надписей, снятыхъ финляндской экспедицией» (Мелиоранский, 1899, с. 49).

Также П.М. Мелиоранский великолепно знает систему древнетюркского языка, разбирается в рунических знаках и их буквенном обозначении, поэтому система гласных и согласных звуков древнетюркского языка

подвергается тщательному анализу с позиции их употребления, артикуляционных характеристик, выражения дифференциальных признаков, фонетических закономерностей, манифестирующихся в звуковой системе древнетюркского языка. Буквенный эквивалент рунического знака в системе гласных звуков даётся с позиции твёрдости и мягкости, называемых гортанными и небными: (а, ә), (ы, і) (о, у) (ө, ү).

П.М. Мелиоранский установил, что гласные (а, ә) в рунических текстах «употребляются почти исключительно на конце словъ и на этомъ месте встречается необыкновенно часто; я не могъ-бы указать ни одного несомненнаго примера, въ которыхъ бы конечное «а» «ә» въ орхонскихъ надписяхъ, не было обозначено» (Мелиоранский, 1899. 15). Также ученый выявил отсутствие гласных(о, у) (ө, ү) в втором и третьих слогах. Описывая лабиализованность звуков тюркских гласных «о», «у», «ө», «ү» (в терминах П.М. Мелиоранского «губное притяжение»), тюрколог отмечает, что «въ языке двухъ большихъ памятникахъ «губное притяженіе» этого рода было менее сильно, чемъ въ большинстве новыхъ турецкихъ діалектовъ» (Мелиоранский, 1899. 18).

В поле зрения ученого оказалась особенность употребления и согласных звуков, их деление на парных и одинарных, оглушение *s* в конце слова, значение лигатурных сочетаний **nč, ld/lt, nd/nt** распад и функции которых в современной тюркологии до сих пор вызывает дискуссии.

Для обоснования своих доводов тюрколог приводит ссылки на известные в то время труды и источники. Так, П.М. Мелиоранский отмечает «при передаче гласныхъ звуковъ я буду следовать примеру гг. Радлова и Томсена, въ общемъ одинаково передающихъ гласные звуки орхонскаго діалекта» (Мелиоранский, 1899. 18).

В анализе вопросов древнетюркского языка П. М. Мелиоранский ссылается на «Кутадгу билиг», арабские источники (он был одним из лучших арабистов своего времени), «сиро-несторіанские турецкие наречия из Семиречья» и другие многочисленные исторические материалы и сведения, проводит сравнительные параллели с системой современных тюркских языков и диалектов, в том числе казахского языка, структуру которого он знал лучше других тюркских языков.

В анализе концептуальных, исторических, географических, культурных фактов достоверность позиций учёного обосновывается знанием китайских источников, работ В.В. Бартольда, В. Банга, Ф. Хирта, И. Маркварта, Г. Грум-Гржимайло и других европейских, восточных, русских учёных. П.М. Мелиоранский пишет: «При переводе и толкованій я пользовался разумеется всеми упомянутыми уже выше трудами по орхонскимъ надписямъ, старался «sineiraetstudio» разобраться въ спорныхъ местахъ, возбуждавшихъ подчасъ весьма жаркую полемику. И подвести, такъ сказать итоги» (Мелиоранский, 1899. 58).

Важными в исследовании П.М.Мелиоранского являются (в русле современной семиотики) невербальные символы, отразившие также процесс работы учёного над текстом: многочисленные вопросительные знаки, многоточия, скобки круглые, квадратные и фигурные, смысл которых предварительно объясняется. К числу невербальных символов следует отнести две таблицы, представляющие ценную информацию по сопоставлению енисейской и орхонской рун (стр. 14), а также информацию по хронико-временным вопросам текста (стр. 140).

В сомнительных для себя случаях П.М. Мелиоранский предпочитает поставить знак вопроса, чем давать недостоверную информацию, что, безусловно, является этической характеристикой учёного.

Как видно из фрагментов «Памятника...» в отличие от совместного перевода с В.В. Радловым текст памятника разделён на рунические строфы, что, с одной стороны, облегчает восприятие текста, а с другой – находит последователей во всех других переводах.

Облегчает восприятие перевода и отказ П.М. Мелиоранского от одновременного представления текстов Кюль-тегина и Бильге-кагана, как это было в совместном переводе с Радловым. Тюрколог отмечает, что в Бильге-кагане с «небольшими отступлениями рассказывается то-же самое, что и въ надписяхъ Кюль-тегина, или текстъ испорченъ къ сожаленію настолько, что кроме отдельныхъ словъ и обрывковъ предложеній ничего разобрать нельзя. Это обстоятельство и побудило меня въ настоящей работе ограничиться транскрипціею и переводомъ съ примечаніями одного памятника Кюль-тегина, пользуясь памятникомъ Бильге-кагана только для некоторыхъ дополненій и разъясненій» (Мелиоранский, 1899. 48).

Концептуальные, культурологические, семантические аспекты «Памятника...». Исследование П.М. Мелиоранского является ценным не только как пример лингвистических знаний (перевод, толкование), но и как источник концептуально-исторических, культурных знаний. В «Памятнике...» П.М. Мелиоранский даёт богатый историографический материал по открытию памятников, их исследований и переводов, а также сведения по истории раннего, позднего тюркского каганата (введение), мировоззрению и верований тюрков, убедительная аргументация хронико-временных проблем (дат смерти, возведений храмов), обширный материал этнографического и географического характера (перевод и комментарий).

П.М. Мелиоранский был одним из немногих людей своего времени, признававших наличие тюркской цивилизации и государственности:

«Когда (ихъ) стало семсотъ, то онъ привелъ въ порядокъ народъ, утратившій свой «эль» (т.е. свое независимое государственное устройство)... (выделено – Ш.Н.)» (КТб. 13).

Или: *«Между темъ какъ Небо вверху не давило (тебя), и земля внизу не разверзлась (подъ тобою) (т.е. между темъ какъ ни откуда не угрожала опасность), о турецкий народъ, кто погубилъ твоё государство? (букв.:*

твой племенной союз и [законную] власть) (выделено – Ш.Н.)» (КТб. 22). Выражение «племенной союз» П.М. Мелиоранский лишь повторяет вслед за В.В. Радловым, вовсе не отрицая наличие тюркской государственности. Это подтверждается в комментариях через анализ языковых лексем «эль», «төр». П.М. Мелиоранский пишет, «эль» есть первоначально группа племён (обыкновенно однородных или близких друг к другу этнографически), которые пользуются самостоятельностью и составляют одно политическое целое – «кочевое государство», или, как предложил переводить В.В. Радлов, «союз племён», «племенной союз».

Учёный пишет, что вся полемика по этому поводу излишня, ибо «изъ многихъ мѣсть надписей видно, «эль» называлось и «государственное устройство» и «самостоятельная государственная жизнь» (Мелиоранский, 1899. 82). В семантике «төр», «төрү» релевантными считает значение «обычного права», «власти»: «Въ примененіи къ хану «төрү» значить а) решение, постановляемое ханомъ при различныхъ тяжбахъ и столкновеніяхъ, б) просто «ханская правительственная власть», ... «эль төрү» власть хана в государстве» (Мелиоранский, 1899, с.83).

Так, тюрколог обосновывает тезис о принадлежности верховной власти в тюркском государстве хану, и более того, именно через анализ языковых единиц выявляет все аспекты деятельности хана (кагана) в государстве:

- «Эль», «төрү» нуждаются въ постоянной поддержкѣ и заботѣ о нихъ со стороны хана; эти понятія выражаются в надписяхъ глаголами *держать, делать*, т.е. *устраивать, упорядочивать*.

- На ханѣ лежитъ также обязанность расширять свое могущество и поднимать благосостояніе своихъ дружинъ и своего народа; последнее называется «*гид, поднимать, возвышать*».

- Съ завоевательной целью ханъ предпринимаетъ походы, грабитъ или даже подчиняетъ своей власти, эта деятельность его называется «*казқан, добывать, пріобретать*».

- Наконецъ въ случае попытки какого нибудь племени отложиться, в случае появленія изменника и т.п. ханъ является съ войскомъ, наказываетъ виновныхъ и восстанавливаетъ порядокъ – это выражается глаголомъ «*жарат, привести въ порядокъ, уладить*» (Мелиоранский, 1899, с. 83).

П.М. Мелиоранский определил структуру государственного устройства тюрков, эта мысль нашла отражение в новейшем Атласе орхонских памятников (центра государства – Орда, правое крыло – тардуш, левое крыло – толес (Жолдасбеков и др., 2006, с.8).

П.М. Мелиоранский пишет «толесъ и тардушъ были конечно два такъ называемыхъ «отделенія» племени огузов. Изъ разныхъ мѣсть надписей видно, что оба эти племени играли первенствующую роль въ «эле ту-гю»; стоявшія во главѣ ихъ лица были высшими сановниками после хана; они носили титулы «ябгу» и «шада» (выделено – Ш.Н.), причёмъ «ябгу» считался также шадомъ, какъ видно изъ неоднократнаго упоминанія о двухъ шадяхъ»

(Мелиоранский, 1899, с. 109). Отсюда не вызывает никакой сложности - *тардуш и толес* определить как две составные части тюркского государства, что собственно и сделали авторы Атласа Орхонских памятников.

В «Памятнике...» автор отмечает границы тюркского государства – на западе Темир-капыг «горный проход Бузгала по дороге изъ Балха въ Самаркандъ» (П.М. Мелиоранский ссылается на В.В. Бартольда), на востоке Кадырканская чернь: «Кадыркан јыш есть вероятно теперешній Хинганскій хребеть, составлявшій границу ту-гуйскаго государства на востоке; относительно Темир-Капыга (см. выше прим. 6). Таким образом, по надписямъ выходить, что предокъ (историческій или легендарный) Бильге-кагана владель всей Согдіаной» (Мелиоранский, 1899, с. 98).

Таким образом, в полемике о племенных союзах и государства П.М. Мелиоранский один из первых высказывается о наличии государственных структур в тюркском каганате. Разумеется, такое государство не соответствовало государству земледельческого типа, распространенного на Западе. По мнению П.М. Мелиоранского, государство тюрков было кочевым - государство с определённой структурой, установлениями, верховной властью в лице власти кагана.

В комментариях П.М. Мелиоранский раскрывает и верование тюрков, обосновывая в переводе употребление слов мировоззренческого характера Неба, Земля-Вода, называет Тенгри – верховным божеством тюрков: «Т'эңри», «јер», «суб» – турецкія шаманистскія божества; подъ ними надо понимать или прямое олицетворенія неба, земли и воды. Или особыхъ духовъ, обитающихъ по верованію въ различныхъ «священныхъ» местахъ их родины. «Т'эңри» (небо) есть въ то-же время и высочайшее божество» (Мелиоранский, 1899, с. 105).

Большое внимание уделяется толкованию географических названий и этнонимов. Среди топонимов такие часто повторяющиеся географические названия, как Отыюкенская чернь (Утекенская чернь), Алтунская чернь, Кадырканская чернь, Темир-капыг, Шандунская равнина, Жемчужная река (Йенчу) и т.п. со ссылкой на китайские, арабские источники и другие исторические материалы подвергаются пояснению и толкованию. Внимание обращается на правильный перевод слов, обозначающих пространство. Тюрколог отмечает, что в текстах часто встречается слово «баш», который может обозначать *вершину (горы)* или *исток реки* (интерпретация В. Банга). П.М. Мелиоранский полагает, что вершина горы едва ли могла быть избрана для битвы двумя конными войсками, не говоря о том, что гора горе - рознь, поэтому нет никакой надобности переводить «башда» «на вершине» и вполне возможен перевод «при вершине», «у вершины»: *при Тамаге, при вершине (горы) Чушь и т.п.*

Тем самым ещё раз подтверждается - неправильная лингвистическая интерпретация приводит к искажению реалии действительности. К

сожалению, указанная ошибка тюрколога до сих пор имеет место в переводах: «*Мы сразились на священной вершине Тамаг*».

Также в комментариях представляется информация и выдвигаются гипотезы по интерпретации этнонимов (*азы, отуз-татары, уч-куруканы, татабы, кенгересы, толес, тардуш*). Учёный пишет, что *табгачами* в надписях называются *китайцы, кытан – киданы, тупут – тибетцы*.

П.М. Мелиоранский не скрывает своих сомнений по поводу возникших неясностей. Так, например, «пар-пурум» (КТб.4) вызывает у П.М. Мелиоранского вопрос: «Пар-пурум» (или, как хочет В.Томсень, «Апар-апурум») какой-то народ, который не удалось вполне отождествить с каким-нибудь известным из других источников. Всего вероятнее, на мой взгляд, предположение В. Бартольда, что это уйгурское племя Fu-fu-lo, жившее до половины VI века недалеко от Алтунйыша, родины ту-гю (Мелиоранский, 1899, с. 99-100).

Следует отметить, что в переводе С.Е. Малова этот этноним переводится как «авары и Рим» (Малов, 1951, с.36).

Талант и способности П.М. Мелиоранского как **прецедентной личности** наиболее полно выразились именно в лингвистических знаниях, что осознавал и сам учёный: «Будучи преимущественно лингвистом, я и все эти спорные места разбираю главным образом с лингвистической точки зрения» (Мелиоранский, 1899, с. 58-59).

В лингвоанализе текста определяется и языковые, и когнитивные возможности языковой личности П.М. Мелиоранского, в характеристике которых актуально проявление *языкового сознания* учёного. Известно, что понимание мышления через язык (слово), ведёт к отождествлению сознания (мышления) с языковым сознанием, что постулируется в работах многих современных психолингвистов. Поэтому, рассматривая языковое сознание П.М. Мелиоранского, можно проследить ход его рассуждений, процесс мышления и интеллектуальной деятельности. По утверждению лингвистов (А.А. Потебня, Е.Ф. Тарасов, В.В. Красных), «языковое сознание не может быть объектом анализа в момент протекания процессов, его реализующих. Оно может быть исследовано только как продукт прошедшей, бывшей деятельности...» (Красных, 2003, с. 15).

В русле сказанного языковое сознание П.М. Мелиоранского, безусловно, представляет опыт прошедшей деятельности, и этот опыт раскрывается через значения языковых единиц. Иначе говоря, утверждается, что значение (вербальное) является единицей сознания (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.А. Леонтьев), не случайно А.Н. Леонтьев пишет «иметь сознание – владеть языком, владеть языком – владеть - значениями» (Леонтьев, 2004, с.16).

Значения языковых форм и единиц, которые анализирует П.М. Мелиоранский, раскрывают его языковое сознание, а на глубинном уровне (в аспекте структуризации языкового сознания А. Вежбицкой) ведёт к

пониманию его образа мира, восприятия мира, которые запечатлены были в его сознании, мышлении.

В комментариях П.М. Мелиоранский анализирует значения тех или иных форм, которые вызывали полемику и трудность перевода, при этом слово форма трактуется в широком понимании, в контексте науки того времени, т.е. речь идёт о форме класса слов или форме аффиксов. К таким формам относятся: *форма деепричастия на -сар, значение аффикса «лық», «lig», форма причастия «арінч», значение приставок -сыра, -сіра, форма «конур», форма «јалма» (јалмас) и т.п.* Приведём некоторые примеры вербализации языкового сознания учёного.

В полемике между В.В. Радловым и В. Томсеном по поводу форм *-сыра, -сіра* П.М. Мелиоранский, разделяя точку зрения В.В. Радлова в том, что «въ современных диалектахъ аффиксъ *-сыра, -сіра (-зыра,- зіра)* почти никогда не имеютъ привативнаго значения», пишет, что значение аффикса «сыра» вообще повидимому варіировало, напр. по казакъ-киргизски «уіксура» значить «говорить во сне, грезить, иметь поллюцію» и далее «кансыра», иметь потерю крови, «элсіра», обезсилеть (Мелиоранский, 1899. 108). Тем самым, на наш взгляд, учёному удаётся правильно понять семантическое значение аффикса.

Раскрывая значение аффикса «лық», «lig», П.М. Мелиоранский пишет: «Я решительно стою за переводъ этого места, данный В. Томсеномъ. Я думаю почти какъ В.Томсень, уклоняясь отъ него только въ одномъ пункте. *Оба эти окончанія и притомъ только они одни употребляются исключительно для образованія имени прилагательныхъ* (башлык, тізліг). Это совершенно ясно изъ всего оборота, взятаго въ целомъ, и столь обычнаго не только въ турецкомъ, но и въ родственномъ ему монгольскомъ языке» [53, с. 95]. И далее, не останавливаясь подробно на дальнейших аргументах учёного, касающихся данной формы, важно отметить убедительную логику его рассуждений, нашедших отражение в пропозициональных выражениях типа: «я решительно стою», «я думаю», «это совершенно ясно».

Неверное определение значение формы приводит к искажению фактов действительности, или исторических фактов. В качестве примера можно сослаться на формы единственного и множественного числа в выражении «мой предок» или «мои предки» (КТб. 1), по поводу которых П.М. Мелиоранский пишет «толковать-ли «інісі» и «оклы» какъ единств. или какъ множ. число. – дело вкуса. Во всякомъ случае между Бумыномъ (Истеми) было не два хана, а больше, такъ что точной исторической традиція искать нечего» (Мелиоранский, 1899, с. 101).

Следует отметить, что и В.В. Радлов, и П.М. Мелиоранский Бумына и Истеми дают в единственном числе: «...*мой предок Бумынь-каган, (онъ-же?) Истеми каганъ*», тогда как во всех других переводах, начиная с С.Е. Малова (И.Стеблева, А. Аманжолов, М.Жолдасбеков и др.), даётся форма

множественного числа, т.е. предполагается Бумын и Истеми два разных кагана.

Анализ формы «*јалма*» («*јалмас*») раскрывает процесс манифестации языкового сознания, определяемый речевым поведением тюрколога. В. Банг форму «*јалма*» рассматривает в параллели с «*јакма, dzalma, tsalma, salma*», т.е. как вариант «*јалма*». П.М. Мелиоранский вступает в полемику с В. Бангом, которая со стороны Мелиоранского имеет порой острый, беспощадный характер, о чем свидетельствует его коннотативно насыщенная речь: *мы плохо понимаем, как собственно В.Бангъ представляет себе взаимныя отношенія всехъ приводимыхъ имъ параллелей; В. Бангъ думалъ, будто орхонскому «јалқасын» соответствует якутское «салкасын»; допустим, что это такъ; в «алтайской» фонетике В. Банга начальныя «j, tz, ts, s» заменяютъ другъ друга безъ всякаго, съ позволенія сказать, толка по первому востребованію В. Банга на всемъ протяженіи алтайскихъ языковъ. И, наконец, саркастическое заключающее выражение «А такъ какъ вместо начальнаго «а» В. Бангъ смело ставитъ «ја» (алкасын = јалкасын), то трудно представить, какъ далеко онъ можетъ пойти со своимъ «методомъ и какъ «плодотворны» будутъ результаты его изысканій! Какія удивительныя превращенія можетъ испытать глаголь «ал, братъ» (јал, дзал, сал, чал и т.д.). Однако довольно! ...»* П.М. Мелиоранский считает, что В. Банг, недопустимо объединяет в одном слове разные корни, что в форме «*јалма*» речь должна идти о конечном аффиксе -s, выражающем грамматическое значение предположения – «я признаю более вероятнымъ читать («*јалмас*»)» (Мелиоранский, 1899, с. 121-122).

Мы полагаем, что доводы П.М. Мелиоранского по поводу форм (*јалма - алма - алмас*) весьма убедительны. Аргументы тюрколога даются в контексте вышеуказанной его критики В.Банга, в качестве доказательств своих суждений П.М. Мелиоранский ссылается на диахронические материалы по монгольскому и тюркским языкам, словари, В.В. Радлова, арабские источники и в понимании значения формы, на наш взгляд, сказалось знание казахского языка – так выстраивается железная логика его размышлений, поражает степень его ответственности, степень приверженности к истинности знаний, скупулёзность его научных выводов.

Языковое сознание П.М. Мелиоранского ярко демонстрируется в смысловом обозначении слов, фраз, выражений переводов текста. В известном стереотипе «крепкие сыновья, чистые дочери», В.В. Радлов «крепкий» переводит как *starke*, но считает его производным от слов *бек, князь*, что, по мнению П.М. Мелиоранского, «невозможно: производство от «бек» влечёт за собой переводъ «знатный», но «знатность» сыновей несколько странно было бы противопоставлять «чистоте дочерей». Поэтому, пишет учёный, «я въ частной беседе и предложилъ В.В. Радлову переводъ «крепкій», «сильный»... (Мелиоранский, 1899, с. 108).

В комментариях большое внимание уделяется семантическому анализу лексем. Вот некоторые из них.

1. В орхонских текстах слово «аз» имеет два значения: значение этноним («аз», «азы» существование их отрицал В. Томсен) и значение «немногочисленный». Однако П.М. Мелиоранский считает, что второе значение нельзя понимать буквально «аз» здесь значит не более как разгромленный, разбежавшийся и временно пришедший в упадок народ, вследствие чего он и стал временно «немногочисленным». «Надписи, - пишет лингвист, - несомненно употребляют «аз» в таком понимании, потому что иначе непонятно как это хан может «сделать немногочисленных многочисленными» о чём они неоднократно говорят» (Мелиоранский, 1899, с. 112).

2. В ментальном поле прецедентной личности важное место занимают интуитивные знания. Так, например, П.М. Мелиоранский пишет, что точное значение слов «теблиг», «корилік», «армарчы» выяснено не вполне. Тем не менее, на наш взгляд, он верно находит семемы в этих словах: «Я сближаю «теблиг» с «теп», *лягать, толкать*, и перевожу «подстрекательство» (собст. подталкивающий, подстрекающий); «кориліг» через «шпионство», от «кор» - смотреть; «армакчы» - прельщение; ...В.В. Радлов сближает с «арбагчи», *заклинатель, колдун*» (Мелиоранский, 1899, с. 102).

Действительно, в казахском языке *теп-тебу* имеет значение *толкать, подталкивать*; *көру*, означает *видеть, смотреть*, а, следовательно, и *подсматривать, подглядывать*. Тем самым П.М. Мелиоранский смог установить семантические связи слов для адекватной передачи содержания текста, хотя при переводе этих лексем, он был в затруднении, о чём свидетельствуют невербальные символы круглые скобки с вопросительными знаками: «*вследствие подстрекательства (??) и шпионства (??) китайского народа и вследствие его прельщений (?) ...*» (КТБ. 6).

3. Убедительным является перевод выражения «уда бас», которое В.В. Радлов переводит как «напасть врасплох», В. Томсен - как «победить, обыграть», П.М. Мелиоранский пишет «ввиду того, что орхонское □□□ перешло в османском в «ашит», такое сближение не невозможно, но мне кажется более естественным видеть глаголь «следовать, преследовать»; «уда басдымыз» буквально означает «победили, так что (потом) преследовали» т.е. «разбили и погнали» » (Мелиоранский, 1899, с. 123). Следует отметить, что эти смысловые значения были использованы авторами новейшего Атласа орхонских памятников.

Таким образом, семантический анализ форм и слов, широко представленный в комментариях «Памятника...» раскрывает языковое сознание прецедентной личности, процесс формирования суждений, умозаключений учёного, экспликаций когнитивных возможностей талантливого тюрколога-лингвиста. Используя достаточно обширный материал по орхонским исследованиям исторического, этнографического,

культурного, лингвистического характера; сопоставляя работы известных тюркологов В.В. Радлова, В. Томсена, В. Банга, полемизируя с ними, П.М. Мелиоранский создаёт свою уникальную версию перевода, предельно приближённую к воссозданию древнетюркского мира. Эта приближённость минимизирует количество понятий, отражающих русские реалии. Неизбежные при переводе замена специфических этнических фактов, соответствующих реалиям русской действительности, сведена к минимуму. К ним относятся:

- слова, обозначающие социальный статус и функции *добрые витязи, лейб-мастер, челядинцы, вассальные народы, княжна, ту-гю, турецкий (тюркский)* и т.п.

- стилистически маркированные выражения типа *от любезного сына моего кагана тургешского, чтобы научиться из этой моей речи (правильному взгляду на дело), мои приверженные челядинцы (или: соплеменники), обладающий тем пресловутым образованием* и т.п.

Как уже было отмечено, П.М. Мелиоранский «не боится» сомневаться, в тексте много лакун, вопросительных знаков, заскобочных пояснений и размышлений, отражающих моменты сомнений, раздумий. Как прецедентная личность честен, обладает высокой внутренней культурой.

На наш взгляд, именно перевод и толкование П.М. Мелиоранского, является концептуальной, лингвистической базой для всех последующих переводов и в первую очередь для перевода С.Е. Малова.

Анализируя два перевода, мы отметили, что С.Е. Малов является прямым последователем П.М. Мелиоранского, отличие перевода С.Е. Малова имеет незначительный характер. Это различия состоят в следующем:

Использование отдельных лексем, выделенных нами разрядкой:

1. *Мелиоранский*: «По милости Неба и потому что я, каганъ, былъ, я сель (на царство) каганомъ» (КТм. 9).

Малов: «По милости неба и потому что у меня самого было с ч а с т ь е, я сел (на царство) каганом » (КТм. 9).

Мелиоранский: « ...китайскому народу стали они (турки) рабами со (?) своими крепкими сыновьями и со (?) своими чистыми дочерьми» (КТб. 7).

Малов: «народу т а б г а ч стали они (тюрки) рабами своим крепким п о т о м с т в о м и рабынями своим чистым женским потомством» (КТб. 7) и т.д.

2. Использование отдельных выражений:

Мелиоранский: «...мы разбили и обратили в бегство кыргызскій народъ...» (КТб. 35).

Малов: «... мы разбили киргизский народ, когда он спал...» (КТб. 35).

Мелиоранский: «Въ его вооруженіе и - ? боле чемъ ста стрелами попали - ? за ихъ (его?) головы (?)» (КТб. 33).

Малов: «В его вооружение и в его плащ более чем ста стрелами попали, но в начальника его авнгарда даже и одна (стрела) не попала» (КТб. 33) и т.д.

3. Различные грамматико-синтаксические формы:

Мелиоранский: «...(мне) прислали «внутренних» (т.е. лейб-мастеровъ китайского императора)» (КТм. 12).

Малов: «Табгач прислал мне «внутренних» мастеров своего императора» (КТм. 12). У П.М. Мелиоранского предложение бессубъектное, напротив, у С.Е. Малова – субъектное, при этом субъект «табгач» имеет обобщённое значение.

Мелиоранский: « После него сталъ каганомъ его младшій братъ (или: его младшіе братья), (а потомъ) его сынъ (или: его сыновья). После того, такъ какъ младшій братъ (или: младшіе братья?) не былъ подобенъ старшему, а сынъ (или: его сыновья?) не былъ подобенъ отцу... » (КТб. 5).

Малов: «После них стали каганами младшие их братья, а потом и их сыновья стали каганами» (КТб. 5).

Совершенно очевидно, что у П.М. Мелиоранского в субстантивах преобладает форма единственного числа или возникли сомнения по поводу неясных смыслов, тогда как С.Е. Малов в этих же формах без сомнения использует форму множественного числа.

Тем не менее, в переводах С.Е. Малова обнаруживаются значительно количество совпадений с переводом П.М. Мелиоранского, о чем свидетельствует сопоставление выражений, целых строф в тексте памятника Кюль-тегин. В качестве иллюстрации приведём некоторые из них.

1. *Мелиоранский:* «...я прошёлъ съ войскомъ вплоть до Темиръ-Капыга, налево (т.е. на северъ) я прошёлъ съ войскомъ вплоть до страны Йерь-Байырку...» (КТм. 3-4).

Малов: «...я прошёл с войском вплоть до Темир-капыга (Железных ворот), налево (т.е. на север) я прошёл с войском вплоть до страны Йир-Байырку... » (КТм. 3-4).

2. *Мелиоранский:* «...ты, не принимая речи (т.е. не слушаясь совета) поднявшаго (тебя) твоего кагана, (сталъ) бродить по всемъ странамъ и тамъ совершенно изнемогъ и изнурился (т.е. большая часть твоя погибла) ...» (КТм. 9).

Малов: «...ты, не принимая (т.е. не слушаясь) поднявшего (тебя) ни твоего хана, ни его слова, (стал) бродить по всем странам и там совершенно изнемог и изнурился (т.е. большая часть твоя погибла) ... » (КТм. 9).

3. *Мелиоранский:* «...и назначилъ тогда-же ябгу и шада. Справа (т.е. на юге) китайскій народъ былъ ему врагомъ, слева (т.е. на севере) народъ токузь-огузовъ (под начальством) Базъ-кагана былъ ему врагомъ, кыркызы, курыканы, отузь-татары, кытай и татабийцы все были (ему) врагами; мой отецъ-каган столько ...» (КТб. 14).

Малов: «...и назначил тогда ябгу и шада. Справа (т.е. на юге) народ табгач был (ему) врагом, слева (т.е. на севере) народ тогуз-огузов (под начальством) Баз-кагана был (ему) врагом, кыргызы, курыканы, «тридцать

татар», кытай и татабы все были (ему) врагами; мой отец-каган столько ...» (КТб. 14).

Таким образом, можно пронаблюдать много общего в двух обозначенных переводах.

Резюмируя изложенное, следует сказать, что и сегодня актуальны слова его ученика А.Н. Самойловича: «П.М. Мелиоранский, благодаря своимъ недюженнымъ дарованиямъ, большому трудолюбію и безграничному интересу къ своему предмету, поразительно быстро сталъ на мало кемъ изъ туркологовъ достигнутую высоту современныхъ лингвистическихъ методовъ и взглядовъ» (Самойлович, 1906, с. 4).

Уникальная прецедентная личность П.М. Мелиоранского является эталонным символом тюрколога-лингвиста, о чём свидетельствует знание многочисленных языков как европейских, так и восточных, в т.ч. арабского, казахского, древнетюркского; глубокие теоретические познания, не только в области лингвистической, но и области исторической, культурологической; экспликация ментально-лингвальных возможностей и высоких этических норм поведения; как сверхличностный феномен П.М. Мелиоранский смог понять другую ментальность, другой мир, другую культуру. Талант, способности, интеллектуальный потенциал учёного в равной степени проявляются в переводе, в концептуальном и лингвистическом толкований древнетюркских текстов.

3.4 Языковое сознание и академизм С.Е. Малова

Сергей Ефимович Малов завершает плеяду русских тюркологов, изучавших, интерпретировавших и создавших уникальные переводные тексты древнетюркских Орхонских памятников. Его научное творчество, с одной стороны, наследует, обобщает всё лучшее, что было в трудах В. Томсена, В.В. Радлова, П.М. Мелиоранского, с другой стороны, является точкой отсчёта, «моментом истины» для многих последующих исследователей древнетюркской руники.

«Каждый настоящий учёный привносит в свою специальность нечто ценное, нечто свое, что движет его науку всё дальше и дальше», - писал С.Е. Малов в память о известном русском лингвисте В.А. Богородицком (Малов, 1942, с.50). Таким настоящим ученым следует назвать самого С.Е. Малова.

Если же говорить о личности С.Е. Малова, в терминах прецедентной личности, то для него характерны «врождённые, генетически заданные способности и таланты», «надэтнический характер деятельности», «связь с бесконечным Универсумом», «самодостаточность языковой интуиции и языковой личности» и т.п.

Источниками прецедентности С.Е. Малова являются факты из его жизнедеятельности, приведённые и описанные в работах Е.И. Убрятовой, С.М. Абрамзона, И.В. Кормушина, Д.М. Насилова, Э. Р. Тенишева и других.

Считается, что научные интересы С.Е. Малова формировались под непосредственным воздействием В.В. Радлова, примыкавшего по своим взглядам к Казанскому кружку И.А. Бодуэна де Куртенэ. Кроме того на формирование научных идей и интересов С.Е. Малова большое влияние также оказала семья, воспитание, общественная среда, в которой вырос будущий учёный.

Известно, С.Е. Малов родился в семье профессора Казанской духовной академии Евфимия Александровича Малова, обладавшего почётным званием протоиерея. Как и Платона Михайловича Мелиоранского, именно отец, приобщает С.Е. Малова к тюркологическим занятиям, к изучению тюркских языков. С пятого класса духовной семинарии он начинает изучать татарский язык. Будучи совсем юным, совершает этнографические поездки по Казанской губернии, а в последние годы обучения в Духовной академии в «приватном порядке посещает лекции профессора Н.Ф. Катанова. Вместе с отцом С.Е. Малов регулярно бывает на заседании Общества археологии, истории, этнографии при Казанском университете» (Абрамзон, 1975, с.5). Это даёт основание утверждать, что природные задатки были вовремя замечены и получили должное развитие ещё с поры ранней юности.

В дальнейшем С.Е. Малов повторяет путь и судьбу П.М. Мелиоранского и других известных тюркологов: обучение на восточном факультете Санкт-Петербургского университета, посещение лекции П.М.

Мелиоранского, В.В. Бартольда, В.Д. Смирнова, консультации В.В. Радлова, экспедиции, археологические находки, их толкование и оценка и т.п.

С.Е. Малов считается учеником и последователем В.В. Радлова Д.М. Насилов пишет: «В Петербурге в годы учения в университете произошла главная встреча, определившая всю дальнейшую судьбу и жизнь С.Е.Малова,- встреча с академиком В.В. Радловым. Действительно, под влиянием и при непосредственном участии этого учёного формировался интерес С.Е. Малова к языку древнейших тюркских памятников, а также к малоизученным в то время тюркским языкам Восточного Туркестана и Центральной Азии. Начав заниматься под руководством В.В. Радлова ещё в студенческие годы, Сергей Ефимович и после окончания университета много работал вместе со своим учителем, постоянно имел поддержку в своей научной работе» (Кормушин, Насилов, 1975, с. 6).

Научная и духовная связь С.Е. Малова с В.В. Радловым подтверждается целым рядом фактов:

- После окончания университета 1909 году В.В. Радлов хлопочет за С.Е. Малова и привлекает его к работе в тюркском отделе Музея антропологии и этнографии.

- Дважды с 1909 по 1911 и с 1913 по 1915 годы по предложению В.В. Радлова и при поддержке Русского комитета С.Е. Малов находится в экспедиции в Центральном и Северо-Западном Китае для изучения языка и быта тюркских племён.

- Именно эти поездки определили увлечённость С.Е. Малова диалектными и малоисследованными тюркскими языками, знание которых впоследствии сыграло большую роль в толковании и в переводе древнетюркских текстов.

- Поддерживает учёного и постоянная переписка с В.В. Радловым на протяжении всей жизни и во время экспедиций (Е.И. Убрятова, И.В. Кормушин и др.). Письма С.Е. Малова примечательны тем, что в них подробно описывалась повседневная работа в полевых условиях (маршруты, распорядок рабочего дня, условия жизни, контакты с местными жителями); давалась информация о находках (рукописи селения Вуншигу, уйгурские рукописи из Турфана, коллекция надписей на языке брахми и т.п.), высказывались суждения. Например, 24 ноября 1910 г. С.Е.Малов пишет В.В. Радлову из Лянхуасы, что он «читает рукописи и много понимает, но лексика современного уйгурского языка для них мало даёт, а вот фонетика этого языка немного поможет в деле транскрипции древнеуйгурских (и орхонских) памятников письменности» (цитируется по Кормушину, 297, с. 7).

Развитию таланта С.Е. Малова способствовала также совместная деятельность по изучению и изданию древнеуйгурского памятника VIII- XIII вв. «Золотого блеска», а также многолетняя совместная работа над изданием памятников письменности. Итогом этой работы стало издание С.Е. Маловым «Образцов древнетурецкой письменности» (в 1926 г.), явившихся

прообразом знаменитого «Памятника древнетюркской письменности» (1951г.).

Этнографические исследования ученого. Как и В.В.Радлов, С.Е. Малов «вживается» в мир и быт исследуемых тюркских народов: казанских татар, камско-волжских болгар и других народов Поволжья, а также тюркских народов Восточного Туркестана. Этнографические исследования С.Е. Малова имеют универсальный, характер, поэтому в прецедентную модель личности учёного смело можно включать признаки надетничности, гуманизма. По мнению С.М. Абрамзона, этнографические исследования С.Е. Малова следует характеризовать как этнографический первосточник: «Публикации и исследования С.Е. Малова, отличающиеся высоким профессиональным уровнем, содержат новые для своего времени этнографические материалы, которые не утратили своего большого значения и для современной науки. В них освещаются малоизученные стороны жизни некоторых тюркоязычных народов, они расширяют географические рамки этнографических реалий» (Малов, 1918, с. 13).

В своих этнографических исследованиях С.Е. Малов, с одной стороны, большое внимание уделяет изучению духовного мира тюрков, их верования, с другой стороны, тщательно изучает предметы материальной культуры, о чём свидетельствуют собранные им многочисленные коллекции по жизни и быту желтых уйгур, саларов, тангутов, китайцев и т.п. Как отмечал сам С.Е. Малов, в состав коллекций желтых уйгур входят: женская одежда и украшения (*кын*); комплект мужской одежды, в том числе войлочная шляпа (*порук*), предметы для опиекурения и для курения табака; утварь, в частности сосуды, сделанные из брюшины и из кожи с шеи овцы для хранения молока и масла; предметы культа – кожаный мешочек для хранения толочка, употребляемый ламами, молитвенный барабанчик и т.д. Коллекция, посвящённая саларам, включает в себя комплект женской одежды, детские башмаки. Тангутская коллекция состоит из покрывала (*домра*), закрывающего верхнюю часть лица тангутского ламы, и флейты (с кнутом) из окрашенной человеческой берцовой кости. Из китайской коллекции следует отметить набор принадлежности для опиекурения, медные зеркала, старинную железную кольчугу, круглый хлебец (из г. Сучжоу), который печётся и которому поклоняются во время празднования полнолуния, резной деревянный алтарик – таблица с иероглифом, обозначающим имя Цзы-вэй. Всего Малов-этнограф собрал свыше 150 экспонатов, хранящихся в настоящее время в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого в Петербурге (Тенишев, 1975, с. 16).

По мнению этнографов, важным в этнографических исследованиях С.Е. Малова является его стремление понять духовные истоки тюркских народов, что, безусловно, впоследствии отразилось в интерпретации духовности древних тюрков раннего средневековья. «Если попытаться определить профиль этнографических интересов С.Е. Малова, - пишет С.М. Абрамзон, -

то их можно охарактеризовать как изыскания в области духовной культуры тюркоязычных народов, причём особое внимание уделено народным верованиям» (Абрамзон, 1975, с.23). Возможно, поэтому в предметах материальной культуры, собранных тюркологами, особой подборке подлежали культовые предметы религиозных обрядов. В своих исследованиях С.Е. Малов доказывает, что для многих тюркских народов, начиная с ранних исторических эпох, верование связано было с шаманизмом, впоследствии сращённого или с исламом, или же буддизмом. Так, по мнению С.Е. Малова, желтые уйгуры издавна исповедуют буддизм, уйгуры Восточного Туркестана – ислам. Это различие в официальной религиозной принадлежности названных групп уйгуров привело к существенным модификациям остатков шаманизма у тех и у других. Считается, что народы Восточного Туркестана узбеков, казахов, киргизов, таджиков и уйгуров объединяет древние пласты шаманизма, тесная связь шаманских представлений с культом природы: «...у желтых уйгур моление происходит перед веткой джиды, украшенной лентами разных цветов. Древко с ленточкой (јахка) не что иное, как «мировое дерево», или «шаманское дерево», символизирующее связь шамана с «верхним миром» (Тенишев, 1975, с. 17).

Верховным, высшим божеством желтые уйгуры считали *кан теңір*, т.е. небесное божество, унаследовав тем самым древнетюркское культ неба. Исследование религиозных верований тюркоязычных народов способствует пониманию духовных ценностей древнетюркского мира. Поэтому в древнетюркских памятниках С.Е. Малов, вслед за своими предшественниками-учителями, в качестве верховных божеств, верхнего мира обозначает Небо, Умай, которым противопоставляется нижний мир Земли-Воды и человека: «*Когда было сотворено (или возникло) вверху голубое небо (и) внизу темная (букв.: бурая) земля, между (ними) обоими были сотворены (или: возникли) сыны человеческие*» (КТб. 1).

Признак прецедентной личности – максимальная реализация способностей и задатков, заложенных в человеке, проявляется в задатках С.Е. Малов-диалектолога, в исследовании малоизвестных тюркских наречий и диалектов таких, как комульский говор, хотанское наречие, лобнорский диалект. Э.Р. Тенишев пишет, что С.Е. Малову удалось сделать записи турфанского, кучарского, аксуйского, кашгарского говоров. Книга по хамийскому (комульскому) говору с текстами и словарём, вышедшая в 1954 г., показала, что малоизвестный уйгуроведам хамийский говор, вопреки утверждению Г.Е. Грум-Гржимало, вполне понятен носителям других центральных говоров и находится на уровне не более чем говора (Малов, 1956, с. 30).

Языковая интуиция, методика анализа, тщательный подбор аргументов, стиль размышления, характеризующий языковое сознание учёного ярко проявились в анализе лобнорского языка. Работы, посвящённые ему, были

опубликованы в 1956 году. В исследованиях лобнорского языка обнаруживается вербально-когнитивный компонент языковой личности учёного. С.Е. Малов, действительно, был в числе первых, кто описал и исследовал этот диалект. В «Предисловии» издания отмечается, что первые сведения об лобнорцах даны были Н.М. Пржевальским. С.Е. Малов пишет: «До меня на Лобноре из тюркологов никто не был, и записей по языку лобнорцев тоже никаких не было» (Малов, 1956, с. 3).

И далее излагается *мотив* исследования: «*Меня давно интересовал этот язык. Какова его история?*» В риторическом вопросе эксплицируются волновавшие учёного мысли. Описывая современное состояние языка учёный предвидит и перспективы его развития: «Половина его носителей (северная половина) теперь говорит на уйгурском языке, северные лобнорцы обуйгурились. В Китайском Туркестане лобнорский язык теперь скорее язык, а не наречие. *Но в дальнейшем, по моему мнению, он вероятнее всего будет больше всего сближаться с общеуйгурским языком и вполне сделается его наречием*» (курсив – Ш.Н.) (Малов, 1956, с. 4).

С.Е. Малов выдвигает гипотезу, что лобнорский язык «есть древний разговорный язык древних киргизов». Убедительность его аргументам придает сопоставление с другими языками и диалектами, ссылкой на исследования В.В. Радлова и Н.Ф. Катанова, Н.А. Баскакова, уверенностью выдвинутых предпосылок: «В лобнорском языке имеется «*j*» в начале слова, имеется этот звук (диалекты) и в современном киргизском языке. В тех местах, где могли кочевать или жить древние киргизы в древнее время, я могу указать, что этот звук «*j*» имеется теперь у тофаларов (карагасов). Например, в IX томе «Образцов народной литературы тюркских племён В.В. Радлов и у Н.Ф. Катанова мы имеем *язан, язар* (стр.622); *йибас* (стр.623); в ОИУ (кызылский диалект) - *јас – молодой, - јар – земля* (стр.46); в Хакасско-русском словаре Н.А. Баскакова и А.И. Инкижековой-Грекул *йахсы – хорошо, йабал – плохой* (Малов, 1956, с. 5).

Кроме того, учёному удаётся выявить и другие структурные особенности языка: преобладание прогрессивной гармонии гласных над регрессивной, сильные лабиальные гармонии гласных и ассимиляция согласных, совпадение родительного падежа с винительным, функционирование будущего времени на *-ади*, своеобразная лексика. С.Е. Малов не скрывает своих мыслей и чувств: «Меня очень удивляло у лобнорцев, - при их слабой материальной культуре и трудных природных условиях,- наличие богатой лексики (с арабизмами и персизмами)». Тюрколог связывает обусловленность развития языка от объективной реальности: «Природой они ограждены (болотами, реками, песками и проч.) от общей массы мусульман уйгуров. *Откуда же у них эта лексика?*» (курсив – Ш.Н.) (Малов, 1956, с. 6).

Своими риторическими вопросами С.Е. Малов формулирует следующую гипотезу: «Я предполагаю, что лобнорцы вернулись сюда лет

300-400 тому назад. Каков их путь? Некоторые факты языка указывают, что они бродили (?) по всему Китайскому Туркестану, были где-то у Турфана и Хами (ср. форму желательного наклонения)» (Малов, 1956, с. 10).

В «Предисловии» книги последовательно раскрывается картина ментального мира учёного, процесс рассуждений и размышлений, выразившийся в суждениях типа: «Я пришёл к некоторым выводам»; «по моему мнению»; «я думаю»; «учёные частью обратили внимание как раз на то, что нужно и мне»; «и меня очень удивляло» и т.д.

Рассуждения учёного заканчиваются выводным суждением: «Мне, разумеется, помогли для понимания и заключения по истории хотонского, лобнорского и киргизского языков языки: жёлтых уйгур и лобнорцев, публикаций по которым никаких тогда не было. Учёные обратили внимание как раз на то, что нужно и мне» (Малов, 1956, с. 17).

Экскурс в историю диалектных исследований С.Е. Малова необходим для того, чтобы показать, с одной стороны, ментально-психический лексикон прецедентной личности, с другой стороны, раскрыть - способности лингвиста «чувствование» слова. Не случайно Э.Р. Тенишев отмечал, что С.Е. Малов был необычайно чуток к слову как лексеме, точно угадывал различные нюансы ассоциативных и по форме и по смыслу связей (Тенишев, 1975, с. 27).

Поэтому «особым вниманием С.Е. Малова пользовались лексикология и лексикография тюркских языков. Объектом пристального внимания учёного был национальный текст и точная передача его на русский язык; носителем смысла, центральной ячейкой текста признавалось слово. Здесь в какой-то мере сказывалось и влияние той дореволюционной практической тюркологии, одним из активных деятелей которой был отец С.Е. Малова Евфимий Александрович Малов» (Малов, 1956, с. 27).

Возможно, именно подобное отношение С.Е. Малова к слову, к «чужому» тексту способствовали созданию им высоколитературных образцов текста древнетюркских памятников, ставших хрестоматийными и настольными изданиями для многих, кто соприкасается с уникальными памятниками древней культуры.

Роль С.Е. Малова в передаче литературной формы рунических текстов. По общему признанию тюркологов, язык орхонских текстов не относится к народному языку, говору или диалекту, напротив, древнетюркский язык тюркологи называют «наддиалектным», «общим письменным литературным языком древнетюркского общества», «руническим литературным языком» (А.Н. Бернштам, Л. Р. Кызласов, С.Е. Малов, И.В. Кормушин, Э.Р. Тенишев, Л.И. Кызласов).

Например, язык памятника Кюль-тегина А.Н. Бернштам характеризует как «стандартный язык официального повествования» (Бернштам, 1948, с. 37-38). И.В. Кормушин все орхоно-енисейские языки характеризует как «письменную фиксированную форму наддиалектного койне». Он пишет:

«Нормализованность на всех уровнях языковой структуры, наличие стилевой дифференциации и употребление формул и клише в высоком стиле свидетельствует о приобретении о-е.н.я. (орхоно-енисейских надписей язык) статуса литературного языка, отразившегося в наиболее значительных эпитафиях, представляющих собой сочетание историографических повествований с этико-политическими прокламациями» (Кормушин, 1997, с. 90).

Э.Р. Тенишев, определяя тексты древнетюркских орхонских памятников как «тюркское руническое койне» выделяет наиболее его наиболее характерные признаки. Он пишет, что язык орхонских надписей нельзя отнести к обиходным или бытовым, он предстаёт уже в достаточно обработанном виде. Чтение надписей доставляет эстетическое удовольствие. Ткань языка украшена богатым набором различного рода формул, устойчивых сочетаний слов. Впечатляет обширный разряд поэтических речений, включающих постоянный эпитет (например, «желтое золото», «светлое серебро», «вечный племенной союз»), описание внутреннего состояния лица или предмета, характеристику простого народа и высших должностных лиц («тюркский мудрый каган», «неимущий народ»), высказывания типа поговорок, афоризмов, сентенций («время творится небом»). Выделяется слой ораторских формул – в начале речи, обращения («тюркские начальники и народ, слушайте это!»; «существовавший племенной союз»; «царствовавший свой каган»), риторические вопросы. Встречаются правовые и обиходно-бытовые формулы, а также стилистически окрашенная лексика – представления идеологического порядка («Земля – Вода», т.е. Родина; «там я устраивал моления высшим божествам») и ряд глаголов с переносным значением» (Тенишев, 1975, с. 90-91).

Аргументы Э.Тенишева, иллюстративный материал взяты из переводов С.Е. Малова. Несмотря на то, что С.Е. Малов в своем переводе наследует основную сюжетную фабулу текстов, имеющих в них стереотипные клишированные выражения из переводов своих учителей В.В. Радлова, П.М. Мелиоранского, именно в переводах и изданиях Сергея Ефимовича древнетюркские Орхонские тексты следует характеризовать как образцы высокого литературного стиля, нормированного рунического койне. Например, текст Кюль-тегина, так называемая малая надпись, начинается с высоких пафосных слов:

Небоподобный, неборождённый (собств. «на небе» или «из неба возникший») тюркский каган, я нынче сел (на царство). Речь мою полностью выслушайте (вы), идущие за мной мои младшие родичи и молодёжь (вы), союзные мои племена и народы; (вы, стоящие) справа начальники шад и апа, (вы, стоящие) слева начальники: тарханы и приказные, (вы) тридцать...(Таңрі таг таңріді болмыш турк білга қақан бу одка одка олуртым ...) (КТм. 1).

Для сравнения данной строфы обратимся к переводу П.М. Мелиоранского: «(Принявъ титуль:) «Небоподобный, Неборождѣнный (собст. «на Небе» или «изъ Неба возникшій») Турецкій Мудрый Каганъ», я ныне сель (на царство). Речь мою до конца выслушайте (вы), идущіе за мною мои младшіе родичи и огланы, (вы), мои приверженные челядинцы (или: соплеменники?) и мой народъ; (вы, стоящие) справа шадапытъ-беги, (вы, стоящие) слева таркатъ-буюрукъ-беги, (вы) тридцать...» (КТМ. 1).

По основному содержанию переводы идентичны, однако в этих переводах можно установить следующие различия:

- орфографические – предложение П.М. Мелиоранского следует орфографии XIX века, а С.Е. Малов использует современную орфографию и правописание, поэтому тюркский каган не является именем собственным;

- лексические: перевод П.М. Мелиоранского насыщен архаичной лексикой *огланы, (вы), мои приверженные челядинцы*, которые затрудняют восприятие, С.Е. Малов вместо этих архаизмов употребляет общеизвестную лексику *молодёжь, союзные мои племена и народы*;

- семантические - ср.: *Речь мою до конца выслушайте* (П. Мелиоранский) и *Речь мою полностью выслушайте* (С. Малов);

- стилистические *ныне – нынче*.

В обозначении тюркской социальной, титулов тюркской знати П.М. Мелиоранский максимально следует подлиннику *шад-аныт баглар, таркат буюрук баглар*, по смыслу непонятные русскому читателю. С.Е. Малов эти названия приближает к восприятию русского читателя, используя слова *начальники, приказные*, характерные для русской картины мира.

Проиллюстрируем фрагменты текста Кюль-тегин из перевода С.Е. Малова.

- (47)(7) будун адак камаштды, jabлак болт(ач)ы ірті; оза кәлміс сүсін Күл т(гін) ақтып, Тоңра бір оғуш алпағу он әріг, Тоңа тигін жоғынта, әгірп өлүртіміз. Бисінч Азгәнті Қадазда оғуз бірлә сүңүсдіміз, Күл тигін
- (48)(8) Аз жағызын² биніп тәгді, әкі әріг санчды, балык(к)а бармады. Ол сү анта өл(ті). Мағы (*или:* Амғы) Курған (к)ышлап жазыңа оғузғару сү ташыкдымыз. Күл тигін әбіг башлају кытымыз; оғуз жағы ордуғ басды. Күл тигін
- (49)(9) Әгсиз акын² биніп токуз әрін санчды, ордуғ бирмәді, Әгім катун улају Әгләрім, әкәләрім, кәлнүнүм, қунчуларым бунча жәмә тирігі күң болтачы әрті, Әлүгі журтда јолта јату калтачы әртігіз!
- (50)(10) Күл тигін јок әрсәр, коп өлтәчі әртігіз! Инім Күл тигін кәргәк болты, Әзім сакынтым; көрүр көзім көрмәз тәг, бiлр бiлгiм бiлмәз тәг болты, Әзім сакынтым. Әд тәңри јасар, кiсi оғлы коп Әгәлі (*или:* Әлүгі?) тәрүмс.
- (51)(11) Анча сакынтым; көздә јаш кәлсәр, әті да көңүлтә с²ығыт кәлсәр, јантуру сакынтым, катығ д²ы сакынтым: әкі шад улају иңігүнүм оғланым бәгләрім будуным көзі кашы jabлак болтачы тп, сакынтым. Јуғчы с²ығытчы кытан, татабы будун башлају
- (52)(12) Удар сәңүн кәлті; табғач қағантә Ісјі Ликәң кәлті, бір түмән ағы, алтун, күмүш кәргәксіз кәлүрті; Түлүт қағантә бөлөн кәлті. Курыја күн батсыкдакы Соғд, Бәрчәкәр, Букарак улыс² будунтә Нәң сәңүн оғул таркан кәлті.
- (53)(13) Он оқ оғлым түргіс қағантә Макрач тамғачы, Оғуз Билгә тамғачы кәлті; кыркыз қағантә тардуш Ынанчу Чур кәлті; барк ітгүчі, бәдіз јаратығма бітіг таш ітгүчі табғач қаған чыканы Чаң сәңүн кәлті.

Күл тигін кон жылка јіті јәгірмікә учды: токузынч әі јәті отузка жоғ әртүртіміз. Баркын² бәдізін бітіг таш(ын) бичін жылка јитинч әі јіті отузка коп алкады(м)ыз. Күл тигін өл(п) кырк артук(ы) јіті јашың булыт (*чит.:* болты?) таш... бунча бәдізчиг тоғун әлтәбәр кәлү(р)ті.

Перевод

М а л а я н а д п и с ь

- (1) «Небоподобный, неборожденный (*собств.* «на небе» или «из неба возникший») тюркский каган», я нынче сел (на царство). Речь мою полностью выслушайте (вы), идущие за мною мои младшие родичи и молодежь (вы), союзные мои племена и народы; (вы, стоящие) справа начальники шад и апа, (вы, стоящие) слева начальники: тарханы и приказные, (вы) тридцать...

3 С. Е. Малов

- дары», этими словами он так (сильно) научал тебя. И (вот) вы, люди, не обладавшие (истинной) мудростью, послушавшись речи и подойдя вплотную, погибли (там) в большом количестве.
- (8) (Итак), о тюркский народ, когда ты идешь в ту страну, ты становишься на краю гибели; когда же ты, находясь в Отюкэнской стране, (лишь) посылаешь караваны (за подарками, *т. е.* за данью), у тебя совсем нет горя, когда ты остаешься в Отюкэнской черни, ты можешь жить, созидавая свой вечный племенной союз, и ты, тюркский народ, сыт, когда же ты тощ и голоден (но тем не менее) ты не понимаешь (состояния) сытости (*т. е.* истинных причин сытости) и, раз насытившись, ты не понимаешь (состояния) голода. Вследствие того, что ты таков (*т. е.* нерасчетлив, недалководен),
- (9) ты, не принимая (*т. е.* не слушаясь) поднявшего (тебя) ни твоего хана, ни слова его, (стал) бродить по всем странам и там совершенно изнемог и изнурился (*т. е.* большая часть твоя погибла); вы же, оставшиеся тогда (живыми), по всем странам скитались в совершенно жалком положении (*букв.* то живя, то умирая). По милости неба и потому что у меня самого было счастье, я сел (на царство) каганом. Став каганом,
- (10) я вполне поднял (собрал?) погибший, неимуший народ, неимуший народ сделал богатым, немногочисленный народ сделал многочисленным. Разве есть какая-либо неправда (фальшь) в этой моей речи?! О тюркские начальники и народ, слушайте это! Я вырезал здесь (*т. е.* на этом камне), как вы (о начальники и народ), собрав тюркский народ, созидали (свой) племенной союз, как вы, погрешая, делились, я все
- (11) здесь вырезал. Все, что я (имел) сказать, я вырезал на вечном камне (*т. е.* памятнике). Смотри на него, знайте (*т. е.* учитесь) вы, тюркские теперешние начальники и народ! Покорные престолу начальники (*букв.* смотрящие на престол), вы, ведь, склонны впадать в ошибку?! (*т. е.* изменять, не слушаться и т. п.). Я вечный камень... от императора народа табгач привел мастеров и поручил (им) выполнить резьбу. Они не изломали (*т. е.* не исказили) моей речи, (ибо)
- (12) Табгач прислал мне «внутренних» мастеров своего императора. Им я поручил устроить особое (специальное) здание, внутри и снаружи я велел покрыть (стены) особой (специальной) резьбой и воздвигнуть камень; сердечную речь мою... вы до сыновей «десяти стрел» и до припущенников (татов) включительно (все вы) знайте, смотря на него (*т. е.* на памятник). Памятник
- (13) я поставил... если до настоящего времени он есть в месте дорожной остановки, то на (этом) месте дорожной остановки (именно) я и воздвиг (этот памятник), (знайте) сделал (на нем) надпись! Смотри на него,

Язык текста переводов С.Е. Малова близок и понятен современному читателю, тюрколог стремится сохранить стиль нормированного литературного языка:

1. *«После них стали каганми младшие братья, а потом их сыновья стали каганами. После того как младшие братья не были подобны в поступках старшим, а сыновья не были подобны отцам, то сели (на царство) надо думать, неразумные каганы, надо думать, сели (на царство) трусливые каганы, и их приказные были также неразумны, были трусливы»* (КТб. 4-5). В строфе используется словарь, литературно-нормированные слова и выражения: *не были подобны в поступках, неразумные каганы*; синтаксические конструкции: *после них стали, после того как, были также неразумны, были трусливы*; авторская сетенция: *надо думать* (употребляется дважды и нет в других переводах).

2. *«Я сам мудрый Тоньюкук, получил воспитание под влиянием культуры народа табгач. (Так как и весь) тюркский народ был в подчинении у государства Табгач.*

Тюркский народ, не будучи со своим ханом, отделился от государства Табгач, сделался народом, имеющим своего хана; оставив своего хана, снова подчинился государству Табгач. Небо, пожалуй, так сказало: я даю тебе хана...» (Тон. 1-2).

Словарь: *под влиянием культуры, был в подчинении, получил воспитание, пожалуй* – высокая литературная лексика; синтаксис: *не будучи со своим ханом, имеющим своего хана, оставив своего хана* – обороты, характерные для научного стиля; грамматика: *народ табгач* – субстантивное несогласованное определение.

3. *«Наш предок Бумын-каган четыре угла (мира) притеснил, повалил, победил, раздавил. Затем, когда этого хана не стало, народ (наш) погиб, рассеялся и разбежался...»* (Онгинский памятник 1).

Словарь: *повалил, раздавил, рассеялся, разбежался* – глагольные лексемы, употреблённые в образно-метафорическом смысле; синтаксис: *Затем, когда этого хана не стало, народ (наш) погиб, рассеялся и разбежался* – сложное предложение с дейктическим, связующим адвербутом *затем*.

4. *«(Вот) речь моя богоподобного, Небом поставленного (или угодного Небу), тюркского мудрого (Бильгя) кагана. Когда мой отец, тюркский мудрый (Бильгя) (каган, воссел на трон), то ...теперь...мужи, приверженные к нему, мужи из токуз-огузов, его знаменитые беги инарод (выразили ему своё почитание)...(После смерти моего отца, по воле тюркского Неба и тюркской священной Родины) ...я стал ханом»* (БК. 1).

Словарь: *богоподобный, угодного Небу, воссел на трон, выразили ему своё почитание*; синтаксис: *Небом поставленного; мужи, приверженные к*

нему; После смерти моего отца, по воле тюркского Неба и тюркской священной Родины – словосочетания, обороты, сложное предложение, присущие литературному стилю.

5. «...в государстве (Эльтерис) кагана состарившись, хорошую вечную память увидел (заслужил?). Великий Кули-чур, прожив восемьдесят лет, умер» (КЧ. 2-3).

«....Когда он (?) со своим доблестным семейством стал врагом, Кули-чур...победил и убил, его сыновей, его жён ...он пленил..... управлял государством. Земля... Кули-чор тюркский народ и бегов... ради того, что был мудрым товарищем, (товарищем) по героизму и по добродетели»(КЧ. 5-7). Известно, что памятник Кули-чора из всех, так называемых больших текстов, плохо сохранившийся, поэтому переводить этот текст весьма сложно: много лакун. Тем не менее, и в этом тексте у С.Е. Малова прослеживается нормированный литературный стиль.

Словарь: великий Кули-чур, доблестный, пленил, управлял, добродетель, геройство, заслужил; синтаксис: прожив восемьдесят лет, умер; ... ради того, что был мудрым товарищем; Когда он (?) со своим доблестным семейством стал врагом, Кули-чур...победил и убил, его сыновей, его жён ...он пленил..... управлял государством - деепричастный оборот, сложные предложения с подчинительными союзами, атрибутивные и объектные словосочетания.

В переводах С.Е. Малова древнетюркская руника представлена как высокохудожественное произведение литературного нормированного стиля. Язык древнетюркской руники максимально приближён для восприятия и понимания современного читателя, что обусловлено глубиной вхождения в мир древних тюрков, в древнюю цивилизацию самого С.Е. Малова, манифестацией его языкового сознания и языковой личности.

В исследовании и представлении древнетюркских памятников древности ученый имеет свой собственный стиль.

Так, анализ орхоно-енисейских текстов С.Е. Малов проводит в следующей последовательности: *рунический текст (подлинник) - транскрипция его – перевод на русский язык – графические и языковые особенности текста*, в конце «Памятников...» даётся словарь.

В отличие от аналогичных исследований В.В. Радлова, П.М. Мелиоранского, И.В. Кормушина и других у С.Е. Малова нет комментариев и примечаний, которые дали бы возможность более зримо проникнуть в ментальный мир учёного. Мы полагаем, что стиль, избранный С.Е. Маловым не случаен, он является показателем академического склада мышления учёного, его приверженности к точному языку науки, что исключает наличие в его трудах авторских личностных, коннотативных смыслов.

Вместо комментариев и примечаний С.Е. Малов прибегает к системным описаниям языковых особенностей текста. Особенно подробно рассматривается языковая структура текста Кюль-тегин:

- графика древнетюркского языка;
- система субстантивного словоизменения (вин. и дат. падежи);
- формы прошедшего времени, использованные в памятниках больше, чем другие глагольные формы;
- причастные и деепричастные формы глагола;
- сложные глагольные формы: алы бірміс «вручали», «передавали» (б 8), іті бірміс «устраивали» (б 1), уча бармыс «умер» (16), уча барды «умер» (24) и т.д.;
- модели сложных предложений;
- парные слова и выражения: аркыш-тіркіш «посольства, караваны», бағлары-будуны «и беки и народ» (Малов, 1951, с. 43-52).

Таким образом, С.Е. Малов тщательно изучает представленную в памятнике внутреннюю структуру языка.

Такие же графические и языковые характеристики имеются в переводах текстов Тоньюкук, а для памятников Бильге-кагана, Кули-чора, Онгинского памятника языковые особенности обозначаются как весьма краткие «заметки по графике и языку» (Малов, 1959, с. 5- 44).

Обращение учёного к языковой системы текстов вместо комментариев и примечаний является также показателем приверженности С.Е. Малова к сохранению и изложению нормированного стиля языка рунических текстов. Внутренний мир человека, его интенции, ментально-психический лексикон при разработанной учёным методике анализа текстов оказываются закрытыми.

Как прецедентная личность С.Е. Малов проявляет уникальные способности в исследовании и пропаганде уйгурских памятников культуры, памятников буддийского содержания и арабского письма, что также свидетельствует о таланте и задатках учёного, реализованных в процессе ежедневной кропотливой работы.

Как В.В. Радлов и П.М. Мелиоранский, научно-исследовательскую деятельность С.Е. Малов связывает с Казахстаном. Это и анализ Таласского памятника, и работа в научно-педагогической сфере в Алма-Аты в годы Великой Отечественной войны, и воспитание целой плеяды тюркологов, учёных, чья деятельность связана были с лингвистикой (А.Т. Кайдаров, И.Е. Маманов и др.). Казахстанские учёные с большим уважением и почтением относятся к личности и творчеству учёного. Статьи о С.Е. Малове в различные научные вестники, тюркологические сборники и другие издания писали К. Сатпаев, Н.Т. Сауранбаев, С. Аманжолов, С. К. Кенесбаев, А.Т. Кайдаров и многие другие казахстанские учёные.

Вот некоторые из них: К.Сатпаев и др. «Малов Сергей Ефимович». – ВАН КазССР. 1957, № 9; С.Аманжолов и др. «Профессор С.Е. Маловниц хатириси». – «Коммунизм туг». – А-А., 22. IX, 1957; С.К. Кенесбаев «О Малове Сергее Ефимовиче. (Воспоминания)». – ИАН КазССР, СФИ, 1961, вып. 1 (17); А.Т. Кайдаров «С.Е. Малов – глава советского уйгуроведения »

(К 81-й годовщине со дня рождения). - ИАН КазССР, СФИ, 1961, вып. 1 (17); А.Т. Кайдаров «С.Е. Малов и его роль в решении научно-практических вопросов литературного языка уйгуров СССР». – МЧ. 1973.

С.Е. Малов, безусловно, прецедентная личность. Его формированию как крупного учёного способствовали, с одной стороны, влияние отца, воспитание, хорошее образование, знакомство и сотрудничество с В.В. Радловым, с другой стороны, генетически заложенные способности, получили развитие в процессе напряжённого творчества. С.Е. Малов – этнограф, диалектолог, лингвист с большой буквы. Его любовь к слову способствовали созданию уникальных образцов литературного языка рунических текстов древности. Поэтому Орхоно-Енисейские памятники в изложении С.Е. Малова считаются хрестоматийными изданиями, на которых выросло не одно поколение тюркологов и учёных.

Как прецедентная личность С.Е. Малов развил и реализовал как нелингвистические, так и лингвистические знания, сохраняя при этом стиль академического учёного, ментально-психический лексикон которого открыто не выражен, а проявляется в результатах его многогранной научной, образовательной, социальной, культурной деятельности.

3.5 А.С. Аманжолов в мире памятников древностей

Вклад тюрколога А.С. Аманжолова в исследовании памятников древности (древнетюркских, таласских, енисейских) не оценим, и является он (вклад) разносторонним, многоаспектным, выражением собственного видения ученым проблем памятников культуры. В советском и постсоветском тюркологическом пространстве казахстанская тюркология всегда ассоциируется с именем Алтай Сарсеновича. Из тридцати рунических памятников, найденных на территории Республики Казахстан, двадцать прочитаны, интерпретированы А.С. Аманжоловом.

Одна из первых работ ученого посвящена исследованию внутренней структуры древнетюркского языка, в частности изучению глагольного управления в текстах памятников (Аманжолов, 1969). Имя и глагол в системе многих языков являются корпусно составляющим, их взаимодействие определяет внутренние законы всей морфологической системы языка. Алтай Сарсенович один из первых доказал, что VII - VIII вв. н.э. древнетюркский язык обладал уже сложившейся нормированной языковой системой. Доказательством тому является функционирование глагольных категорий древнетюркского языка времени, залога, морфологической парадигмы падежа, членимость структуры древнетюркского слова на корневые и аффиксальные морфемы и способность этих морфем участвовать в акте словопроизводства (в рамках исследования А.С. Аманжолова это корневые и производные слова). Анализируя морфолого-синтаксические связи в древнетюркском языке, А.С. Аманжолов показывает, что управление объектного имени зависит от семантики управляющего глагола. Поэтому ученый впервые выявил весь спектр лексико-тематических групп глагола, характерный для древнетюркской ментальности (глаголы речения, глаголы физического воздействия на объект, глаголы мышления, восприятия и ощущения и т.д.) и раскрыл влияние этих глаголов на объектно-субъектные конструкции древнетюркского имени. В исследовании внутренней структуры языка заслуга тюрколога состоит в экспликации семантических связей языковых единиц древнетюркского языка.

Безусловно, А.С. Аманжолов большой специалист по рунической графике. Несмотря на достаточную исследованность древнетюркской графики (В. Томсен, В.В. Радлов, П.М. Мелиоранский, В. Банг, Г.И. Рамстедт, Дж. Клосон, И.А. Батманов, А.М. Щербак, Т.Текин и другие), значения некоторых рунических знаков, признаки фонем (к примеру, долгота согласных звуков) в силу разных причин являются до сих пор в тюркологии остаются дискуссионными. Алтай Сарсенович в своих фонетических исследованиях дает полную артикуляционную характеристику звуков, используя для таксономии гласных и согласных звуков древнего языка научную классификацию и обосновывая исходную сингармоничность слога древнетюркского языка. Важным в исследовании звуковой системы

древнетюркского языка является и то, что ученый определил адекватность передачи 24 фонемами (16 согласных, 8 гласных) 35 рунических знаков (букв). Причем фонетические значения рунических знаков даются не только на материале Орхонских памятников, но и в сопоставлении и обозначении подобных знаков в Енисейских и Таласских памятниках, что дало возможность А.С. Аманжолову создать наиболее полную картину тюркского рунического алфавита (Аманжолов, 2005, с. 58-59).

В настоящее время в современной тюркологии сопоставление начертаний трех типов рунического письма Таласского, Енисейского, Орхонского ученый мир ссылки делает именно на Аманжоловское чтение их.

Понимание значения рунических знаков разных текстов, находящихся в едином историческо-временном пространстве, позволило ученому А.С. Аманжолову быть одним из редких специалистов, кто мог бы работать с подлинниками, читать их, интерпретировать, переводить на современные функционирующие языки, о чем свидетельствует работа ученого над Таласскими, Чуйскими, Енисейскими, Орхонскими руническими надписями и текстами. Например, чтение и интерпретация А.С. Аманжоловым рунической надписи на Таласской палочке, рунических надписей из городища Атлах, рунической надписи под изображением горного козла и снежных барсов и многие другие.

Привлекает внимание интерпретация, чтение и перевод А.С. Аманжоловым Орхонских памятников: Кюль-тегин, Тоньюкук, Онгинского памятника.

На наш взгляд, Алтай Сарсенович наряду с известными переводами В.Томсена, В.В. Радлова, В. Банга, П.М. Мелиоранского, С.Е. Малова и других создал свой *научно-литературный перевод и своеобразное толкование* Кюль-тегина и других древнетюркских текстов. В тюркологе А.С. Аманжолове сочетаются не только знания лингвиста, но и знания замечательного историка, краеведа, знающего ход исторических событий, изложенных в орхоно-енисейских памятниках, великолепно разбирающегося в топонимико-географическом материале памятников. Поэтому только в его переводе (в скобках) даются многие современные названия рек, озёр, местностей, встречающиеся в тексте Кюль-тегин:

КТм. 3	Тогуз-Ерсенов	-	«Девять источников»
КТм. 3	река Иенчу	-	Сырдарья
КТм. 4	Отюкенская чернь	-	верховья Орхона на Хангае
КТм. 6	Чугайская чернь	-	Инь-Шань
КТб. 2	Кадырканская чернь	-	Хинган
КТб. 2	Темир-Капыг	-	«Железные ворота» Гисарского хребта
КТб. 4	Бёклийская степь	-	Чжурчжень
КТб. 17	река Яшыл	-	р. Хуанхэ
КТб. 21	за Кадырканской чернью	-	за Большим Хинганом
КТб. 35	Когменская чернь	-	Саянский хребет

КТб. 37 р. Иртыш	-	Чёрный Иртыш
КТб. 42 Кара-коль	-	Чёрное озеро
КТм. 7 Тюнская равнина	-	Гоби.

Эти справки в тексте, с одной стороны, помогают воспринимать читателю незнакомые географические понятия, с другой – являются одним из аргументов исторической достоверности событий далекого прошлого.

Благодаря хорошим краеведческим знаниям, ученому удастся достаточно веско аргументировать дискуссионные места в тексте памятника, к числу таких спорных слов относится слово *кенгерес(ы)*.

В работах В.В. Радлова, П.М. Мелиоранского, С.Е. Малова и других *кенгересы* трактуются как этноним:

1) В.В. Радлов, П.М. Мелиоранский: «*Затемъ Кара Тургеши двинулись къ ставшимъ намъ врагами Кенгересамъ*» [Радлов, Мелиоранский. КТб. 39].

2) С.Е. Малов: «*После этого масса тюргешского народа пошла на ставших (ей) врагами кенгересов*» [Малов. КТб. 39].

3) М. Жолдасбеков и др.: «*После этого кара-тюргешский народ стал врагом. Двинулись против кенгересов*» [Жолдасбеков и др. КТ. IV. 29].

Напротив, в переводах В. Томсена *кенгересы* означают топоним: «Danach wurde das gemeine Turges-Volk auf frührerisch und zog fort nach Kanaras».

(«После этого тюргешское простонародье стало мятежным и отправилось в Кенгерес») (цитируется по А.С. Аманжолову, 2005, с. 41).

А.С. Аманжолов не только разделяет позицию В. Томсена, но и приводит свои, весьма убедительные доводы. Он пишет: «Географический термин □□□□ Кеңерес (Кеңірес) состоит, по-видимому, из основы *кеңер* (*кеңір*) и архаичного окончания -ес/еш (застывшая форма именительного падежа). Основа зафиксирована арабским источником IX в. Как название Сырдарьи вниз от Шаша – (арабский шрифт) «река Кангар (Кенгер)» и сохранилась на карте современного Казахстана в названиях рек Кенгир, Сарыкенгир, Каракенгир, Жаздыкенгир в горах Улытау (Центральный Казахстан). Кенгир (по-казаски Кеңірі) приток р. Сарысу, древнее русло которой поступает к Сырдарье в районе Кызылорды.

Кенгерес, следовательно, относится к бассейну Сарысу-Кенгир и примыкает с севера к долинам Сырдарьи и Чу. Не исключено, что под этим географическим названием в VIII в. и ранее охватывалась вся смежная с Сырдарьей территория Центрального Казахстана» (Аманжолов, 2005, с. 41).

Кроме того, обоснование позиции автора дополняется значительным вербально-семантическим анализом: «Семантика рассматриваемого топонима раскрывается на тюркском материале, ср. киргизск. кеңир (кеңири кеңри) «широкий», «обильный», кеңирси – «чувствовать себя свободно на просторе, широко раскинуться»; уйгурск. кәңрү (кәңри) «много», кәңрчилик «раздолье». Вероятно, ещё с незапамятной древности термин *кеңір* (Кенгир, Кенгерес) имел нарицательное значение «широкий, просторный, раздольный»; «обильный, изобильный» (Аманжолов, 2005, с. 42).

Наконец, в заключение своих суждений тюрколог пишет: «Просторные долины Кенгира изобилуют памятниками культуры глубокой древности, являются одним из красивейших мест Сарыарки. Для западных тюрков-тюркешей, владевших территорией от Алтая до Улытау, местность Кенгерес (Кенгир), несомненно, была последним прибежищем, священной землёй предков» (Аманжолов, 2005, с. 42).

Таким образом, в этно-топонимической полемике по поводу слова *кенгерес* блестящие аргументы и доводы ученого, бесспорно, найдут своих последователей.

Если же говорить в целом об особенностях перевода А.С. Аманжолова текста Кюль-тегина, то этот перевод следует назвать не просто литературно-нормированным, а красивым: учёный прекрасно владеет научным стилем изложения. Поэтому стереотипное содержание текстов облекается в утончённую форму. **В этом, безусловно, отразилось мастерство тюрколога во владении языком, слогом, культура его мышления, глубина языкового сознания.** Обратимся к иллюстрациям:

1) *«Мне послали придворных резчиков табгачского кагана (китайского императора). Им поручил устроить особое (специальное) здание, повелел украсить его внутри и снаружи особой резьбой. Повелел воздвигнуть камень (памятник) и на том (камне повелел вырезать) мою сокровенную речь»* (КТм. 12).

Выражая мысли древнетюркского кагана, А.С. Аманжолов хорошо понимает внутреннюю интенцию своего героя, его социальный статус поэтому в переводе использует слова высокого слога – «поручил устроить», «повелел украсить его внутри и снаружи особой резьбой», «повелел воздвигнуть», «повелел вырезать».

2) *«Хороших и мудрых, благородных героев табгачи не могли побудить к движению на юг...»* (КТб. 6).

Разумеется, «благородных героев», «не могли побудить», «к движению» - выражения литературно-нормированного языка, и через них осуществляется авторская интерпретация текста.

3) *«...Он (мой отец) собирал и понимал (силы восставших), так, что всех их стало 700 мужей»* (КТб. 12).

4) *«...Я творил добро среди имевших верные (приверженные, склонившиеся ко мне) племенные союзы и верных каганов...»* (КТб. 29).

Выражения «силы восставших», «творил добро» подчеркивают высокий стиль повествования, и тем самым характеризуют автора.

Наконец, в качестве особенностей перевода А.С. Аманжолова следует назвать склонность учёного к заскобочным комментариям, раскрывающих его знания и эрудицию:

1) *«Мой младший брат Кюль-тегин снискал геройское имя. Мы пошли войною на согдийцев шести округов (согдийские колонии в южном Ордосе – Северном Шэньси) и разбили их»* (КТб. 31).

2) *«Тюркский народ, ты непременно погибнешь! Если говоришь, что желаешь поселиться справа (на юге) не только в Чугайской черни (Инь-Шань), он и в Тюннской равнине (Гоби, ср. Кара-Кумы в памятнике Тоньюкука), ты, о тюркский народ, непременно погибнешь»* (КТм. 6-7).

3) *«...В Отюкенской черни (в верховьях Орхона на Хангане) прежде не было хорошего владельца (господина), но местностью, в которой (откуда) следовало управлять государством была (именно) Отюкенская чернь. Поселившись в этой местности, я уладил отношения с народом табгач (название ассимилированного тюркского племени в Северном Китае, которое в орхоно-енисейских надписях обозначало Китай и китайцев)»* (КТм. 4).

Таким образом, во многих рунических строфах наблюдаются комментарии в скобках, информация, которая помогает воссоздать целостную картину древнетюркского мира. Эти комментарии – переводческие, авторские.

Личности тюркологов В.В. Радлова, П.М. Мелиоранского, С.Е. Малова, А. Аманжолова М. Жолдасбекова, являются прецедентными, ибо исследование древнетюркских орхонских текстов в сознании многих народов (казахского народа) ассоциируется с именами этих учёных, их мысли цитируют, на их труды ссылаются. Их научная деятельность стоит выше собственно этнических интересов и имеет универсальный общечеловеческий характер. В их разносторонней научной деятельности реализуются способности и задатки генетически врождённые и социальные условия (семья, образование, научная среда) способствуют развитию талантов и способностей. Созданные этими тюркологами уникальные эквиваленты древнетюркской руники раскрывают языковые способности учёных, манифестацию их языкового сознания, выявленные в процессе работы над текстами. В каждом из тюркологов прецедентный феномен представляется своеобразно.

3.6 Прецедентная личность М. Жолдасбекова: параллельные миры

Изучение древнетюркских текстов в настоящее время связано не только с новыми подходами, материалами, информацией, но и с новыми именами и личностями. К числу таких личностей следует отнести и личность М. Жолдасбекова, деятельность которого также рассматривается в рамках прецедентной личности. Прецедентный характер М.Жолдасбекова ярко представляется в новейшем Атласе Орхонских памятников, а возможности языкового сознания учёного проявляется особенно в совместном переводе древнетюркских текстов.

В формировании прецедентного характера личности М. Жолдасбекова, несомненно, важное значение имеют социальные аспекты жизни учёного, а также личностные качества, раскрывающий его когнитивно-концептуальный, языковой потенциал. В социальном аспекте семейные, воспитательные, образовательные, общественные институты формируют личностные качества человека, стремящегося к активной познавательной деятельности в области научных изысканий. Исследованию древнетюркских текстов, как отмечал М.Жолдасбеков в одном из интервью, он посвятил всю свою жизнь. Под руководством профессора Бейсембая Кенжебаева М. Жолдасбеков, будучи аспирантом, начинает исследовать проблему древнетюркских литературных памятников и их отношение к казахской литературе. «Впоследствии, - вспоминает учёный, - эта проблема стала темой моего диссертационного исследования. В 1967 в книге «Ертедегі әдебиет нұсқалары» («Памятники ранней литературы») были опубликованы переведённые мною тексты памятников Кюль-тегина, Бильге-кагана, Туй-укука. Как тогда писал всесоюзный журнал «Вопросы литературы», с выходом в свет этой книги история казахской литературы углубилась на целых двенадцать веков, тем самым были определены основы древних истоков казахской литературы. Когда вышла эта книга, я разработал программу и опубликовал теоретический курс «Ранний период истории казахской литературы». С тех пор и по сей день, занимая высокие посты в этом государстве, я никогда не отрывался от исследований тюркологии в целом и её древнего периода, в частности».

Высказанная учёным сопричастность с текстами на протяжении всей жизни определила его онтологические, гносеологические, аксиологические принципы как незаурядного человека, который, несмотря на активную государственную и общественную деятельность, всегда жил в мире текстов, мыслил на языке текстов, помнил на память и цитировал на двух языках в устной и письменной речи целые строчки, выражения, «куски» оригинального текста (Шаймердинова, 2007, с. 226).

В процессе работы над переводами большое значение имеют внешние факторы, в том числе и паралингвистические, умение организовать работу собранность и чёткость действия; мимика, жесты, движения, раскрывающие

процесс мыслительной деятельности, глубоких раздумий по поводу сложных смыслов текстов; и как хороший рассказчик (знающий множество истории, легенд, прецедентных текстов) способность зарядить энергией в длительные кропотливые часы работы над переводами текстов.

Всё это, безусловно, является социально значимыми факторами в представлении прецедентной личности М. Жолдасбекова.

В когнитивном-концептуальном аспекте важно раскрытие интеллектуальной деятельности учёного, его способности концептуализировать окружающий мир, т.е. мыслить, рассуждать, высказывать суждения, присущие только его характеру и мировосприятию. Поэтому Мырзатай Жолдасбеков вчитывался в каждое слово и выражение Орхонских текстов, словесно озвучивал их, продумывал и вникал в ситуации, отдалённых временем и пространством, высказывая своё отношение к тем или иным событиям, изложенным в текстах. Так, в глубоких раздумьях удавалось прочитать мысли древних тюрков, скрытые в текстах «говорящих» камней, увидеть процесс интеллектуальной деятельности древних тюрков, восстановить древнетюркскую картину мира.

В качестве иллюстрации приведём один факт. В тексте Туй-укука К. Сарткожаулы, по-своему интерпретируя размышления Туй-укука по поводу «тощих и жирных быков» (так образно представлено социальное расслоение в древнетюркском обществе) (Туй. 5) первоначально писал, что «жирные» и «тощие» быки должны прийти к соглашению, к взаимопониманию. Мырзатай Жолдасбекову удаётся понять внутреннюю интенцию рассуждений мудрого Туй-укука: несмотря на то, что Кутлуку удалось поднять народ на восстание против пятидесятилетней китайской неволи, тюркский народ неоднороден - есть воины, верные и преданные, есть сомневающиеся, есть богатые и бедные. Туй-укук соперживает, сможет ли шад Кутлук распознать всё это и освободить народ из-под неволи. Поэтому, не разделяя позицию К.Сарткожаулы, логику рассуждений советника Туй-укука М. Жолдасбеков передаёт следующим образом:

Я думал, советовался со своим каганом и размышлял, он должен понимать, что у него есть и жирные быки, и тощие быки [богатые и бедные]. Сможет ли в отдельности различать, где жирный бык, где тощий бык. Так я думал [Жолдасбеков и др. Туй. I. 3].

Концептуальные интенции мышления учёного-мыслителя, отразившиеся в языке, нами определяются в сопоставлении с переводами В.В. Радлова, П.М. Мелиоранского, С.Е. Малова.

Семья, воспитание, общественная среда, фундаментальное образование заложили и развили в Мырзатае Жолдасбекове потенциал лидера, организатора, которые были реализованы в качестве первого руководителя на государственных постах самого высокого ранга. Эти качества Мырзатае Жолдасбекова не могли не отразиться в понимании им деятельности героических личностей (Кюль-тегин) каганов, вождей древнетюркского

государства. В условиях постоянных войн, походов с внешними врагами; подавления сопротивления внутренних соплеменников таких, как тогуз-огузы, кыргызы, тюргеши и других; необходимости защиты своего очага, орды, территории древнетюркские вожди, действительно, должны были быть сильными личностями, лидерами. Поэтому тюркских каганах М. Жолдасбеков наделяет качествами сильных людей, что непременно сказилось в их речи, насыщенных призывными, иллокутивными (воздействующими на слушателей) актами, выраженные вербально грамматическими формами повелительного наклонения и побудительной интонацией:

1. *«О! Тюркский народ, слушайте меня!»*- призывает Бильге-каган [КТ III. 9]. Употребленная в переводе лексема «меня» усиливает личностные качества кагана-лидера. Ср. С.Е. Малов: *«О, тюркские начальники и народ, слушайте это»* (КТм. 9).

2. *«... на этой священной земле воздвиг памятник. Видя это, знайте!»* (КТ III. 13).

3. *«Если Тенгри сверху не давило тебя, и земля внизу не разверзлась под тобой, тюркский народ, кто погубит твоё государство, твою власть! Объединяйтесь!»* (КТ I. 9).

Следует отметить, что в переводах В.В. Радлова, П.М. Мелиоранского, С.Е. Малова при идентичности перевода данной строфы нет лексемы, выражающей идею объединения тюркского народа, которую, исходя из сложившейся ситуации, предлагает М. Жолдасбеков.

Известно, что императивные действия волевой личности бывают жестко детерминированными, именно в этом аспекте осмысливается языковой личностью деяния каганов, в силу чего часто используются конструкции с сильной эмотивной коннотации «уничтожили», «разгромили», «разбили»:

1. *«Мы выступили против кыргызов. Прокладывая путь через снег глубиною с копьё и, объехав Кёгмэнскую чернь, мы, преследуя кыргызов, разгромили их»* (КТ I. 35).

2. *«Переправясь через реку Иртыш, тюргецкий народ мы разбили преследуя»* (КТ I. 35).

Ср. П.М. Мелиоранский: *«Переправившись через реку Иртыш, тюргецкий народ мы победили и обратили в бегство»* (КТб. 35).

3. *«Он бросился в атаку, захватил эльтебера азов. Народ азов там был уничтожен»* (КТ II.3).

Ср. П.М. Мелиоранский: *«Он бросился в атаку, захватил эльтебера азов, народ азов тогда погиб»* (КТб. 3).

4. *«Девять воинов он убил, окружив. Народ эдизов там был уничтожен»* (КТ I. 45).

Сильная личность, лидер, как правило, следует своим жизненным, морально-этическим принципам. Эти принципы также нашли отражение в языковом сознании М. Жолдасбекова и репрезентированы в текстах

переводов. К таким принципам относится свободолобие, унаследованное по духу и традиции от своих истоков, от своего народа.

В процессе изучения текстов М. Жолдасбеков приходит к выводу, что для тюркского народа были всегда присуще стремление к воле и свободе, и эта черта одна из концептуальных сущностей тюркской ментальности. Поэтому там, где В.В.Радлов переводит *«между этими двумя границами жили голубые турки, не имевшие правящих знатных родов, долгое время (столь много)»* (по сути дела речь идёт о временных параметрах), а П.М. Мелиоранский и С.Е. Малов разделяют точку зрения В.В. Радлова, М. Жолдасбеков отстаивает свободолобивость тюрков: *«Жившие (одно время) без владения между ними голубые турки так расселились. Жили так свободно»* (КТ I. 3).

Свобода в мировидении М. Жолдасбекова сосуществует с понятием силы – отсюда утверждение сильного личности, кагана, власти, государства. Расцвет древнетюркского государства ассоциируется с понятием сильного государства, с которым должны были считаться и Древняя Согда, и Китай, и Византия. В качестве представителя такого государства в тексте Кюль-тегина описаны подвиги мужественного, бесстрашного, сильного Кюль-тегина. Если В.В.Радлов переводит: *«О его атаках, о турецкие беги, вы знаете, прочтя это»* (К-ХБ. 34), то есть после того как будут изложены события; М. Жолдасбеков же, предваряя эти события, пишет: *«Мощь его атак, тюркские беки, хорошо знаете»* (КТ I. 34). Так, языковое сознание личности представляет потенциал силы, заложенный в герое [303, с.27].

Понятия свободы, силы, на наш взгляд, в миропонимании анализируемой личности сопряжены с понятием удачи. Поэтому в уста Бильге-кагана вкладывается слово «удача»: *«По милости Тенгри и поскольку у меня самого была удача, я стал каганом»* (КТ III. 9). Если сравнить, то восхождение на престол Бильге-кагана П.М. Мелиоранский интерпретирует *«потому, что я каганом был»*, С.Е. Малов – *«потому у меня у самого счастье было»*, В.В.Радлов – *«на моей стороне было моё счастье и мой младший брат»*.

На наш взгляд, в описании восхождения на престол Бильге-кагана выразилось своеобразие гносеологических принципов и аксиологических смыслов каждого из этих выдающихся тюркологов.

Таким образом, к числу концептуальных характеристик языкового сознания М.Жолдасбекова, раскрывающих его мировоззрение и ценностные смыслы жизни следует отнести качества лидера, сильной личности, проповедующий активную жизненную позицию, борьбу и свободолобие, удачу и разумность.

Прецедентный характер личности учёного определяется через языковые способности, имеющие вербальный и невербальный характер. Владение внутренней системой двух и более языков (казахский, русский, древнетюркский), языковая картина мира, обусловленная реальным

переключением кодов в духе У. Вайнрайха, определяют языковое сознание (мышление) учёного. Важным в языковом сознании М. Жолдасбекова является способность чувствовать и различать смыслы языковых единиц как в области их синтагматических связей, так и на глубинном уровне. Поэтому при переводе текстов учёный большое внимание обращает на семантическую соотнесённость единиц, относящихся к разным во времени и типологии языкам. Чувство языка, тончайших смысловых оттенков проявляется особенно в многообразной глагольной семантике.

Характеристика языковых особенностей учёного проводится не на одном конкретном примере, а на анализе множества типичных примеров, среди которых в качестве иллюстрации представлены некоторые из них, и, следуя логике нашего изложения, эти иллюстрации даются в сопоставлении с переводами указанных выше тюркологов.

А. К таким языковым особенностям, прежде всего следует отнести склонность М.Жолдасбекова к употреблению глаголов акционального действия:

1. «Мы пошли войной против шести чубых согдаков, *разбили* их, затем пришло пятидесятитысячное войско Он-Тутука. Сразились» (КТ I. 31).

2. «Убил многих кара тюргешей, покорил» (КТ I. 40).

3. «Так *изнемог, изнурился*» (КТ III. 10). Частое использование в переводах глаголов активного действия свидетельствует об активной жизненной позиции самого учёного.

Б. В сопоставительном анализе текстов Кюль-тегина мы установили, что для учёного характерен научный стиль речи, структурированный различными оборотами, как правило, находящимися в начале предложения:

1 «*Проживая на этой земле*, мы мирно жили с народом табгач» (КТ. III. 4). Ср. С.Е. Малов: «В этой (то) стране, засев (т.е. основавшись) я связал свою жизнь (и жизнь народа) с народом табгач» (КТ м. 4).

2. «*Обманувшись их сладкой речью, драгоценностями*, тюркский народ, ты погиб» (КТ III. 6).

3. «*Выступая с войском*, покорили живущие по четырём углам народы. Покорив, принудили к миру» (КТ I. 2). Ср. В.В.Радлов: «...он выступил с войском покорил и усмирил народы четырёх углов силою» (К-ХБ б.2).

4. «Как, *объединив тюркский народ*, создал государство. Как, заблуждаясь, вы распались» (КТ III. 10). Ср. П.М. Мелиоранский: «...как ты (о турецкий народ), собрав (свой) народ, поддерживал (свой) племенной союз, как ты, погрешая, погибал» (КТ м. 4).

Б. Одной из главных особенностей вербальной системы М.Жолдасбекова является склонность к редупликации (повторам) отдельных лексем, выражений, синтаксических конструкций. Редупликативность языковых средств обусловили ритмичность переводов, их близость к поэтической речи:

1. *«Истинно мудрые люди, истинно мужественные люди не поддавались обману»* (КТ III. 6). Ср. П.М. Мелиоранский: *«Однако истинно хороших, мудрых витязей они (т.е. развращённые китайцами дюди) не могли сдвинуть с места»* (КТ м. 6).

2. *«Оставшиеся скитались полумёртвые, полуживые»* (КТ III. 9). Редупликация на уровне дериватов аффиксоидов.

3. *«Из-за неверности беков и народа кагану, из-за того что поверили обману и поддались подстрекательству, из-за вражды между младшими и старшими братьями, из-за отсутствия единства между беками и народом тюркский народ лишился обустроенного государства»* (КТ I. 6).

4. *«Когда в государстве моего дяди кагана было волнение, когда у народа была вражда, мы сразились с народом изгилей»* (КТ II. 3). Ср. В.В.Радлов: *«Когда племенной союз моего дяди-хана пришёл в расстройство и народ был в совершенном упадке, мы сразились с народом изгиль»* (К-ХБ б.430).

Впрочем, поэтизация переводов в языке М. Жолдасбекова порой принимает тотальный характер и может выражаться в любом контексте, в любой форме в стиле ямбов и хореев: *«Из всех стран шёл народ, ослабевший и бродивший, пеший и нагий, снова пришёл»* (КТ I. 28).

Г. Для передачи общей тональности, высокой пафосности текстов М. Жолдасбеков часто использует невербальные/вербальные – эмфатические средства языка (интонацию, ударение, усилительные слова): *«Всё, что я хотел сказать, вырезал на этом камне. Смотря на него, знайте, вы, нынешние тюркский народ и беги! Вы же престопослушные! Вы склонны ошибаться!»* В данном предложении повторяющиеся дейксисные слова совместно с побудительным знаком усиливают высокую тональность обращения кагана к народу.

В текстах Кюль-тегина и Бильге-кагана Мырзатай Жолдасбеков, придавая глубинный смысл понятию тюркский в речи Бильге-кагана, намеренно выбирает усечённую форму данного слова и пишет его с прописной буквы: *«Родом от Тенгри, рождённый по милости Тенгри, я, Тюрк Бильге-каган, ныне сел на престол»* (БК IV. 1).

Д. Определяющим для языкового сознания учёного является лаконичность речи, экономность языковых средств, характеризующие ясность и точность мышления. Следует отметить, что переводы В.В. Радлова, П.М. Мелиоранского, С.Е. Малова сопровождаются внутрискобочными комментариями, толкованиями, определениями, очевидно в этом сказывается:

- языковой стиль эпохи,
- интенция учёных создать адекватный перевод,
- манера изложения авторов.

М. Жолдасбеков чаще всего избегает излишних комментариев и определений:

1. «Мужественные люди на нас напали. В этих обстоятельствах мы отправили небольшое войско Кюль-тегина» [КТ I. 40].

Ср. П.М.Мелиоранский: « Мужественные люди (воины) на нас напали. В то время (т.е. при таких обстоятельствах) мы, раскаявшись, (в своём предприятии) отослали Кюль-тегина в сопровождении немногих людей» [КТб. 40].

2. «Мой младший брат Кюль-тегин, создав власть, которая даёт труд и силу, скончался» [КТ I. 30].

Ср. В.В.Радлов: «Мой младший брат Куль-тегин, увеличив таким образом, првительственную власть, дарующую «душу» и «силу» умер» [К-Хб. 30].

3. «47 раз ходил с войском в поход и дал 20 сражений. С благословения Тенгри лишил их государства, оставил каганат без кагана, врагов принудил к миру» [КТ I. 15].

Ср. С.Е.Малов: « 47 раз он ходил с войском (в поход) и дал 23 сражений. По милости Неба он отнял племенные союзы у имевших племенные союзы (т.е. у враждебных ему ханов) и отнял каганов у имевших (своих) каганов (т.е. у враждебных ему народов, элей), врагов он принудил к миру» (КТб. 15).

Вербально-когнитивный анализ прецедентной личности М. Жолдасбекова предполагает установление прагматикона (мотивов, целей, интересов) в декодировании древнетюркских текстов. Определяющим из мотивов является наиболее адекватный перевод, достоверно раскрывающий древнетюркскую картину мира – события, мысли, чувства, психологию. Не случайно перевод с древнетюркского языка на казахский М. Жолдасбеков называл не столько переводом, сколько переложением, ибо древнетюркский язык является метаязыком (исходным по материальному выражению и структуре) для современных тюркских языков. Современный казахский язык унаследовал огромный пласт словарного фонда древнетюркской лексики (учёный вёл словник таких лексем). Другим мотивом следует назвать неподдельный интерес тюрколога к познанию истории, духовных оснований, богатой культуры своего народа. Истоки этой культуры, по мнению М. Жолдасбекова, находятся в древнетюркских орхонских памятниках. В предисловии Атласа довольно подробно изложены мысли учёного по поводу этнокультурных связей древних тюрков и современного казахского народа.

Безусловно, в прецедентной личности М. Жолдасбекова проявились его мировоззренческие ценности, чутьё языка и языковое мастерство как личности высокоинтеллектуальной, масштабно мыслящей и на протяжении всей своей жизни живущей в мире древнетюркских текстов.

В.В. Радлова отличает энциклопедичность знаний, он один из первых исследователей древних письменных надписей, основные сюжетные фабулы и стереотипные языковые клише древнетюркских памятников сформулированы им.

П.М. Мелиоранский – тюрколог-лингвист, создавший один из лучших переводов текста Кюль-тегина, через язык перевода максимально приблизившийся к пониманию древнетюркской ментальности, древнетюркского языка. Удачные семантические анализы языковых единиц, осуществлённые в текстах, раскрывают языковое сознание учёного.

С.М. Малов – прецедентная личность академического стиля, заслуга тюрколога в том, что он создал хрестоматийный литературный язык памятников, сделал тексты памятников удобными для восприятия при чтении.

М. Жолдасбеков – тюрколог нового поколения, в переводе орхонских текстов раскрывается вербально-когнитивный аспект языкового сознания учёного.

Мастерство тюрколога А.С. Аманжолова проявились в исследовании морфолого-синтаксической системы древнетюркского языка, историко-культурной интерпретации памятников письменности.

Вопросы для самоанализа и контроля

1. Каковы неязыковые и языковые признаки понятия прецедентности?
2. Как понимается прецедентность и прецедентный феномен в когнитивных исследованиях?
3. Какие языковые и неязыковые знания составляют модель прецедентной личности?
4. Почему личность В.В. Радлова можно назвать прецедентной?
5. Расскажите о его этнографических и археологических изысканиях.
6. В чём и как проявляется лингвистический талант и языковая интуиция ученого?
7. Каков вклад В.В. Радлова в изучении памятников древности?
8. Какова роль прецедентной личности П.М. Мелиоранского в исследовании Орхонских памятников?
9. Расскажите, как проявляется талант ученого в исследовании Орхонских памятников?
10. Почему семантический анализ и перевод текста Кюль-тегин, осуществленный П.М. Мелиоранским, считаются одним из лучших?

11. Как воспитание и среда оказали влияние на становление С.Е. Малова как ученого- тюрколога?
12. Расскажите об этнографических исследованиях ученого.
13. Какова роль С.Е. Малова в передаче литературной формы рунических текстов?
14. Как воспитание, среда и образование повлияли на становление прецедентной личности М. Жолдасбекова?
15. Как мировоззрение и ценностные смыслы М. Жолдасбекова отразились в работе над переводами Орхонских текстов?
16. Как в переводах Орхонских текстов проявились языковое сознание и интуиция ученого?
17. Каков вклад А.С. Аманжолова в исследовании языковой системы древнетюркского языка?
18. Почему перевод Орхонских текстов, осуществленный А.С. Аманжоловым, можно назвать научно-литературным?

Библиография

1. Абишев К. Философия. - Алматы, Институт философии и политологии МН и ВО РК. Алматы, 1999. – 250 с.
2. Айдаров Г. Култегін ескерткіші. – Алматы, 1995.
3. Айдаров Г. Тоникук ескерткішінің тілі. – Алматы, 2000.
4. Айдаров Г. Язык Орхонских памятника Бильге-кагана. – Алматы, 1966.
5. Айдаров Г. Язык Орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. – Алматы, Наука, 1971. –
6. Акатай С. Древние культы и традиционная культура казахского народа. – Алматы, 2001. - 363 с.
7. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. Монография. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
8. Аманжолов А.С. Глагольное управление в языке древнетюркских памятников. – М.: Изд-во «Наука», 1969. – 103 с.
9. Аманжолов А.С. История и теория древнетюркского письма. – Алматы: Мектеп, 2003. – 366 с.
10. Аманжолов А.С. Опыт изучения тюркских языков. - Астана: Фолиант, 2012. - 400 с.
11. Апресян Ю.Д. Избранные труды, т.1. Лексическая семантика: 2-е изд. испр. и доп. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 472 с.
12. Апресян Ю.Д. Избранные труды, т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография. - М.: Языки русской культуры, 1995.–767 с.
13. Аристотель. Соч. в 4-х томах. Т.4. – М.: Мысль, 1984.
14. Арсеньев А.С. Философские основания понимания личности. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 592 с.
15. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс. Вступительная статья // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 5-32.
16. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской школы, 1999. – 896 с.
17. Ауэзов М. Энкидиада: к проблеме единства миров кочевья и осёдлости// Кочевники. Эстетика. – Алматы: Гылым, 1993. – С. 31-62.
18. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. 2-е изд., стереотипное – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 416 с.
19. Бартольд В.В. Памяти В.В. Радлова 1837-1918. – ИРГО, 1919, т. LIY, вып. 1. – С. 164-189.
20. Бартольд В.В. П.М. Мелиоранский (Некролог). – ТВ, 1906, № 81.
21. Батманов И.А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. – Фрунзе: Изд-во АН Киргизской ССР, 1959. – 216 с.
22. Баскаков Н.А. Об унификации названий древних и средневековых письменных тюркских языков // Тюркологический сборник, 77. – М.: Наука 1981. – С.21-27.

23. Бернштам А. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI-VIII веков. – М.-Л., 1948. – 201 с.
24. Бирвиш М. Семантика // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая семантика. Вып. X. – М.: Прогресс, 1981. – С. 177-200.
25. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.1. - Алматы: "Жалын Баспасы", 1998. - 390 с.
26. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.2. - Алматы: "Жалын Баспасы", 1998. - 352 с.
27. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.2. - Алматы: "Жалын Баспасы", 1999. - 352 с.
28. Богданов В.В. Предложение и текст в содержательном аспекте. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. – 280 с. – (Arsphilologica).
29. Богин Г.И. Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филол. наук. – Ленинград, ЛГУ, 1984.
30. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Курс лекций по английской филологии. Изд. 3-е стереотипное. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. -123 с.
31. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова//Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, ВГУ, 2001. – С. 25-35.
32. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики – 2004 - № 1. – С.18-36.
33. Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Механизм квантификации в русском языке и семантика количественной оценки // Референция и проблемы текстообразования. - М.: Наука, 1988. - С. 5-19.
34. Вайнштейн С.И., Кляшторный С.Г. В.В. Радлов и историко-этнографическое изучение тюркских народов //Тюркологический сборник, 1970. – М.: Изд-во «Наука», 1971. - С. 21-31.
35. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. – М., 1990.
36. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д. Шмелёва; под ред. Т.В.Булыгиной. - М.: Языки русской культуры, 1999. – 505 с.
37. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ. - М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
38. Витгенштейн Л. Философские исследования. - М., 1994. – 435 с.
39. Войшвилло Е.Н. Понятие как форма мышления. – М.: Издательство Московского ун-та, 1989. – 233 с.
40. Вундт В. Психология народов. –М.: Изд-во Эксмо; СПб.: TerraFantastica, 2002. – 864 с.
41. Гальперин П.Я. Лекции по психологии. 2-е издание. – М.: КДУ, 2005. – 400 с.
42. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 4-е стер. – М.: КомКнига, 2006. – 144 с.

43. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. – М.: Прогресс, 1995. – 480 с.
44. Герд А.С. Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. – 488 с.
45. Гиздатов Г.Г. Когнитивные модели речевой деятельности: типология и динамика. Автореферат диссер. на соискание учёной степени докт. филол. наук. – Алматы, Агу им. Абая, 1998. – 43 с.
46. Голан А.Н. Миф и символ. – М.: Руслит, 1993. – 375 с.
47. Гумилёв Л.Н. Древние тюрки. – М.: Тов. «Клышников-Комаров и К», 1993. – 512 с.
48. Гумилев Л.Н. От Руси к России. – М.: АСТ: Астрель, 2012. – 411 с.
49. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Изд-во «Искусство», 1972. – 319 с.
50. Дейк ван Т.А. и Кинч В. Стратегия понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XX III: Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 153-207.
51. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – Благовещенск, БГК, 2000. – 308 с.
52. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века: Сборник статей под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 1995. – С. 239-320.
53. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. – №4. – С. 17-33.
54. Джонсон-Лэрд Ф. Процедурная семантика и психология значения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XX III: Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 234-257.
55. Ергали И.Е. Философия как духовная деятельность. – Астана, 2003. – 283 с.
56. Ергали И.Е. Идея как категория диалектики. Автореферат на соискание учёной степени кандидата философских наук. – Алматы, 1990. – 23 с.
57. Ергали І. Ахмет Иүгінекидің философиясындағы адам әлемі // Қазақ даласының ойшылары 13-15 ғғ. - Алматы, 2001. - 196 бет.
58. Жаналина Л.К. Актуальные проблемы языкознания. Теория. Учебно-методический комплекс дисциплины. Учебное пособие. – Алматы: Print-S, 2006. – 330 с.
59. Жаналина Л.К. Знание и значение // Теоретические и методологические аспекты языкознания. Материалы международной научно-теоретической конференции. – Алматы, КазНПУ, 2004. – С. 3-12.
60. Жолдасбеков М. Камни заговорили. – Семей, 2003. – 210 с.
61. Жолдасбеков М. Орхонские надписи. – Астана, Күлтегін, 2002.

62. Жолдасбеков М., Сартқожаұлы Қ. Орхон ескерткіштерінің толық Атласы. – Астана: Күлтегін, 2005. – 360 б.
63. Жолдасбеков М. Сартқожаұлы К. Атлас Орхонских памятников. – Астана: Кюль-тегин, 2006. – 360 с.
64. Жубанов Е., Ибатов А. Анализ этимона ТАҢҒІ «Всевышний»: Опыт ретроспективного подхода // Проблемы этимологии тюркских языков. – Алматы, Ғылым, 1990. – С. 314-336.
65. Залевская А.А. Текст и его понимание: Монография. – Тверь: Тверской государственный университет, 2001. – 177 с.
66. Звегинцев В.А. Значение и смысл в деятельности общения // Язык и лингвистическая теория. Изд. 2-е, стереотип. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 345 с.
67. Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Славянские моделирующие семиотические системы. – М.: Наука, 1965. – 246 с.
68. Иманалиева Р.Б. К вопросу об этимологии стран света в казахском языке // Проблемы этимологии тюркских языков. – Алматы, Ғылым, 1990. – С. 85-92.
69. Истрин В.А. Возникновение и развитие письма. Изд-е 2-е испр. - М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2010. - 616 с.
70. Каиржанов А. Млечный путь Евразии. – Астана, ЦНТИ, 2004. – 277 с.
71. Каиржанов А. Византизм и ментальность Киевской Руси. Раздумья на степной дороге.- Астана: Каз УЭФМТ, 2011. – 304 с.
72. Каракузова Ж.К., Хасанов М.Ш. Космос казахской культуры // Евразия. – 2001. №2. – С. 91-139.
73. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М., «Гнозис», 2002. – 333 с.
74. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. - Волгоград: Перемена, 2002.- 477 с.
75. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 5-е стер. – М.: Ком Книга, 2005. -264 с.
76. Карнап Р. Значение необходимости (Исследование по семантике и модальной логике). – М., 2002. – 385 с.
77. Касавин И.Т. Познание в мире традиции. – М.: Наука, 1990. – 208 с.
78. Касевич В.Б. Труды по языкознанию: в 2-х т.:Т.1 – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006 - 664 с.
79. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. Изд-е 2-е стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 224 с. (Лингвистическое наследие XX века).
80. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Изд-е 3-е стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 224 с.
81. Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта. - М.: Прогресс, 1983. – 302 с.

82. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник для истории Средней Азии. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. - М., 1963. –15 с.
83. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник для истории Средней Азии. – М.: Изд-во «Наука», 1964. – 212 с.
84. Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003 – 560 с.
85. Кляшторный С.Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник, 77. – М.: Наука 1981. – С.117-139.
86. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государство и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. – СПб.: Санкт-Петербургское Востоковедение, 2004. – 368 с.
87. Кляшторный С.Г. Рунические памятники уйгурского каганата и история Евразийских степей. - СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. - 328 с.
88. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебник, изд. 3-е стереотип. – М.: КомКнига, 2007. – 352 с.
89. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. - М., 1990.
90. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. Изд-е 2-е стереотипное. – М.: КомКнига, 2005. – 232с.
91. Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII-IX вв.). Л.: Наука, 1980. – 245 с.
92. Кононов А.Н. В.В.Радлов и отечественная тюркология // Тюркологический сборник, 1970. – М.: Изд-во «Наука», 1971. - С. 7-15.
93. Кононов А.Н. П.М.Мелиоранский и отечественная тюркология // Тюркологический сборник, 1972. – М.: Изд-во «Наука», 1973. – С. 7-11.
94. Копыленко М.М. Основы этнолингвистики. – Алматы, Евразия1995. – 178 с.
95. Кормушин И.В. Текстологические исследования по древнетюркским руническим памятникам // Тюркологический сборник, 77.–М.: Наука, 1981. – С.139-150.
96. Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М.: Наука, 1997. – 303 с.
97. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: МААЛ, 1999. – 342 с.
98. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М., «Гнозис», 2003. – 375 с.
99. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. - М.: Гнозис, 2002. – 282 с.
100. Кронгауз М.А. Семантика: Учебник для вузов. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001. – 399с.

101. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004 - №1.– С. 6-18.
102. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XXвека (опыт парадигмального анализа) //Язык и наука конца 20 века: Сборник статей под ред. Ю.С.Степанова. – М.: Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 1995. – С. 144- 238.
103. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 556 с.
104. Кызласов И.Л. Древнетюркская руническая письменность Евразии (опыт палеографического анализа). – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. - 327 с.
105. Кызласов И.Л. Как называли руническое письмо сами тюркские народы// Российская Тюркология. - № 2(5). – 2011.
106. Кызласов Л.Р. О значении термина *балбал* древнетюркских надписей //Тюркологический сборник к 60-ю А.Н.Кононова. – М.: Изд-во «Наука»,1966. - С. 206-208.
107. Кызласов И.Л. Смена мировоззрения в Южной Сибири в Раннем средневековье (идеи единобожья в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. – М.: Изд. фирма«Восточная литература», 2001. – С. 243-270.
108. Лайонз Джон. Лингвистическая семантика. Введение. – М.: Языки славянской культуры, 2003. - 398 с.
109. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории говорят нам о мышлении. – М., 2004.
110. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая семантика. Вып. X. - М.: Прогресс, 1981. – С. 350- 368.
111. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XX III: Когнитивные аспекты языка. - М.: Прогресс, 1988. - С. 2-51.
112. Лакофф Дж. О порождающей семантике // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая семантика. Вып. X. – М.: Прогресс, 1981. – С. 302- 350.
113. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём: Пер с англ./Подред. и с предл. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
114. Логический анализ языка. Избранное. 1985-1995 / Редколлегия: Н.Д.Арутюнова, Н.Ф. Спиридонова. – М.: Индрик, 2003. – 696 с.
115. Логический анализ языка: Культурные концепты. – М.: Наука, 1991.
116. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Изд-во политической лит-ры, 1991. – 624 с.

117. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера–история.- М.: Языки русской культуры, 1999. – 464 с.
118. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Символ в системе культуры. Труды по знаковым системам. – Тарту: Изд-во ТГУ, 1987. - Вып. 754. – С. 10.
119. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. - Алматы "Санат", 1996. - 656 с.
120. Лурия А.Р. Язык и сознание. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 416с.
121. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
122. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. – М-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 451с.
123. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 111с.
124. Мелиоранский П.М. Памятник в честь Кюль-тегина. – СПб, ЗВОРАО, 1899. –150 с.
125. Мелиоранский П.М. Краткая грамматика казак-киргизского языка. Фонетика и Этимология. Ч.1. – СПб. Типография императорской Академии наук, 1894. – 92 с.
126. Мелиоранский П.М. Краткая грамматика казак-киргизского языка. Синтаксис. Ч.2.– СПб. Типография императорской Академии наук, 1894. – 87 с.
127. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XX III: Когнитивные аспекты языка. - М., Прогресс, 1988. – С. 281-309.
128. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979. – 151 с.
129. Мышление, когнитивные науки, искусственный интеллект. - М., 1988.
130. Найссер У. Познание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии.- М.: Прогресс, 1980. – 327 с.
131. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. – СПб., 1997. – 760 с.
132. Никитин М.В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика). –М.: Высшая школа, 1983. - 127 с.
133. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. – М.: Высшая школа, 1988.
134. Павилёнис Р.Е. Проблема смысла: (Современный логико-философский анализ языка). – М., 1983.
135. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа у ребёнка. Логика и психология. – М., «Просвещение», 1969. – 659 с.
136. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Языки картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 8-60.

137. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. 2-е изд. испр. – М.: Флинта: Наука, 2006. - 224 с.
138. Рахилина С.В. Когнитивный анализ предметных имён: семантика и сочетаемость. – М.: Русские словари, 2000. – 415 с.
139. Радлов В.В., Мелиоранский П.М. Древнетюркские памятники Кошо-Цайдам//Сборник Трудов Орхонской экспедиции. Т.IV. – СПб., 1897.
140. Рубенштейн С.Л. Бытие и сознание. – М.: Издательство АН СССР, 1957. – 328 с.
141. Самашев З. Графическое искусство средневековых народов Великой степи//Тюркское наследие Евразии VI-VIII вв. – Астана, 2008. – С. 41- 91.
142. Салғараұлы Қ. Түріктер.- Астана: «Күл тегін» - 2007. 308 б.
143. Самойлович А.Н. Памяти П.М. Мелиоранского. – СПб. Типография императорской Академии наук, 1907. – 17 с.
144. Самойлович А.Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника. Сост и отв.ред. Г.Ф. Благова, Д.М. Насилов. – М.: Восточная литература, 2005. – 1053 с.
145. Селиванова Е.А. Когнитивная ономазиология. Монография. – Киев: Фитоцентр, 2000.- 248 с.
146. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации. – Киев: Брама, Изд. Вовчок О. Ю., 2004. – 336 с.
147. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык - основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка/[отв.ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо]. – М.: Наука, 2006. – 908 с.
148. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции[отв.ред. Э.Р. Тенишев]. – М.: Наука, 2006.– 767 с.
149. Стеблева И.В. Поэзия тюрков VI – VIII веков. – Москва, 1965. – 178 с.
150. Степанов Ю.С. В трёхмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М.: Наука, 1985. - 333 с.
151. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Изд. 2-е испр. и доп. – М.: Академический проспект, 2001. - 990 с.
152. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1985. –170 с.
153. Сулейменова Э.Д. Понятие смысла в современной лингвистике. – Алматы: Мектеп, 1989. – 160 с.
154. Сулейменова Э.Д. Толерантность языка и язык толерантности // Язык и идентичность: Международная конференция «Ахонские чтения» под эгидой МАПРЯЛ (Материалы докладов и сообщений) /Ответ.ред. Э.Д.Сулейменова. – Алматы: «Қазақ университеті», 2007. – Т.1. – С.7-14.
155. Супрун А.Е. Славянские числительные: становление числительных как особой части речи. – Минск, 1969. – 169 с.

156. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. – М.: Изд-во политической литературы, 1989. – 73 с.
157. Тарасова Е.В. Человек и время: представление о времени и системе языка// Язык. Человек. Время. – Харьков: Основа, 1992. - С. 61- 77.
158. Тенишев Э.Р. Избранные труды / Э.Р.Тенишев. Книга первая. – Уфа: Гилем, 2006. – 304 с.
159. Тенишев Э.Р. В.В. Радлов – фонетист и грамматист //Тюркологический сборник, 1970. – М.: Изд-во «Наука», 1971. - С. 33-41.
160. Теория функциональной грамматики. Качественность, количественность . – СПб.: Санкт-Петербургская издательская фирма Ран, 1996. – 284 с.
161. Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т.1: Теория и некоторые частные её приложения. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 816 с.
162. Топорова Т.В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. – М.,1994.
163. Тугушева Л.Ю. В.В. Радлов- лексикограф и лексиколог // Тюркологический сборник, 1970. – М.: Изд-во «Наука», 1971.
164. Турсунов Е.Д. Древнетюркский фольклор: истоки и становление. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. - 172с.
165. Тэрнер В. Символ и ритуал. Сост. В. Бейлис и автор предисловия. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. – 277 с.
166. Тыбыкова Л.Н., Невская И.А., Эрдал М. Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. - Горно-Алтайск, 2012. - 152 с.
167. Тюркологический сборник, 1972. Памяти П.М.Мелиоранского. – М.: Издательство «Наука», 1973. – 279 с.
168. Тюркологический сборник, 1975 о С.Е. Малове. – М.: Издательство «Наука», 1978. – 281 с.
169. Тюркологический сборник, 1977. – М.: Издательство «Наука», 1981. – 294 с.
170. Тюркологический сборник 2007-2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. - М.: Вост.лит. РАН, 2009. - 423 с.
171. Тюркологический сборник 2009-2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье- М.: Вост.лит. РАН, 2011. - 383с.
172. Хусаинов К.Ш. В.В. Радлов и казахский язык. – Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1981. -172 с.
173. Хабдулина М.Г., Гаврилов Д.А., Свиридов А.Н. Археология Северного и Центрального Казахстана. - Астана: Издательство "Сарыарка", 2013. - 280 с.

174. Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X: Лингвистическая семантика. – М.: Прогресс, 1981. – С. 496 - 531.
175. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XX III: Когнитивные аспекты языка. - М.: Прогресс, 1988. – С. 9-91.
176. Фрумкина Р.М. Есть ли у современной науки своя эпистемология? // Язык и наука конца 20 века: Сборник статей под ред. Ю.С.Степанова. – М.: Изд-во Рос.гос.гуманит. ун-та, 1995. – С.75-117.
177. Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях // Вопросы языкознания. – 1996. - №2. – С. 68 – 78.
178. Чернейко Л.О. Базовые понятия когнитивистики в их взаимосвязи // Язык. Сознание. Коммуникация: Сборник статей / Отв.ред. В.В.Красных, А.И.Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2005. – С. 43-73.
179. Шарипов Р.Г. Менталитет древних тюрков. – Дис. канд. филос. Наук – М., 2000.
180. Шаймерденова Н.Ж. Экспликация семантики лексических единиц. – Алматы: Қазақ университеті, 2003. – 150 с.
181. Шаймердинова Н.Г. Восприятие как когнитивный процесс и его проявление в текстах Орхонских памятников // Язык и межкультурная коммуникация: Материалы VI Межвузовской научно-теоретической конференции.– СПб, ГУП, 2009. – С. 191-197.
182. Шаймердинова Н.Г. Древнетюркские тексты в аспекте когнитологии // Язык и культура. – Киев: Издательский дом Дмитрия Бураго, 2005. - С. 117-123.
183. Шаймердинова Н.Г. Когнитивная семантика древнетюркских Орхонских текстов. - Изд. переработанное и дополненное. – Астана, ЕНУ, 2007. - 248 с.
184. Шаймердинова Н.Г. Когнитивные модели древнетюркских текстов в русских переводах. Монография. – Астана: Изд-во «Арман-ПВ», 2007. - 176 с.
185. Шаймердинова Н.Г. Концептуализация пространственных смыслов древнетюркского мира //Еуразияшылдық идеясы контексіндегі Қазақстан түркітанулы: мәселелері мен болашағы халықаралық ғылыми-теориялық конференциясының ғылыми-теориялық мақалалар жинағы). -Астана: «ІС-Сервис», 2009. - С. 208.
186. Шаймердинова Н.Г. Репрезентация количественных смыслов в древнетюркских текстах // Бюллетень Комитета по надзору и аттестации в сфере образования и науки. № 2. – 2006. – Астана, МОиН, 2006. – С. 136-146.
187. Шаймердинова Н.Г. Тюрколог А.С.Аманжолов сквозь призму памятников древней культуры // Түркі әлемі: мыңжылдық тоғысындағы

- тіл, тарих және мәдениет интеграциясы: А.С. Аманжоловтың жылдығына арналған жинақ. Юбилейный сборник к 75-летию А.С. Аманжолова– Алматы: «Арыс» баспасы, 2009.- С. 101-107.
188. Шаймердинова Н.Г. Репрезентация в языке древнетюркской картины мира. Учебное пособие. - Астана: Арман-ПВ, 2009. - 198 с.
189. Шаймердинова Н.Г. Этнокультура древних тюрков в письменных памятниках средневековья//Материали за VIII международна научна практична конференция"Настоящи изследования и развитие - 2012". Т.16. - София: "Бял ГРАД-БГ", ООД, 2012. - С.40-46.
190. Шаймердинова Н.Г. Вклад В.В. Радлова в познание тюркской культуры//TURCİK WORLD ALMANAC. - Astana:Turkic Academy, 2012. - 484 - 494 pp.
191. Щербак А.М. В.В. Радлов и изучение памятников рунической письменности // Тюркологический сборник, 1970. – М.: Изд-во «Наука», 1971. С. 55-63.
192. Щербак А.М. П.М. Мелиоранский и изучение памятников тюркской письменности // Тюркологический сборник, 1972. Памяти П.М.Мелиоранского.–М.: Издательство «Наука», 1973. - С. 25-35.
193. Щербак А.М. Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрков, границы её распространения и особенности использования. – СПб.: Наука, 2001. – 146 с.
194. Cl.Levi Strauss Anthropologie structurale. - P., 1958.
195. Cl.Levi Strauss totemisme aujourd'hui. - P., 1958.
196. Jackendoff R. The Architecture of the Language Faculty. Cambridge (Mass.),TheMIT Press, 1997.
197. Langacker R.W. Concept, image and symbol. The cognitive basis of grammar.Berlin, 1991.
198. Langacker R.W. Assessing the cognitive linguistic enterprise // Cognitive Linguistics:Foundations, Scope, and Methodology / Eds. T.Jennsen, G.Redeker.Berlin;N.Y.,1999. P.13-59.
199. NeisserU. Two themes in the study of cognition // Cognition: conceptual and methodological issues. Washington, 1992.

**Транскрипции и переводы на русский язык
текстов древнетюркских Орхонских памятников**

(Жолдасбеков М., Сарткожаулы К. Атлас Орхонских памятников (перевод на русский язык М. Жолдасбекова, Н. Шаймердиновой и др.). – Астана: Күлтегін, 2006.

Онгинский памятник

Транскрипция Западная сторона (O^a. I. 1-8)

1. Ečümizapamyzjamyqayantörtbuluңyу qysmys, jууmys, jajmys basmys. . Olqanjooqboltuqdakisreeljitmis, учунmysqačyšmys [. . . .]
2. qayanladuqqayanунычунуudmys. Tүrүkbodun öңreküntoуsyquңa, kisrekünbatysquңategi, berijetabyačqajyrjyjajyš[qategi]
3. Alp erin balbal qysdy. Tүrүk bodun aty joq bolu barmys erti. Tүrүk bodun jıtmezin tejin, juluq ermezün tijin üze teңri tir ermis
4. Qapayan, Iiteris qayan eliңe qylyndym. El etmis jabyu oуly ysbara tamyan- čor joуa inisi bilige yšbara tamyan tarqan, ajmaylyу bes jetmis ečim ataam. [.]
5. bu tabyačda jyrja beg oуuz ara jeti-eren jayy bolmys. Qaңym baуa teңirken ekin anda jorymys. Isig küčün bermis. [.]
6. Teңirkenke isig bertij tejin jarylqamys. Šad atyу anda bermis. Boltuqda toquz oуuz beg[i] jayy ermis. Bedük ermis. Teңirken jory[mys].
7. jabyz bat biz. Azyу üküsig күrtig irti. Sületim tep ermis. Amty beglerime itip ermis. Biz az biz tejin qooryq[maz.]
8. Qaңym šad anča ötünmis. Teңirken almazyn tejin [. . . . bodun anda eberime eziңe tas ulmys

Восточная сторона (O. II. 9-12).

9. Qamuq balyq[qa] tegdim. Qqunldym,aldym. Süsi kelti. Arqasyn jyydym .

Begi qačdy. [. ja]γ erti. Tabγaç bodun [.]toqytdym, jyγdym,
basdym, jajdym [.]buzqunča

10.kelir ertimiz. Ekin ara beg[i] jayγ bolmys. Tegmeçi men tejin saqyndym.

Teñri bilige qaγanqa saqynu isig küçig bersegim bar ermis erinč. Tegdükin

üčün [.]γ erti. [.]jyγdym. Ebke tegdükim uruš qylyp

11.tegip inime, oγlyma anča ötledim aqyl jurup. Elteris qaγanqa adyrylmađu,

jayγlmađu. Teñri bilige qaγanda adyrylmalym, azmalym tejin anča ötledim.

Keri baryγma bardy. Bilige qaγanyγ boduny [.] bardy. Ülügin

taqy isig küçig bert[ük]

12.üze teñri qan lüi jylqa jetinč aj küçlüg alp qaγanymda adyrlu bardyγyz.

Bilige atačym joγyn alur aγyγyn qazyand[t]ym. [su]b er teñri üt[üntim. . .]

Kirür erti.

13.Atačymqa bitig tašyγ.

14. [eb barqyn qyl]dym beñigü

15. [taš toqytdy]m atačym

16. bilige atačym lüi

17. jylqa bilige

18. uluy alp er edgü qa[η]

19. atačym ölti

Надпись на головном балбале (O.IV.20)

20. Yšbara tarqan balbaly.

Вторая стела (Oв)

Первая сторона (Oв I.1-4)

1. . . . [.]j . [.] ebmis. . . el jin. . . teñri. . . ü
2. [. . .]l estip. . [. . .] eris baryγme bardy. . . . up
3. . . . gim bar ermis anča. . .

4. [.]r öz. . . . el

Вторая сторона (Ов.1-4).

1. [.]anda j [.]bediztim. Eçim apam. [.]

2. [.]n:öbu[.] böd teŋri. . . [.]

3. . . [.]p çik tapa jorydym. . . [.]

4. . . . [.] besbalyq iç[ikti.]

Перевод Онгинского памятника

Западная сторона (О.І. 1-8)

1. Наш предок Ямы-каган победил, покорил. Подчинил себе четыре угла света (мира). Когда не стало кагана, народ обнищал, оскудел, рассеялся.
2. Правящего своего кагана он [народ] силой изгнал, а затем тюркский народ вперед на восток, назад на запад, на юг до табгачей, на север до [Кёгменской] черни разбрелся.
3. Могучих своих воинов воплотил в балбалы. Имя тюркского народа стало забываться. [И тогда] наверху Тенгри благословил: «Да не погибнет тюркский народ, да не будет места раздорам и войнам!»
4. Я воспитывался в стране Капагана и Елтерис-кагана. Ышбара Тамган-чор ябгу, его младший брат Ышбара Тамган-Тархан – все они шестьдесят пять поколений были потомками Ел-етмиш ябгу [.....].
5. К западу от табгачей беки-огузы и (племя) жети-ерен враждовали между собой. Мой отец Бага-Тенгиркен [к ним] ходил для примирения. Отдавал свои труды и силы.
6. [каган] одарил Тенгиркена за труд и силу. Титул шада дал ему тогда. На Болтуке тогуз-огузские беки врагами стали. Их было много. Тенгиркен пошел в поход
7. Мы были слабы. И малые, и большие [племена] пришли к нам. «Выступим [вместе]», - сказали они. Так сказали нынешним бекам: «Мы не боимся, что нас мало».
8. Мой отец-шад так просил: «Пусть Тенгиркен не принимает их. [...][Тогда] народ соберётся у лагеря [в знак протеста]».

Восточная сторона (О.ІІ.9-12)

9. Я делал набеги на все города. Преследуя, подчинил, завоевал. Их войско пришло, народ подчинился, [их] бек бежал. Табгачский народ стал врагом [...]. Я победил, покорил, подавил, разгромил [...]

10. Преследовали [их] до гибели. Беки враждовали между собой. И тогда подумал я: “Не буду принимать участие в этом.” Думая о божественном Бильге-кагане, я должен отдать свои силы и труды. За то, что напали. ...[.....] были. Я покорил. Воюя, вернулся в лагерь.
11. Вернувшись, своего младшего брата и сына так наставлял, советовал: “Свое время мы не отошли от Елтерис-кагана и не ошиблись”. “И теперь мы не должны отходить от божественного Бильге-кагана”, - так я наставлял. Назад вернулись к своему храму(барыку). Народ Бильге-кагана ...[.....] тоже пришёл. Мы отдали часть [войска] и ещё отдали свои труды и силу.
12. О всемогущий Тенгри! В год дракона, в седьмой месяц мы потеряли могущественного кагана. Поминание, устройство священного сооружения для моего мудрого отца, раздачу оставшегося имущества после смерти я взял на себя. Тенгри, Вода, Земля, Время [.....]пошёл бы.
13. Стела моему отцу.
14. Дом -храм ему установил я. Вечный
15. Камень поставил. Мой отец.
16. Мудрый отец. В год дракона.
17. Мудрый.
18. Великий, могущественный воин, замечательный отец
19. Мой отец умер.

Надпись на головном балбале (O^a.IV.20)

20. Балбал Ишбара тархана.

Вторая стела (Oв)

Первая сторона (Oв I.1-4)

1. ...[.....] единение.....государство.....Тенгри.
2. ...[.....]услышат...[.....]куда бы не пошел
3. ...[.....]было. Так сделал.
4. ...[.....] государство[.....].
- 5.

Вторая сторона (Oв.1-4).

1. [.....] там (здесь).....[.....] создал скульптуру. Предки ...[.....]
2. [.....] Бод Тенгри [.....]
3. [.....] я направился к чикам
4. [.....] Бесбалык покорился.

Памятник Кюль-тегин

Транскрипция

Западная сторона КТ. I. 1-40

1. üzekökteñri, asrajaýyzjerqylyntuqdaekinarakisioýlyqylynmys. Kisi oýlynda üzeeçümapambumynqayan, istemiqayanolurmys. Olurypan türükbodunynelin, törüsintutabirmis, itibirmis.
2. Törtbuluñ qop(qoup-C.K.) jayyermis. Sü sülepentörtbuluñdaqybodunyñ (quup-C.K.) qopalmys. Qop(quup-C.K.) bazqylmys. Başlyyyñ jükündürmis, tizligigsökürmis. Ilgerü qadyrqanjyşqategikirü temir qaryuqa tegi qondurmys. Ekin ara
3. Idi oqsyz köök türük ança olurur ermis. Bilige qayan ermis, alp qayan ermis. Bujruqy jeme bilige ermis erinç, alp ermis erinç. Begleri jeme boduny jeme tüz ermis. Any üçün elig ança tutmys erinç. Ilig tutup törüg itmis. Özi ança
4. kergeg bolmys. Joýçy syyytçy öñre küün tuşyqda bökli çöllig el tabyaç, tüpüt,apar, purum, qyrqyz, üç-quuryqan, otuz-tatar, qyytaj, tataby bunça bodun kelipen syytamys joylamys. Anday külüg qayan ermis. Anda kisre inisi qayan
5. bolmys erinç. Oýly qayan bolmys erinç. Anda kisre inisi eçisin teg qylynmaduq erinç. Oýly qayyn teg qylynmaduq erinç. Biligsiz qayan olurmys erinç. Jablag qayan olurmys erinç. Bujruqy jeme biligsiz erinç, jablaq ermis erinç.
6. Begleri boduny tüzsiz üçün, tabyaç bodun tebligin kürlüg üçün armaqçysyn üçüninilieçilikeksürtükin üçünbegli ,bodunlyñ joñaşurtuqyn üçüntürükbodunilledükilinyçyynuydmys.
7. Qayanladuqqayanynjitürü ydmys. Tabyaç bodunqabeglikuryoýlynqulboldy, silikquyyzoýlunküñ boldy. Türükbeglertürükatynyty. Tabyaçyubeglertabyaç atyntutpan. Tabyaç qayanqa
8. kürmis. Elig jyl isig küçig bermis. Ilgerü küün tuşyqda bökli qayanqa tegi sülejü birmis. Tabyaç qayanqa ilin törüsin aly birmis. Türük qara qamay
9. bodun ança timis. «ellig bodun ertim. elim amty qany? Kimke elig qazyanur men», -tir ermis. «Qayanlyñ bodun ertim. Qayanym qany? Ne qayanqa isig küçig birürmin», -tir ermis. Ança tip tabyaç qayanqa jayy bolmys.

10. Jayy bolup itinü jaratunu umaduq jana içikmis. Bunča isig küçig birtükgerü saqynmaty «türük bodun ölürejin, uruysyratajyn», -tir ermis. Joq ydu baryr ermis. Üze türük teñirisi, türük yduq jeri
11. suby anča temis. Türük bodun jooq bolmazun tijin, bodun bolčun tijin qaňym ilteris qaňanyy, ögim Ilbilige qatuny y teñri töpesinde tutyp jügerü kötürmis erinč. Qaňym qaňan jiti jigirmi erin taşyqmys. Tyşra.
12. Joryjurtijinkü esidipbalyqdaqytayyqmys, taydaqyinnistirilipjetmiserbolmys. Teñriküüç birtük üçünqaňymqaňansüsiböritegermis. Jayysyqoojtegermis. Ilgerü quuryyarusüleptirmisqobratmys. Qamayy.
13. Jetijüzerbolmys. Jetijüzbolupelsiremis, qaňansyramysboduny y, küñedmisquuladmysboduny y, türüktörüsinyçyynmysboduny y, eçümapamtörüsiniçejaratmys, boşyurmys. Töles, tarduş boduny y anda etmis.
14. Jabyy, şady y anda birmis. Tabyaç bodun jayy ermis. Jyryja baz qaňan toquz-o yuz bodun jayy ermis. Qyryqyz, quuryqan, otuz-tatar, qyytaj, tataby quup jayy ermis. Qaňym qaňan bunča [,]
15. Qyryq artuqy jety joly sülemis jigirmi sünüş sünüşmis. Teñri jarylqaduq üçün illigig elsiretmis. Qaňanlyyyy qaňansyratmys. Jayyy baz qylmys. Tizligig sökürmis, başlyyyy jüküntürmis. Qaňym qaňan anča ilig
16. törüg qazyany y uça barmys. Qaňym qaňanqa başlaju baz qaňany y balbal tikmis. Ol törüde üze eçim qaňan olurty. Eçim qaňan olurypan türük boduny y jiçe itdi, igitti. Çyayyy [baj qyldy, azy y ükü s qyldy].
17. Eçimqaňanolurtuqta özümtarduş bodun üze şadertim. Eçimqaňanbirleilgerü jaşyl ügüz şandu y jazyqategisüledimiz. Quuryyarutemirqapyyqategisüledimiz. Kögmenaçaqy[yryqyzjirinetegisüledimiz].
18. Qama yybiş otuzsüledimis. Üç jigirmisünüşdimiz. Illigigilsiretdimiz, qaňany y qaňansyratdymyz. Tizligigsökürtimiz. Başlyyyy jükündürtimiz. Türges qaňan türükimiz [bodunymyz erti. Bilmedükin]
19. üçünbizinejaňyluqyn üçün ölti. Bujruqy begleri jeme ölti. On-oq bodun emgek körti. Eçümüz apamyz tutmys jir sub idisiz bolmazun tijin az boduny y itip jar[atyp.]
20. bars beg erti. Qaňan at bunda biz birtimiz. Siñilim quunčuuy birtimiz. Özi jaňyldy, qaňany ölti. Bodunu küñ quul boldy. Kögmen jir sub idisiz qalmazun tijin az qyryqyz boduny y i[tip] jarat[yp keltimiz. Sünüşdimiz ilin].
21. Janabirtimiz. Ilgerü qadyrqanjyşyy aşaboduny y anča qoonturtymyz. Ançaitdimiz. Quuryyarukenü-tarmanqategitürükboduny y qoonturtymyz. Ançaitdimizol ödkequulqullu y bolmyserti. [küñ küñlügbolmyserti. Inisieçisinbilmezerti. Olyqaňy nbilmezerti].
22. Anča qazyany myş ançaitmiselimis, törümüzerti. Türük, o yuz begleri, bodun esidiñ! Üze teñri basmasar, asra jir tilinmeser, türük bodun, elinjin törünjin kim yrtady. . Udaçy. . . [ert]i. Türük bodun
23. Ökün! Küregünün üçün igitmis. Bilige qaňany yn ermis, barmys. Edgü eline kendü jaňyldyy, jablaq kigürtig. Jaraqlyy qandan kelip jaj eltidi. Sünüglig qandan kelipen süre eltidi. Yduq ötüken jyş [bodun bardyy ilgerü baryy ma]

24. bardyy. Quuryyaru baryyma bardyy. Barduq jirde edgüg ol erinč. Qanyñ subča jügürti, söñükünj tayča jatdy. Beglik ury oylıñ quul boldy. Silik qyyz oylıñ kün boldy. Bilmedük üçün [jablaqyñyn üçün eçim qayan uça bardy]
25. Başlaju qyyrqyz qayanyñ balbal tikdim. Türük bodunyñ aty küsi jog bolmazun tijin qanym qayanyñ, ögüm qatunyñ kötürmis teñri, il birigme teñri, türük bodun aty küsi joq bolmazun [tijin özümin ol teñri]
26. qayan olurytdy erinč. Neñ jylysyñ bodunqa olurmady. Içre aşsyz, tyşra tonsyz jabyz jablaq bodunda üze olurtym. Inim Küül-tegin birle sözleşdimiz. Qanymyz eçimiz qaz[yanmyş bodun aty küsi joq bolmazun]
27. tijin türük bodun üçün tün udymady, күntüz olurmady. Inim Kül-tegin birle eki şad birle ölü jiti qazyandy. Anča qazyanyñ biriki bodunyñ ot sub qylmady. Men [özim qayan olurtuqyma jir saju]
28. barmyş bodun ölü jiti jadayyn jalañyn jana kelti. Bodunyñ igidejin tijin jyraru oyuz bodun tapa, ilgerü qyytaj, tataby bodun tapa , birgerü tabyaç tapa uluy sü eki jigir[mi süledim. . . süñüsdim anda]
29. kisre teñri jarylqazu quutym bar üçün ülügüm bar üçün ölteçi bodunuy tir igitdim. Jalañ bodunuy tonlyñ, çyyaj bodunyñ baj qyltym. Az bodunyñ üküş qyltym. Yyyr elligde [yyyr qayanlyñda jig qyltym. Tört bulundaqy]
30. bodunuy quupbazqyltym, jayysyzqyltym. Quupmanjakürti. IsigküçigbirürbunčatörügqazyanyñpinimKül-tigin öziančakergekboldy. Qanym qayan uçduqda inim Kül-tigin jit[i jaşda qaldy. On jaşda]
31. Umaj teg ögüm qatyn quutyña inim Kül-tigin er at boldy. Alty Jigirmi jaşyña eçim qayan ilin törüsün anča qazyandy. Alty çub soydaq tapa süledimiz, buzdymyz. Tabyaç oñ-tutug biş t[ümen sü kelti. Süñüşdimiz]
32. Kül-tigin jadayyn oplaju tegdi. Oñ-tutuq jorçyn jaraqlyñ eligin tutdy. Jaraqlyñqy qayanqa ançulady. Ol süg anta joqqyşdymyz. Bir otuz jaşyña çaça-señünke süñüsdimiz. Eñ ilki tadyqyn çoryn boz [atyñ binip tegdi. Ol at anda]
33. ölti. Ekinti yčbara jamtar boz atyñ binip tegdi. Ol at anda ölti. Üçünçi jegin silig begiñ kedimlig toryñ at binip tegdi. Ol at anda ölti. Jaraqynda, jalmasynda jüz artyq oqun urty. [Jüziñe, başyña bir tegmedi. . . .]
34. tegdükin, türük begler uqup bilirsiz. Ol süg anda joq qyşdymyz. Anda kisre jir Bajyrquu uluy irkin jayy boldy. Any jajyp türgi jaryn költe buzdymyz. Uluy irkin az qyja erin tezip bardy. Kül-tigin [alty otuz]
35. jaşyna qyyrqyz tapa süledimiz. Süñüük batymy qaryñ sökpen. Kögmen jyşy toya joryp qyyrqyz bodunyñ uda başdymyz. Qayanyn birle soña jyşda süñüşdimiz. Kül-tegin bajyrquunyn aq adyyryñ
36. binip oplaju tegdi bir erig oqun urdy. Eki erig udyşru sançydy. Ol tegdükde bajyrquunyn aq adyyryñ udluqyn syju urtu. Qyyrqyz qayanyn ölürtimiz. Ilin altymyz. Ol jylqa türgeş[tapa altun jyşyñ]
37. toya ertis ügüzig keşe jorydymyz. Türges bodunuy uda basdymyz. Türges qayan süsi bolçuda otča borča kelti. Süñüsdimiz. Kül-tigin başy boz at binip tegdi. Başy boz k[.....]

38. tutuzty ekisin özi altyzdy. Anda jana kirip türges qayan bujruqy az tutuqy eligin tutdy. Qayanyn anda ölürtümiz. Ilin altymyz. Qara türges bodun quup içikdi. Ol boduny tabarda qo[ndurtymyz.]
39. Soydaq bodun itejin tejin jinçü üguz keçe temir qapyqqa tegi süledimiz. Anda kisre qara türges bodun jayy bolmys. Keñres tapa bardy. Biziñ sü aty turuq azuqy jooq erti. Jablaq kisi er[.]
40. Alp er biziñe tegmis erti. Anday ödke ökünip Kül-tiginig az erin ertürü yttymyz. Uluý sünüş sünüşmiş. Alp şalçy aq atyn binip tegmiş. Qara türges bodun anda ölürmiş almyş. Jana joryp [.]

Северная сторона КТ. II. 1-14.

1. [. . . .] birle qooşu-tutuq birle sünüşmiş. Erin qoop ölürmis. Ebin barymyn qalysyz quup kelürti. Kül-tigin jiti otuz jaşyña qarluq bodun erür barur erkili jayy boldy. Tamay yduq başda sünüşdimiz.
2. Kül-tigin ol sünüşde otuz jaşajur erti. Alp şalçy aqyn binip oplaju tegdi. Eki erig udyşuru sançdy. Qarluqy ölürtimiz, altymyz. Az bodun jayy boldy. Qara költe sünüşdimiz. Kül-tigin bir qyrq jaşajur erti. Alp şalçy aqyn
3. binip oplaju tegdi. Az elteberig tutdy. Az bodun anda joq boldy. Eçim qayan ili qamaşy boltuqynda bodun ilig ekigü boltuqynda izgil bodun birle sünüşdimiz. Kül-tigin alp şalçy aqyn binip
4. oplaju tegdi. Ol at anda tüsdi. Izgil bodun ölti. Toquz-oğuz bodun kentü bodunym erti. Teñri jir bulyaqyn üçün jayy boldy. Bir jylqa bis joly sünüşdimiz. Eñ ilki toyu balyqda sünüşdimiz.
5. Kül-tigin azman aqy binip oplaju tegdi. Alty erig sançydy. Sü [ta]şsysynda jitinç erig qylyçlady. Ekinti quşluqynda ediz birle sünüşdimiz. Kül-tigin az jayyzyn binip oplaju tegip bir erig sançydy.
6. Toğuz erig igire toqydy. Ediz bodun anda ölti. Üçünç bo[lçu]da oğuz birle sünüşdimiz. Kül-tigin azman aqy binip tegdi, sançydy. Süsin sançydymyz. Ilin altymyz. Törtünç çuš başynda sünüşdimiz. Türük
7. bodun adaq qamaş ytdy jablaq bolta[çy] erti. Oza kelmis süsin Kül-tigin ayytyp toñra bir uyuş alpau on erig toña-tigin joyynda igirip ölürtimiz. Bisinçi ezgenti qadazde oğuz birle sünüşdimiz. Kül-tigin
8. az jayyzyn binip tegdi. Eki erig sançydy. Balyyq[q]a barmady. Ol sü anda öl[ti]. Mayy qoryan qyşlap jazyna oğuzaru su taşyqdymyz. Kül-tigin beg başlaju yqtymyz. Oğuz jayy orduy basdy. Kül-tigin
9. Ögsiz aqyn binip toquz erin sançydy. Orduy birmedi. Ögim qatun, ulaju ögelerim, ekelerim, keliñünim, quunçujlarym bunça jeme tirigi küñ boldaçy erti. Öligi jurtda jolda jatu qaldyçy ertigiz!
10. Kül-tigin joq erser qoup ölteçi ertigiz. Inim Kül-tigin kergek boldy. Özim saqyndym. Körür közim körmez teg, biler biligim bilmez teg boldy, Özim saqyndym. Öd teñri jasar, kisi oğly qoup ölgeli törimis.
11. Ança saqyndym, közde jaş kelser iti da, köñülte sygyt kelser janduru

saqyndym. Qatydy saqyndym. Eki šad ulaju arqa igünim oylanym, beglerim, bodunym, közi qaşy jablaq boldačy tip saqyndym. Jočy syyytčy qyytaj, tataby bodun başlaju

12. Udar seņün kelti. Tabyač qayanda Isiji liken kelti. Bir tümen ayy, altun kümüş kergeksiz kelürti. Tüpüt qayanda bölün kelti. Quryja kün batysyqdaqy soıud berčeker, buqaraq uluš bodunda Nek-seņün, Oğul-tarqan kelti
13. On-oq oylım türges qayanda maqarač tamyačy, oğuz bilige tamyačy kelti. Qyırqyz qayanda tarduš ynanču čor kelti. Baryq itgüči, bediz jaratyğma bitig taş itgüči, tabyač qayan čyqany čaņ seņün kelti.
14. Kül-tigin qooj jylqa jiti jigirmike učdy. Toquzynč aj jiti otuzqa joğ ertürtimiz. Baryqyn, bedizin bitig taş[yn] bičin jylqa jitinč aj jiti otuzqa uqup alqa[dym]yz. Kül-tigin özi qyrq artuqy jaşyñ boldy yt. Taş [baryq itgüčig] bunča bedizčig tujğun elteber kelü[r]ti.

Южная сторона (КТ IV. 1-14)

1. teñriteğteñridebolmystürükbiligeqayanbu ödkeolurtym.
Sabymyntüketiesidgilulajuinijigünim, oylanymebirkioğuşymbodunym.
Birijesadapytbegler, jyryjatarqatbeglerotuz [tatar]
2. toquzoğuzbegleribodunybusabymynedgütiesid, qatyğdytyñla. Ilgerü
küntuğsyq(q)a, birgerü künortusyñaru, quuryğarukünbatysqyynğa,
jyryğarutünortusyñaruandaičrekibodunquu[p] ma[ñ]akür[ür. Anč]a bodun
3. quup itdim. Ol amty jağ joğ. Türük qayan ötüken jyş olursar ilte buñ joğ. Ilgerü
šandun jazyqa tegi süledim. Talujqa kičig tegmedim. Birgerü toquz ersenke tegi
süledim. Tüpütke kičig tegmedim. Quuryğaru jenču üğüz
4. keče temir qapyğqa tegi süledim. Jyryaru jir bajyrquu jiriñe tegi süledim. Bunča
jirke tegi jorytdym. Ötüken jyşda jig idi joğ ermis. Il tutsyq jir ötüken jyş ermis.
Bu jirde olurup tabyač bodun birle
5. tüzeltim. Altun kümüş, isigti quutaj buñsuz anča birür Tabyač bodun saby
süčig, ağysy jymšaq ermis. Süčig sabyn jymšaq ağyn aryp yraq boduny anča
jağutir ermis. Jağru qoonduda kisre jağ bilig anda üjür ermis.
6. Edgü bilig kisig edgü alp kisig jorytmaz ermis. Bir kisi jağylsar oğuşy boduny
besükiñe tegi qydmyz ermis. Süčig sabyña jymšaq ağysyña arturur üküš türük
bodun öltüg. Türük bodun üleskiñ birije čuğaj jyş Tögülten
7. Jazy. Qoonajyn tiser türük bodun üleskiğ. Anda jağ kisi anča boşğurur ermis.
«yraq erser jablaq ağy birür. Jağuq erser edgü ağy birür»-tip anča boşğurur
ermis. Bilig bilmez kisi ol sabyğ alyp jağru baryp üküš öltüg
8. Ol jirgerü barsar türük bodun ölteči sen. Ötüken jir olurup arqyş tirkiš ysar neñ
buğuy joğ. Ötüken jyş olursar beñgü il tuta olurtačy sen. Türük bodun toğ, arqğ
oğ sen. Aačsyğ tosyğ ömez sen. Bir todsar ačsyğ ömez sen. Andayğynyn

9. Üçün igidmiş qağanıñyn sabyn almatyn. Jir saju bardyğ. Quup anda alqyndy aryltyğ. Anda qalmyşy jir saju quup turu ölü joryjur ertig. Teñri jarylqaduqyn üçün, özim quutym bar üçün qağan olurтым. Qağan oluryp
10. joq çyğaj bodunyğ qoop quubyratdym. Çyğaj bodunyğ baj qyldym, az bodunyğ üküş qyldym. Azu bu sabymda igit baryu? TÜRÜK begler, bodun buny esidiñ. TÜRÜK [bodunyğ te]rip il tutusqyñyn bunta urтым. Janylyp üleskiñin jeme.
11. bunta urтым. Neñ neñ sabym erser beñgü taşqa urтым. Añar körü biliñ. TÜRÜK amty bodun, begler bödke kürügime ebiglergü janlydaçy siz. Men beñgü taş tikdim. Tabyaç qağanda bedizçi kelürtim. Bediz it[t]im. Meniñ sabymyn symady.
12. Tabyaç qağanıñ içreki bedizçig yt(t)y. Añyr adynçyğ baryq jaraturтым. İçin tyşyn adynçyğ bediz urturtum. Taş toqytdym. Köñülteki sabymyn u[rturтым. . . on-oq oylıña] tatyña tegi buny körü biliñ. Beñgü taş
13. toqytdym. Bu erig irser. Amtyqa erig jirte irser. Ança etig jirte beñgü taş toqytdym, bitidim. Any körir, ança biliñ. Ol taş[yğ toqyt]ym. Bu bitig bitigime atysy Jol(l)uy tigin.
14. Kül-tiginiñ altynyn, kümüşin, aғыsyn, barымyn, tör[t byñ] jylqy[s]yn, qarasyn jayyma tujyut bu [anda. . . igitti] begim tigin jügerü teñri bolça [.]taş bitidim. Jolluy tigin bitidimiz.

Восточная сторона (КТ. III. 1-2)

1. Quurydan [çu] kelürti. Inim Küül-tigin [.] isig küüçüg birtük üçün türük bilige qağan [aj]tyğna inim Küül-tiginig küüzedü oluryt(d)y.
2. Inençu apa jaryan tarqan atyğ [bir]tim. Any kürtimis.

Левый угол (КТ. I.41)

Bunça bitig bitigme Kül-tigin atysy jol(lu)ğ tigin bitidim. Jigirme kün oluru bu taşqa, bu tamqa uqup jol(lu)ğ tigin bitidim. Yğar oylanıñzda tujyunıñzda jigdi igidür ertigiz. Üça bardyğyz. Teñride tirig idi kişe [birigiz]

Надпись на изваянии черепахи (КТ. V. 1-7)

1. [b]odun:.
2. [B]egler:bodun q.
3. [. .]ji: Kül-tigin. B. .
4. [sy]ğytymyn: basdym.

5. [k]özim. γ. . . .
6. [ölür].
7. b.

Перевод текста памятника Кюльтегин

Западная сторона (КТ.І.1-40)

1. Когда были сотворены наверху всемогущий Тенгри, внизу бурая земля, между ними были сотворены сыны человеческие. Человечеством правили мои предки Бумын-каган, Истеми-каган. [Сев] на трон (царство), (они) обустроили тюркский народ, создали государство и власть,
2. [Народы], живущие по четырем углам [сторонам света], [все] были их врагами. Выступая с войском, покорили живущие по четырём углам народы. Покорив, принудили к миру. Имеющих головы заставили склонить, имеющих [колени] заставили преклонить. Вперед, на восток, до Кадырканской черни; назад, на запад до Темир-Капыг расселили [народ]. Жившие [одно время] без владения между ними голубые тюрки
3. так расселились. Они были мудрые каганы, они были мужественные каганы. [Их] военачальники тоже были мудрыми и могучими. И беки, и народ были верными. Поэтому так правили государством. Управляя государством, создали власть.
4. Сами[каганы] умерли. Скорбящие, плачущие из солнечного восхода, народ пустынной Бёкли, табгачи, тибетцы, авары, римляне, кыргызы, уч-курыканы, отыз-татары, киданы, татабы – столько народа пришло. Все скорбели, оплакивали. Столь великие каганы были. После них каганами стали их младшие
5. братья, сыновья их стали каганами. Младшие братья не были подобны старшим, а сыновья не были подобны отцам, то есть неразумные каганы сели на престол. Слабые каганы сели на престол. И их военачальники также были немудрыми, слабыми.
6. Из-за неверности беков и народа кагану, из-за того что поверили обману и поддались подстрекательству, из-за вражды между младшими и старшими братьями, из-за отсутствия единства между беками и народом, тюркский народ лишился обустроенного государства.
7. Лишились [своего] царствовавшего кагана. Достойные (сильные) [твои] сыновья стали рабами, красивые (чистые) [твои] девушки стали рабынями табгачского народа. Тюркские беки утратили свои добрые имена.

Протабгачские беки приняли титулы табгачей. Подчинились табгачскому кагану.

8. 50 лет отдавали свои силы и труды. Вперед, на восток, ходили войною до Бёкли-кагана, назад, на запад, ходили войною до Темир-Капыг. Табгачскому кагану отдали своё государство, власть. Тюркский народ
9. так сказал: «Был народ, у которого было государство. Где государство это теперь? Был народ, у которого был собственный каган. Где мой каган? Какому кагану отдаю я (мои) труды и силы?» - так они сказали. Так говоря, стали врагами табгачскому кагану.
10. Став врагом, не сумев противостоять, тюркский народ пал, вновь подчинился табгачам. При этих обстоятельствах тюркский народ не хотел отдавать свои труды и силы. «Лучше погибнем, останемся без потомков», - сказали они. [И] начали идти к гибели. [Тогда] вверху Тенгри тюрков, тюркская священная Земля и Вода
11. так сказали: “Да, не погибнет тюркский народ, пусть будет народ!” Сказав так, Тенгри отца моего Эль-терис-кагана и мать мою Эльбильгекатун, подняв над головой [благославив их], возвысил. Мой отец-каган выступил с семнадцатью воинами.
12. Все, услышав [о том], что за пределами собираются, жители города поднялись в горы, те, кто жил в горах, спустились вниз. Собралось семьдесят воинов. [Так как] Тенгри дал (им) силу, то войско моего отца-кагана было подобно волку, а враги его были подобны овцам. Двигаясь то вперёд, то назад собирал войско, поднимал [народ]. И стало их всего семьсот воинов.
13. Семьсот воинов, собравшись, обустроили народ, народ, утративший государство; народ, потерявший кагана; народ, оставшийся без власти; народ, который превратился в рабов и рабынь, восстановили как во времена власти моих предков. Народы толес [левое крыло], тардуш [правое крыло] были созданы тогда.
14. Тогда дал [титулы] ябгу и шада. Справа, с юга, народ табгач был ему врагом, слева, с севера, народ тогуз-огузов Баз-кагана был врагом. Кыргызы, курыканы, отуз-татары, киданы, татабы – все были врагами. Мой отец-каган столько. . .

15. Сорок семь раз ходил с войском [в поход] и дал двадцать сражений. С благословения Тенгри лишил их государства, оставил каганат без кагана, врагов принудил к миру. Имевших колени заставил преклонить [колени], а имевших головы заставил склонить [головы]. Мой отец-каган, так создав государство, власть,
16. умер. Моему отцу-кагану поставили балбалы во главе с балбалом Базкагана. Каганом стал мой дядя. Став каганом, мой дядя-каган опять поднял, возвысил тюркский народ. Неимущих сделал богатым, малочисленных сделал многочисленным.
17. Когда на престоле сидел мой дядя-каган, я был шадом над народом тардуш. С моим дядей-каганом мы ходили войной на восток до реки Йасыл Шандунской равнины, на запад мы ходили войной до Темир-Капыг. Перевалив Кёгмен, до земли кыргызов мы ходили войной.
18. Всего мы ходили в поход двадцать пять раз, дали тринадцать сражений. Тех, кто имел государство, лишили государства; тех, кто имел каганат, лишили каганства. Имевших колени заставили преклонить, имевших головы заставили склонить. Тюркешский каган был из моих тюрков. Из-за
19. непонимания, из-за ошибок был убит. Беки его, полководцы его тоже убиты. Народ Он-ок испытывал трудности. Чтобы земля, принадлежавшая нашим предкам, не осталась без владельца, объединили немногочисленный народ.
20. Их беком стал Барыс. Титул кагана тогда мы дали, отдали ему в жены мою младшую сестру, княжну. Сам провинился, каган был убит. Народ его стал рабами и рабынями. Чтобы земля, вода Кёгмена не осталась без хозяина, мы, объединив малочисленный народ кыргызов, вернулись. Сразились. Государство
21. снова вернули. Вперед за Кадырканской чернью мы так поселили народ, так обустроили. Назад до Кенгу-Тармана мы так поселили тюркский народ. Так обустроили. В то время наши рабы имели своих рабов, наши рабыни – своих рабынь, младшие братья не узнавали своих старших братьев. Сыновья не узнавали [своих] отцов.
22. Таково было созданное нами государство, такова была установленная нами власть. О! Вы, тюркские, огузские беки народ, слушайте! Если

Тенгри сверху не давило тебя, и земля внизу не разверзлась под тобой, тюркский народ, кто погубит твое государство, твою власть! Объединяйтесь! Тюркский народ,

23. покайся! Перед своим мудрым каганом, возвысившим тебя, за то, что ты был верен, перед своим хорошим государством ты сам провинился, сделал низость. Откуда пришли вооруженные люди и рассеяли тебя? Откуда пришли копьеносцы и увлекли тебя? Ты сам, о народ, ушел к Отюкенской черни. [То] вперёд
24. ходил войском, [то] назад ходил. Что там нашёл хорошего? Кровь твоя бежала (лилась) как вода, кости твои лежали, как горы; твои достойные (сильные) сыновья стали рабами, твои красивые (чистые) дочери стали рабынями. Вследствие твоего непонимания своего блага и вследствие твоей низости мой дядя-каган улетел (умер).
25. В честь моего дяди-кагана я поставил во главе (вереницы камней) балбал кыргызского кагана. Чтобы не исчезло имя и слава тюркского народа, Тенгри, которое возвысило моего отца-кагана и мою мать-катун, Тенгри, дарующий каганам государство, посадило меня самого
26. каганом. Я сел на [царство] над не богатым народом, я сел на [царство] над народом внутри - без пищи, снаружи - без одежды, над народом жалким, слабым. Я переговорил с моим младшим братом Кюль-тегином. Чтобы не исчезло имя и слава народа, добытого отцом и дядею,
27. ради блага тюркского народа я ночью не спал, днём не сидел [без дела]. С моим братом Кюль-тегином и с двумя шадами умирая-погибая (до полного изнеможения) создал государство. Так завоеывая, я не уничтожал огнем и водой присоединившиеся к нам народы (старался ладить с ними мирно). Когда я сел каганом, из всех стран
28. шел народ, ослабевший и бродивший, пеший и нагий, снова пришёл. Чтобы поднять свой народ, я предпринял с большим войском 12 походов налево (на север) против народа огузов, вперед (на восток) против кидан и татабов, направо (на юг) против народа табгач [. . .] и сразился. Потом
29. благодаря милости Тенгри и потому, что был удачлив, везуч, я возродил к жизни погибающий мой народ; одел раздетый народ, бедный народ сделал богатым, малочисленный народ сделал многочисленным. В

государстве, в каганате, потерявшим покой, установил мир. Живущие по четырем углам [сторонам света] народы

30. я принудил к миру, сделал [всех] мирными, невраждебными. Все они подчинились мне, отдали мне силы и труд. Мой младший брат Кюльтегин, создав власть, которая даёт труд и силу, так скончался. В год кончины моего отца-кагана Кюльтегину было семь лет. В десять лет
31. на радость её величества моей матери-катун, подобной Умай, мой младший брат Кюльтегин получил геройское имя (ер). В шестнадцать лет он укрепил государство и власть моего дяди-кагана. Мы пошли войною против шести чубых согдаков, разбили их, [затем] пришло пятидесятитысячное войско, войско табгачского Он-Тутука. Сразились.
32. Кюльтегин разгромил пеших, подчинил предводителей Он-Тутука с вооруженными отрядами. Вооружённых [пленных] передали кагану. То войско там мы уничтожили. [Когда Кюльтегину] было двадцать один год, сразились мы с Чача-Сенуном. В начале он атаковал, сев на серого коня Тадыкын-Чор. Тот конь там
33. пал. Во второй раз (при второй схватке) он сел верхом на серого коня Ышбара-Ямтару. Тот конь там пал. В третий раз атаковал он, сев на гнедого коня с попоной Йегин-Силиг-бека, Тот конь там пал. В его вооружение и в его плащ более, чем сто стрелпопало. Ни одна стрела не попала в лицо, голову [. . .].. . . .
34. Мощь его атак, тюркские беки, хорошо знаете. То войско мы там разбили. После этого Улу-Иркин из Иер-Байырку стал нам врагом. Мы их, рассеяв, разбили на озере Тюрги-Яргун. Улу-Иркин бежал с немногочисленным войском. Когда Кюльтегину было двадцать шесть лет
35. мы выступили против кыргызов. Прокладывая путь через снег глубиною с копьё и, объехав Кёгмэнскую чернь, мы, преследуя кыргызов, разгромили их. С каганом [их] мы сразились в черни Сунга. Кюльтегин, сев на белого жеребца из Байырку,
36. бросился в атаку, одного воина он поразил стрелою, двух воинов одного за другим заколол копьем. В этой атаке сломалось бедро белого жеребца из Байырку. Кыргызского кагана мы убили, народ его подчинили. В том же году мы пошли против тюргешей, объехав Алтунскую чернь,

37. переправясь через реку Иртыш. Тюргешский народ мы разбили, преследуя. Войско тюргешского кагана в Болчу пришло, как огонь и буря. Мы сразились. Кюль-тегин, сев на серого коня Башгу, бросился в атаку. Серый конь Башгу [....]
38. захватили. Двух [врагов] он сам уничтожил. Затем он снова, ворвавшись в ряды врагов, схватил военачальника Аз-Тутука тюргешского кагана. Их кагана мы там убили, народ подчинили. Тюргешский народ покорился. Тот народ мы поселили в Табаре.
39. Говоря: «Устроим народ согдийский, пойдя снова в поход», переправились через реку Йенчу, прошли войском до Темир-Капыг. После этого кара тюргешский народ стал врагом. Двинулись против кенгресов. Кони нашего войска были тощи, корма для них не было, скверные люди [. . .]
40. Мужественные воины на нас напали. В этих обстоятельствах мы отправили небольшое войско Кюль-тегина. Он дал великую битву. Он, сев на белого коня Алып-Шалчы, бросился [в атаку]. Убил многих кара тюргешей, покорил. Снова двигаясь [. ..].

Северная сторона (КТШ 1-14)

1. [. . .] Он сразился с Кушу-Тутуком, его воинов всех перебил, их лагерь, имущество - все без остатка забрал себе. Когда Кюль-тегину было двадцать семь лет, народ карлуков, то подчиняясь, то выходя из подчинения [не повинуюсь], стал нам врагом. Мы сразились на священной вершине Тамаг.
2. В том сражении Кюль-тегину было тридцать лет. Сев на белого коня Алып-Шалчы, бросился в атаку. Двух воинов он, друг за другом заколол копьем. Карлуков убили, покорили. Народ азов стал врагом. Мы сразились при Караколе. Кюль-тегину был тридцать один год. На белом коне Алып-Шалчы
3. он бросился в атаку. Захватил эльтебера азов. Народ азов там был уничтожен. Когда в государстве моего дяди-кагана было волнение, когда появилась у народа вражда, мы сразились с народом изгилей. Кюль-тегин, сев на белого коня Алып-Шалчы,
4. бросился в атаку. Тот конь там пал. Народ изгилей был уничтожен. Народ тогуз-огузов был собственным моим народом. Лишившись милости Тенгри и Земли, стал нам врагом. В один год мы сразились пять раз. Вначале мы сразились в Тогу-балыке

5. Кюль-тегин, сев на белого коня Азмана, бросился в атаку. Шесть воинов он заколол [копьем]. В этой битве он зарубил мечом седьмого. Во второй раз мы сразились с эдизами в Кушлагаке. Кюль-тегин, сев на бурого коня азов (племя), бросившись в атаку, заколол одного воина.
6. Девять воинов он убил, окружив. Народ эдизов там был уничтожен. В третий раз при Болчу мы сразились с огузами. Кюль-тегин, сев на белого коня Азмана, бросился в [атаку], заколол [копьем врагов]. Их войско мы перекололи. Их государство покорили. В четвертый раз мы сразились у вершины горы Чуш.
7. Тюркский народ в конце встретил сильное сопротивление [врагов]. Очень ослабел. Кюль-тегин направил своё войско против передового отряда врага. Мы убили, окружив, десять воинов и одного богатыря из подневольного племени тонгра в священном месте Тона-тегин. В пятый раз мы сразились с огузами в Езгенти -Кадазе. Кюль-тегин
8. сев на бурого коня азов, бросился в атаку. Двух воинов он заколол, но на город не пошел. Войско [врага] там погибло. Перезимовав в Магы-коргане, к лету мы отправили войско против огузов. Кюль-тегина отправили для защиты лагеря. Враждебные нам огузы напали на наш лагерь. Кюль-тегин,
9. сев на белого коня Огсиза, заколол девять врагов. Не отдал орды. Моя мать-катун, мои сводные матери, мои тетки, мои невестки, мои младшие сестры (княжны) – оставшиеся в живых, все вы были бы рабынями, а мёртвые - остались бы на дороге, на родной земле.
10. Если бы не было Кюль-тегина, погибли бы все. Мой младший брат Кюль-тегин скончался. Я скорбел. Зрячие мои глаза ослепли, вещей разум мой словно отупел. Я скорбел, ход времени (судьбу) определяет Тенгри (бог), сыны человеческие все рождены для того чтобы умереть.
11. Так скорбел: слезы, льющиеся из глаз, высохнут, печаль рассеется. Так скорбел. Я крепко, сильно скорбел. Скорбел, что ослепнут от горя оба мои шادا, мои кровные родичи, мои потомки, мои беки и народ. Плачущие и скорбящие пришли киданы и народ татабы во главе с
12. Удар-Сенуном. От кагана табгачей пришел Исьи Ликен; принесли 10 000 драгоценностей, бесчисленное количество золота и серебра. От тибетского кагана пришел Болен. От народов, живущих в странах солнечного заката - согдийцев, берчекер и бухарского народа, пришли Нен-Сенун, Огул-Тархан.
13. От потомков моих Он-ок тюргешского кагана пришли Макрач-тамгачи (хранитель печати) и Огуз Бильге-тамгачи. От кыргызского кагана пришел Тардуш Инанчу-Чор. Приехали строители храма, резчики, создатели камня с надписью и племянник кагана табгачей Чан-Сенун.
14. Кюль-тегин улетел (умер) в год Овцы, в семнадцатый день. Двадцать седьмого девятого месяца мы устроили похороны. Храм, скульптуру, камень с надписью – всё мы освятили в год Обезьяны, в седьмой месяц, в

двадцатый день. Кюль-тегин умер в сорок семь лет. Создателей каменного храма, много резчиков привел Туйгун Елтебер.

Южная сторона(КТ IV. 1-14)

1. Родом от Тенгри, рожденный по милости Тенгри, я, Тюрк Бильгекаган, нынче сел на престол. Речь мою полностью выслушайте [Вы], идущие за мной мои младшие братья, потомки, и [вы], народы подвластные мне; [вы] справа - шады, апа, беки, [вы] слева- тарханы и военачальники,
2. беки отуз-татар, беки и народ тогуз-огуза, эту речь мою хорошенько слушайте и крепко ей внимайте. Впереди, к солнечному восходу; справа, в стране полуденной; назад, к солнечному закату; слева, в стране полуночной – повсюду в этих пределах живущие [находящиеся внутри] народы. Столько народов
3. я объединил. В моей речи нет неправды. [Если] тюркский каган будет сидеть в Отюкенской черни, то у народа не будет печали. Вперед (на восток) я прошел войском до Шандунской равнины. Немного не дошел до моря. Направо (на юг) я воевал до Тогуз-Ерсен. Немного не дошел до Тибета. Назад (на запад), переправясь через реку Инжу, я ходил походом до
4. Темир-Капыг. Налево (на север) я прошел войском до Жер-Байырку. Столько земель я покорил. В Отюкэнской черни не было настоящего владыки. [Именно] Отюкэнская чернь та земля, где нужно было создать [свое] государство. Проживая на этой земле, мы мирно жили с народом табгач.
5. У народа табгач, дающего столь много золота, серебра, спирта, шелка, речь была сладкая, а драгоценности «мягкие» [привлекательные]. Сладкой речью, драгоценностями он [народ табгач] завлекал к себе далеко живущие народы. Те, кто поселились рядом, перенимали у них дурные привычки.
6. Истинно мудрые люди, истинно мужественные люди не поддавались [обману]. Если один человек ошибался, [то тогда] всё поколение его подчинённого народа до колыбели страдало. Обманувшись их сладкой речью, драгоценностями, тюркский народ, ты погиб. Тюркский народ, Тогултенская равнина, находящаяся на юге Чугайской черни, это твои уделы. Если хочешь поселиться, это твоя земля, тюркский народ.
7. Тогда враги так подстрекали: «Кто живет далеко, (тому) дают плохие дары; тому, кто живет близко, дают хорошие дары». Вот так подстрекали. Немудрые люди, поверив этому, поселившись близко, погибли в большом количестве.

8. О, тюркский народ, когда ты идешь в ту сторону, находишься на краю гибели. Когда же ты, находясь в Отюкэнской земле, посылаешь караваны за данью, то у тебя совсем нет горя. Когда ты остаешься в Отюкэнской черни, ты можешь жить, созидавая своё вечное государство. И ты, тюркский народ, бывал то сытым, то голодным. Ты не понимал голода-сытости своей. Насытившись раз, не думал, что можешь быть голодным.
9. Поэтому ты, не слушал своего кагана, который возвысил тебя. Скитался ты везде. Так изнемог, изнурился. Оставшиеся скитались полумёртвые, полуживые. По милости Тенгри и поскольку у меня самого была удача, я стал каганом. Став каганом,
10. я поднял неимущий, бедный мой народ. Бедный народ сделал богатым, малочисленный народ сделал многочисленным. Разве есть неправда в этой моей речи? О, тюркские беки и народ, слушайте меня! Как, объединив тюркский народ, (я) создал государство здесь высек. Как заблуждаясь, вы распались, вырезал также на
11. этом камне. Все, что я хотел сказать, вырезал на этом вечном камне. Тюркские народы, беки! Вы вместе со своим народом (всем лагерем) всегда делаете ошибки (перед) духом трона. Вечный камень (я) поставил. От кагана табгачей пригласил резчиков. [Они] высекли мои слова.
12. Табгачский каган прислал внутренних [дворцовых] резчиков. Им я поручил построить храм с рисунками. Внутри, снаружи я велел покрыть стены красивой резьбой, водрузить камень (памятник). Сокровенные мои слова были высечены. Вы, потомки (народа) он-ок и чужеземцев, видя всё это, знайте: вечный камень
13. я велел воздвигнуть. Эта была священная земля. И сейчас эта земля священна. Здесь, на этой священной земле, я воздвиг этот памятник. Видя это, знайте: этот камень я воздвиг. Эту надпись писавший наставник Йоллык-тегин.
14. [Имущество], принадлежащее Кюль-тегину, золото, серебро, четыре тысячи лошадей и коров, по указанию кагана раздали туйгуны. Бегим-тегин [жена Кюль-тегина]... Да поможет наверху Тенгри... На камне написал Йоллык-тегин. Я писал.

Восточная сторона (КТ.Ш. 1-2)

1. В северной [части юрты] слышался [плач]. Так как младший брат Кюль-тегин отдал свои силы и труды, по традиции тюркской, Бильгекаган на священном месте Кюль-тегину охрану поставил.
2. Дал ему звание (титул) Инанчу апа-тархан, Ярган-тархан. Так сделали.
3. Столь много надписей я, наставник Кюль-тегина, Йоллык-тегин писал. Двадцать дней кропотливо писал на этом камне я, Йоллык-тегин. Скорбящих [своих] потомков, туйгунов (воинов) [вы, Кюль-тегин, заставили] преклониться, поклониться. Да воздаст Тенгри. Будьте вечны в том мире!

Левый угол (КТ. I.41)

Весь письменный текст написал я, Йоллык-тегин – наставник Кюльтегина. Двадцать дней на этом камне, на этом сооружении вырезал я, Йоллык-тегин. Вы покорили и опечаленных потомков, и лучшую гвардию. Улетели. Живите, правьте нами в величии Тенгри (т.е. в ином мире).

Надпись на изваянии черепахи (КТ. V. 1-7)

1. Народ ... []
2. беки, народ... []
3. [...] Кюль-тегин ... []
4. плача и скорбя, писал.
5. Мои глаза... []
6. умрут... []

Памятник Білге-каған

Транскрипция

Западная сторона(БК.І.1-42)

1. Теңriteгтеңrijaratмыш түрүкбилig[eqaγansabym. Qa]нymtүрүкбилig[eqaγan] [bödkeolurtym]. Andaamtyal.../3 әріптің орны бар/ ... [al]tyesir, toqzoyuzidi, edizjerkülügbegleriboduny... /22 әріптің орны бар/... түрүкте[η]ri
2. Üzeqayanolurtym. Olurtuquma ölüteçesisaqynyuma. Tүrүkbeglerbodun [ö]giripsebiniptustymyş közijügerü körti. Bödke özümolurypbunçaayyrtörügtörtbulundaqy [bodunγait]dim. Üzekökteңrias[rajaγyzjerqylyntuqdaekinarakisioγlyqylynmys]
3. Kisioγlynda üzeeçümapambumynqayanIstemiqayanolurmyş. Olurupantүrүkbodunyη, ilintörüsintutabirmis, itibirmis. Törtbuluη qoupjaγyermis. Sü sülepen. Törtbuluηdaqybodunyγ [quupalmyş quupbazqylmys]. Başlyγyγ jükündürmis. Tizligig [sökürtimis. Ilgerü qadyrqanjyşqategi, kerü]
4. Temirqapyγqategiqoondurmys. Ekinaraidioqsyzkööktүrүk [iti] ançaolururermis. Bilige qayan ermis, alp qayan ermis. Bujruqy [jeme] bilige ermis erinč. Alp ermis erinč. Begleri jeme, boduny [jeme tüz ermis. Any] үčün ilig anča tutmyş erinč. Ilig tutup törü[g itmis. Özi anča kergek bolmyş.
5. Joγčy, syγytčy öңre күn toqsyqda bökli çöl[lü]g il, tabγač, түpüt, apar, purum, qyyrqyz, үč quuryqan, otuz tatar, qytaj, tataby bunča bodun kelipen syγtamyş joγlamyş. Anday күlüg qayan ermis. Anda kisre inisi qayan bolmys erinč. Oγlyta qayan bolmyş erinč. Anda [kisre inisi ečisin teg]
6. qylynmaduq erinč. Oγly qaγyn teg qylynmaduq erinč. Biligsiz qayan olurmyş erinč. Jablaq qayan olurmyş erinč. Bujruqy jeme biligsiz ermiş erinč. Jablaq ermis erinč. Begleri boduny tuzsiz үčün tabγač bodun tebligин күrlügin [үčün armaqčy]syn үčün inili [ečili keksürtü]kin үčün begli [bodunlyγ]
7. Joηşurtuqyn үčün түrүk bodun illedük Ilin yčγyn[u y]dmyş. Qayanladuq qayanyn jiterü ydmyş. Tabγač bodunqa beglik ury oγlyn quul qylty. Silik qyyz oγylyn күη qylty. Tүrүk begler түrүk atyn [itti]. Tabγač[γy] begler tabγač [atyn tutupan. Tabγač qayanqa күrmis. Elig jyl]
8. Ičigküčügbirmiş. Ilgerü күntoqsyqqabökliqayanqa [tegi] sülejü birmis. Quuryγarutemirqapyγqategisülejü birmis. Tabγač qayanqailintörüsinaly birmiş. Tүrүkqaraqamaγ bodunančatimis. Ilig bodun [ertim, ilim amty qany? Kimke ilig qazyanurmyn tir ermis]
9. Qayanlyγ bodun ertim. Qayanym qany? Ne qayanqa ičig küčig birürmin?-tir ermiş. Anča tip tabγač qayanqa jaγy bolmyş,. Jaγy bolyp itinü jaratynu umaduq jana ičikmiş. Bunča isig küčüg birtүkerü saqynmaty. Tүrүk bodunyγ ölü[rtejin, uruγsyratajyn tir ermis. Üze
10. Tүrүk teңrisi, yduq jir suby anča etmiş erinč. Tүrүk bodun joq bolmazun

- tijin, bodun bolčun tijin qaňym ilteris qaňanyň, ögüm ilbilige qatunyň teňri töpesinde tutup jügerü kötürti erinč. Qaňym qaňan jeti jegirmi erin taşyq[myš. Tyšra] joryjur tijin kü esidip balyqdaqy taňyqmyš, taýdaqy
11. inmiš. Tirilip jetmiš er bolmyš. Teňri küč birtük üçün qaňym qaňan süsi böri teg ermiš. Jaňy qooj teg ermiš. Ilgerü, quuryňaru sülep itirmiš, qobratmyš qamaňy jeti jüz er bolmyš. Jeti jüz er bolup elsir[emiš, qaňansyramyš bodunyň küňedmiš, quuladmys bodu]nyň türük tö[rüsin yčynmyš].
12. bodunyň ečüm apam törüsinče jaratmyš, boš[ur]myš. Tölis, tarduš bodunyň anda itmiš. Jabıy, šadyň anda birmis. Biri je tabyač bodun jaňy ermiš. Jyryja baz qaňan toquz oňuz bodun jaňy ermiš. Qyy[rqyz, quuryqan, otuz tatar, qytaj, tataby qoup jaňy ermiš,. Qaň]ym qaň[an bunča....bodunyň....] qyrq [artuqy]
13. jiti joly sülemiš. Jigirmi süňüş sü[ňüş]miš. Teňri jarlyqaduq üçün illigig ilsiretmiš. Qaňanlyyyy qaňansyratmyš. Jaňy baz qylmyš. Tizligig sökürmis, bašlyyyy jüküntürmiš. Qaňym qaňan [ilig törüg qazıanyp uča barmyš]. Qaňym [qaňanqa] bašlaju baz qaňanyň balbal tik[miš. Qaňym]
14. qaňan učduqda özüm sekiz jašda qaltym. Ol [t]örüde üze ečim qaňan olurty. Olurupan türük bodunyň jiče itdi, jiče igit[t]i. Čyňajyň baj qylıdy, azyň ükü qylıdy. Ečim qaňan olurtuq(q)a özüm tigin erk [...] ij..[...] teňri jarylqaduq üçün
15. Tört jigirmi jašymqa tarduš bodun üze šad olurty. Ečim qaňan birle ilgerü jašyl ügüz, šanduň jazyqa tegi süledimiz. Quuryňaru temir qapynda tegi süledimiz. Kögmen aša qyyrqyz jeriňe tegi sü[ledimiz]. Qamaňy bis otuz sü[ledim]iz [üč jigermi süňüşdimiz. Illigig ilseretimiz, qaňanlyyyy qaňansyratymyz. Tizligig
16. sökürtimiz, bašlyyyy jükündürtimiz. Türgeš bodun türükim bodunym erti.

Bilmedükin üçün biziñe jañylduqyn jazynduqyn üçün qağany ölti. Buj[ruq]y begleri jeme ölti. Onoq bodun emgek körti. Eçü[miz] apamyz tutmyş jir] sub idisiz qalmazun [tij]in][az bodunyγ itip jaratyp.....bars beg]

17. erti. Qağan atyγ bunda biz birtimiz. Siñilim quunčujuγ birtimiz. Özi jañyldy, qağany ölti. Boduny küñ qul boldy. Kögmen jir sub idisiz qalmazun tijin az qyyrqyz bodunyγ i[tip] jaratyp kelti[miz, süñüşdimiz. . . jana birtimiz. Ilgerü] qadyrqañ jy[šyγ aša] bod[unyγ anča qoondurtymyz. Anča itdimiz. Quuryγaru]

18.kenjü tarbanqa tegi türük bodunyγ anča qoondurtymyz. Anča it[d]imiz. Ol ödke quul quulluγ, küñ küñlüg bolmas erti. Inisi [eč]isin bilmes erti. Oγly qağyn bilmez erti. Anča qazğanmas, anča itmes ilimiz [törümüz erti.

Türükoyuz begleri bo]dun esid! Üze teñri bas[masar asra] jer tilinmeser

19.türük bodun iliñin, törügin kim yrtaty. Udaçy erti. Türük bodun ertin, ökün. Küregüñin üçün igitmis.[Bilige] Qağanyña ermiş, [barmyş. Edgü] eline kendü jañyldyγ Jablaq kigirtüg jaraqlyγ qandan kelip jana ilti. Süñüglig qandan [kelip] süre i[ltdi. Yduq ö[tüken] jyš bodun bardyγ. Ilgerü [baryγma] bardyγ. Quuryγaru

20.baryγma bardyγ. Barduq jerde edgüg ol erinč. Qanyñ ögüzče jügürti.Süñükig tayča jatdy. Beglik ury oγlyñyn quul qyldyγ, silik [qyyz oγlyñyn küñ] qyldyγ. Ol bilmedükigin üçün jablaqyñyn üçün eçim qağan uça bardy. Bašlaju qyyrqyz qağanyγ [balbal tikdim]. Türük bodun aty küsi joq bolmazun tijin qağym qağanyγ

21.ögim qatunyγ kötürügme teñri, il birig[me t]eñri türük bodun aty küsi joq bolmazun tijin özümin ol teñri qağan oluryt[dy erinč. Neñ] jylysyq bodunda üze olurmady. İcre ašsyz, tysra tonsyz jabyz jablaq bodunda [üze olurtym. Inim Kül t]igin eki šad inim Küü[li-çor bir]le sözlešdimiz. Qağymyz

22. ečümiz qazyanmyš bodun aty küsi joq bol[Imazun] tijin türük bodun üçün tün udyradym, kündüz olurmady. Inim Kül t[igin] birle eki šad] birle ölü Jitü qazyandym. Anča qazyanyp ebreki bodunyy ot sub qylmadym. Men[özüm qayan olurtuqyma] jir saju barmys bodun [jadaγyn jalaγyn] ölü jitü [jana]
23. kelti. Bodunyy igidejin tijin jyrγaru oγuz bodun tapa, ilgerü qytaj, tataby bodun tapa birigerü tabγač tapa eki jigirmi [süledim], sünüşdim. Anda kisre tenri jarylqaduq üçün quutym, ülüгим bar üçün ölteči bodunyy tirigru igit(t)im. Jalaγ bodunyy tonluγ qyldym. Čyγaj bodunyy baj qyldym.
24. az bodunyy üküš qyldym. Yγar elligde yγar qayanlyyyyda jig qyldym. Tört buluñdadqy bodunyy quup baz qyldym, jaγysyz qyldym. Quup maña kürti. Jeti jigirmi jašyma tañut tapa süledim. Tañut bodunyy buzdym. Oγylyn ju[tuz]yn, jylqysyn, barymyn anda altym. Sekiz jigirmi jašyma alty šub [soγdaq]
25. tapa süledim. Bodunyy anda buzdym. Tabγač Oñ-tutuq bes tümen sü kelti. Yduq bašda sünüşdim. Ol süg anda jooq qyšdym. Jigirmi jašyma basmyl yduq(q)ut oγušym bodun erti. Arqyš ydmaz tijin süledim. Q...[...].m ičgertim. Qalyñ[yn] ebrü kelürtim. Eki otuz jašyma tabγač
26. tapasüledim. Čačaseñünsekiztümen [sü] birlesünüşdim. Süsinanda ölürtim. Altyotuzjašyma čikbodunqyryqyzbirlejaγyboldy. Kemkeče čik tapasüledim. Örpintesünüşdim. Süsinsančydym. Jetiotuzjašyma qyryqyz tapasüledim. Sünügbatymy
27. qaryγ söküpenkögmenjyšyy toγajo[ryp] qyryqyzbodunyy udabasdymyz. Qayanynbirlesoñajyšdasünüşdim. Qayanyn ölürtim. Ilin anda altym. Ol jylqa türgeš tapa altun jyšyy aša ertis ügüzig keče jory[dym. Türgeš bodunyy] uda basdym. Türgeš qayan süsi otča borča kelti
28. Bolčuda sünüşdimiz. Qayanyn, jabγusyn, šadyn anda ölürtim. Ilin anta altym. Otuz jašyma bes balyq tapa süledim. Alty joly sünüşdim...[...s]üsin quup ölürtim. Anda ičreki ne kiši it(t)i. [idi] joq [bolt]ačy er[ti. . .]kisisi

- bodunyma uqyaly kelti. Bes balyq any üçün ozdy. Otuz artuqy
29. bir jaşyma qarluq bodun buñsyz [er]ür barur erkili jaýy boldy. Tamay yduq başda sünüşdimiz. Qarluq bodunyň ölürtim. Anda altym [...] dym. Basmyl qara [bodun] qarluq bodun tiri[lip kelti sünüşti]m ölürtim. To[quz oý]uz meniň bodunym erti. Teňri jer bulyaqyn üçün ödiňe
30. küni tegdük üçün jaýy boldy. Bir jylqa dört joly sünüşdim. Eň ilki toýu balyqda toýla ögüzüg jüzti keçip. Süsi [kelti]. Ekinti andaryuda sünüşdim. Süsin sančdym [... ü]čünč [čuš başynda sün]üşdim. Türük bodun adaq qamas yt[t]y, jablaq
31. boldačy erti. Oza jaña keligime süsin ayyt(t)ym. Üküs ölteçi anda tirilti. Anda toňra jylpayuty bir oýuşyý toňal tigin joýynda igire toqydym. Törtünč ezgent qadyzda sünüşdim. Süsin anda sančdym. [. . .] jabyr yt[duqta [ölürtim] Otuz artuqy eki] jaşyma Mayy qoryan qyyşladuqda jut boldy. Jazyňa
32. oýuz tapa süledim. Ilki sü taş[yq]myš erti, ekin(t)i sü ebde erti. Üč oýuz süsi basa kelti. Jadaý jabyz boldy tip alyaly kelti. Syňar süsi ebig barqyy julyaly bardy. Syňar süsi sünüşgeli kelti. Biz az ertimiz. Jabyz ertimiz. Oýu...[...t] jay...[...teňri] küč birtük üçün anda sančdym.
33. Jajdym. Teňri jarylqaduq üçün men qazyanduq üçün türk bodun [anča] qazyanmyš erinč. Men iniligü bunča başlaju qazyanmasar türk bodun ölteçi erti, joq boltačy erti. [Türük] begler [bodun anč]a saqynyň, anča biliň. Oýuz bodun [...]d ydmajyn tijin sü[ledim].
34. Ebin barqyn buzdym. Oýuz bodun toquz tatar birle tirilip kelti. Aýuda eki uluy sünüş sünüşdim. Süsin buzdym. Elin anda altym. Anča qazyanyp [altym]. [Teňri]jarylqaduq üçün men otuz artuqy üç [jaşyma bölük jaýy... j]joq erti. Ödsig ötülig küč
- 35.igitmiş. Al[p qayanyňa j]aňyldy. Üze teňri yduq jer sub [eçim qayan quuty taplamady erinč. Toquz oýuz bodun jerin, subyn ydyp tabyačyaru bardu. Tabyač [...]bu jerde kelti. Igidejin tijin saq[yndym...] bodun [...]
- 36.jazuqla [...bi]rije tabyačda aty küsi joq boldy. Bu jerde maňa qul boldy. Men özüm qayan olurtuqym üçün türk bodunyň [jablaq]y qylmadym. [Ilig t]örüg jigdi qazyandym. Yd[uq başda] tirlip j [...]
- 37.[Anda sün]üşdim. Süsin sančdym. İçikigime içikdi. Bodun boldy. Ölügime ölti. Seleňe qoody jorypan. Qarayan qyyşylta ebin barqyn anda buzdym. [...] jyşqa aýdy. Ujyur elteber jüzče erin ilgerü tezip bardy.
- 38.[...]ti. Türük bodun aač erti. Ol jylqyy alyp igit(t)im. Otuz artuqy dört jaşyma oýuz tezip tabyačqa kirti. Ökünip süledim. Suqyn[ym igrip o]ýlyn jutuzyn anda altym. Eki elteberig bod[un...]
- 39.[.....] tataby bodun tabyač qayanqa kürti. Jalabačy edgü saby ötügi kelmez tijin jajyn süledim. Bodunyň anda buzdym. Jylq[ysyn barymyn anda altym....] süsi tirilip kelti. Qadyrqaň jyš qooj jylqa...
- 40.[. tur]yaqyňa jeriňerü, subyňaru qoonty. Birije qarluq bodun tapa süle tip tudun jamtaryy it(t)im. Bardy [sünüşti qarluq] ilteber joq bolmyš. Inisi

bediz(id)tim. J [. . .].

Южная сторона (БК IV. 1-15)

1. Teñri teg teñride bolmyş türük bilige qağan bödke olurtym. Sabymyn tüketi esid. Ulaju ini jegünim, oylanym ebreki oyuşym, b[odunym ilgerü kün]
2. Toıysqyma birigerü kün ortusynaru quuryǵaru kün batysqyyyǵa jyrǵaru tun ortusynaru anda içreki bodun quup maña kürür. [Bunča bodun quup] itdim ol amty jay joq. Türük qağan ötüken jyş olursar ilte buǵ joq. Ilgerü şandun [jazyqa tegi süledim. Talujqa kiçig tegmedim b[irigerü t[oquz
3. Ersenke tegi süledim. Tübütke kiçig tegmedim. Quuryǵaru jinçü ügüz keçe temir qapyǵqa tegi süledim. Jyrǵaru jir bajyrquu jeriǵe tegi süledim. Bunča jirke tegi jorytdym. Ötüken jyşda jig idi joq ermis. Il tutsuq jir ö[tüken jyş ermis. Bu jerde olurup tabyaç bodun birle tüzül[tim]. Altun, kümüs, isig[ti]
4. Quutaj buıysyz anča birür tabyaç bodun saby süçig aǵysy jymşaq ermis. Süçig sabyn jymşaq aǵyn aryp yraq bodunyǵ anča jayutyr. Jayru qoontuqda kisre jay biligin anda üjür ermiş. Edgü bilige kisig, edgü alp kisig jorytmaz ermiş. Bir kisi jaıylsar oyuşy boduny besükiǵe tegi qyytmaz
5. ermiş. Süçig sabyn jymşaq aǵysyǵa arturyp üküş türük bodun öltüg. Türük bodun üleskiǵ. Birije çyǵaj jyş tögültün jazy qoonajyn tiser türük bodun ülesikig. Anda jay kisi anča boşyurur ermiş. Yraq erser jablaq aǵy birür. Jayuqerseredgü ayybirürtipançaboşyururermiş. Bilig
6. bilmez kisi ol sabyǵ aly jorjur ertig. Teñri ilig ol jergerü busar türük bodun ölteçi sen. Ötüken jer oluryp arqyş tirkiş ysar neǵ buıuy joq. Ötüken jyş olursar beıǵü il tuta olurtaçy sen. Türük bodun toq aryqoq sen aaçsynar tosyq ümez sen. Bir todsar aaçsyq ömez sen. Andayynyn üçün iǵitmiş qay[anyyn]
7. sabyn almatyn. Jer saju bardyǵ quup. Anda alqyndyǵ arytyǵ. Anda qalmysyn jer saju quup turu ölü joryjur ertig. Teñri jarylqaduqyn üçün özüim quutym bar üçün qağan olurtym. Qağan oluryp joq çyǵaj bodunyǵ quup qoobyrat[t]ym. Çyǵaj bodunyǵ baj qyldym. Az bodunyǵ üküş qyldym. Bu
8. Sabymda igid baryy. Türük begler bodun buny esidiǵ. Türük bodunyǵ teñri il tutysqynyn bunda urtym. Jaıylp ölisikiǵin jeme bunda urtym. Neǵin sabym erser bir ymaşqa urtym. Aǵar körü billiǵ, türük amty bodun begler! Bödke kürüǵime begler öǵü! Jaıylıdaçy siz. Qaıym
9. qağan, eçim qağan olurtuqynda tört bulundaqy bodunyǵ bunča it[miş], bunča jaratmyş. Teñri jarylqa[duq ü]çün özüim olurtuqyma tör[t b]uluıǵdaqy bo[duınyǵ itdim. Jar]atdym. [.]qyldym. Men türgeş qağanqa qyyzy[myn bertim]. Erteıü uluy törün aly birtim. Türg[eş qaıanyǵ]
10. qyyzyn erteıü uluy törün oıylyma aly birtim[in] Türük qağan [10 әріптің орны бар]r qaıanlyǵ [böd]anča birtim. J¹[18 әріптің орны бар]t ertimin. Tört [buluıǵdaqy bodunyǵ] baz qyldym. Başlyǵyǵ jükündürtim. Tizligig sökürtim. Üze teñri asra jer jarylqaduq üç[ün]

11. közün körmedük, quulqaqyn ešidmedük bodunymyn ilgerü kün toq[syqyña] birgerü [kün ortusyñ]a, quuryǵaru [kün batysqyña jyrǵaru tün ortusyña tegi qoonturtym. Saryǵ altu]nin, örün kümüşin qyryǵalyǵ qutajyn kinlig isigtisin, özlük atyn, adyǵryn, qara kisin,
12. kök tijiñin türükime bodunyma qazyǵanu birtim, iti birtim [. . . elim]in buñsyz qyldym. Üze teñri erkilig [. . . .]b¹[.]anča ermiš [. qylman][.]ün [beg]erig bodun
13. idiigdiñ. Emgetmeñ. Tolyatmañ! Olurtym! türükbegler, türükbodunym [...] ot[uz] tatarerti. Qayǵanym bodqa toǵ[. . .]miz qazyǵanyp balbal [...]tataby bodunyǵ [. . .]y bu qayǵanyñda bu beglerigde jeriñde, subyñda adyrylmasar Türük bodun
14. özün edgü körteçi sen, ebiñe kirteçi sen, buñsyz boldaçy sen! tip [ötüntim. . . . anda] kisre tabyaç qayanda bedizçi qoop kelürtim. Meniñ sabymyn symady. Içreki bedizçig yt(t)y. Añyr taçyǵ, baryq jaratdym. Için, tyçyn adynçyǵ bediz u[rtyrt]ym. [Taš toqytdym köñüldeki s]abymyn [urturtym].
15. On oq oylıña tatyña tegi buny körü biliñ! Beñgü taš toqytdym [.] jerte[. .] toqytdym, bitidim. Bu[ny körüp anča biliñ! ol] taš baryqyn [.]

Восточная сторона [БК III 1-9]
Қытай мәтіннің үстіңгі жағында

1. [. üze [.]
2. Bilige qayǵan uçdy.
3. Jaj bolsar üze te[ñri]
4. köbürgesi eterçe
5. tayda sayun tüser [anča]
6. saqynurmyn qayǵan q[ayǵan]
7. tašyn özüm qayǵan
8. [.]
9. [.]

Перевод текста Бильге-каган
Западная сторона(БК.I.1-42)

1. Вот речь моя Бильге-кагана, родом от Тенгри, сотворенного Тенгри. Отец мой Тюрк Бильге-каган, правил престолом. Тогда ...нынешние шесть тронов [...] ... тогуз-огузы знаменитые беки, народ земли едизов.... [...] Тенгри тюрков.
2. Я воссел каганом. Став каганом, думал об умершем своем дяде. Тюркские беки, народ, восхваляя, радуясь, высоко оценили [меня]. Сев на престол, столь трудную власть установил народам, живущим по четырем углам (по четырем сторонам). Наверху – Тенгри, внизу – бурая Земля, между ними были сотворены сыны человеческие.
3. Миром правили мои предки Бильге-каган, Истеми-каган. Сев на престол, они обустроили тюркский народ, создали государство и власть... [Народы], живущие по четырём углам, [все] были их врагами. Покорив, принудил их к миру. Имеющих головы заставили [их] склонить, имеющих колени заставили [их] преклонить. Вперёд до Кадырканской черни, назад
4. до Темир-Капыг расселили. [Одно время] между ними предводители голубых тюрков жили так свободно. Они были мудрые каганы, они были могучие каганы. [Их] военачальники тоже были мудрыми и мужественными. И беки, и народ были верными. Поэтому так правили государством. Управляя государством, создали власть. Сами каганы умерли.
5. Скорбящие и плачущие пришли из страны солнечного восхода, народ пустыни Бёкли, (а также) табгачи, тибетцы, авары, римляне, кыргызы, уч-куруканы, отыз-татары, киданы, татабы – столько народа пришло, все скорбели и оплакивали. Столь великие были каганы. После них стали каганами их младшие братья, сыновья их стали каганами. Младшие братья не были подобны старшим,
6. сыновья не были подобны отцам, то есть неразумные каганы сели на престол. Слабые каганы сели на престол. И их военачальники также были немудрыми, слабыми. Из-за неверности кагану беков и народа, из-за того, что поверили обману народа табгач и поддались его подстрекательству, из-за вражды между младшими и старшими братьями, из-за отсутствия единства между беками и народом,

7. тюркский народ лишился обустроенного государства. Лишился [своего] царствовавшего кагана. Крепкие (сильные) [твои] сыновья стали рабами, красивые (чистые) [твои] дочери стали рабынями табгачского народа. Тюркские беки утеряли свои тюркские имена. Протабгачские беки приняли титулы табгачей. Подчинились табгачскому кагану. Пятьдесят лет
8. отдавали свои силы и труды. Вперед, на восток, ходили войною до Бёкли- кагана, назад, на запад, ходили войною до Темир-Капыг. Табгачскому кагану отдали государство, власть. Тюркский народ так сказал: «Был народ, у которого было государство. Где моё государство теперь? Для кого я буду приобретать государство?» - так они сказали.
9. Был народ, у которого был собственный каган. Где мой каган? Какому кагану отдам я (мои) труды и силы?» - так они сказали. Так говоря, стали врагами табгачскому кагану. Став врагом, не сумев противостоять, тюркский народ пал, вновь подчинился табгачам. При этих обстоятельствах тюркский народ не хотел отдавать свои труды и силы. «Лучше погибнем, останемся без потомков», - сказали они. [Тогда] вверху
10. Тенгри тюрков, тюркская священная Земля и Вода так сказали: “Да, не погибнет тюркский народ, пусть будет народ!” Сказав так, Тенгри отца моего Эль-терис-кагана и мать мою Эль-бильге-катун, подняв над головой [благославив их], возвысил. Мой отец-каган выступил с семнадцатью воинами. Все, услышав [о том], что за пределами собираются, жители города поднялись в горы, а те, кто жил в горах,
11. спустились вниз. Собралось семьдесят воинов. [Так как] Тенгри дал (им) силу, то войско моего отца-кагана было подобно волку, а враги его были подобны овцам. Двигаясь то вперёд, то назад собирал войско, поднимал [народ]. И стало их семьсот воинов. Семьсот воинов, собравшись, обустроили народ, народ, утративший государство; народ, потерявший кагана; народ, оставшийся без власти; народ, который превратился в рабов и рабынь,
12. восстановили как во времена власти моих предков. Народы толес, тардуш там создали. [Титулы] ябгу и шада дали тогда. Справа, с юга, народ табгач был ему врагом, слева, с севера, Баз-кагана народ тогуз-

огуз был врагом. Кыргызы, курыканы, отуз-татары, киданы, татабы, – все были врагами. Мой отец-каган столько. . . Сорок

13. семь раз ходил с войском [в поход] и дал двадцать сражений. С благословения Тенгри лишил их государства, оставил каганат без кагана, врагов принудил к миру. Имевших колени заставил преклонить [колени], имевших головы заставил склонить [головы]. Мой отец-каган, так создав государство, власть, умер. Моему отцу-кагану поставили балбалы во главе с балбалом Баз-кагана.
14. Когда мой отец-каган умер, мне было восемь лет. На престол сел мой брат-каган. Сев, снова возвысил, снова обустроил тюркский народ. Неимуший стал богатым, немногочисленный стал многочисленным. Во время правления моего брата-кагана, я, по милости Тенгри, был военачальником . . . [. . .]. . . .
15. В четырнадцать лет был шадом над народом тардуш. С моим дядей-каганом мы ходили войной на восток до реки Йашыл Шандунской равнины, на запад мы ходили войной до Темир-Капыг. Перевалив за Кёгмён, до земли кыргызов мы ходили войной. Всего мы ходили в поход двадцать пять раз, дали тринадцать сражений. Тех, кто имел государство, лишили [их] государства; тех, кто имел каганат, лишили каганства. Имевших колени
16. заставили преклонить, имевших головы заставили склонить. Тюргешский народ был из тюрков, из нашего народа. Из-за непонимания, из-за вины, из-за ошибок их каган был убит. Беки, военачальники тоже были убиты. Народ Он-ок испытывал трудности. Чтобы земля, принадлежавшая нашим предкам, не осталась без хозяина, объединили народ азов. Их беком стал Барыс.
17. Титул кагана мы дали тогда. Отдали в жены мою младшую сестру, дочь хана. Сам провинился, каган был убит. Народ его стал рабами и рабынями. Чтобы земля, вода Кёгмена не осталась без хозяина, объединили народ азов, кыргызов. Сразились . . . [. . .].. Государство снова установили. Вперед за Кадырханской чернью мы так поселили, мы так обустроили. На запад, назад,
18. до Кенгу-Тармана мы так поселили тюркский народ. Так обустроили. В то время наши рабы имели своих рабов, наши рабыни - своих

рабынь. Младшие братья не узнавали старших братьев. Сыновья не узнавали отцов. Таково было (необъятное) созданное нами государство [и] власть. О! Вы, тюркские, огузские беки, народ, слушайте! Если бы Тенгри сверху не давило тебя, и земля внизу не разверзлась [под тобой],

19. тюркский народ, кто погубит твоё государство, твою власть! Объединились бы! Тюркский народ, [ты] ошибался, покайся. Благодаря единству, ты создал, [да и] был у тебя мудрый каган. Ты виноват перед государством, ты был в большом заблуждении. Откуда пришли вооруженные люди и рассеяли тебя? Откуда пришли копьеносцы и увлекли тебя? Дошёл до народа священной Отюкенской черни. [То] вперёд ходили войском, [то] назад
20. ходили. Что там было хорошего? Кровь твоя бежала (лилась) рекой, твои кости лежали, как горы. Твои достойные (сильные) сыновья стали рабами, твои красивые (чистые) дочери – рабынями. Вследствие твоего непонимания, вследствие твоей неразборчивости мой дядя-каган улетел (умер). Головным балбалом я поставил балбал кыргызского кагана. Чтобы не исчезло имя и слава тюркского народа Тенгри, который возвысил моего отца-кагана
21. и мою мать-катун; Тенгри, который даровал государство, посадил меня каганом. Я сел на [царство] над не богатым народом, я сел на [царство] над народом внутри – без пищи, снаружи – без одежды, над народом, жалким, слабым. Я посоветовался с моим младшим братом Кюль-тегином, двумя шадами, младшим братом Кулли-чором.
22. Чтобы не исчезло имя и слава народа, добытого отцом и дядей, ради блага тюркского народа, я ночью не спал, днём не сидел. С моим младшим братом Кюль-тегином, с двумя шадами, умирая-погибая (до полного изнеможения) создавал государство. Создав государство, не уничтожал огнём и водой народ (держал в мире и согласии). Когда я сел каганом, со всех сторон народ, ослабевший и бродивший, пеший и нагий, снова
23. пришёл. Чтобы поднять тюркский народ, двенадцать раз ходил войной налево [на север] против огузов, вперед [на восток] против кидан, направо [на юг] против табгачей [...] и сразился. Благодаря милости Тенгри,

благодаря тому, что я был удачливый, везучий возродил погибающий народ; одел голый народ, бедный народ сделал богатым.

24. Малочисленный народ сделал многочисленным. В изнурённом государстве, в изнурённом каганате установил мир. [Многие] народы, живущих по четырем углам [сторонам света] усмирил, установил мир. В семнадцать лет отправился походом против тангутов. Народ тангутов разгромил. Детей, женщин, лошадей, имущество тогда я взял. В восемнадцать лет отправился войной против шестичубых

25. согдаков. Народ их тогда подчинил. Пришло пятидесятитысячное войско табгачского Он-тутука. Сразились при вершине Ыдук. То войско я уничтожил. Когда было мне двадцать лет басмылы, ыдукуты были в моём подчинении. Так как они не послали караван с данью . . . [. . .] . . ., выступил [с войском]. Многочисленный скот доставил к себе в лагерь. В двадцать два года я отправился воевать против

26. табгачей и сразился с восьмидесятитысячным войском Чача-Сенуна. Его войско там разбил. Когда мне было двадцать шесть лет, чик [народ], объединившись с кыргызами, стали мне врагами. Переправившись через реку Кем, я двинулся войском против чиков. Сразился при Орпене. Войско их разгромил. В двадцать семь лет отправился воевать против кыргызов. Пролагая путь

27. через снег, глубиною с копье, обойдя Кёгменскую чернь, преследовали кыргызов [народ]. С их каганом сразился в черни Сонга. Кагана я убил, страну [их] там подчинил. В том же году, перевалив Алтунскую чернь, переправившись через реку Иртыш, я выступил с войском против тюргешей. Я преследовал тюргешей. Войско тюргешского кагана пришло, как огонь и буран.

28. Мы сразились при Болчу. Кагана, его ябгу и шада тогда я убил. Их государство я там покорил. В тридцать лет я выступил с войском на Бесбалык. Шесть раз сразился. Войско победив, подчинил. Тогда все жители Орды сбежали, [хозяин] их наказан . . . [. . .] . . . Их человек пришел с миром. Поэтому Бесбалык процветал. Когда мне был тридцать один

29. год, карлуки [народ], то уходя от нас, то вновь присоединяясь, стали нам врагами. Сразились мы при вершине Тамак-Ыдук. Карлуков [народ] покорили. Подчинили их себе. Народ басмылов вместе с карлуками

пришёл, воевал с нами. Сразился, покорил. Народ тогуз-огузов был моим народом. Впав в немилость,

30. Тенгри, Земли в день мольбы, он стал нашим врагом. В один год четыре раза сражался. В первый раз сражался в городе Тогу. Их войско пришло, переправившись через реку Тугла. Второй раз сражался в Андагуре. Их войско я победил. Взял [их] государство. В третий раз сразились около вершине Чуш. Тюркский народ рассеялся, сильно ослабел.
31. Их передовой отряд разбил. Обессилевшие вновь поднялись. Тогда одну из частей владения Тонра-Иылпагута разбил, окружив в священном месте Тонал-тегина. В четвертый раз я сражался в Езгент-Кадазе. Войско их я разбил. Сразил [копьём.] На Ябур-ытуке уничтожил. Когда мне было тридцать два года, во время зимовки в крепости Магы был сильный джут. Летом
32. я пошел походом против огузов. Половина вражеского войска ушла, чтобы захватить лагерь, храм. [Другая] половина войска пришла сразиться с [нами]. Нас было мало. Были слабы. [...]. Народ огузов стал врагом. Тенгри даровал нам силу, мы и [их] победили.
33. Рассеяли. Благодаря милости Тенгри и [то что] я правил [государством] тюркский народ так приобретал. Если бы я так не руководил, так не приобретал, тюркский народ, ты бы погиб, ты бы исчез. Вы, тюркские беки, народ, подумайте над этим! Знайте это! Выступил с войском, чтобы завоевать народ огузов.
34. [Их] лагерь и храм разгромил. Народ огузов вместе с тогыз-татарами пришли. В Агу дали два великих сражения. Войско их я разбил, [их] народ подчинил. Так их покорил. По милости Тенгри у меня в тридцать три года не было явных врагов. Силе времени
35. всё подвластно. Перед могучим каганом ты виноват. Наверху Тенгри, священные Земля-Вода не были благосклонны к брату-кагану. Народ тогуз-огузов, оставив свои земли, воды, ушёл к табгачам. Народ табгач [. . .] пришел на эту землю. Я думал надо сделать что-то доброе. . . народ. . .
36. Заблуждаясь . . . [. . .]. . . . На юге слава исчезла у табгачей. На этой земле они стали мне рабами. Когда я был каганом, тюркскому народу не было плохо. Я создал хорошее государство и хорошую власть. Собрались на вершине Ыдук . . . [. . .] . . .

7. Дал, могучих воинов убивая и делая их балбалами. Когда мне было пятьдесят лет, татабы подчинились, киданы . . . [. . .]. На горе Тункер
8. Войско во главе Ку-Сенуном из сорока тысяч войнов выступило против нас. Сразились с ними на горе Тункер. Тридцатитысячное войско уничтожил. Один [. . .] будет [.] разбил. Татабы [.]
9. погибли. Мой старший сын от болезни умер, я поставил ему балбал Кун Сенуна. Девятнадцать лет я сидел шадом. Девятнадцать лет был каганом. Правил государством. В тридцать один год [.]
10. Своим тюркам, своему народу сделал много добра. Столь приобретая, отец мой – каган в год Собаки в десятого месяца двадцать шестого числа улетел. Двадцать седьмого числа пятого месяца года Кабана священное место создал.
11. Во главе Ли сун Тай-сенуна пришло пятьсот человек. Принесли много красивой посуды из керамики, [а также] бесчисленное множество золота, серебра. Привезли и посадили на священном месте деревья. Сандаловые деревья посадили сами.
12. Столь много народа порезало себе уши, волосы. Они раздали его личную лошадь, много черных соболей, голубых белок.
13. Вот речь моя, Тюрк Бильге-кагана, родом от Тенгри, сотворенного Тенгри. Когда отец мой, Бильге-каган, был на престоле, теперешние тюркские беки: на западе тардуш-беки, шады, апыги, беки во главе с Кули-чором; на востоке беки во главе толес-беки, апа-тарханы, все
14. шады, апыги, беки, военачальники, Таман тархан, Туй-укук бойла тархан, все военачальники, внутренние военачальники во главе Себик-Куль-еркином – все нынешние беки были равные опорой моего отца-кагана.
15. Он гордился опорой [ими]. Гордясь нынешними беками, народом-опорой, одаривал их. Поэтому тюркские беки, народ, изготовили, привезли, установили скульптуру, священное место отца моего кагана. Мне самому столько . . . [. . .]
16. Надписи Бильге-кагану я, Иолуг-тегин, писал один месяц четыре дня. Орнаменты, рисунки на стенах храма были высечены [резчиками]. [.]

Южная сторона (БК IV. 1-15)

9. Родом от Тенгри, рожденный по милости Тенгри, я, Тюрк Бильге-каган, нынче сел на престол. Речь мою полностью выслушайте [Вы], идущие за мной мои младшие братья, потомки, и [вы], народы подвластные мне; [вы] справа - шады, апа, беки, [вы] слева- тарханы и военачальники, беки отуз-татар, беки и народ тогуз-огуза, эту речь мою хорошенько слушайте и крепко ей внимайте.

2. Впереди, к солнечному восходу; справа, в стране полуденной; назад, к солнечному закату; слева, в стране полуночной – повсюду в этих пределах живущие [находящиеся внутри] народы. Столько народов я всех устроил. В моей речи нет неправды. [Если] тюркский каган будет сидеть в Отюкенской черни, то у народа не будет печали. Вперед (на восток) я прошел войском до Шандунской равнины. Немного не дошел до моря. Направо (на юг) я воевал до Тогуз-Ерсен.
3. Немного не дошел до Тибета. Назад (на запад), переправясь через реку Инжу, я ходил походом до Темир-Капыг. Налево (на север) я прошел войском до Жер-Байырку. Столько земель я покорил. В Отюкэнской черни не было настоящего владыки. [Именно] Отюкэнская чернь та земля, где нужно было создать [своё] государство. Проживая на этой земле, мы мирно жили с народом табгач.
4. У народа табгач, дающего столь много золота, серебра, спирта, шелка, речь была сладкая, а драгоценности «мягкие» [привлекательные]. Сладкой речью, драгоценностями он [народ табгач] завлекал к себе далеко живущие народы. Те, кто поселились рядом, перенимали у них дурные привычки.

люди, истинно мужественные люди не поддавались [обману]. Если один человек ошибался, [то тогда] всё поколение его подчинённого народа до колыбели страдало.
5. Обманувшись их сладкой речью, драгоценностями, тюркский народ, ты погиб. Тюркский народ, Тогултенская равнина, находящаяся на юге Шугайской черни, это твои уделы. Если хочешь поселиться, это твоя земля [удел], тюркский народ. Тогда враги так подстрекали: «Тому, кто живет далеко, дают плохие дары; тому, кто живет близко, дают хорошие дары». Вот так подстрекали.
6. Несведующий человек, поверив словам, поселившись близко к врагу, многие погибли. Если будешь жить там, то, тюркский народ, погибнешь ты. Когда же ты, находясь в Отюкенской земле, посылаешь караваны за данью, то у тебя совсем нет горя. Когда ты остаешься в Отюкенской черни, ты можешь жить, созидавая своё вечное государство. И ты, тюркский народ, бывал то сытым, то голодным. Ты не понимал

голода-сытости своей. А раз насытившись, не думаешь, что можешь быть голодным.

7. Поэтому ты, не слушал своего кагана, который возвысил тебя. Скитался ты везде. Так изнемог, изнурился. Оставшиеся скитались полумёртвые, полуживые. По милости Тенгри и поскольку у меня самого была удача, я стал каганом. Став каганом, я поднял неимущий, бедный мой народ. Бедный народ сделал богатым, малочисленный народ сделал многочисленным.
8. Разве есть неправда в этой моей речи? О, тюркские беки и народ, слушайте меня! Как, объединив тюркский народ, создал государство здесь высек. Как заблуждаясь, вы распадаетесь, - вырезал на этом камне. Все, что я хотел сказать, - вырезал на этом вечном камне. Смотри на него, знайте вы, нынешний тюркский народ, престолопослушные беки. Вы склонны же ошибаться!
9. Когда отец-каган, дядя-каган были на троне, живущие по четырём углам народы они так установили, так обустроили. По милости Тенгри, я сам будучи на престоле, объединил народы, живущие по четырём углам, создал государство. Я отдал кагану тюргешей свою дочь. Ему, равному (достойному), вернул верховную власть.
10. Дочь тюргешского кагана, верховную власть равную (достойную) мне кагана передал своему сыну. Я, тюркский каган...[....]...Дух[трон] каганата так вернул. Народы, живущие по четырём углам, сделал мирными, головы [их] склонил, [их] колени преклонил. Благодаря милости Тенгри сверху, Земли – снизу я
11. Неувиденные, неслыханные [до селе] народы вперёд до востока, назад до запада, вправо до юга, слева до севера обустроил. Желтое золото, белое серебро, красивые шёлка, крепкие напитки, [их] личных лошадей и жеребцов, чёрных соболей,
12. голубых белок – всё это принёс своему тюркскому народу. Сделал его богатым. Сделал народ без печали [счастливым]. Наверху по милости Тенгри [....] так было.....[....] не останься [....] свой народ я
13. доверил. Не страдай, не мучайся, не беспокойся. [На престол] так воссел. Тюркские беки, мой тюркский народ [...] отуз-татары. Мой каган доволен народом. Создав балбал народа татабов [...] Если ты не лишаешься своего кагана, своих беков, земли-воды, тюркский народ
14. ты сам познаешь благо, ты будь счастлив, будь единым, - так я желал. Потом от кагана табгачей пригласил скульптора. Моя просьба не осталась без внимания. Орда направила скульптора. Скульптор храм

- поставил. Внутри и снаружи были высечены орнаменты, рисунки. Поставил из камня памятник. На камне высек сокровенные слова.
15. От потомков Он-ок до татов, вошедших в состав тюркского народа, видя [это] знайте. Вечный камень [...].....на земле [...] поставил. Надпись сделал. Видя это знайте. Тот камень, храм....[...].....

Восточная сторона [БК III 1-9]

Надпись в верхней части китайского текста

1. [...].....]верху [...].....]
2. Бильге-каган улетел.
3. Пусть он продолжает жить наверху.
4. Если поднять тревогу.
5. Если не будет настроения.
6. Буду тосковать по тебе, отец-каган.
7. Камень твой, сам каган
8. [...].....]
9. [...].....]

Надпись на балбале (БК.V)

Каменный балбал Толешского чада.

Пам'ятник Туй-укук (Тоньюкука)

Транскрипция.Первая стела

Западная сторона

1. BiligeTuj-uquqben özüm tabyaç iline qylyndym. Türuk bodun tabyaç qakürürerti.
2. Türuk bodun qanyun bolmajyntabyaça qadyryldy, qanlandy.
Qanyun qooduytabyaça qajanaiçikdi. Teñriançatemiserinç. Qan bertim.
3. Qanyun qooduy piçikdiñ. İçikdük üçün teñri ölütmiserinç. Türuk bodun ölti,
alqyndy, joqboldy. Türuk esir bodun jerinde
4. Bod qalmady. Yda taşda qalmysy quubranyp jeti jüz boldy. Ekii ülügi altyy
erti. Bir ülügi jaday erti. Jeti jüz kiisig
5. Uduzğyma uluğy şad erti. Jay(γ)yl tedi jaymysy ben ertim bilige Tuj-uquq.
Qayany [a] uqysajyn tedim. Saqyndym. Turuq buuqalyy, semiz buuqalyy
yuraqda
6. ebliser. Semiz buuqa, turuq buuqa tejin ebilmiz ermis, tejin ança saqyndym.
Anda kiisre teñri bilig bertük üçün özüm ök qayan qysdym. Bilige Tuj-uquq
bojla baya tarqan
7. birle ileris qayan bolajiyñ. Berije tabyaçyğ, öñre qytajyğ jyraja oğuzyğ uküs ök
ölürti. Bilig esi çab esi ben kürtüm. Çuğaj quzyn, Qara qumuy olurur ertimiz

Левая сторона

8. Kijik jejü tabysyan jejü olurur ertimiz. Bodun boyzy toq erti. Jaymyz tegire
uçuq teq erti, biz şeg ertimiz. Ança olurur erkili, Oğuzdantan körüg kelti.
9. Körüg saby anday:-Toquz oğuz bodun üze qayan olurty, -ter. Tabyaçyaru Quny
señünig ydmys, qytajyaru Toğra semig ydmys sab ança ydmys Az-qyja türuk
bodun
10. joryjur ermis, qayany alp ermis, ajuçysy bilige ermis. Ol eki kisi bar erser,
sini tabyaçyğ ölüртеçi termin. Öñre Qyytajyğ ölüртеçi termin. Bini oğuzyğ
11. ölüртеçi ök termin. Tabyaç beridenjen teg! Qyytaj öñdenjen teg! Ben
jyrdandajan tegejin! Türuk esir bodun jerinte idi jorymazun! Usur idi joq
quysalym
12. termin. Ol sabyğ esidip tün udyşqym kelmedi. Küntüz oluryşqym kelmedi.
Anda ötrü qayanyma ötüntim, ança ötüntim. Tabyaç, oğuz, qyytaj bu üçegü
qabysar
13. qaldaçybiz öziçitysyntut mystegbiz. Jujqaerkilig toplayalyuçuzermis.
Jinçgeerkilig üzgeliuçuz, jujqaqalyn bolsar, toplayalyalpermis. Jinçge

14. joʻonbolsar, üzgilikalpermis. Öñreqyytajda, berijetabyaçda, quryja qurydandajyryjaoyuzdaeki üç byñ sümiz, kelteçimiz, barmune? Anča otüntim.

15. Qaʻanymben özümbilige Tuj-uquq ötüntük ötünçiminesidü berti. Köñlünçeuduztedi. Kök öñügjoʻaru ötügenjyşʻaruuduztym. Ingekkölükün Toyladaoyuzkelti.

16. [süsi üç byñ] ermis. Bizekibyñ ertimiz. Süñüsdimiz. Teñrijarylqady jajdymyz. Ügüzketüsdijajduqjoldajeme ölti ükük. Anda ötrü oʻuz qopynkelti.

17. kelürtim ükük. Türükbodunyy ötügenjerkeben özüm Bilige Tui-uquq ötügenjerigqoonmys, -tejinesidipberijekibodun, quuryjaqy öñireki bodunkelti.

Восточная сторона

18. Eki byñ er[timiz. Eki] sü [boldy]. TÜRÜK bodun q[ylyn]ʻaly türük qaʻan oluryaly sanduñ balyq[q]a taluj ögüzke tegmis joq ermis. Qaʻanyma ötünip sü elitdim

19. Sanduñ balyq[q]a [taluj ögüzke] tegürtim. Üç otuz balyq sydy. Usyn bundatu jurtda jatu qalur erti. Tabyaç qaʻan jayymyz erti. On oq qaʻanyy jaymyz erti.

20. Artuq[y qyryqyz] küç[lüg qaʻan jayym]yz boldy. Ol üç qaʻan öglesip Altun jyş üze qabysalym temis. Anča öglesmis. Öñre türük qaʻanʻaru sülelim temis. Añaru sülemeser, qaç neñ erser ol bizni

21. [qaʻany alp]ermis. Ajyučysy bilige ermis. Qaçan [n]eñ erser ölüртеçi ükük. Üçegün qabysyp sülelim. Esid! Iji uqquysalym temis. Türges qaʻan anča temis: -Beniñ bodunym anda erür temis.

22. TÜRÜK [bodun jeme] bulyanč ol temis, oʻuzy jeme tarqanč ol temis. Ol sabyn esidip tün jeme udusqym kelmez erti, kün jeme olurysqym kelmez erti. Anda saqyndym...

23. [ilki qyryqyz]qa sü[leser jigi er]mis tedim. Köögmen joly bir ermis. Tumus tejin esidip bu jolyn jorysar jaramačy tedim. Jerči tiledim. Čölgi az eri boldym

24. [ö]züm az kisi ermis. [jer]in Any bi[lmez tejin er]mis. Bir at oruquyy ermis. Anyn barmys. Añar ajtyp bir atlyğ barmys tejin. Ol jolyn jorysar unč tedim. Saqyndym. Qaʻanyma

Правая сторона

25. ötüntim. Sü joryytdym. Atlas tedim. Aq termel keče oʻurqalatydy. At üze bintüre qaryy sökdüm. Joq[q]aru at jete jadaʻyn yğaç tutunu ayturtym. Öñreki er

26. joʻurča [ydy]p y bar baš asdymyz. Jobalu intimiz. On tünke jandaqy tuğ ebrü bardymyz. Jerči jer jañlyp boʻuzlandy. Buñadyp qaʻan: -jelü kör, -tedi.

27. Any sub[yğ] bar[alym]. Ol sub qoody bardymyz. Sanayaly túsürtimiz. Atyğ yqa baju ertimiz. Kün jeme tün jeme jelü bardymyz. Qyryqzyy uqa basdymyz

28. [...] süñügin açdymyz. Qany süsi tirilmis. süñüsdimiz, sančydymyz. Qanyñ

- ölürtimiz. Qayanqa qyırqyz bodun içikdi, jükinti, jandymyz. Köögmen jysy ebrü keltimiz.
29. Qyırqyzda jandymyz. Türges qayan anda körüg kelti saby anteg: -Önden qayanaru sü jorylym temis. Jorymasar bizni, qayany alp ermis, ajyuçusy bilige ermis qaç [n]eñ erser
30. bizni ölürteçi [ü]kük temis. Türges qayany tasyqmys tedi. On oq boduny qalyysyz tasyqmys ter. Tabyaç süsi bar ermis. Ol sabyy esidip qayanym ben ebgerü tüsejiin tedi.
31. Qatun joq bolmys erti. Any joylatajyyn tedi sü baryñ tedi. Altun jysda oluruñ tedi. Sü bosy Inal qayan: -tardus sad barzun tedi. Bilige Tuj-uquq[q]a baña ajdy:
32. -Bu süg elt tedi. Qyjyny köñliñçe aj. Ben saña ne ajajyn tedi. Kelir erser kür üklür. Kelmez erser tylyy sabyy aly olur tedi. Altun jysda olurtymyz.
33. Üç körüg kisi kelti. Saby bir. Qayan sü tasyqdy. On oq süsi qalysyz tasyqdy ter. Jarys jazyda tirilelim temis. Ol sabyy esidip qayanaru ol sabyy yt[t]ym. Qanta jan sabyy jana
34. kelti. Oluruñ tijin temis. -Jelme qarayu edgüti uryy, basytma!-temis. Bögü qayan bañaru ança ajdymys. Apa tarqanaru içre sab ydmys. Bilige Tuj-uquq ajy ol, öz ol añlar.
35. Sü jorylym tedeçi. Unamañ! Ol sabyy esidip sü jorytdym. Altun jysy jolsyzyn asdymyz. Ertis ögüzig keçigsizin keçdimiz. Tün qatdymyz. Bolçuqa tañ üntürü tegdimiz.

Вторая стела Западная сторона

- 36(1). Tylyy kelürti. Saby andaγ: Jarys jazyda on tümen sü terilti ter. Ol sabyy esidip begler qoupyñ
- 37(2). "Ajnalym! Aryy ubuty jig", -tedi. "Ben ança termin: Ben bilige Tuj-uquq Altun jysy asa keltimiz, ertis ögüzig
- 38(3). keçe keltimiz. Kelmisi alp tedi, tujmady. Teñri umaj jer sub basa berti erinç. Neke tezerbiz?
- 39(4). Üküs tejin neke qoorquur biz az tejin, ne basynalym? Tegelim tedim. Tegtimiz jajdymyz. Ekinti küün kelti.
- 40(5). Örtçe qyzyp kelti. Sünüsdimiz. Bizinte eki uçy, syñarça artuq erti. Teñri jarylqaduq üçün üküs tejin
- 41(6). qooryqmadymyz, sünüsdimiz. Tardus sad ara udy jajdymyz. Qayanyn tutdymyz. Jabyusyn şadyn²
- 42(7). anda ölürti. Elig eçir tutdymyz. Ol oq ötün bodunyyn² saju yyt[t]y. Ol sabyy esidip on-oq begleri boduny uqup
- 43(8). kelti, jükünti. Keligime beglerin bodunyñ itip ertimiz. Az bodun tezmis erti. On-oq süsin süledim.
- 44(9). Biz jeme süledimiz, any ert[t]imiz. Jinçü ögüzig keçe tinsi oγly jatayma

benlik Ek tayy ertü[rtim].

Правая сторона

- 45(1). Demir qaryyqa tegi irtimiz. Anda janturtymyz inel qayanqa [.]yyqa tezik, toqarysyn
- 46(2). anda suq baslyy soydaq bodun uqup kelti. Ol künte içikti. Türuk bodun temir qaryyqa tinsi ouly
- 47(3). Tinsi ouly jatayma tayqa tegmis. Idi joq ermis. Ol jerte ben bilige Tuj-uquq tegirtük için
- 48(4). saryy altun, örün kümüs, qyyz quuduz igiri tebe ayy bunysyz kelürti. Iiteris qayan bilige es[in için]
- 49(5). Alpyn için tabyaçqa jetti jigirmi süñüsdi. Qyytajqa jetti süñüsdi. Oyuzqa bes süñüsdi. Anda ajyuy
- 50(6). Jeme ben ök ertim. Ajyuyçysy je[me ben] ertim. Iiteris qayanqa türuk böğü qayanqa, türuk bilige qayanqa[.]
- 51(1). Qapayan qayan jetti otuzqa [qayanolurdy]anda [.]erti. Qapayan qayan olurty. Tün udymaty
- 52(2). küüntüz olurmaty. Qyzyl qanym tökti, qara terim jügirti. Isig küçüg bertim ök. Ben özüm uzun jelmeg jeme yt[t]ym
- 53(3). Arquj qyryy ulyardym. Basynyyma jayuqa kelürir ertim. Qayanymyn süledimiz teñri jarylqazu!
- 54(4). Bu türuk bodunqa jaraqlyy jayy keltürmedim. Tögünlig atyy jügürtmedim. Iiteris qayan qazyanmasar
- 55(5). Udu ben özüm qazyanmasar il jeme, bodun jeme joq erteçi erti. Qazyanduqyn için uduy ilim qazyanduqym için
- 56(6). Il jeme il boldy, bodun jeme bodun boldy. Özüm qary boldym, uluy boldym. Neñ jerdeki qayanlyy bodunqa
- 57(7). [.] eb ün etgü bar erser ne buny bar erteçi ermis.
- 58(8). [.] Türuk bilige qayan iline bititdim ben bilige Tuj-uquq.

Левая сторона

- 59(1). Iiteris qayan qazyanmasar joq erti erser ben özüm bilige Tuj-uquq qazyanmasar ben joq ertim erser
- 60(2). Qapayan qayan türuk esir bodun jerinde bod jeme, bodun jeme, kisi jeme idi joq erteçi erti.
- 61(3). Iiteris qayan , bilige Tuj-uquq qazyanduq için Qapayan qayan türuk esir bodun jurty yduq. Bu
- 62(4). Türuk bilige qayan türuk esir boduny, oyuz boduny igidü olurur

Перевод текста Туй-укук

Западная сторона (Туй.І)

1. Я, мудрый Туй-укук, воспитывался в стране табгачей. В те времена тюркский народ был в подчинении у табгачей.

2. У тюркского народа не было своего кагана, от табгачей отделился и обрёл своего кагана. Потеряв своего кагана, вновь подчинился табгачам. Тенгри тогда сказал: «Я дал хана[тебе],
3. лишившись кагана, ты покорился чужим. Из-за подчинения [чужим] Тенгри тебя наказал. Тюркский народ ослабел, обессилел, исчез. На земле тюркского трона не остался дух – хранитель престола.
4. Оставшиеся в лесу, в горах объединились в [отряд] 700 воинов. Всадников было две части, а одна часть была пешей.
5. Во главе семиста воинов стоял шад. «Объединяйтесь!» – сказал он. Тот, кто их объединил, это был я, мудрый Туй-укук. Я думал, советовался со своим каганом. И размышлял: «Он должен понимать, что у него есть и владельцы жирных быков, и владельцы тощих быки [богатые и бедные]».
6. Сможет ли в отдельности различить, где жирный бык, где тощий бык. Так я думал. Поскольку Тенгри даровал мне мудрость, поэтому я сам пришел к согласию со своим всесильным каганом.
7. «Да, я буду Эль-терискаганом [только вместе] с мудрым Туй-укуком Бойла Бага тарханом». Он много уничтожил на юге табгачей, на востоке – кидан, на севере огузов. Я подчинился мудрому оратору [кагану]. Мы обитали на вершинах Чугая, в Каракуме.

Северная сторона (Туй. II.)

8. Мы жили, питаясь косулями, зайцами. Народ был сыт. Враги наши кругом были, как хищные птицы. Мы были [для них подобно] падали. Когда мы вот так жили, от огузов пришел вестник.
9. Слова вестника таковы: «Над народом тогуз-огузов воссел каган», - сказал. Ку-сенуна послал к табгачам, к киданам послал Тона-Сема. С такой речью послал: «Небольшой тюркский народ может совершить
10. набег. Каган [их] могучий, а советник – мудрый. Пока будут эти два человека, то вас, табгачей, они уничтожат – сказал. На востоке они уничтожат кидан», - сказал он. «Нас, огузов,
11. тоже уничтожат, - сказал он. «Табгачи, нападайте с юга, киданы нападайте с востока, я нападу с севера. Пусть на земле тюркского трона не властвуют сами [тюрки]. Вот так их уничтожим», - сказал он.
12. Услышав эти слова, я ночью не спал, днем мне не сиделось. Я посоветовался с каганом. Размышлял так: «Если объединяться эти - трое табгачи, огузы, киданы - ,
13. то мы останемся сами по себе внутри [одни] . Если тонкое станет толстым, то сложить может [его только] сильный
14. Если слабое делается крепким, то разорвать его может [только] сильный. Вперёд к киданам, вправо к табгачам, назад к курданам, влево к огузам сможем ли мы с двумя-тремя тысячами войнами выступить?» Так просил кагана

15. я, мудрый Туй-уук. Мой каган выслушал просьбу мою. Он сказал: «Веди [войско] по собственному разумению». Я повел [войско] вдоль Кёк Онг в сторону Отюкен. По реке Тогле пришли огузы на волах.
16. Войско их состояло из трех тысяч, нас было две тысячи. Сразились. Благодаря милости Тенгри, мы победили. [Они] бросились в реку. [Там] били их. Многие из них по пути преследования погибли. Потом огузы пришли всем миром [подчинились нам].
17. Услышав о том, что я, мудрый Туй-уук, с тюркским каганом, с тюркским народом в Отюкенской земле поселился, пришли к нам южные, западные, северные и восточные народы.

Восточная сторона (Туй.Ш.)

18. Нас было две тысячи. [Это] составило два войска. Со времени сотворения тюркского народа, со времени своего правления тюркского кагана мы не совершали набегов к городу Шандун, к реке Тениз. Согласовав со своим каганом, я двинул войско.
19. Я сделал набег на город Шандун, реку Тениз. Разрушили двадцать три города. Миражи океана оставались позади. Каган народа табгачей был нашим врагом. Каган народа Он-ок был нашим врагом.
20. Сзади кыргызский Кучлуг-каган стал нашим врагом. Эти три кагана, посоветовавшись, так сказали: «Объединимся мы на Алтунской черни». [Они] так решили: «Да, отправимся мы вместе в поход на восток против тюркского кагана. Если мы не выступим против него, то они нас погубят».
21. Каган [их] – могуч, а советник – мудрый, они нас погубят. Слушайте! Нужно единство! Тюргешский каган так сказал: «Мой народ пойдёт».
22. Тюркский народ в смятах, огузы же его находятся в рассеянии», – сказал он. Услышав эти слова, ночью я не спал, днем не находил покоя. Тогда я думал:
23. «Было бы правильно выступить против кыргызов». Дорога на Кёгмэн только одна, и завалена она снегом. Услышав [об] этом, я сказал: «Не годится идти этой дорогой». Я искал проводника, [и] нашел его из степных азов.
24. «Допустим, что я сам из азов. Не знаю местности Ану [реки]. Поедем вдоль Анну. До неё (до Кёгмена) один переход (узкий проход одного) коня. Если идти этим путём, то [это] возможно», - сказал я [и] задумался.

Южная сторона(Туй.IV)

25. Я посоветовался со своим каганом. Я двинул войско. Сказал: «На коней!» Переправившись через Ак-Термел, быстро продвигались. Верхом на лошадях пробили [дорогу] через снег. Ведя коней за повод, на верх [горы] прошли пешком, держась за деревья.

26. По следам прошедших воинов перевалили Ибар-баш. С мучениями спустились. На десятую ночь добрались до лагеря со знаменем. Проводник сбился с пути, был зарезан. Разгневанный каган говорил: «Скачите быстрее!»
27. Мы достигли реки Анасай. Мы шли по берегу этой реки. Чтобы пересчитать [свое войско], мы приказали остановиться. Лошадей привязали к деревьям. [Затем] и днем, и ночью мы быстро скакали. На кыргызов напали внезапно.
28. . . . проложили путь копьями. Хан их и войско собралось. Сразились, закололи. Хана их мы убили. Кыргызский народ покорился нашему кагану, повиновался ему. Мы вернулись обратно, обойдя Кёгмэнскую чернь.
29. Мы от кыргызов вернулись. От тюргешского кагана пришел лазутчик. Слово его таково: «Отправлю войско против кагана [тюркского]. Если мы не отправим войско, то их каган – могуч, советник – мудрый, они
30. нас могут погубить». Тюргешский каган сказал: «Мы поднимемся». Народ Он-ок сказал: «Все до единого поднимемся. Войско табгачей тоже готово». Услышав эти слова, мой каган сказал: «Я отправляюсь в лагерь,
31. жена умерла, хочу совершить в честь нее погребальный обряд, – сказал он. Ты же иди с войском и оставайся в Алтунской черни, – сказал он. Во главе войска пусть будет Инэль- каган и Тардушский шад», – сказал он. А мне, мудрому Туй-укуку, сказал:
32. «Веди это войско. Трудности преодолевай сам. [Вот] что я еще тебе скажу. Если кто присоединится, то прибавится сила, если же никто не придет, то владей». Мы остановились в Алтунской черни.
33. Пришли три лазутчика. Речи их одинаковы: «Тюргешский каган поднял войско, войско народ Он-ок целиком поднялось. Соберемся мы на равнине Ярыс», – говорит лазутчик. Услышав эти слова, я послал их к кагану. От [кагана]
34. пришло ответное слово. Он передал: «Продолжайте сидеть, правильно ставьте сменный караул, чтобы не застали врасплох. Потом Бёгу-каган мне так сказал, апа-таркану послал секретные слова: «Мудрый Туй-укук хитёр, он сам поймет.
35. Если отправить войско, то не соглашайся». Услышав эти слова, я двинул войско. Мы пересекли Алтунскую чернь без дороги, без брода переправились через Иртыш. Ехали всю ночь. Достигли Болчу к утру.

Вторая стела

Западная сторона(Туй.V)

36. Привели лазутчика. Слова его таковы: «В степи Ярыс собралось десять тысяч воинов». Услышав эти слова, беки все сказали:

37. «Возвратимся обратно! Стыд чистых хорош [стыд сильнее смерти]». Я так сказал: «Я, мудрый Туй-укук. Мы пришли, перевалив Алтунскую чернь, переправившись через реку Иртыш.
38. «Тех, кто придёт [посмотрим, какие они] герои», - сказали. Если Тенгри, богиня Умай, священная Земля-Вода] даровали нам победу, зачем нам бежать,
39. говоря, что их много? Почему боимся, говоря, что их много? Зачем мы должны сдаваться? Нападем Мы!» – сказал я. Напали, прогнали врага. На второй день [они]
- 40.пришли, пламенея как пожар. Сразились. По сравнению с нами двакрыла их войска были намного больше. По милости Тенгри, мыне
41. не испугались, говоря, что их много. Мы сразились. Мы вместе с тардушским шадом победили [их]. Кагана [их] захватили, [их] ябгу шادا
42. убили. Мы захватили трон [и] собрали обеспокоенный, испуганный народ. Услышав эти, слова, беки, народ Он-ок, поняв [свою ошибку], пришли,
43. подчинились. Когда я устраивал и собирал пришельцев – беков и народ – народ азов убежал. Я отправил войско Он-ок.
- 44.и мы отправились в поход, преследовали их. Прогнали их, переправляясь через реку Инжу, прогнали за горы Бянглик-Ек, земли династии Тинси.

Южная сторона (Туй.VI)

45. Мы преследовали до Темир-Капыга. Их оттуда вернули. Инэль-кагану ... с тезиками и тохарусунами ...
46. Тогда, поняв, пришёл весь согдийский народ с чалмой на голове. В тот же день они подчинились. Тюркский народ дошёл до Темир-Капыга,
47. до горы – местожительства династии Тинси, где не было хозяина. Услышав, что я, мудрый Туй-укук, достиг той земли,
48. принесли мне бесчисленное множество желтого золота, белого серебра, дев и женщин, двухгорбых верблюдов и других сокровищ. Благодаря [своей] мудрости, мужеству Эль-терис-каган
49. с табгачами сразился 17 раз. Против киданвыступил семь раз, против огузов выступил пять раз. Тогда [и] советником был я, [и] предводителем
50. был я. Эль-терис-кагану, Тюрк Бёгу-кагану, Тюрк Бильге-кагану . . .

Восточная сторона (Туй.VII)

51. Капаган-каган воссел [на престол] в 27 [лет]. Тогда [.....] было. Капаган-каган был у власти. Ночью не спал,

52. днем не сидел. Я проливал свою красную кровь, стекал [лился] мой черный пот, отдавал все труды и силы. В дальние набеги также я сам отправлял.
53. Увеличил [сторожевые] отряды Аркуй и кырги [передовые]. Я сделал так, что враги сами приходили, подчинились. Мы с каганом выступили. Благодаря милости Тенгри,
54. нашему тюркскому народу не навлекал вооруженных врагов также не наводил на нее снаряженную конницу. Если бы Эль-терис-каган не приобретал,
55. следуя за ним, если бы ясам не приобретал, то не было бы ни государства, ни народа. Потому, что он (каган) приобретал, [и] потому, что следом за ним я сам приобретал
56. государство стало государством, народ стал народом. Сам я состарился, возвысился. Если бы в какой-либо земле у народа, имеющего кагана,
- 57.[.....] если бы в стране был бы предводитель [настоящий], тогда какое горе может быть у народа.
- 58.[...]Я, мудрый Туй-укук, приказал написать (это) для народа тюрк Бильге-кагана.

Северная сторона(Туй.VIII)

59. Если бы Эль-терис-каган не приобретал, если его не было, если бы я сам, мудрый Туй-укук, не приобретал; если быменя не было
- 60.на земле Капагана-кагана, на тронной тюркской земле - не было бы ни народа, ни людей, ни властителя.
61. В связи с тем, что приобретали Эль-терис-каган, мудрый Туй-укук, народ Капаган-кагана, тюркского трона священен.
62. Тюрк Бильге-каган возвышает народ тюркского трона, народ престола огузов.

Күүлі-чор

Транскрипция Западная сторона/КЧ. I. 1-12/

1. [.95 см-дегі әріп бұзылған] Kүүл[i-č]огуу çуqan
Ton-uquq aataу bermis. (50 см-дегі әріп бұзылған)
2. [.41см-дегі әріп бұзылған]tduqda bögtürmis. Yuşbara çуqan Kүүлi-çor
bolmys. Čub [je]ri төles :(4 әріп орны бар). . uq(50 см –дегі әріп бұзылған)
3. [. 35 см-дегі әріп өшкен][Qар]ауан qауан elinte ақуғур edgü beñi
körti.Uluу Kүүлi-çor sekiz on jasap joq bol[mys].40 см-дегі әріп өшкен
4. [. . . . 35 см-дегі әріп өшкен]I özlüki boz at erti.Kedim b [21 см] Alру erdemi
anda bökesi. eliñ bodunуñ n¹[42 см-дегі әріп өшкен]
5. [. 32 см-дегі әріп өшкен] asaуғур çoluуғун jaуууtuqda [Kүүлi]-çor [uplaju
tedi]p sançур ölürip оғуғун kicicin bulan[dy. . . . 22 см-дегі әріп өшкен]
6. [. . . . 30 см-дегі әріп өшкен] bolur az elig tutdy. Kerü az (26см-дегі әріп өшкен)
erti. Kүүлi-çor түruk bodun be[gl]er (56м-дегі әріп өшкен)
7. (50 см-дегі әріп өшкен) [Qарауан qa]уануға eliñe. .s¹ (30 см-дегі әріп өшкен)
belgisin ü[čü]n alpyn, erdemин [üčü]n qaz[γ]andy. Qa[γa]ny (23 см-дегі әріп
өшкен)
8. [. . . . (50 см-дегі әріп өшкен)]tür[ük. . . (30 см-дегі әріп өшкен)
. .]l uysbara bilige Kүүлi-çor kisi [4 әріптің орны бар] ebime edük joq
9. [. . . . (82 см-дегі әріп өшкен)] erti. Sünüs bolsar çerig iter erti. Ab ablasar erim
eli tegirti.
- 10.[. . . . (80 см-дегі әріп өшкен)] sançudy. Keçinde tümen süre sünüsdі. Kүүлi-çor
oplaju tegip süsin.
- 11.[. . . . (40 см-дегі әріп өшкен)] yt[t]y. (29 см-дегі әріп өшкен) Bes balyqda tört
sü[ñüs] sünüsdükde Kүүлi-çor oplaju tegip bulajaju
12. [. . . (76 см-дегі әріп өшкен)] [Tab]yaçqa bunça sünüsip alpyn erdemин үçün kü
bunça tutdy.

Восточная сторона (КЧ.ІІ.13-25)

13. [. . . . (100 см-дегі әріп өшкен)] оғуғун k[isisi]n uduz:t¹. .(3 әріптің орны бар)
duqu etdüki jer alduqu

14. [. . . (70 см-дегі әріп өшкен)] [Yšbara bili]ge Kūūli-čor tarduš bodunyū iti aju olurty.
15. [. . . (20 см-дегі әріп өшкен)] qatmys-tajyū özlükin binip op[laju tegi]p üč erig sanšydy. Tū[rgeš bodun][etdükde Kūūli-čor özlüki jigren at binip
16. [. . . (18 см-дегі әріп өшкен)]i anda kerū baryp Jinčü ögüzig keč[e] temir qaryuqa tezikke tegi sülep qazyandy. Toquz oγuzqa jeti sūñūs sūñüsdükde
17. [. . . (15 см-дегі әріп өшкен)] a: tükedi. Qyutaj tata[by] [. .7 әріптің орны бар]dükde bes sūñūs sūñüsdükde Kūūli-čor anča bilige čab esi erti alpy bökesi erti.
18. [. . . (13 см-дегі әріп өшкен)] [Kūūli-čor jeti jašyŋa jigren ölürti. Toquz jasyŋa azyūlyū toγuz ölürti. Qarluq jaγyt[t]uqda tezde sūñüsdükde
19. [. . . (8 см-дегі әріп өшкен)]bili]ge Kūūli-čor anda kisre qarluq[q]a jem[e] sūñüš[dük]de idil aqyn binip oplaju tegip, sanča ydyp at uplu ünti. Jana aγyutp
20. [. . . (10 см-дегі әріп өшкен)]sü sürti. Qarluqyū ičgintükin sančdy. Qarluq tapa [topla]γaly baryp azyn erig jana ebiŋe süsi kigürti. Qarluq atlanty. Anča süsin
21. [. . . (5 см-дегі әріп өшкен)][Qa]rluq jigren ermelig arqasyn syju urty. Qarluq anyn turup (5 әріп орны бар) qay. Elteber özi kelti. Esir irkin oγly, Jigen-čor kelti.
22. [. . . . (18 см-дегі әріп өшкен)]Qarluqyū sa[nčy]γaly süledi. Sūñüsip süsin sančdy. Elin alty. Oγlyn kisisin bulandy. Tay üze yšbara bilige Kūūli-čor
23. [. . . (23 см-дегі әріп өшкен) süske tusu bola[j]yn tedi. Ülügi anča ermis erinč. Jaγyqa jalaŋus oplaju tegip, uplu kirip özi qyysya kergek boldy.
24. [. . . (20 см-дегі әріп өшкен)]Qayan inisi erčor tegin kelip ulaju tort tegin yšbara bilige Kūūli- čoryū joγlat[t]y. Bedizin bedizti, oluryt[t]y.
25. [. . . (100 см-дегі әріп өшкен)]in bu [.]m qazyandy. Artuq jylqyū igit[t]i.

26. [. . . (90 см-дегі әріп өшкен)] K: tegin kelti. Tar[duš] Kūūli-čoryŋ oŋly Jigen-čor
kelti.

27. [. . . (98 см-дегі әріп өшкен). . .an]yn ücün bunča bodun qooburap joŋlady.
Bentir begim²³

28. [. . . . (98 см-дегі әріп өшкен)]ebilmiz, belgümin²⁴ bitükimin²⁵, ödükemin.
Bunča bitig bitidim

Надпись внизу

Kūūli-čor

bitig

bitidim.

Перевод текста Кули-чор

Западная сторона (КЧ.І. 1-12)

1. [. . . .] Куули-чору присвоен титул чыкан Туй-укук.
2. [. . . .] покорил. Был присвоен титул Ышбара чыкан Куули-чор. [. . . .]
земля Чуб. Толесу.
3. [. . . .] В государстве Капаган-кагана меня уважали и возвышали.
Великого Куули-чора не стало [когда было]восемьдесят лет.
4. Была у него личная серая лошадь. Попона [. . . .]. Велик, возвысился,
дух трона [поддержал] [. . .] государство, народ.
5. Воины вышли на облавную охоту [асар] и напали на Куули-чора.
Куули-чор сразился с ними, их детей, жен взял в наложники [. . . .].
6. [. . . .] народ азов завоевал. Народ азов на западе покорил. Куули-чор
тюркский народ, и их беков [. . . .]
7. Капаган-кагану, его стране [. . . .] для священного трона, приобретая
обладал величием поступков (дел), величием мужества. Их каган.
8. [. . . .] тюркский [. . .] Ышбара мудрый Куули-чор [. . . .][не только в
своем лагере (курене) известен был].
9. [. . . .] был. Если будет брань, то выступит все войско, если будет
охота, то все мужчины выйдут на охоту.
10. Пронзил. Вечером (в тот же вечер) десятитысячное войско сразилось.
Куули-чор ринулся в атаку.

11. [. . . .] послал войско. При четырех сражениях в Беш-балыке Куули-чор окончательно разбил врага.
12. Так, сражаясь с табгачами, во имя славы, во имя возвышения себя, столько сделал великого.

Восточная сторона (Кч. II. 13-25)

13. [. . .] Собрав детей и жену . . . [. . .] искал землю для поселения, для обустройства.
14. [. . .] мудрый Ышбара Куули-чор сел на трон тардушского народа, отдавая им повеления (приказы).
15. [. . .] Оседлав своего коня Катмыс-тая, бросился в атаку, сразил копьем трех воинов. [.].
16. [. . . .] Затем, отойдя назад, переправясь через реку Инжу, сражаясь, приобрёл до Темир-Капыг, до тезиков. Когда семь раз выступили против тогуз-огузов.
17. [. . . .] (и) покончил с ними. Киданы, татабы [. . .] когда 5 раз сразился, мудрым советником, мужественным вдохновителем был Куули-чор
18. [. . . .] Куули-чор в 7 лет убил джейрана, в 9 лет убил свирепого кабана. Когда напали карлуки, сражались в Тезе. . . .
19. Когда сразились с карлуками, мудрый Куули-чор, оседлав белого коня племени Едиль, убивал круша в атаке, пронзая копьем. Конь его пал. Снова сражаясь, возглавил войско.
20. Карлуков, оказавшихся внутри войска, заколол копьем. Собрав карлуков, немногих людей снова завёл в лагерь. Карлуки на лошадях бежали. Столько войска . . .
21. Он в погоне за вождем карлуков проткнул копьем спину его коня гнедого. Так Карлуки подчинились. Их эльтебер сам пришел, сын Иркин-Есира Йиген-чор пришел.
22. [. . .] отправился покорять карлуков. Сражаясь, победил их воинов. Покорил [их государство]. Взяли сына вождя, жену. Находясь на горе, мудрый Ышбара Куули-чор сказал:
23. «Буду помогать воинам». Видимо, такова судьба его. Войдя в бой безоружным [букв. голым] он погиб.
24. [. . . .] Пришёл Ер-чор-тегин, младший брат кагана с четырьмя братьями, похоронил мудрого Ышбара Куули-чора. Сделали надпись. Установили.

25.[. . . .] взяли во владение. Лошадей [его] раздали народу.

Южная сторона (КЧ.Ш. 26-29)

[.] Пришёл К-тегин. Пришёл Йиген-чор, сын тардуша Куули-чора.

[.] Столько народа пришло на его погребение. Бентир-бегим.

[.] Памятник, скульптуру подготовил, такую надпись сделал я.

Надпись внизу

Я сделал надпись на памятнике Куули-чора.

ШАЙМЕРДИНОВА НУРИЛА ГАББАСОВНА

**Древнетюркская картина мира в текстах
письменных памятников**

**Типография ЕНУ им.Л.Гумилева и редакционный состав не несут
ответственности за содержание**

Тираж 300

Формат 60x84 1/16. Объем 19,25. усл.п.л.

Бумага офсетная. Шрифт "Times Тег Roman".

Заказ № 427

Отпечатано в типографии ЕНУ им.Л.Гумилева

г.Астана, 010008, ул Кажымукана, 13